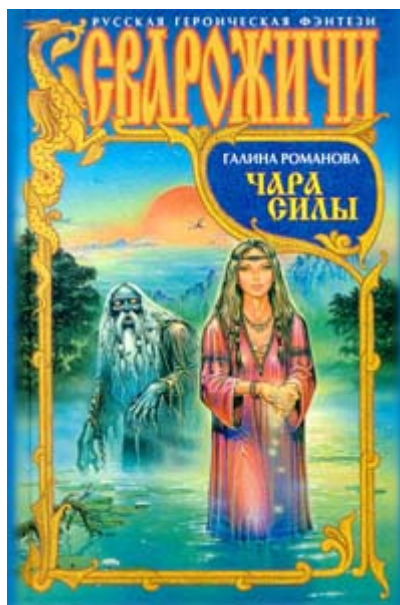

Галина Львовна Романова

Чара силы

Сварожичи – 2

«Романова Г. Л. Чара силы»: Армада; Москва; 1997
ISBN 5-7632-0529-4

Аннотация

В основе второго романа фантастической пенталогии Г. Романовой «Сварожичи» — противостояние двух героев, олицетворяющих собой доброе и злое начало, — Дажда Сварожича и Кощея. Последнему предсказано, что он погибнет от руки сына Дажда. Но жена витязя — чародейка Марена — бесплодна. Кощей преследует отважного Сварожича, не зная, откуда ожидать своей гибели.

Галина Владимировна Романова

Чара силы

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Холодный осенний ветер простуженно свистел в скалах и, налетая с вершин, толкал в бок высокого, худощавого, нескладного юношу, пробиравшегося по камням вдоль берега моря. Совсем рядом, чуть ниже, пенные валы остервенело бились лбами в голый, неприютный берег, а над ним неподвижно замерли отшлифованные ураганами горы. Несколько случайно уцепившихся корнями кустов ветер мотал и рвал так, что становилось страшно за юношу, который с отчаянным безразличием шел наперекор буре, рискуя быть сброшенным в бушующее море.

Юноша выглядел усталым и измученным — такие походы были ему в новинку. Он то и дело приостанавливался, тяжело опираясь о камни дрожащими ладонями и хрипло дыша широко раскрытым ртом.

На вид беглецу — ибо он то и дело оглядывался, будто опасался погони, — было не больше семнадцати — восемнадцати лет, но он был так тощ и нескладен, что мог быть равно

и моложе и старше означенного возраста. Узкое лицо покраснелось, и на фоне сухой болезненной кожи неестественно ярко выделялись длинные, мягкие, белесые волосы, собранные на затылке в косицу.

Его отороченная мехом одежда с богатым шитьем и щегольские сапожки мало подходили для долгого пути. Да и за плечами его висел совсем тощий мешок, но одного взгляда на решительное лицо юноши хватало, чтобы понять — он твердо избрал свой путь и не свернет с него ни за что.

Было отчего бежать из родного дома в холод осени, в мир, где его никто не ждет! Поздний ребенок, он с рождения знал, что на него возлагали особые надежды. Родители думали, что он повторит путь старшего брата, но мальчик рос болезненным и хилым и больше времени сидел у огня, словно старик, нежели бегал по двору, играя со своими сверстниками. Многочисленная родня недолюбливала его, и, устав терпеть их насмешки и придирки матери, он собрал свои нехитрые пожитки и ушел из дома. Ушел так далеко, что сама мысль о возвращении казалась дикой — он не смог бы найти дорогу назад.

Оставалось одно — идти вперед. Так и забрел он в эти горы, о которых никогда не слышал.

Пробираясь берегом бушующего моря, беглец не поднимал головы, а потому не заметил на вершине одной из скал мощный старый дуб. Ветер срывал с его корявых сучьев последние листья, а вокруг ствола исполина была обмотана огромная шкура, на которой темнели странные письмена.

Скалы раздвинулись, открывая вход в неглубокое ущелье — был отлив, и море ушло отсюда, обнажив гладкие камни и клочья водорослей. В ямках соленой воды что-то шевелилось.

Юноша свернул туда, удаляясь от кромки моря и прибрежных скал.

— Ну и пусть, — подбадривал он себя негромким шепотом. — И ушел! И что из того... Вот теперь-то вы поймете! — И глаза его сузились в две светлые, серо-водянистого цвета, щелочки.

Под ногами хрустнула галька. Обходя огромный валун, обточенный морем лишь снизу, юноша не сразу обратил внимание на странный глубокий звук, донесшийся из-под камня. Казалось, он вздохнул.

Занятый своими мыслями юноша прошел было мимо, но звук повторился гораздо громче и резче. Под землей что-то дрогнуло. Юноша замер.

— Кто тут? — воскликнул он, торопливо выхватывая из-за пояса нож с красивой рукоятью.

Ему отозвалась сама земля, и легкий пар поднялся из-под камня.

— Подойди-ка ближе, путник, — прогудел низкий голос.

Юноша приблизился к камню.

— Кто ты? — спросил он.

— Змей, — донеслось из земли, и облачко пара снова взлетело в воздух. — А ты? Судя по голосу, ты молод...

— Кощеем звать, — ответил юноша и ни с того ни с сего добавил: — Кощеем Виевичем...

Под землей заворочалось мощное тело — слышно было, как когти скребут землю.

— Виевичем? — с интересом переспросил невидимый Змей. — Не сын ли Вия Змеевича?

Юноша потупился, мрачняя.

— Сын, меньшей, — выдавил он с неохотой. — Только я им никто теперь! — выпалил он сердито. — Они сами по себе — я сам по себе!

Змей, казалось, не расслышал его последних слов. Он с усилием перевернулся в земле и гулко стукнулся головой о камень, ругаясь от боли.

— Слушай, Кощеюшка! — окликнул он юношу. — Уж ты бы помог мне отсюда выбраться, а я тебе зла не сделаю, не сомневайся! Мы ведь с тобой по отцу родня — я брата

твоего старшего, Святогора Виевича, знавал когда-то... Помог бы по-родственному!

Кощей угрюмо нахмурился.

— Семья меня извергла, сказали: слаб я и не надежда для родителей, — объяснил он коротко. — Нет у меня теперь родни.

— А я и не набиваюсь, — заторопился Змей. — Мне что — мне все равно... Или ты меня опасаясь? Не бойсь — не трону, коль ты ко мне с добром! Авось еще и помогу чем, отслужу честно!

Голос его звучал вполне искренне, и Кощей подошел ближе.

— Я бы рад помочь тебе, — виновато объяснил он, — да чем?

Змей заворочался в глубине, натужно пыхтя. Парок над щелью стал гуще, словно внутри что-то дымилось.

— Да всего делов-то — камешек, что мне выход загораживает, в сторонку откатить, — весело объявил он. — Хоть щель какую ни на есть сделай — а уж там я сам как-нибудь...

Кощей отступил, оглядывая камень. Валун был высотой в три его роста, не меньше. Человек восемь только и могли бы его обхватить. По всему было видно, что когда-то камень был на совесть вдавлен в землю какой-то неведомой силой.

— Рад бы, да сил таких у меня нет, — ответил Кощей, подумав. — Его никто с места не сдвинет...

— В прежние времена я бы его одной лапой сковырнул, — прогудел под землей Змей. — Да только пока подкопы рыл, всю силу поистратил. Во мне сила от воды, а здесь ее ни капли нет — уж скоро два десятка лет, как сижу взаперти!

— Так ты пить хочешь? — Кощей почему-то обрадовался, услышав про воду. — Пить?

Змей рывкнул согласно, но юноша его уже не слышал, скидывая мешок с плеча. Судя по всему, добежав до уреза воды, он уже знал, что делать. Прилив должен был начаться еще не скоро — вечером. Он бы хлынул в ущелье, окружив волной камень; но под него наверняка не просочится ни капли. Надо было помочь воде проникнуть внутрь.

Обойдя валун кругом, Кощей выбрал место, где от дыхания Черного Змея пар поднимался сильнее. Здесь он и стал копать, отбрасывая камни в сторону.

На поверхности был и слежавшийся песок, и галька, но ниже пошла почти спекшаяся глина, в которой и приходилось рыть ход. Скрипя зубами от натуги, Кощей выворачивал камни, откатывая их в сторону. Словно нарочно, они становились все крупнее и крупнее, с ними приходилось возиться подолгу, но яма все углублялась, постепенно продвигаясь под валун.

Змей притих как мертвый — даже струйка пара почти иссякла, — внимательно прислушиваясь к работе Кощея, и когда тот, обессилевший, покрасневший, привалился спиной к груде вывороченных камней, Змей спросил:

— Что ты там делаешь?

Кощей прикрыл глаза — под веками прыгали разноцветные пятна.

— Сейчас... — прошептал он, почти не слыша своего голоса. — Сейчас ты напьешься...

— Иди-ка сюда, — позвал его Змей.

Юноша с усилием перевалился на бок и на локтях подтянулся, сползая в яму — он мог бы уместиться в ней целиком.

— Устал? — спросил Змей.

Кощей не ответил — только кивнул.

— Наклонись-ка к щели, — посоветовал Змей. — Ты мне помочь пытаешься — теперь мой черед!

Юноша прижался лбом к камню над тем местом, где поднимался пар. Он не понимал, зачем Змею это надо, но холодный камень остудил его пылающий лоб. Он ясно услышал, как Змей подошел ближе, дунув в щель.

Волна пахнущего зубной гнилью пара окутала Кощея с ног до головы. Он закашлялся, закрываясь рукой, и попробовал вырваться из едкого облака, но был вынужден вдохнуть еще

раз, другой...

Видно, что-то было такое в дыхании Змея, потому что, прокашлявшись, Кощей почувствовал, что усталость как рукой сняло. В теле бродили новые, до сей поры спящие силы. Хотелось ломать деревья, выворачивать из земли камни — даже сражаться и проливать кровь!

Вскочив, юноша схватился за один из камней и почувствовал, что тот поддается. Руки, правда, скользили по измазаным глиной бокам камня, но все же он вырвался из земли. Отбросив его прочь, Кощей взялся за второй...

Он работал с упоением до тех пор, пока сзади не послышался мерный шорох. Выдернув последний камень, юноша обернулся.

По ущелью шла вода. Отлив был большим, и прилив оказался ему под стать. Волны торопились, словно знали, что здесь что-то случилось в их отсутствие. Прежде чем Кощей успел уйти, вода нахлынула на его ноги и устремила в яму.

— Пей! Пей! — закричал юноша и, уронив камень, бросился наверх — он всегда боялся воды, потому что не умел плавать.

Он цеплялся изо всех сил, а сзади слышался глухой рокот прибывающей воды, к которому примешивался новый звук — торопливое, захлебывающееся чавканье и чмокание. Змей пил.

Взобравшись на плоский уступ, Кощей распластался на нем, крепче хватаясь за опору. Силы вдруг оставили его, и он не знал, что будет делать, если вода поднимется сюда.

Чавканье и бульканье прекратились, и тут же донесся утробный довольный рев, от которого у юноши заложило уши. Казалось, заревели и скалы вокруг. Валун, из-под которого звучал рев, покачнулся, сдвинутый с места мощным толчком.

Змею приходилось преодолевать не только его тяжесть, но и сопротивление воды, но после очередного толчка вода колыхнулась и на ее поверхность с гулким бульканьем всплыл огромный пузырь воздуха. Он лопнул, выбросив волну гнилого запаха, а вода с журчанием устремила вниз, сворачиваясь в огромную воронку. Подхваченные течением, в ней крутились комья земли, водоросли, мелькнул мешок Кощей. Камень медленно приподнимался, а вода стремительно падала и падала в невидимую Кощей дыру. Казалось, она будет течь туда, пока не иссякнет море.

Постепенно напор воды стал уменьшаться. К тому времени на горы опустился вечер, и в ущелье сгустилась тьма. Кощей добросовестно пялил глаза на темную массу взбесившейся воды, но потом отвернулся, зажмурившись, и только прислушивался к ее шуму.

Скрежет когтей по камням заставил его открыть глаза. Вода по-прежнему лилась в яму, но какая-то темная масса с усилием перевалилась через край. Сверху казалось, что это огромная гусеница с короткими кривыми лапами и уродливыми наростами на большой голове выползает из ямы, колыхаясь на волнах жирным телом. Огромная тварь вырвалась из щели и небрежным движением толкнула валун. Свороченный набок, он упал назад и закупорил дыру. Последняя волна толкнулась в его шершавый бок и обиженно откатилась назад.

Темная туша вцепилась в камни ущелья, пережидая волнение обманутой воды. Хвост ее бился по волнам, а голова плашмя лежала на валуне шагах в тридцати от Кощей. Юноша боялсядохнуть лишний раз, оцепенело глядя на Змея.

Тот не открывал глаза, пока вода не успокоилась окончательно. Спустилась ночь, и в разрывах облаков показались робкие звезды. Смирившаяся вода хладно и тихо блестела в их сиянии.

Черный Змей зашевелился, открывая мерцающие глаза. Их было четыре — или Кощей так показалось с перепугу? Рога, щупальца и отростки на голове зашевелились, когда он поднял голову и осмотрелся. Юноша лежал на валуне не шевелясь. Липкий страх, переходящий в ужас, пополз по телу, когда глаза Змея наконец нашли его.

Змей его видел или же чуял в темноте, как волк добычу.

— Иди-ка сюда, — негромко позвал он, не раскрывая пасти. — Я посмотрю на тебя...

Юноша окаменел. Сейчас ему было проще ринуться в воду и утонуть, но вместо этого он приподнялся и заковылял к Змею на негнущихся ногах.

Змей наблюдал за ним не без интереса и почувствовал его страх.

— Боишься меня? — спросил он и, как бы отвечая самому себе, кивнул головой. — Я же сказал — своих не трогаем! Дети Вия мне родня... Дай-ка я гляну на тебя получше... Повернись!

Остановившийся перед тупой мордой Кощей покорно повернулся сперва одним боком, — потом другим. Глаза Змея пристально ощупывали его тощую нескладную фигуру.

— М-да, — наконец изрек Змей, облизывая морду длинным языком. — Не скажешь, что Святогор Виевич — твой братец старшенький!

— Оставь! — отмахнулся Кощей. — Дома надоело! Мне Святогором мать и отец все уши прожужжали, а он помер давно! Они хотели, чтоб я на него походить стал... — Он сердито сплюнул.

— А я разве сравниваю? — искренне удивился Змей. — Я так просто — никого из семьи вашей не видал, вот и разговорился с отвычки... Не держи зла на родича! Скажи-ка мне лучше — чего ты хочешь?

— Мир покорить! — не задумываясь, выпалил Кощей.

Жирная туша Змея заколыхалась, придвигаясь вплотную. Опять пахло гнилью.

— Ми-ир? — переспросил Змей. — А который тебе год, внучек?

— Восемнадцатый, — обиделся Кощей.

Змей негромко рассмеялся, глядя на узкое лицо юноши. Морщинистая нездоровая кожа старила его, но порывистые движения и звук голоса выдавали его возраст — внимательного наблюдателя не обманул бы неожиданно белый цвет волос.

— Мне это нравится, — весело заявил Змей. — Не думал я о таком. Что, прямо так сразу, погодить не хочешь?.. Что ж, если мы с тобой...

— Нет, — решительно прервал Змея Кощей. — За помощь благодарю, а только я сам все сделаю. Мне чужих советов не надобно!

— Эх, молодо-зелено. — Змей совершенно по-человечески подпер морду лапой. — Слушай меня, внучек, что скажу... Вон там, в горах, в те поры, как ты в колыбели качался, жил один такой... Скипером прозывался... Тоже хотел весь мир покорить в одиночку, только ничего хорошего из этого не вышло. Я у него в охранниках был, да вот где оказался — кабы не ты, сидеть мне под этим камнем до скончания века. Но раз ты мне помог, послушай совета. В одиночку ты ничего не сделаешь, да еще такой... малохольный, а у меня в Пекле сила осталась — силенка, вправду сказать, малая, но на первый шаг тебе хватит. Невелика сила, — Змей придвинулся ближе, налезая на Кощею жирной тушей, — всего-то сотня-другая тварей-нежити. Моя личная гвардия! Сам учил, сам натаскивал! Разыщи их — что бы ни случилось, а не могли они просто так сгинуть! Бродят где-нибудь. Сумеешь их укротить — они тебе полмира покорят, а на остальное своих сил сыщешь!

Кощей слушал Змея с открытым ртом: подумать только — у него может быть целое войско! Он никогда никем не повелевал, кроме рабов отца, а теперь сможет раздавать приказы — какие захочет!.. Но потом он призадумался и промолвил:

— За совет благодарствуй, Змей, да боюсь, не совладать мне с твоей гвардией-то — сил в себе не чую.

Змей свысока оглядел поникшего парня и довольно заурчал.

— Ну так иди, что ль, поближе, — позвал он.

Кощей и так стоял под самой мордой Змея, но сделал еще шаг.

Змей словно того и ждал. Он навис над Кощеем, словно желал его раздавить. Длинный гибкий язык вывалился из пасти и основательно облизал парня с ног до головы: сперва лицо и шею, потом тело, прилепив рубаху к худой груди, руки, ноги и напоследок, еще раз, голову. Кощей молча терпел, только жмурился и отворачивался, оберегая глаза.

Закончив процедуру, Змей склонил голову набок, осматривая мокрого Кощею.

— Ну, как теперь чувствуешь себя? — спросил он. — Силенок не прибыло?

Кощей неуверенно прислушался к себе. Исчезла ломота в руках и ногах, не кружилась больше на высоте голова, но в остальном перемены не чувствовалось.

Змей заметил его колебания.

— Ты оценишь помощь мою, как придет пора власть свою доказывать, — назидательно промолвил он. — Никакая нежить с тобой спорить не станет — враз учует силу и признает тебя за хозяина, только успевай приказывать, потому как на тебе мои знак и запах!

— Что ж, и за этот дар прими мою благодарность, — кивнул Кощей. — А теперь скажи, куда мне идти, чтоб долго не плутать?

— Да ты чего? Никак, сразу отправляешься? — ахнул Змей.

— А то нет?

Змей потоптался на месте.

— Иди туда, — указал он хвостом в глубь гор. — Не заблудишься. А коль заплутаешь, спроси у кого хошь дорогу на Белую гору. У ее подножия вход в Пекло. Здесь недалеко — с рассвета до обеда весь путь... А может, все-таки передумаешь? Пойдем вместе?

— Нет, — отмахнулся Кощей и, прекращая разговор, пошел в указанном направлении.

Через десять шагов он совершенно растворился в ночной темноте. Только шум его шагов еще некоторое время отдавался в ущелье.

Змей прислушивался, пока звук этот не слился с далеким шорохом прибоя. Тогда он гулко вздохнул и полез ближе к воде — дожидаться утра, чтобы хорошенько поразмыслить, куда лететь. Теперь он принадлежал сам себе и желал поразвлечься.

* * *

Кощей карабкался по скалам. Он не раз уже корил себя за то, что не послушался Змея и не дождался утра — в темноте сорваться со скалы было проще простого. Приходилось руками выверять крепость чуть ли не каждого камешка под ногами, расшатывать, прежде чем рискнуть наступить. Несколько раз предательские ступени рушились, едва не увлекая его за собой. Прижимаясь всем телом к скале, Кощей всякий раз с замиранием сердца слушал грохот обвала, представляя, как в следующую минуту он полетит вниз головой.

Проще всего было остановиться на ночлег, но в запале он забрел в совершенно неудобное место — кругом были только скалы с острыми зубцами. Редкие бледные звезды скупой и неохотно освещали вершины гор, а внизу все покрывала непроглядная темень, сулившая смерть неосторожному. Кощей брел наугад, выбирая лишь местечко поровнее, где бы можно было не только сесть, но и прилечь.

Провожая взглядом очередной обвал, он вдруг заметил, как в горах что-то блеснуло. Глаза его никогда не отличались острым зрением, да и подустали они, но, приглядевшись, Кощей внезапно понял, что слабый блеск впереди — далекий огонек, зажженный рукой человека.

Сразу заурчало в животе, и тело отозвалось тупой болью усталости. При одной мысли о доме и тепле ему захотелось есть и спать. Сейчас он обрадовался бы даже родной матери, не говоря уже о тетках и их дочерях — если бы огонек зажгли они.

Прикинув расстояние, Кощей стал спускаться — огонь горел в низине, у подножия противоположной скалы.

Не тратя времени на тщательное прощупывание каждого валуна под ногами, он почти сползал по скале, упираясь локтями. Мелкие камушки сыпались и падали вместе с ним. Кощей не видел дороги, и когда ноги его уперлись в валун, он встал на него, решив, что это конец пути.

Валун выдержал, но, едва Кощей выпрямился, что-то резко хрустнуло в скале. Валун дрогнул и рухнул вниз.

Кощей успел только взмахнуть руками, когда земля ушла у него из-под ног и он провалился в черную бездну.

Проснувшееся эхо еще играло его последним криком, перемешанным с грохотом

обвала, когда он кубарем скатился с горы на дно ущелья и еле успел последним усилием перевернуться на живот, защищая лицо и грудь от падающих камней.

Огонек мерцал теперь совсем близко...

* * *

Он смутно расслышал, скорее почувствовал, что к нему бегут. Но сперва он, придя в себя, попытался стряхнуть с себя мелкие камушки и мусор, усыпавшие его. С ноги скатился валун. Рванувшись привстать, Кощей вскрикнул от пронзившей его резкой боли и в тот же миг услышал топот тяжелых быстрых лап и хриплое дыхание бегущих. К нему приближалось множество горящих глаз.

Одного взгляда на красно-желтые огни было достаточно, чтобы узнать бегущих волкодлаков-оборотней, питающихся лишь человечиной. Это были самые страшные из оборотней, и сейчас они мчались к нему.

Юноша с невероятным усилием привстал, упираясь спиной в скалу. Змей обещал, что эти твари не тронут его, учуяв запах.

Но вдруг он вспомнил, как выглядел его знакомец, больше походивший на гусеницу или улитку, вырванную из раковины. Тут любой взмокнет со страху, а он-то всего лишь человек. Поверят ли ему волкодлаки?

Звери налетели и резко затормозили, словно напоролись на невидимую стену. Долго мгновения Кощей радовался своей удаче, но потом оборотни нерешительно приблизились и обступили его.

Откуда-то издалека донесся повелительный голос — просто крик, но звери-люди его поняли и заторопились. Морща носы и отворачиваясь, они подняли Кощего и поволокли с собой.

Сначала он пытался сопротивляться, отчаянно вырываясь и крича, но лишь горы отзывались на его вопли. Задохнувшись и сорвав голос, он продолжал бороться молча, но волкодлаки живо смекнули, что их жертва повредила ногу при падении. Теперь при малейшей попытке сопротивления тот оборотень, что держал его больную ногу, несильно выворачивал ее и резкая боль пронзала все тело юноши.

Кощею никогда не было так больно, как сейчас. Закусив губу, смирившись, он позволил волкодлакам тащить себя за руки и за ноги.

Голова его болталась, но похитители словно не замечали этого. Кощей не видел, куда его несут, пока впереди не послышался повелительный голос:

— Поддержите его! Вот так!

Голос принадлежал женщине. Удивленный Кощей поднял голову, и один волкодлак тут же заботливо подхватил его под плечи.

Вскоре он оказался под стенами наполовину вросшего в скалу большого дома, очертаний которого разглядеть не успел. Важнее было другое — двери были широко распахнуты, и из них лился навстречу тот самый огонь, который он увидел со скалы.

На пороге стояла высокая статная женщина со светильником в руке. Она властно указала на дверь, и волкодлаки послушно потопали со своей ношей в дом.

Кощего пронесли мимо нее, приостановившись на миг. Юноша поднял голову.

Женщина стояла над ним, прямая, стройная и гордая. В полумраке силуэт ее терялся, очертания пропадали — она была в черном платье, и длинные черные волосы, перехваченные ремешком на высоком лбу, спадали ей на плечи. Огонек в ее руке подсвечивал ее лицо снизу, и от этого глаза казались двумя черными провалами. Лишь секунду глядел на нее Кощей и понял, что впервые видит такую красавицу.

Женщина тоже пристально вгляделась в его лицо, но тут же отвела взор и быстро приказала волкодлакам:

— В изложню.

Те затопали внутрь, неся раненого гораздо осторожнее и бережнее, чем прежде.

Его опустили на широкое низкое ложе, покрытое шкурами. Кощей не успел посмотреть по сторонам, как женщина снова склонилась над ним. Прядь нежных волос упала с ее плеча на грудь юноши.

Женщина провела ладонью по раненой ноге, и боль понемногу начала отступать. Поставив светильник, она наклонилась к гостю. Опять полыхнули чернотой загадочные глаза.

— Спи!

Тонкая нежная рука коснулась его лба, скользнула по глазам — и Кощей провалился в сон.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Проснувшись под самый полдень, Кощей почувствовал себя заново родившимся. Словно не было долгого перехода по горам, изматывающей работы и падения со скалы. Он был полон сил и готов на любое дело. И даже нога совершенно не болела.

Отбросив шкуру медведя, которой его заботливо укрыли, юноша осмотрелся. Он ясно помнил волкодлаков, дом и женщину в черном, а потому не удивился, обнаружив себя в просторной, с низким потолком изложне об одном окне, забранном слюдой. Кроме пышной постели, в которой вполне могли улечься три человека, и лавок вдоль стен, больше ничего в покоях не было. Лавки были укрыты тканьем с шитыми узорами по краям, а чистый пол у порога и ложа покрывали плетеные ковры. На ближней лавке стояли кувшин и чаша для питья, а рядом аккуратно сложенная одежда — рубаха с шитым цветной нитью воротом, порты и пояс. Из-под лавки выглядывали сапоги. Сапоги были его собственные, а одежда другая. В покоях не было ни резьбы на стенах, ни узоров, ни украшений, ни угла для почитавшихся в каждой семье богов.

Из-за приоткрытой двери до притаившегося Кощея доносился шум — кто-то хлопотал, накрывая стол. Вот неразборчиво молвил что-то женский голос, ему ответило полужвериное ворчание.

Кощей встал и, за неимением прочего, облекся в лежавшую на лавке одежду. По росту она подходила ему впору, но была гораздо шире в плечах и груди.. Тот, кто раньше носил эту рубаху, был настоящим богатырем, и Кощей невольно почувствовал зависть к мужу этой женщины. Лишь потом спросил он себя, почему подумал именно о муже, а не о брате или отце хозяйки — но уж больно широка и просторна была пышно убранная изложня и явно любящей рукой был расшит ворот. Но где хозяин этого дома, если его жена так спокойно дает мужнину вещь первому встречному?

Дверь была приоткрыта как раз настолько, чтобы не стеснять гостя, если он решится выходить, и чтобы пригласить открыть ее шире, коль он захочет выйти. Кощей толкнул дверь.

Он оказался на пороге просторной и светлой горницы. В доме его отца даже в таких покоях царил полумрак — маленькие окна никогда не растворялись и почти не пропускали света. Здесь же все три окошка были распахнуты настежь, даром что на дворе была осень.

Широкий, выложенный гранитом очаг жарко горел. На лавках, в мисках, горшках, кадках и просто так было разложено и расставлено столько вещей, что у Кощея разбежались глаза. Бросив взгляд только один раз в ту сторону, на лавки и стены, увешанные всякой всячиной, он мигом понял, что хозяйка этого дома знает толк в травах и зельях, может быть, лучше, чем его собственная мать, которая могла приготовить любой напиток из чего угодно.

У почти накрытого стола суетились две женщины и мужчина. Одной из женщин оказалась хозяйка, двое других только с первого взгляда казались людьми — при дневном свете становилось ясно, что это — оборотни-волкодлаки, принявшие человеческий облик.

Они-то в основном и работали, а женщина только покрикивала негромко, указывая, что делать.

Она первая почувствовала присутствие гостя и обернулась.

Как и ночью, Кощей снова понял, что второй такой красавицы нет и не будет на земле. Гордая, сильная, прямая, стояла она перед ним. Черное платье ведуньи, перехваченное узорным и наверняка заговоренным поясом, делало ее загадочной и странно манящей. С шеи и с пояса свешивались вырезанные из кости, дерева, вылепленные из глины или кованные из бронзы и меди фигурки и символы. Заговоренный узор вился и по вороту, вырезанному низко — так, что еще немного — и откроется высокая грудь. Длинные черные волосы пушистым облаком лежали на плечах и спускались на спину. Плетенная из кожи лента охватывала лоб женщины. Из-за нее черные глаза хозяйки дома казались еще прекраснее. Заглядевшись на ее лицо, Кощей порывисто шагнул к ней. Почему-то безумно захотелось обнять ее и поцеловать. Дома девушки-рабыни бегали от него, не давая даже прикоснуться, хотя знали, что за это им может попасть от хозяйки. Но эта женщина не дрогнула, когда его руки легли ей на плечи, — только взметнулись ресницы, и Кощей сам отпустил ее.

Женщина повела глазами — и оборотни засуетились, мечась от очага к столу. А хозяйка отступила на шаг и поклонилась гостю, прижимая руки к груди.

— Здрав буди, — мягко молвила она. — Хорошо ли спалось?

— Благодарствуй, хозяйюшка! Лучше, чем дома, выпался!

Женщина снисходительно улыбнулась на его пылкий ответ и пригласила к столу.

Оборотни шарахнулись прочь, и она сама поставила перед гостем угощение. Вдохнув густой запах, Кощей почувствовал голод и не чинясь принялся за еду. Оборотни, получив от хозяйки разрешающий кивок, убежали, и она потчевала Кощея сама.

Между делом, подливая цеженного меда, она назвалась сама и спросила его имя. Ее звали Мареной, и, услышав это имя, Кощей вновь, еще больше, почувствовал, как его влечет к хозяйке дома.

Но разговорились они позже, когда гость утолил голод и Марена присела подле него, поигрывая концами пояса.

Но даже здесь она не могла сидеть спокойно — встав, налила и с поклоном подала гостю кубок с медом.

— Хорошая ты хозяйка, — похвалил ее Кощей, принимая кубок. — Верно, твой муж счастлив с тобой?

Он все ждал, когда можно будет выпросить Марену о нем, но ответа не дождался. Женщина лишь усмехнулась.

— Нет его, — молвила она наконец.

— А где же он?

Марена опять хмыкнула и отошла, нарочито плавно покачивая бедрами — она знала, что гость смотрит на нее, и старалась выглядеть соблазнительной.

Что до Дажда, которого она сама когда-то очаровала, то о нем она предпочитала не думать, а если вспоминала, то как о самой большой ошибке молодости или досадной помехе в жизни. Вот уже несколько лет, как Даждь бросил ее, без каких-либо причин уехав далеко на запад, в Дикие Леса. Перед отъездом он, правда, опять завел свой всегдашний разговор о детях. Но неужели так сложно было понять, что Марена и сам он еще слишком молоды, чтобы обременять себя детьми! У них еще на все хватит времени!

Но Даждь покинул жену, не сказав, вернется ли вообще. Марена же осталась жить неподалеку от Пекла, благо в нем пока еще правил князь Волхов, жена которого приходилась чародейке сестрою.

— Он не захотел меня понять, — с неохотой объяснила Марена.

— Оно и видно, — сказал Кощей. — Тебе нужен настоящий мужчина. Такой, как...

Он привстал, потянувшись к ней, но Марена быстро поднялась и отошла к очагу, ласково и зазывно улыбаясь оттуда.

— Куда ты теперь отправишься, что поделявать станешь? — в свой черед спросила она.

Кощей не счел нужным таиться от нее.

— Я пришел, чтобы завоевать мир, — просто объяснил он.

Он ждал, что женщина усмехнется или недоверчиво покачает головой. В самом деле, что можно представить себе смешнее — нескладный зеленый юнец хочет стать повелителем мира, который не могли подчинить себе все правители, все чародеи, что рождались до него, какими бы силами они ни обладали! Кощей показалось, что Марена отвернулась, пряча улыбку, и он воскликнул, пристукнув кулаком по столу:

— Думаешь, не выйдет у меня? Так?.. А знаешь, кто моя родня? Знаешь, кто моя мать? — В эту минуту он позабыл, что напрочь вычеркнул из памяти родичей. — А знаешь, сколько у нее родни? Одних братьев двое и сестер четверо! И у каждой полно детей и внуков! Если я кликну их всех, они эти горы в порошок сотрут!.. А знаешь, кто брат моего отца?..

В запальчивости Кощей мог приплести и самого Черного Змея, но Марена строго повела глазами, и он замолк, спохватившись. Кроме верных оборотней, что редко появлялись в покоях, Марене служили и люди. Нельзя было допустить, чтобы они услышали лишнее. Кощей сообразил это, когда Марена знаком приказала нерасторопной рабыне убраться из горницы вон. Они остались наедине, но все равно за стенами кто-то ходил и приглушенно разговаривал.

Легко откинувшись от стены, Марена приблизилась к сидевшему гостю и, наклонившись к нему так, что волосы упали со спины ей на грудь, промолвила вкрадчиво:

— Мир завоевать — дело стоящее. Для чего иначе рождаются воины?.. Но я хотела бы узнать — с него ты собираешься начинать?..

Голос ее понизился до шепота, черные глаза маняще поблескивали под длинными ресницами, чувственные губы изогнулись в улыбке.

— Я думаю, — Кощей поглядел на ее губы и нервно выпрямился, не сводя с нее глаз, — думаю начать с тебя...

Он резко вскочил и одним движением притянул хозяйку к себе за талию. Он был так высок, что Марена подле него казалась подростком. Изогнувшись станом, как змея, она вцепилась ему в плечи, пытаясь вырваться, но Кощей только крепче обнял ее.

Марена застонала, когда он впился в ее губы неумелым жадным поцелуем. Она готова была закричать, позвать на помощь людей и оборотней, но вырваться оказалось не так-то просто.

Упругое гибкое тело вдруг утратило силу и обмякло в его руках. Кощей, раскрасневшийся с непривычки, отнял губы и взглянул на женщину, которую держал в своих объятиях.

Марена подняла на него влажный взор и нежно сомкнула руки на его шее. Она упрощенно улыбалась.

— Да, — прошептала она томно, — ты покоришь мир. У тебя получится... Поцелуй меня еще раз!

И сама приникла к нему, ожидая ласки.

В полуоткрытую дверь с разгону влетел раб и замер на пороге с открытым ртом, не зная, как быть.

Прежде чем он догадался потихоньку убраться, его заметили. Вывернувшись, Марена гневно сдвинула брови, но в этот миг Кощей легко вскинул ее на руки.

— Куда? — быстро шепнул он.

Разгоряченная его поцелуями и смущенная появлением раба, Марена только махнула рукой.

Плечом отворив дверь, Кощей чуть не бегом внес ее в свою изложню и опустил на убранное шкурами ложе. Марена крепче сомкнула руки на его плечах и притянула к себе. Она сама стянула с него рубаху и развязала пояс...

* * *

Домашние Марены были отлично вымуштрованы — хотя дверь осталась приоткрытой,

никто из рабов или оборотней не решился даже приблизиться к ней, чтобы случайно не заглянуть в изложню, где любовники отдыхали в объятиях друг друга.

Обнимая склонившегося над нею Кощея, Марена негромко рассказывала ему о муже — как он любил ее, как берег, потакая многим женским капризам. Терпение его было поистине безгранично, щедрость — безудержной, но именно это и бесило Марену больше всего. Она ни разу не видела Дажда сердитым или недовольным. Он был слишком добр и мягок — Марене со временем начало казаться, что Даждь не способен чего-то требовать от жизни, что он всегда будет на вторых ролях, в стороне от главных дел. Ему и в голову не придет желать славы, богатства и почестей. Ему нужна была семья, жена и дети — как раз то, что для Марены было досадной помехой. Она-то хотела большего.

— Тебе нужен настоящий мужчина, — повторил Кощей. — И верь мне, если я буду с тобой, ты получишь все, что пожелаешь!

Марена открыла глаза.

— Я верю тебе, — прошептала она. — Ты молод и горяч, ты все сможешь...

Ее податливое тело манило к себе, низкий голос волновал в жилах кровь. На нежной коже поблескивали капельки пота, мелкие, как роса на лепестках. Кощей почувствовал себя подле нее витязем, воином, готовым покорить мир для того, чтобы она оставалась с ним. От Марены исходила сила, пьянившая его.

— Если ты будешь моей, я брошу мир к твоим ногам, — пообещал он.

— Если ты завоюешь меня, то сможешь покорить и мир, — молвила Марена.

— Но ты и так принадлежишь мне! — Кощей властно привлек женщину к себе, отыскивая ее губы.

Но она резко оттолкнула его, бросив на постель, и сама приподнялась над ним, рассыпав по плечам волосы.

— Слушай меня! — приказала она. — Ты ничего не сможешь сделать один, а покорить меня может только победитель. Одержжи хотя бы одну победу — и можешь считать меня своей! А до тех пор я не принадлежу тебе!

Она еще не договорила, как Кощей бросился на нее, как дикий зверь. Марена, вскрикнув, отпрянула. Меж ними завязалась борьба. Сцепившись, как настоящие борцы, они старались смять один другого.

Кощею повезло первому. Опрокинув Марену на спину, он силой овладел ею и не разжимал объятий до тех пор, пока, она, укрощенная, задыхающаяся, не крикнула:

— Твоя! Твоя!.. — и выдохнула, когда снова смогла нормально дышать. — Я почти люблю тебя...

— Ты мне pomoжешь? — спросил Кощей.

— Конечно, — взмахнула она ресницами. — Без меня ты и шагу не ступишь теперь... Я успела изучить Пекло, пока жила тут, брошенная мужем. Я сумела приручить оборотней и знаю, что здесь до сих пор есть те, кто недоволен князем Волховом. Их слишком мало, потому Пекло тебе лучше оставить в покое до лучших времен. Придется даже какое-то время защищать его, зато потом оно само будет упрашивать тебя покорить его, само попросится в рабство — я людей знаю, им подавай крепкую власть!.. А пока слушайся во всем меня — и ты получишь свою первую армию, нисходя с места.

— Если ты имеешь в виду эту постель, то я готов провести тут остаток дней своих, — игриво поклялся Кощей, — вместе с тобой, разумеется...

Он снова привлек ее к себе, и на сей раз Марена не сопротивлялась.

* * *

Она принялась за дело на следующее утро — весь остаток прошедшего дня любовники почти не покидали изложни. Марена оказалась ненасытна — даже молодость и пыл Кощея отступали перед ее силой и желанием. Она готова была любить его без усталости, и когда наутро поднялась и занялась делами, гоняя рабов по двору, голос ее звенел от сознания

гордости и довольства.

Почти все оборотни в тот же день были усланы в разные стороны. Все они отправлялись в Пекло: по его окраинам и дальним потайным норам выискивать тех, кто жаждал убивать и крушить все, что попадется под руку.

Ее дом — с первого взгляда настоящий терем, но только каменный и наполовину вросший в скалу — стоял на дальних границах Пекла, куда не достигала власть князя. Всего два входа было в нем снаружи — то самое крыльцо, через которое внесли Кощея, и маленькая дверка для оборотней и рабов, — но изнутри в подземелья вело несколько ходов, тайных и явных. Они открывались в пещеры, где могли заблудиться даже местные жители. Именно через эти двери в дом чародейки стали прибывать первые гонцы.

Это были уродливые твари, от которых с презрением отворачивалась даже нежить. Среди них часто попадались вполне похожие на людей — плод связи человека и нежити. Эти полукровки ненавидели всех и каждого и при случае были готовы перебить друг друга — столько было в них злобы. Почти человеческая внешность, вводившая в заблуждение их жертвы, и разум сочетались с выносливостью и силой нежити, делая полукровок опасными тварями. Они наполнили дом и двор Марены, и число их прибывало с каждым днем.

* * *

Именно из них Кощей сколотил первые отряды своей гвардии. Обещание Черного Змея исполнилось — каждая тварь слушалась его с первого слова. Натаскав первую сотню воинов, Кощей вместе с ними отправился на север, к Макоши.

Никто не знал, откуда пришла эта чародейка и волхва, где была ее родина. Вроде совсем недавно поселилась она в горах у берега моря, на самой южной границе Ирия, как раз посередине между ним и землями невров, но слава о ее умении предсказывать будущее и гадать об изменениях судьбы гремела уже далеко. Она удивительно точно указывала ответы на любые вопросы, и редко кто не заезжал к ней, если требовалось получить совет. Сама Марена посоветовала Кощею навестить Макошь, признавая, что та была лучшей чародейкой. Кощей не посмел ослушаться — ведь Макошь могла раскрыть ему, как следует поступить, с чего начать покорять мир.

В Невриде все знали, где живет пророчица и чародейка, как когда-то любой житель Мил ограда мог и среди ночи верно указать дорогу до священных холмов Святогоровых пещер. Марена тоже отлично знала, где ее искать.

Тонкая безымянная речушка обвилась вокруг высоких крутобоких холмов, до вершин покрытых лесами. С их макушек хорошо было видно близкое отсюда море, но от их подножия, из-под сени непроходимых лесов, оно казалось недостижимо далеким.

Осень окрасила листву в цвета пожара. Толстым слоем лежали на земле опавшие листья. В прохладном осеннем воздухе было видно и слышно четко и далеко — казалось, в такую пору любой поневоле становится пророком.

Неподалеку от жилища чародейки с гор бежал ручей. Его звонкая песенка пробивалась сквозь шорох листвы и скрежет ветвей на ветру. На этот звон и шел отряд Кощея.

Деревья расступились внезапно и открыли небольшую поляну, перечеркнутую тропинкой. Стена горы возвышалась над нею. К ней лепилась избушка, больше похожая на навес перед входом в пещеру. Плющ оплетал ее до крыши, делая мало отличимой от скалы. Подле росло два дерева — на их протянутых к небу ветках болтались на ветру расшитые узорами ткани и венки из высохших цветов.

Под деревьями играли две девочки. Старшей было около пяти лет, младшей — не больше двух. Увидев чужих людей, они остоленели, потом разом пронзительно завизжали и ринулись в дом. Кощей поморщился. Старшая добежала первой и остановилась на пороге, а меньшая споткнулась, упала и разразилась плачем.

На ее крик вышла женщина в длинной рубахе грубого холста, со звериной шкурой на плечах. Ни оберегов, ни заговорного шитья на ней не было, но она строго взглянула на

воинство Кощея — и полукровки разом попятились с поляны. Взгляд ее золотисто-карих, чуть раскосых глаз леденил кровь в жилах, заставлял согнуться и самую гордую спину, Макоши испугалась бы и сама Марена, особенно сейчас, когда она без колебаний двинулась на прищельцев, загораживая девочку собой.

— Пошли прочь, — сквозь зубы процедила она, и воины поспешили ретироваться.

Попятился и сам Кощей.

Взглянув сквозь него невидящими страшными глазами, Макошь подняла девочку на руки и понесла в дом, тихо уговаривая и лаская. На гостей она больше не обращала внимания.

Старшая девочка встретила ее у крыльца и уцепилась за подол. Она была некрасива — маленькие бесцветные глазки, большой рот, острые грубоватые черты лица, растрепанные грязно-рыжеватые волосы топорщатся в стороны. Она напоминала дитя водяного или болотной нежити, и улыбка ее казалась одновременно и пугающей и жалкой. Зато младшая, синеглазая, румяная, уже сейчас казалась настоящей красавицей. Но Макошь приласкала обеих девочек с одинаковой нежностью.

Младшая успокоилась, и Кощей решил, что настала пора обратить внимание чародейки на себя. Он шагнул вперед и кашлянул.

Макошь не подняла на него глаза, воркуя с дочерьми, но девочки обернулись на гостя. Подле матери они ничего не боялись, а потому старшая с любопытством уставилась на Кощея, посасывая палец, а младшая только крепче вцепилась в мать, как зверек блестя глазенками.

— Сделай милость, матушка, — заговорил Кощей как можно почтительнее. — Нужда у меня до тебя.

Марена предупреждала — Макошь не станет иначе вообще разговаривать или скажет что-нибудь такое, что потом и сама, даже если захочет, не изменит. Скажет, что ты умрешь через полдня, — и исполнится.

Но чародейка услышала его слова и подняла глаза.

— Чего тебе?

— Хочу будущее свое вызнать, — ответил Кощей. — Дело есть у меня, так хотелось бы выведать, чем оно кончится — сделаю ли все, что задумал...

— Сказать тебе? — Макошь хмыкнула, раздумывая. — Ты ворвался как дикий зверь, дочерей моих напугал, а теперь хочешь, чтобы я тебе помогла?..

По счастью, Кощей знал от Марены, чем нужно умаслить Макошь. По его знаку несколько воинов бочком вышли вперед, поднося к крыльцу корзины с дарами: плодами урожая и набитой по дороге дичины. Отдельно положили свернутый холст, шкуры двух волков и кое-какую утварь.

Заметив приближение Кощеевых слуг, младшая девочка опять зашлась плачем, вырываясь из рук матери, а старшая, по-прежнему не выпуская материнского подола, шагнула вперед, с любопытством вытягивая тонкую шейку. Макошь внимательно посмотрела на обеих дочерей и встала, спуская младшую с рук. Девочка тут же убежала в дом.

— Ну, — чародейка встала перед Кощеем, скрестив руки на груди, — говори, с чем пожаловал!

На дары она не смотрела, но голос ее смягчился.

— Я хотел узнать, смогу ли я... — начал Кощей.

— Мир покорить? — закончила за него Макошь свысока. — Так, что ли?

— Да, но я все подготовил и рассчитал, — воинственно заявил Кощей, которому совсем не понравилось, каким голосом разговаривает с ним Макошь. — Я начну покорять мир с небольшого куса — завоюю его, обложу данью, а потом...

— Завоюешь? — перебила Макошь. — Как?

— У меня есть армия, — подбоченился Кощей.

— Армия! — фыркнула Макошь и небрежно кивнула за его спину: — Эти, что ль?

Кощей обернулся — его воины топтались у края поляны, не смея сделать и шагу. Видно было, что они хотят подойти к нему, но сила чародейки надежно удерживала их на месте. Вид у них был встревоженный, но никак не испуганный.

— Да, эти, — гордо кивнул Кощей.

— А ну, покажи мне их, — негромко приказала Макошь, отступая к краю поляны.

От ее суждения могло зависеть и предсказание — судьба всего мира, все будущее, ибо исполнялось только то, что предсказывала Макошь. А потому Кощей обрадованно бросился к своему воинству, желая представить его в лучшем виде и молясь только об одном — чтобы Макошь не ушла в дом, пока он будет объяснять воинам, что от них требуется. Беда, если пророчица не станет ждать — ее молчаливый уход лучше всяких слов предскажет провал дела.

Но она дождалась и стояла на пороге дома, скрестив руки на груди и словно не замечая, что ее старшая, некрасивая дочка осталась подле нее, а меньшая, красавица, не показывается на глаза.

У Кощея все дрожало внутри, и он стискивал зубы, чтобы не выдать своих чувств. Но отряд не подвел — шаг воинов был четок, движения верны и отточены, лица спокойны и решительны, оружие и доспехи сверкали чистотой — большинство воинов были когда-то в личной гвардии Черного Змея и не забыли его уроков.

Довольный своими воинами, Кощей успокоился и принялся исподтишка наблюдать за Макошью, которая следила за воинами Кощея с непроницаемым лицом. Грубоватое, мужественное, оно не слишком понравилось Кощею, как и сама чародейка. Ей больше подошли бы кольчуга и меч, чем женская одежда, — а еще обрезать эту толстую косу, что висела аж ниже пояса золотисто-серой змеей. Глядя на воинов, Макошь не шевелилась, и только ее дочка удивленно блестела глазенками — ей все было в диковинку.

Отряд остановился перед входом в дом чародейки. Кощей повернулся к Макоши, с трепетом ожидая ее решения — быть или не быть ему повелителем мира.

— Ну же! — не выдержал он. — Скажи хоть что-нибудь!.. Стану я повелителем мира?

Каменная статуя, в которую обратилась Макошь, ожила, и чародейка смерила Кощея пристальным взглядом.

— Я не расслышала, — медленно молвила она, — ты собираешься завоевать ВЕСЬ мир?

— А как же? — вновь подбодрился Кощей. — Весь, от края до края! Кто же станет покорять половину? И зачем?.. Чтобы жители другой половины пошли на него войной?.. Но ты можешь не беспокоиться, — спешно добавил он, — если ты предскажешь мне победу, я тебя не трону... Да и ты сама можешь сказать: ты, мол, покоришь весь мир, если не обидишь меня и моих дочерей!.. Я так и сделаю...

Макошь слушала его с интересом.

— Наглец, — изрекла наконец она. — Какой наглец!

Золотистые глаза ее обожгли Кощея ледяным холодом, и он отпрянул, прочитав в них весть о своей смерти.

— Что? — прошептал он, не веря догадке.

— Ты, конечно, можешь попытаться покорить мир, — кивнула Макошь вполне миролюбиво. — И даже станешь единоличным повелителем громадных земель к югу отсюда и властителем гор... С твоим именем будут считаться, позже им станут пугать детей, но не забывай, — в голосе Макоши послышалось плохо скрываемое презрение, — рано или поздно найдется тот, кто тебя не только остановит, но и сметет с лица земли, и ты станешь значить даже меньше, чем сейчас...

Она толкнула дочку в дом и повернулась, чтобы уйти, но Кощей поймал ее за локоть и развернул к себе.

— Ты, — прошипел он, забывая, кто перед ним, — как ты смеешь!.. Ты плохо смотрела, женщина! Это только первый отряд, а за ним будут и другие... целая армия!.. Кто сможет меня остановить? Какая страна?

Макошь спокойно отцепила его пальцы от своего локтя.
— Не страна, — сказала она, — один человек.
Словно дикий зверь, Кощей рванулся к ней и встряхнул чародейку за плечи.
— Кто он? — закричал он ей в лицо. — Кто он? Скажи — и я уничтожу его! Он от меня никуда не денется! Кто он?
— Ты не сможешь причинить ему никакого вреда, — все так же спокойно молвила Макошь. — Он еще не родился.
— Кто он? Где его родители? — брызгая слюной, кричал Кощей.
Макошь резким рывком отбросила его руки и отодвинула Кощея. Тот отлетел на несколько шагов ж чудом удержался на ногах. Это немного успокоило его, но зато рассердилась сама чародейка.
— Я ничего не знаю о том, кто будет его матерью, — воскликнула она, — но его отец Дажь Сварожич!
Сварожич? — выдохнул Кощей. — Дажь Сварожич, ты сказала? Муж Марены, которая за десять лет супружества не смогла понести от него?
— Я все сказала! — отрезала Макошь, направляясь в дом. — Или ты жаждешь узнать, как это случится?
Всякий другой на месте Кощея остановился бы, услышав про свою смерть, но он только сжал кулаки.
— Марена не может иметь детей! — крикнул он в спину чародейке. — И она моя жена!
— Но Дажь еще может стать отцом, — не оборачиваясь, ответила Макошь.
— Тогда я уничтожу его, и он умрет бездетным!
— Попробуй, — обронила чародейка, прежде чем уйти.
— Ты увидишь это сама, — прошептал Кощей.
Отряд преданно глазел, ожидая приказов. Кощей взмахом руки приказал воинам следовать за собой и бросился прочь.. Надо было торопиться — Макошь не сказала, когда родится сын Даждя, и Кощей не имел права опоздать. Марена знает Даждя, она поможет его найти и уничтожить.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Серая стена ливня отгораживала мир — в трех шагах предметы теряли краски, их очертания расплывались за потоками воды. Дождь зарядил с ночи, и сейчас, на рассвете, низкие тучи еще не истратили своих запасов влаги. Они закрывали все небо, не давая солнцу пробиться к земле, и внизу царил почти ночной сумрак. Ветер с огромным трудом ворочал неповоротливые тучи, тщетно стараясь сдвинуть их с места, но у него ничего не получалось.

Все-таки ливень выдыхался — если ночью он лил как из ведра, то сейчас это был всего лишь проливной дождь, который обещал к середине дня превратиться в изморось, а к вечеру — перестать совсем.

Мир уже был напоен водой, наполнен ею, как губка, но все же сквозь серую стену воды пробивались отсветы огня, с которым дождем оказалось трудно справиться.

Одиноким замок возвышался над нешироким морским заливом северного моря. Стены его напоминали отточенные ветрами скалы, казавшиеся вершинами горы. Сейчас, серым осенним днем, замок и впрямь можно было принять за нагромождение камней, если бы не языки огня, охватившие его.

Замок горел. Ворота его, покореженные мощным ударом, были сорваны с петель и брошены в грязь. Под ними бежали дождевые потоки. Внутри, на дворе, стоял шум сражения, сквозь который пробивался треск и гул пожара.

Горели пристройки, распространяя удушливый запах гари. Из-под обвоятой пламенем крыши еще доносились визг и рев — там в огне погибали лошади. Но люди не спешили прийти к ним на помощь — сейчас каждый должен был рассчитывать только на себя и на случай.

Под стеной и во дворе — всюду валялись тела защитников замка. Последние оставшиеся в живых воины с боем отступали к самому замку, отчаянно обороняясь от противника, заметно превосходившего их числом. Силы были неравны — против людей шли полукровки, наемники Кощея. Страшно напоминающие людей, они силой и ловкостью больше походили на нежить. Не обращая внимания на редкие незначительные раны, они методично уничтожали одного человека за другим, вынуждая оставшихся в живых отходить.

Стены замка, поблескивающие окнами, словно дрожали из-за стены дождя. В окнах отражалось зарево пожара, и казалось, что замок плачет кровавыми слезами. Оставшиеся в живых воины — числом поменьше — наконец достигли закрытых изнутри дверей и, зная, что находящиеся внутри не станут рисковать и впускать их внутрь, подняли мечи, готовясь умереть.

На ступенях закипел бой. Но, прежде чем защитники нанесли врагу заметный урон, наемники предприняли обходной маневр. Пользуясь тем, что, кроме горстки смельчаков, на дворе не осталось ни единого человека, несколько оборотней ловко вскарабкались на заборы и, пригибаясь, побежали по гребню стены к замку, окна которого находились от края стены в опасной близости.

Укрывшиеся в замке воины заметили это слишком поздно и еле успели сообразить, что к чему. Со стуком распахнулось одно из окон, освобождая дорогу стрелку. Он поднял лук и выпустил несколько стрел. Трое нападавших, остановив бег, скорчились, хватаясь кто за живот, кто за глаз, и упали со стены, но меткий ответный выстрел сбил и лучника. Не успел новый воин занять его место, как бежавший впереди наемник достиг оставшегося открытым окна и с воинственным криком прыгнул внутрь.

Вслед за ним ринулись остальные, и в замке закипела схватка. Сражавшиеся снаружи последние воины поняли, в чем дело, только когда из окна над ними донесся отчаянный женский крик. Воины дрогнули на миг, смешались — и, воспользовавшись замешательством, оборотни накинудись на них, выдирая из рук оружие и связывая пленников.

В замке продолжался бой и грабеж. С треском рухнула крыша конюшни, взметнув вихрь огня. Несколько головешек попало на стену, и нападавшие тут же бросили их в распахнутые окна. Из одного сразу же повалил густой дым.

Связанных воинов оборотни оттащили на середину двора, когда послышался шум от дверей — нападавшие добрались до завалов и раскидывали их. Наконец двери подались, и наемники распахнули их, означая тем самым победу.

Но замок еще жил и сражался. Пока не все его защитники были убиты: на лестницах и этажах воины продолжали бой, сражаясь уже не только и не столько за свою жизнь, сколько потому, что не хотели попасть в плен живыми.

На самом верху, на башне, послышался стук распахиваемого окна и завывание зверей. Все; кто был на дворе — пленники и их охрана, — разом вскинули головы.

В проеме распахнутого окна змеились языки пламени — внутри пожар распространялся гораздо быстрее, чем могло показаться. На фоне огня возникла фигура женщины с ребенком. Из облаков дыма к ней тянулись лапы и руки. Несколько секунд женщина смотрела на них, потом подхватила ребенка на руки и прыгнула вниз. Мелькнув в воздухе, она упала прямо в самый центр горящего сарая. Многие пленники отвели глаза...

По замку еще очень долго шныряли наемники, раскидывая утварь, ломая и бросая в огонь все, что можно. Некоторые орудовали топорами, разбивая двери и в щепы круша полы. Те же, кто не был занят грабежом, выволакивали во двор новых пленников — слуг и служанок. Всех их сгоняли в толпу под охрану оборотней. Те плотоядно облизывались, разглядывали женщин, с которых уже кто-то успел сорвать часть одежды, и представляли, кто из них какую выберет, когда все будет кончено.

Один из наемников бросился с докладом, и не успел грабеж закончиться, как в замок въехал сам Кощей.

Дождливая погода поздней осени ему не слишком нравилась — он не привык к холоду

и сырости, а потому с самого начала был настроен зло и непримиримо. Но охота, которую он вел уже несколько дней, была слишком важным делом, чтобы доверить ее своим наемникам, а самому сидеть в тепле и ждать новостей.

На сей раз Кощей был почти уверен в успехе — не зря он так долго колесил по южным границам Гипербореи и Диким Лесам, чтобы не добиться своего. Он подъехал к пленникам. Те подняли головы, разглядывая высокого, тощего, нескладного юнца в мокром плаще, с сердитым красным лицом. Белые волосы его намокли, потемнели и были теперь цвета лошадиных зубов. Кощей неловко слез с лошади и подошел к пленникам.

— Эй, вы! — заговорил он, перекрывая шум пожара и погрома. — Мне не нужны ваши жизни — погубить их вы можете только своим упрямством. Вы останетесь живы, если согласитесь помочь мне...

Он остановился, потому что один из пленников смачно сплюнул ему под ноги.

— Не самый умный ответ, — отметил Кощей и махнул рукой.

Несколько оборотней подскочили и выволокли смельчака из строя.

Это был пожилой воин, раненный в плечо и в ногу. Покачиваясь, он старался сохранить равновесие, но это удавалось ему с трудом. И все же он не отвел глаз, когда оборотни обступили его, обнажив оружие. Последовало несколько быстрых взмахов — и разрубленное тело упало в лужу, смешивая кровь с дождем. Какая-то женщина закричала, оседая на землю.

— Вы видели, что случилось с тем, кто попробовал возражать и лезть вперед с бессмысленным героизмом, — прокомментировал Кощей, не дожидаясь, пока женщину успокоят. — Все вы можете заслужить не только жизнь, но и свободу, если поможете мне. Я ищу одного человека, а мне доподлинно известно, что он был в этом замке и ночевал здесь. Возможно, он успел удрать — мы обложили замок еще с полуночи, и ни одна мышь не прошмыгнула мимо сторожей...

Один из оборотней мигом оказался подле и обнажил в ухмылке кривые клыки, будто говоря, что мимо таких, как он, пройти незамеченным невозможно...

— Скажите мне, где скрывается гость — и вы получите свободу, — подвел черту Кощей.

— Ты пришел с войной, — вдруг сказал один из пленных, — сжег замок и посеял смерть... А теперь хочешь, чтобы мы помогли тебе? Плохими мы были бы хозяевами, если бы выдали гостя на расправу тебе и твоим тварям!

Обиженные оборотни с ворчанием подались вперед, вынимая ножи. Судя по виду говорившего, это был не простой воин — возможно, один из' хозяев замка. Оборотни вцепились ему в плечи, чтобы вытащить и разрубить на куски, как и первого воина, но Кощей вовремя разглядел богатое шитьем дорожную ткань одежды пленника и остановил их. Подойдя ближе, он пристально взгляделся ему в лицо — говорившему было чуть за двадцать, но даже связанный он выглядел здоровее и крепче, чем Кощей. Он сразу же почувствовал зависть к пленнику — как и к любому человеку сильнее и крепче, чем он.

— Значит, он был твоим гостем? — спросил Кощей.

— Да, — ответил пленник.

— Ты знаешь его имя?

— Он назвался Даждем с севера. Больше я ничего не знаю!

— Правильнее будет сказать — «не скажу», но я поверю тебе, — согласился Кощей. — Они все твои люди?

Пленник огляделся по сторонам, и остальные невольно придвинулись к нему.

— Да, — кивнул он.

— Хорошо. — Кощей за локоть подтянул ближе самую молодую из женщин — скорее всего, служанку. — Ответь на все мои вопросы — и ни им, ни тебе ничего не будет грозить. Согласен?... Итак, человек, назвавшийся Даждем, был здесь?

Пленник некоторое время раздумывал.

— Да, он провел здесь одну ночь, — наконец сказал он.

— Всего одну?

— Да. — Пленник не смотрел ни на Кощея, ни на женщину подле него. Взгляд его блуждал по стенам горящего замка — из дверей наемники торопливо Вытаскивали награбленное добро.

— Он часто приезжал сюда? — последовал новый вопрос Кощея.

— Я вступил во владения этим замком четыре года назад, — ответил пленник. — За это время он появился здесь всего однажды!

— Отлично. — Кощей толкнул женщину в сторону так, что она отлетела в грязь. — Ты спас одну жизнь... Теперь вторую...

Он вытащил из толпы еще одного пленника.

— Говори, — потребовал Кощей, — когда он уехал?

— Давно, — коротко ответил пленник. — В разгар дождя... Мы просили его остаться, но он не согласился...

— Врешь! — Кощей бросил пленника в другую сторону, и оборотни торопливо схватили его. — Мы были здесь, когда дождь только начинался! Он не мог пройти мимо нас незамеченным... Говори правду!

Допрашиваемый встретился взглядом с лежащим на земле пленником и ободряюще кивнул ему. Тот понял что-то и покорно закрыл глаза, в то время как владелец замка поднял взгляд на Кощея.

— Он спешил, — объяснил юноша. — Может, это позволило ему проскользнуть незамеченным.

В его словах Кощею почудилась насмешка. Он сжал кулаки, и зорко следившие за всеми его словами и жестами оборотни поспешили перерезать лежащему горло. Владелец замка не дрогнул, услышав предсмертный хрип..

Остальные сбились в кучу, угрожающе и тревожно молча. Все они были готовы умереть молча, и Кощей это ясно понял.

Он с трудом заставил себя успокоиться.

— Хорошо, — обратился он к владельцу замка, — я сделаю так: задам последний вопрос. Ты отвечаешь на него честно — и я отпускаю тебя и всех, кто еще жив. Молчишь или врешь — и прощайся с жизнью. Ты и все они! Я вытяну из тебя правду! Куда уехал Дажьд?

— Я не знаю, — последовал ответ.

Женщины тихо заплакали.

— Они утверждают, что ты знаешь! — торжествующе вскрикнул Кощей. — Сознавайся — я даю тебе последний шанс!

Владелец замка оглянулся на своих людей — и плач прекратился как по волшебству. Только одна совсем юная девушка продолжала всхлипывать.

— Даю руку на отсечение — красотка оплакивает свою девственность! — оскалился один из наемников и шагнул к ней. — Интересно будет порасспросить ее сперва...

Он уже поднял руку, но владелец замка заступил ему дорогу.

— Она моя сестра, — угрожающе начал он, — и ты сначала убьешь меня, а Потом уже дотронешься до нее...

Оборотень выхватил нож, готовый убить заступника, но Кощей остановил его.

— Он мне не все сказал, — напомнил он, — но ради сестры, думаю, станет поразговорчивее!

Владелец замка обернулся к Кощею.

— Можешь делать со мной что хочешь, — заявил он, — но я не знаю, куда уехал тот человек!.. Хотя... он сказал, что спешит домой — сказал, когда я хотел его задержать.

У Даждя могло быть сразу два дома — далеко на севере, в замке его отца, и на юге, где жила Марена. После нескольких лет разлуки муж мог пожелать увидеться с женой, но коль скоро он ее бросил, то мог и не заезжать к ней.

— Это вполне естественно, — отрезал Кощей, со слов Марены знавший преданность Даждя семье и дому. — Но по какой дороге он направился?

— Да какие дороги — все размыло... — проворчал кто-то прежде, чем его успели остановить.

На неосторожного пленника зашикали свои, но Кощей уловил его слова и чуть не подпрыгнул от радости.

— Что ж, — он хлопнул владельца замка по плечу, — хоть и не ты, но все-таки жизнь свою вы отспорили! Я слово держу — вы все останетесь живы... если не будете нам мешать!.. Ни один нормальный человек не станет путешествовать в такую погоду. Дажь захочет вернуться и попадет к нам... Эй! — окликнул он наемников. — Стеречь все дороги! Остальные за мной!

Дождь уже почти загасил полуразрушенную конюшню, в которую и согнали пленников. Наемники и оборотни бросились наружу.

Кощей остался во дворе, раздумывая, где лучше встретить Дажь. Тот мог явиться с минуты на минуту и, увидев издали тронутые пожаром стены замка, заподозрить неладное. Следовало придумать что-то такое, что заставило бы его проникнуть внутрь.

Но только Кощей додумался использовать пленников как приманку, со стороны конюшни слышались крики о помощи.

Голоса принадлежали наемникам. Окружавшие Кощея оборотни ринулись на выручку, но все равно опоздали.

Кто из пленников справился с веревкой — узнать не удалось, но несколько человек оказались свободны и напали на охрану. В рукопашной схватке несколько человек с той и другой стороны оказались убиты или ранены, когда к наемникам подоспела помощь.

Оборотни принялись рубить мечами направо и налево, и только окрик Кощея остановил их.

Он заметил то, ради чего пленники напали на охрану, — по стене торопливо карабкалась вверх фигурка человека.

Несколько лучников вскинули луки, пуская вслед ему стрелы, пока остальные снова связывали оставшихся в живых пленников. Но беглец был уже слишком высоко — намочки тетивы не натягивались как следует, и стрелы не долетали до бегльца.

На глазах у всех он поднялся на заборы и перебрался через них, исчезнув на свободе.

Кощей подскочил к поредевшей кучке пленников. Многие — даже женщины — были ранены, но на губах у них играли гордые улыбки. Они не отрываясь смотрели на стену.

Кощей развернул к себе владельца замка. Тот был ранен в стычке, но держался твердо. Будучи ниже Кощея на целую голову, он все равно смотрел на него свысока.

— Слушай, — прохрипел Кощей. — Только что вы потеряли свою свободу. До окончания века вы будете моими рабами. Этот пока ушел, но не обольщайся — рано или поздно мы выследим его и покончим с ним... Увести!

По знаку Кощея ему подвели коня. Наемники и несколько оборотней ринулись в погоню, а оставшиеся погнали пленников прочь из замка, на юг — в Пекло.

* * *

Ветер гromыхал в вышине голыми ветвями деревьев, стряхивая наземь последние листья. Дождь зарядил надолго и не собирался переставать.

Лес и крутобокие холмы были до краев наполнены дождем. Вода была всюду. По земле в овраги бежали целые потоки, несущие листья и лесной мусор. Земля превратилась в жидкую кашу.

Петля в зарослях кустарника, по склону холма пробирался одинокий всадник. Его рослый сильный жеребец шел широким тяжелым шагом опытного боевого коня — он сам чувствовал, куда поставить копыто, чтобы не споткнуться и не стряхнуть всадника. Но тот сидел так уверенно, словно родился в седле.

Конь и всадник успели промокнуть до нитки. Светло-желтая шерсть коня потемнела, грива и хвост слиплись и посерели. Всадник перестал натягивать на плечи мокрый плащ и

подставил голову ливню. Казалось, вода хлупала даже в сапогах.

Конечно, проще всего было остаться у очага с гостеприимным хозяином, который с удивительной широтой души делился с гостем всем, что у него было. Но Даждю не сиделось на месте. Десять лет, с самого дня свадьбы, он провел подле жены, в своей семье, пока не понял, что ему не повезло. Для Марены оказалось важнее ее мастерство чародейки и колдуньи, чем семья и дети. Она не желала их иметь и чуть ли не гордилась своим бесплодием. Даждь устал от нее и поспешил воспользоваться предложением Перуна отправиться на пару лет на запад, в Далекие Леса и дальше. Оба они бросили жен, а Перун — и не родившегося еще ребенка, но оба не слишком задумывались над этим.

С того дня миновало не год-два, а целых шесть лет. Даждь не выдержал первым — расставшись с Перуном на берегу западного моря, он спешил домой, в замок на севере. Он знал, что Марены там нет — сам когда-то проводил ее в Пекло, — но спешил не к ней: хотелось увидеть отца, мать, младших братьев и обрадовать Диву-Додолу и ее ребенка, что Перун вернется будущей весной вместе с первыми оттепелями. Потом,, отдохнув, Даждь собирался навестить и Марену — за шесть лет она могла и изменить свое мнение о семье. Если так, то они будут счастливы.

Златогривый Хорс по привычке осторожно выбирал путь. Ливень, который не мог остановить Даждя, размыл дорогу, превратив ее в жидкое месиво, в котором разъезжались копыта коня. Двигаясь твердо и расчетливо, Хорс поднимался к вершине холма.

Дорога вилась как змея с перебитым позвоночником. Позволив коню идти самостоятельно, Даждь плотнее запахнулся в промокший плащ и задумался.

Слишком много времени, видать, провел он в боях и походах, сражаясь с чудовищами или служа местным правителям. Он устал и с радостью думал о том, как через десять — двенадцать дней, если непогода не задержит его, будет сидеть дома, в тепле. Сейчас он даже с нежностью вспоминал о Марене — какой бы она ни была, она продолжала оставаться его женой по закону, и он ее все-таки любил.

Хорс взбирался на склон, выбирая путь между деревьями. Его всадник и сам не заметил, как они свернули с дороги и двигались без тропы, но строго на север, словно притягиваемые невидимой нитью. Мокрые безлиственные деревья стояли плотной стеной, их растопыренные ветви норовили нарочно ткнуть в лицо или сорвать плащ. Хорошо еще, дождь кончался, но все равно — на многие дни пути все вокруг будет так сыро, что раз или два придется переночевать на мокрых листьях. Как хорошо было бы...

Даждь вдруг ясно представил себе замок, где он ночевал сегодня — молодого, но не по годам умудренного хозяина, его жену, сестру и маленькую дочку. Словно что-то предчувствуя, они не хотели его отпускать. Да и в самом деле — много ли он потерял бы, выехав на день-два позже?

Даждь поймал себя на желании вернуться назад и переждать непогоду. Однако он уже отъехал достаточно далеко — разумнее было продолжать путь.

Сдержав коня, Даждь выпустил из рук повод. Догадавшись о желании хозяина, Хорс остановился — его разум иногда был под стать человеческому, а сейчас конь замер, дабы не мешать седоку.

Прикрыв глаза, Даждь соединил кончики пальцев и сосредоточился на навязчивых мыслях об оставленном замке. Никогда не бывало такого, чтобы он ошибался в своих предчувствиях. Теперь следовало лишь выяснить, что случилось или случится в ближайшее время. Может, его кто-то ждет впереди и лучше выждать удобного момента в замке?

Ему случалось медитировать даже на ходу, избавляясь от усталости во время долгих переходов по горам в юности, а потому сейчас мысль легко отделилась от сознания и поднялась к самым тучам, обозревая окрестности не только в будущем, но и в прошлом.

Далеко позади горел огонь.

Это был не мирный огонек, зажженный в ночи для заблудившихся путников, — то был настоящий пожар. Непогода мешала ясно рассмотреть его, но одно было очевидно — горело там, откуда Даждь недавно уехал.

Горел замок. Открыв глаза и не тратя времени, Дажь развернул коня и направил его вниз, к дорожке.

Он спешил, и конь с первых же скачков перешел на галоп, вламываясь в заросли и топчa кусты. Копыта скользили по грязи, но он мчался все быстрее и быстрее.

Припав к шее коня, Дажь молился только об одном — чтобы Хорс не споткнулся. Они скатились с холма и выскочили в седловину, заросшую кустами. Не тратя времени на то, чтобы следовать всем ее изгибам, Хорс понесся напрямик к соседнему холму.

Сочное шлепанье копыт по воде смешивалось с шумом дождя и завываниями ветра. Хорс мчался так, словно их преследовали враги. Дажь не направлял его, сосредоточившись на том, что ждало его впереди, — он ясно чувствовал опасность и не простил бы себе, если бы опоздал.

Срезая угол, его конь чуть поскользнулся на слипшихся листьях и приостановился, выравниваясь. Дажь откинулся назад и вбок, помогая коню, — и резко осадил его, останавливая.

Сквозь шум осеннего леса ему почудился странный звук. Выпрямившись в седле, Дажь прислушался.

Они находились у самого подножия холма, заросшего лесом, как отшельник бородой. Точно такие же холмы тянулись и вокруг, на севере постепенно переходя в горы. Дорога огибала все холмы, и если считать по изгибам, то до замка оставалось обогнуть всего четыре холма.

Чуть впереди, за поворотом, насколько Дажь помнил, открывалось небольшое болотце, окруженное рощицей берез. Оттуда и доносились странные звуки.

Сначала Дажь не разобрал их значения, а когда понял — не поверил, потому как существа, издававшие их, не могли оказаться так далеко от родных мест. Он замер, вскинув брови, но вот переклик охоты повторился. Сомнений больше не было — это был вой оборотней, идущих по следу. Судя по звучащему в их голосах нетерпению, их жертва была совсем близко.

Дажь вспомнил свое видение пожара в замке. Человек мог быть оттуда — если же нет, добрым хозяевам скоро придется туго.

Но все эти мысли пришли позже — уже когда Дажь пришпорил Хорса, посылая его вперед.

Жеребец вломился в заросли, оставляя позади только валежник. Круша все на своем пути, он слетел со склона и выбежал к роще.

В безлиственной роще сейчас было далеко видно — обзору не мешали даже камыши у болота. В них мелькало темное пятно — человек.

Болото со всех сторон окружали холмы. Ливень не позволял как следует всмотреться в склоны с другой стороны, но погоня могла быть и близко — у оборотней очень чуткий нюх: взяв след, они не потеряют его, даже если пройдет несколько дней.

Человек снова мелькнул в зарослях камыша. Он еле бежал, но двигался целеустремленно.

Беглец и Дажь встретились на самой границе рощицы, на склоне. Всадник вынырнул навстречу человеку из-за стены дождя так быстро, что беглец отшатнулся, падая. Хорс не успел остановиться, и его копыта прошлись по лежавшему.

Дажь спрыгнул с коня и склонился к беглецу, рывком переворачивая его лицом вверх. Человек был ранен — в его плече торчал обломок стрелы, и кровь сочилась на землю. Грубая одежда слуги была порвана и залепана грязью болота. Он еле дышал, закатив глаза, в груди его при каждом вздохе что-то булькало и свистело.

Дажь не помнил этого человека, но погоня оборотней что-то да значила. Он склонился к беглецу и сдал ему виски ладонями, приводя в чувство.

Человек вдруг открыл глаза. Их взгляд был неожиданно ясен, и он сразу же вскинулся, ловя руки Дажда.

— Господин мой, — прошептал он сорванным голосом и закашлялся кровью. —

Господин мой...

— Что? — тряхнул его Дажь. — Что с ним?

— Беда! — выдохнул человек. — Беда... Они пришли... Всех убили, сожгли замок... Моя госпожа и ее дочь погибли в огне... Господин в плену — мне еле удалось бежать... Теперь их убьют!

Он опять зашелся кашлем, и Дажь было подумал, что Хорс ненароком ранил его. Но исцелять было некогда — следовало узнать как можно больше.

— Где они? — спросил он.

— Беги, спасайся! — Человек лихорадочно вцепился ему в плечо, приподнимаясь. — Эти твари не люди и не звери... Их много — больше сотни... Они пришли за тобой, человек севера. Им нужен ты... Спасайся!

— Сначала я должен помочь твоему господину, — возразил на это Дажь.

Человек склонил голову ему на плечо и устало прикрыл глаза.

— Ему уже ничем не поможешь, — тихо шепнул он, — как и мне... Я чувствую — мне конец... Брось меня здесь, спасайся сам... я...

Голос его стих совсем, и последних слов Дажь не расслышал.

Посиневшие холодные губы еще шевелились. Торопясь, пока незнакомец еще дышал, Дажь сбросил плащ, кладя на него человека, и коснулся его груди, исцеляя повреждения. Он сразу почувствовал, что у беглеца сломано копытами несколько ребер. Нужно было потрудиться...

В это время за его спиной послышался сиплый вой.

Дажь вскинулся, оборачиваясь. В зарослях камыша мелькали чьи-то тени. Голоса их оказались столь знакомы, что сразу в памяти всплыли холмы в Пекле и распятие, которому его подвергли. Заныли шрамы на ладонях, от которых так и не удалось избавиться. Дажь отдернул руки, и человек тут же перестал дышать. Хорс испуганно ткнулся мордой в плечо хозяина, зовя поторопиться. Дажь осторожно положил мертвеца на землю и встал, жалея, что ничего не смог сделать для него. Но этот человек пожертвовал своей жизнью, чтобы предупредить его об опасности. Интересно, кто послал оборотней?

Погоня вылетела прямо на него. Передние радостно завывали, увидев человека, и ринулись на него. В надежде, что они отвлекутся на мертвеца, дав ему время, Дажь одним прыжком вскочил в седло и поскакал прочь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

По крутым каменистым склонам горы торопливо пробирался всадник. Шел дождь — опять шел дождь, но всадник больше не смотрел на небо и не замечал, прекращался ли ливень хоть на миг. Ни снег, ни град — ничто не могло остановить погоню или сбить ее со следа. Завывания перекрывали монотонный шум дождя и журчание ручьев, бежавших к подножию горы.

Второй день продолжалось преследование. Дажю не давали и часа передышки, и до сих пор его спасала только привычка к долгим переходам да выносливость Хорса. Но сейчас, кажется, удача изменила ему.

Сквозь серую пелену дождя трудно было видеть дорогу, тем более здесь, в горах. Жеребец спотыкался, и, чтобы сберечь коню ноги, а самому жизнь, Дажь вынужден был спешиться и вести его в поводу. Так он проигрывал в расстоянии, но зато меньше рисковал сломать себе шею.

Погоня растянулась широким полукольцом у подножия горы. Они сжимали его в клещи. Оборотни и наемники-полукровки рассчитывали загнать Даждя на вершину горы, и это им удастся, если только он не сумеет одурачить преследователей.

Ах, если бы не дождь! Склон шаг от шагу становился круче и неприступнее, а витязь даже не знал, близка ли вершина.

Дажь остановился, и верный Хорс ткнулся ему носом в ладонь. Он чуял врага и жался

к хозяину. Привалившись спиной к валуну, Дажь прислушивался, не замечая текущих за ворот капель. За двое суток бегства от погони он не успел устать, но раздражало бессилие. И хоть бы шанс на спасение!

Внизу что-то зашевелилось в тумане, послышался призывный крик. Будь Дажь один, он бы не беспокоился, что его заметят, но отливающую золотом гриву Хорса не увидит только слепой, даже сейчас. Не дожидаясь, пока преследователи начнут окружать, его, он повел коня дальше.

И тут же сзади послышались голоса — его заметили. Погоня пошла по-зрячему. Не было нужды и затаиваться — все теперь решала скорость.

Дажь лез вверх, понятия не имея о том, что его ждет. Оборотней было слишком много — они вполне могли разделить и отправить часть наперехват. Тогда за следующим поворотом он встретит мечи и оскаленные клыки.

Камни под ногой измельчали — здесь было нечто вроде старой тропы, ведущей круто вверх. Дажь почти бегом ринулся по ней, волоча за собой Хорса.

— Сдавайся! — крикнул кто-то снизу. Голос звучал неуверенно. — Ты окружен!

Останавливаться и выяснять, — кому надо драть глотку, не было времени, да и смысла тоже. Дажь уже казалось, что он слышит за спиной тяжелое дыхание оборотней. Камни стучали под их лапами.

Резкий ветер рванул струны дождя, меняя музыку. На миг ливень прекратился, а потом возобновился с прежней силой, холодный и косой. Он лил так, словно знал, что скоро иссякнет.

Как раз в этот момент Дажь приостановился и запрокинул голову, подставляя разгоряченное лицо потокам воды, да так и замер с открытым ртом. В тот миг, когда ливень на мгновение замер, стало видно далеко и четко: впереди, выше по склону, в камнях мелькнуло что-то напоминающее пещеру.

Дажь сорвался с места и поспешил туда. Какова бы ни была пещера, там можно было отсидеться или даже принять бой — известно, что даже стоя оборотней пасует перед обороняющейся жертвой, которой дальше некуда отступать.

С каждым шагом мокрое пятно в скале приближалось, становясь и впрямь похожим на вход в пещеру. Оборотни тоже заметили ее, и теперь на склоне шла гонка — кто доберется до пещеры первым. Дажь был гораздо ближе, но его задерживал Хорс.

В последний момент, когда до спасительной темноты оставалось всего шагов десять, Дажь выпустил повод коня, бросаясь вперед. Он не сразу понял, что этот рывок спас ему жизнь — чье-то тело мелькнуло над ним, но промахнулось.

Злобный вой подсказал, что оборотень рухнул на своего напарника. Сцепившись, они покатались вниз под ноги остальным. Боясь, что это может быть опасным для Хорса, Дажь быстро обернулся — и второй оборотень прыгнул ему на плечи.

Сварожич был слишком опытным воином, чтобы позволить так просто поймать себя. Краем глаза он заметил летящую тень и развернулся, готовясь к бою. Оборотень оказался неожиданно тяжелым — или Дажь почудилось с непривычки. Втянув голову в плечи, Дажь резко откинулся назад. Позади была скала, не давшая ему упасть. Оборотень оказался прижат к ней. Дажь толкнулся об нее раз, другой, давя противника своей тяжестью. Тот терпел молча, но когда противник схватил его за шкуру и дернул, срывая с себя, он не выдержал и лязгнул зубами, отпустив плащ Дажь.

Дажь мигом воспользовался оплошностью противника. Зубы оборотня, правда, успели сомкнуться на руке человека, но тот оторвал от себя врага вместе с куском ткани. Под кожаной курткой у Дажь была кольчуга, и зубы оборотня не причинили ему вреда.

Остальные преследователи были совсем близко. Они видели схватку и подбадривали своего приятеля завываниями и криками. Торопясь, пока они не подоспели, Дажь с размаху бросил врага вниз, метя в первого из преследователей. Тот успел уклониться, но шедшие за ним два наемника покатались кубарем вниз.

Спасительная пещера была в двух шагах. Поймав гриву жавшегося к камням Хорса,

Даждь бросился под его защиту.

Темнота обступила его, и он припал к холодным гладким стенам, тяжело дыша. Вода текла с него и Хорса ручьями. Но оборотни были близко, и для отдыха времени не оставалось.

Одного взгляда на пещеру оказалось достаточно, чтобы понять — он ничего не выигрывает. Вниз и вперед тянулся широкий, чуть более сажени, и достаточно высокий для всадника мрачный ход. Оттуда волной поднимались холод и сырость. Дыхание человека и лошади многократно усиливались эхом, превращаясь в многоголосый гул.

Из оцепенения Даждя вывели вопли преследователей. Они видели, что их жертва скрылась в пещере, и торопились сюда.

Толкнув Хорса подальше вглубь, Даждь повернулся к выходу. Первые преследователи были уже близко. Позади них маячил силуэт какого-то всадника, не спешившего приблизиться.

Выход, был только один, и Даждь не стал раздумывать. Важнее было другое — сможет ли он это сделать.

Он знал, что гора над ним не представляет единого целого — россыпи камней, больших и малых, были повсюду. Достаточно одного толчка, чтобы родилась лавина.

Даждь прикрыл глаза, сосредоточиваясь. Медленно проговорил в уме необходимые слова и раскинул руки в стороны, чувствуя, как привычно заныли кончики пальцев. Он коснулся ими стен пещеры — дрожь его рук передалась горе, и она тихо загудела.

Мощный толчок, пришедший изнутри, заставил Даждя покачнуться. Упав он — и чары были бы разрушены. Но он выстоял — и гора вознаградила его резким треском лопающихся камней.

Двигать горы — это была не его стихия, но он верил в себя и понял, что не ошибся. Когда его опять толкнуло изнутри, крик Даждя слился с грохотом обвала.

Погоня затормозила у входа в тот самый момент, когда тело Даждя сотряс новый толчок. Под ногами у оборотней тоже дрогнуло, и они попятись.

Это спасло жизнь многим, но не всем. Когда начался обвал, те, кто стоял дальше, заметили летящие камни и шарахнулись прочь. Некоторые, перепугавшись, бросились в пещеру и были раздавлены первыми. Остальных погребла под собой каменная лавина.

Мрак мгновенно поглотил свет. Свалившийся в отверстие пещеры камень толкнул Даждя. Сварожич упал и еле успел откатиться в сторону.

* * *

Когда все стихло, Кощей медленно опустил руки. Он до сих пор отказывался верить случившемуся, но все действительно было так, как подсказывали ему память и зрение.

Склон горы над входом в пещеру внезапно залило бледным голубоватым светом. Он пробивался сквозь дождь, и в его сиянии камни пришли в движение. Сначала медленно и неохотно, но вот что-то толкнуло их — и они разом рухнули вниз, заваливая вход.

В самый последний момент Кощей пытался их задержать, применяя свою силу, но противник его был опытным чародеем. Дай ему силы и время — он бы смог разогнать и облака над головой!

Уцелевшие наемники и оборотни сгрудились вокруг Кощей, притихшие и настороженные. Покажись теперь Сварожич — не многие бы бросились на него очертя голову. Но Сварожич мертв. Мертв ли?

Тронув коня, Кощей подъехал к завалу и дотронулся до него рукою. Он ясно ощутил дрожь напряженного камня — обвал не проник внутрь потому, что его оттуда удерживала какая-то сила. Кощей оглянулся на свое воинство.

Десяти — разрывать ход, — приказал он. — Остальные — на поиски... У этой пещеры должен быть второй выход!

Наемники толпились на месте, но оборотни уже ринулись в разные стороны,

карабкаясь по камням, кто к вершине, кто к подножию горы. И полукровки взялись за дело.

* * *

С усилием поднявшись, Дажь прижался щекой к камням завала. Он с удивлением осознал, что эта дрожь в коленях — первая весточка, которую подает его возраст. Еще лет пятнадцать — двадцать и придется прощаться с кочевой жизнью.

Камни отлично передавали все звуки. Дажь легко различал ворчание оборотней и отдельные слова. Вот подъехал всадник. Не требовалось особого знания, чтобы понять — это и есть его преследователь.

Услышав про завал и запасные выходы, Сварожич выпрямился, нащупывая меч на боку. Надо было действовать, и немедленно.

— Эй! — позвал он в темноту. — Ты слышишь меня?

Начавшийся было стук отбрасываемых камней стих.

— Кто ты? — продолжал Дажь. — За что преследуешь меня?

— Назовись! — потребовали с той стороны.

— Дажь, — сказал он, — Дажь Тарх Сварожич... Я с севера. Ты, наверное, ошибся...

— Нет! — последовал ответ. — Я не ошибаюсь. В чем твое преступление, ты узнаешь, когда будешь в моих руках...

Голос прервался, и стук камней возобновился с удвоенной силой.

Дажь отпрянул, прислонившись к стене затылком. Он не узнал ничего, а потерял очень многое.

В пещере не было темно — Хорс стоял подле, и от его гривы исходило мягкое золотистое сияние. Это вместе с необычайной выносливостью, силой и разумом коня было самым ценным его свойством. Жеребец склонил голову и пристально смотрел на хозяина.

Дажь взял его за гриву.

— Пошли, — сказал он. — Уйдем, пока не поздно.

Он осторожно двинулся в темноту, одной рукой ведя Хорса, а в другой сжимая обнаженный меч. Дажь знал, что в таких пещерах всегда бывает несколько выходов, и он должен был первым разыскать хотя бы один из них.

Ход то расширялся, то сужался, порой раздваиваясь на две равные половины. Всякий раз, выбирая путь, Дажь содрогался при мысли, что сделал неправильный выбор. Вдруг ход окажется тупиком? Возвращение назад означает потерю времени, а он и так потерял его слишком много. На каждой развилке он приостанавливался и посылал вперед молниеносный мысленный луч. Ощупав пространство впереди шагов на сто, он двигался дальше.

Хорс следовал за ним, как собака. От света его гривы на полу пещеры колебались тени. Иногда он вопросительно тыкался носом в спину Даждя, словно просил поторопиться. Он явно чувствовал нечто недоступное даже тайным знаниям его хозяина.

Дажь заметил, что ход поднимается вверх. Иногда подъем был настолько крут, что требовались ступени. В таких местах много лет назад кем-то неизвестным в скале были выбиты желобки наподобие ступеней, облегчающих путь, хотя они сильно пострадали от времени. В одном месте на развилке копытю была нанесена на полу стрела, указывающая направление. Очевидно, кто-то хотел, чтобы ходом воспользовались.

Выбирать Даждю было не из чего, и он отправился по стреле.

Еще дважды попадались развилки, где снова путь указывал какой-нибудь знак. Вскоре Дажь заметил, что впереди стало светлее. Очевидно, он вышел на открытый воздух — и в самом деле, в пещере стало гораздо свежее.

Сварожич приостановился, крепче сжимая меч. Неизвестно, что ждет его там, впереди. Он так долго блуждал по пещерам, что оборотни снаружи могли обнаружить этот выход и устроить засаду.

Он медленно двинулся вперед, замирая на месте после каждого шага и прислушиваясь. Чувства подсказывали, что там кто-то есть, но не оборотни — это точно.

Даждь успел уже подумать о том, как будет договариваться с жителями пещер, прежде чем сделал еще несколько шагов и, повернув последний раз, понял, что ошибся.

Впереди, шагах в пяти, ход открывался в просторную пещеру, залитую слабым светом. Но и он показался Даждю непривычно ярким, и витязь остановился, выжидая.

На сей раз двигаться его заставил Хорс — коню надоело бродить во мраке, и он жаждал оказаться на свободе. Он толкнул хозяина мордой в спину так, что Даждь мигом оказался на пороге просторной пещеры.

Он снова огляделся и сразу понял, что не ошибся в выборе пути.

Пещера была такая огромная, что в ней можно было разместить на ночлег десяток воинов вместе с лошадьми. Дальняя стена ее была, видимо, совсем недавно разрушена обвалом, из нее лился дневной свет. А в самом центре пещеры одиноко стоял камень.

Приглядевшись к нему, Даждь понял, что именно его он чувствовал раньше. От камня исходили еле заметные волны живого человеческого тепла.

Даждь медленно приблизился, не убирая, однако, оружия. Вблизи камень оказался буро-красного цвета с розоватыми прожилками. Формой он напоминал сильно вытянутое яйцо. Тонкая, как вода, линия делила его на две неравные части. Верхняя часть была полупрозрачной, и по ее краю шел стертый временем узор. Взглянув на ряды символов, Даждь понял, что перед ним старинный склеп.

Сварожич остановился над камнем, склонив голову. Он узнал камень — когда-то давно, много лет назад, Родомысл показывал ему обломки точно такого же камня, в котором несколько дней между жизнью и смертью провел он сам. Сердцевина камня, мягкая и теплая, как материнское лоно, вернула ему силы, восстановила и заживила раны на теле. Даждь знал, что перед ним — творение рук и гения человеческого. Но сколько же надо затратить сил, умения и мастерства, чтобы сотворить это чудо!.. И уж конечно, не для пустячной цели. Родомысл рассказывал ему, что таинственный витязь Солнце, которого Даждь смутно знал как своего старшего брата Хорса, послал такой камень с небес по просьбе Святогора. Даждь слышал эту историю, но до сих пор удивлялся, как такой камень оказался в нужное время и в нужном месте, чтобы спасти ему жизнь. Все знали, что Хорс Сварожич обладает знаниями, неподвластными прочим людям, но странно было думать, что он настолько всемогущ.

Вспомнив об этом, Даждь осторожно погладил гладкий теплый бок живого камня. Этот камень отличался от виденного им когда-то, значит, его доставил сюда не Хорс. Но кто тогда? Кого он ждет? Для кого предназначен?

Первой мыслью было узнать, есть ли кто внутри. Отложив меч, Даждь наклонился над камнем. Сквозь розовый туман Сварожич разглядел чью-то голову. В камне кто-то был, но кто и с какой целью оставил здесь человека? Сюда, видимо, давно не заходили — пол был покрыт толстым слоем пыли и нашлапками грязи. С потолка свисали сосульки, а сам камень основанием врос в землю.

Забыв о погоне и опасности, Даждь вытащил нож и вонзил его в щель, отделявшую крышку. Он не думал, к чему это приведет — просто хотелось помочь незнакомцу, пока до него по следам Даждя не добрались оборотни.

Лезвие вошло внутрь до рукояти. Налегая всем весом, Даждь попытался сдвинуть его с места. Нож качнулся, и что-то внутри сочно хрустнуло, словно он разрезал живую ткань.

Огонь через нож пробежал по его жилам — он ненароком коснулся силы камня. Раздался тихий высокий звон, крышка вспыхнула и погасла.

Действуя ножом как рычагом, Даждь приподнял крышку и попытался сдвинуть ее с места. Тяжелая, она подавалась с трудом, но с третьей попытки Даждь свернул ее набок, открыв лицо незнакомца.

Его с головой укрывала какая-то похожая на паутину ткань, но и через нее Сварожич узнал погребенного и застыл на месте, не веря глазам, а потом, очнувшись, одним рывком сдвинул крышку далее, вниз.

Перед ним лежала молодая женщина со спокойным лицом. Глаза ее были плотно закрыты, красивые полные губы сомкнуты. Над бровями залегла морщинка — верный

признак того, что женщина жива. Золотисто-русые волосы были убраны в толстую косу, лежавшую у нее на груди. Лоб охватывал кожаный ремешок.

Незнакомка манила к себе изголодавшийся взор витязя. Торопясь, желая увидеть ее всю, Дажь отодвигал и отодвигал крышку, постепенно открывая высокую грудь женщины, стройную крепкую фигуру, обтянутую тканью, руки, сложенные под грудью. Поверх платья на ней была кольчуга, перехваченная узорным поясом. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Дажь сквозь полупрозрачную ткань коснулся груди женщины, ее прохладных нежных рук и с обостренной тревогой и жалостью понял, что она ушла из жизни, не испытав радости материнства. Она была слишком молода, чтобы быть матерью...

Сквозь ткань Дажь погладил ее руку.

— Спи спокойно, — промолвил он. — Жди того, кому ты назначена. И прости!

Наклонившись к спокойному лицу, Дажь прикоснулся кончиками пальцев к прохладной щеке и поцеловал неподвижные губы.

Ему показалось, что уста чуть дрогнули, отвечая. В следующий миг косо лежавшая крышка стала медленно сползать на пол. Весь еще во власти поцелуя, Дажь не успел выпрямиться вовремя. Он только вскинулся, протягивая руки, — и крышка, скользя мимо его пальцев, рухнула на пол.

Стены пещеры сотряс мелодичный звон, словно упавшая крышка задела невидимую струну. Поднявшаяся при падении пыль осела на обломках крышки.

Дажь смотрел не отрываясь на них, пока не почувствовал, что с телом девушки что-то происходит. Он обернулся и увидел, что ложе начинает окутывать слабый розовый свет. Он густел, становясь похожим на туман. В нем начали исчезать черты спящей девушки. И вдруг она вздрогнула, словно что-то почувствовала сквозь сон. Морщинка прорезала ее лоб, потом лицо успокоилось, и новая, неземная красота снизошла на него.

Я убил ее, — с содроганием подумал Дажь, — Теперь она умрет... И все по моей вине!»

Первой мыслью было исправить причиненное зло. Он собрал обломки и приладил один к другому, кладя на место. Но это было слабое действие — оно приостанавливало смерть, но не избавляло от нее. Помочь мог только Хорс — и с этой мыслью Дажь бросился к обрушившейся стене.

В два прыжка он оказался на поверхности и ошеломленно огляделся. Провал открывал выход почти на вершину горы — она была всего в десяти шагах позади него. А Дажь стоял на небольшой, в четыре шага, площадке прямо над довольно крутым обрывом в море. Оно простиралось до горизонта, и Дажь задохнулся от великолепия открывшейся ему картины.

Пока он бродил по подземельям, ветер разогнал низкие дождевые тучи, и в просветах меж ними мелькало синее небо. Одно облако сдвинулось, открывая слепой глаз солнца. Порыв ветра толкнул Даждя в грудь, и Сварожич опустился на колени, глядя в небо. Ему ни разу не приходилось звать брата, и он не знал, отзовется ли Хорс.

— Хорс! — позвал он в полный голос. — Хорс, приди ко мне!

Эхо подхватило его крик и понесло прочь.

— Хорс! — позвал Дажь снова. — Ответь мне!

Сзади послышалось ржание — золотистый жеребец выскочил из пещеры и подбежал к хозяину, недоумевая. Дажь не успел протянуть к нему руку, как издали послышалось ответное ржание.

Только тут Дажь запоздало вспомнил о погоне — преследователи, отправившиеся искать другой выход, наверняка услышали ржание Хорса. Теперь они просто идут на голос, а ему некуда уйти. Остается только погибнуть, сражаясь, потому что допустить, чтобы чужие руки касались женщины в склепе, он не мог.

Дажь загнал жеребца обратно в пещеру и встал у входа, обнажив меч.

И тут поток солнечного света хлынул на него. Даждя окутали волны летнего тепла, в плечо толкнулся сухой ветер. Дажь вскинул голову.

Половину неба заливал слепящий глаза свет, в нем пропало море на горизонте, облака и

дальний берег излучины. От светлого пятна истекал жар. Удушающе горячий вихрь вырвался оттуда и прижал Дажда к камням, ураганом пронесся по вершине горы, переворачивая камни.

Борясь с его порывами, Даждь еле держался на ногах. Ураган отрывал его от скалы, толкая то в пещеру, то прочь с площадки. На землю сходил отозвавшийся на призыв Хорс.

До слуха Сварожича донеслись стихающие крики, полные ужаса, — вихрь очищал гору от наемников, сбивая их наземь. Где-то вдалеке родился горный обвал — грохот падающих камней заглушил последние крики.

Закрывшийся рукой Даждь ничего не видел и не слышал, пока сквозь свист и рев урагана до него не донесся далекий спокойный голос:

— Ты звал меня, и я пришел...

Свист ветра чуть стих, стал мягче. Даждь с усилием выпрямился, отнимая руку от лица, и поднял глаза.

Сажень в двух впереди, над пустотой, висел огромный светящийся шар, от которого исходили волны нестерпимого жара. В сердце шара темнел чей-то силуэт. На глазах он стал меняться, обретая знакомые черты — высокий худощавый человек в белых одеждах, развевающихся вокруг его тела, сложенные на груди руки, короткие золотые волосы, белая повязка через лоб и под нею — пронзительные холодные глаза.

— Ты звал меня, и я пришел, — повторил человек.

— Хорс! — крикнул Даждь, перекрывая вой ветра. — Хорс, я прошу помощи!..

— Я знаю — внизу враги, — кивнул Хорс. — Они пришли сюда за твоей головой. Но не думай о них более — те, что выжили, не скоро смогут отправиться в путь. Теперь ты в безопасности.

— Благодарю. — Даждь склонил голову. — Но не в том моя просьба, брат!.. Здесь, в пещере, я нашел...

— И это я знаю, — кивнул Хорс. — Что с ней?

— О Хорс, я разбил крышку ее склепа, — повинился Даждь, — сам того не желая... Мне хотелось бы исправить мою оплошность, но теперь она умирает, а я... Я даже не ведаю ее имени!

Страшный в своей неподвижности взгляд Хорса вдруг потеплел, и он даже слегка улыбнулся.

— Златогорка, — сказал он мягко, — Златогорка Виевна. Святогора сестра единая...

Даждь обернулся в тишину склепа. Никто не знал доподлинно, сколько лет Святогору. Знали лишь, что Златогорка, его сестра и спутница, умерла в одночасье еще до того, как патриарх Сварг женился на матери Дажда.

Хорс внимательно следил за братом.

— Неужели, — благоговейно выдохнул Даждь, — это она? Но что сгубило ее, такую молодую и... прекрасную? Кого ждала она тут? Кому назначалась?

— Тому, кто станет ей мужем, — ответил Хорс. — В ее время не был рожден тот, кто ей назначен по силе и душе. Она узнала о том и решила лечь в этот склеп, чтобы здесь дожидаться того, кто будет ей равня, для кого она была рождена.

— И не дождется его по моей вине, — прошептал Даждь горько и вскинул голову. — Что мне делать? Как спасти ее?

— А ты хочешь этого? — В голосе Хорса мелькнул интерес.

— Всем сердцем! — Даждь подошел к самому обрыву. — Коль погибнет до срока, на мне ведь вина будет! Ты все ведаешь — открой тайну!

Холодное лицо Хорса засветилось, но он медлил, прикрывая улыбающиеся глаза светлыми ресницами.

— Что ж, — промолвил он, не поднимая глаз, — скажу тебе все. Ждет она, как и ты когда-то, чтоб ее к жизни вернули. Тебя спасла вода Смородины-реки, а ее поднимет то, что мертвый камень оживить может.

Даждь мгновенно огляделся. Вокруг были россыпи камней. Ветер небрежно сдвинул их

в кучи, расчистив место. Камней было много. И все они были мертвы.

Хорс почувствовал его сомнения, покачал головой, и это простое движение породило порыв ветерка.

— Нет, брат, — молвил он, — камня того здесь нет и не было. Особый он, единственный во всем мире. Коли хочешь — идем со мною, укажу его тебе, а там уж сам думай, что, с ним сделать!

Он подался вперед, протягивая руку.

Даждь выпрямился, сделал шаг — и остановился в нерешительности. Между братьями было три шага пустоты, но на самом деле остановило Даждя не это.

— Со мной мой конь, — объяснил он, — твой подарок. И... боюсь я ее оставлять тут одну — как бы кто не нашел ее да зла ей не причинил!

Хорс улыбнулся уже открыто.

— Идем, — повторил он. — За нее не бойся — а пальцем ее никто не тронет — дождется она тебя, что бы ни случилось... Торопись!

Даждь вернулся в пещеру, поймал забившегося в дальний угол Хорса, последний раз взглянул на склеп со Златогоркой и вернулся к брату.

Тонкий полупрозрачный луч касался края скалы, продолжая дорогу. Даждь ступил на него, ведя коня в поводу, и облако солнечного сияния поглотило их.

* * *

Немногие из наемников и оборотней уцелели после неожиданно налетевшего урагана. Те, кто мог самостоятельно двигаться, собрались подле Кощея.

Тот оставался внизу, в окружении нескольких охранников, и отлично видел и погоню, и ураган, который разметал по холмам его воинство. Сейчас он, не обращая внимания на скулеж оборотней, смотрел на яркий, как молния-родия¹, шар, висящий над вершиной, и гадал, что бы это значило.

Неожиданно шар дрогнул и медленно поплыл по небу, постепенно растворяясь в нем. Но не это удивило Кощея больше всего — внутри шара ясно виднелся силуэт человека, державшего в поводу лошадь.

— Ушел, — скрипнул зубами Кощей, — ушел... Но ничего, чародей или кто ты там на самом деле!.. Я отыщу тебя рано или поздно! Или умру!

* * *

Это был одинокий остров в северном пустынном море. Скалистый, дикий и неприступный. В камнях росли кривые кустики, меж ними ютились летом птицы. Но сейчас, в конце осени, он был пуст.

Полет завершился на самой вершине его единственной скалы. Хорс остался; на месте, а Даждь и его жеребец сошли на камни...

— Вот этот камень, — кивнул Хорс.

Даждь посмотрел. Прямо под его ногами лежал неприметный булыжник серо-голубого цвета, с пятнами лишайников, величиной с конскую голову. Обычный булыжник, каких много. И все-таки он был необычным.

— Возьми его, — молвил Хорс. — Даже я не ведаю, откуда он тут взялся. Возможно, он прилетел со звезд. Сделай так, чтобы он не пропал зря!.. Прощай. Я тебя не оставляю...

И, прежде чем Даждь вымолвил хоть слово, огненный шар растаял в воздухе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

¹ Шаровая молния. (Здесь и далее примеч. авт.)

Солнце еще не успело коснуться макушек вековых дубов и лип в священном лесу, как затрубили рога. Им вторил дробный стук копий и палок о землю, говор и приветственные крики. За шумом не было слышно топота копыт. Он донесся внезапно, и так же внезапно на опушку выскочил на полном скаку отряд всадников.

Судя по строю, холеным сильным коням, одежде и посадке людей, все они были воинами. Но сейчас при них не было оружия — луков со стрелами, копий и щитов. Засапожные ножи и короткие мечи, с которыми люди не расставались, были не в счет. Ни на одном из всадников не было доспехов. Среди них были зеленые юнцы, мужи в возрасте и полуседые ветераны. Впереди скакал, держа поводья в одной руке, невысокий коренастый воин с седой головой и длинными ухоженными усами, спускавшимися ниже бороды. На его шлеме был выкован орел с распростертыми крыльями — знак высокого сана.

Снова взревели трубы — навстречу всадникам выскочили другие. Эти кутались в плащи кочевников — кожаные штаны и рубахи составляли все их одеяние. Длинные темные косы змеями вились по спинам, смуглые от многолетнего загара широкие лица скалились в усмешке. С гиканьем всадники пронеслись перед приезжими и окружили их, приветственно вскидывая сабли.

Одежда одного из них была увешана шкурками зверьков, а на поясе болтались звенящие друг о дружку амулеты. Он подскакал вплотную к длинноусому воину и кивнул ему, оскалив в улыбке белые ровные зубы. Со стороны это могло показаться усмешкой или угрозой, но все было мирно — князь местного племени Вячек Длинноусый приехал заключить мир с кочевым народом, вождем которого был Одорех Хромой.

Всадники Одореха смешались со смердами и ближниками Вячека как братья. Всюду вспыхивали улыбки, широкие и задорные — кочевников и деловитые и немного смущенные — гостей. Вместе они поехали дальше.

Вожди оказались рядом. Почти не зная языка, они только поочередно прижимали руки к сердцу и кланялись друг другу.

Впереди на лугу раскинулся стан кочевников — повозки простых воинов и всадников, палатки знати. Над каждой болтался знак рода — белый, бурый, черный или рыжий лошадиный хвост и знаки то орла, то солнца, то еще какой. К кольям были привязаны приготовленные для жертвоприношения телята и лошади. Горели костры, подле них сутились люди. Когда гости в сопровождении хозяев подъехали к самому становищу, опять затрубили в рога. Отовсюду сбежались мужчины, женщины, дети. С гомоном и криками они смотрели на гостей, болтали, показывая пальцами.

Один молодой воин, совсем еще отрок, поравнялся с князем Вячеком.

— Не по нраву мне это все, отец, — тихо сказал он. — Вон их сколько, а нас? Вмиг прирежут как цыплят!

Успокойся, Данко, — отозвался князь. — Мы здесь гости. Одорех у нас был — его не тронул никто. Вот и нас они не обидят! Закон гостеприимства везде чтут!

Отрок отъехал, насупившись. Одорех, который был к ним ближе всех, сделал вид, что не слышал разговора, но чуть заметно нахмурился.

Они въехали в самый центр становища, к палаткам вождя, его жен и старших сыновей, и образовали полукруг, внутри которого жарко горел костер и стоял вкопанный в землю идол, высеченный из камня. Идол грозно смотрел из-под шлема, прижимая к себе рог и меч-кинжал. Между палатками толпились люди, среди которых почти не было женщин — только жены и несколько дочерей Одореха смогли пробиться в первые ряды.

Подожли слуги, принимая коней сначала у гостей и своего вождя и только потом — у остальных знатных всадников. Всех приезжих тут же с почетом повели ближе к костру, усаживая на плетенные из лозы и камыша циновки. Князь Вячек и вождь Одорех устроились на шкурах рядом друг с другом.

Гостям подали вино в кувшинах. Каждый кувшин сначала открывался перед Одорехом — он пробовал вино, и если кивал головой, разливали гостям.

Вместе со слугами появились и толмачи — бывшие пленники той и другой стороны.

Вот уже третий год пришлые кочевники вели войну с местными князьями, сжигали городища и уводили людей в полон. Гостям порой казались знакомыми лица некоторых рабов и слуг. Князь Вячек согласился отпустить захваченных кочевников, а Одорех обещал отпустить людей князя. Те из них, кто успел уже получить свободу, теперь переводили слова языка, которому обучились во время плена.

— Ты, коназ¹, — говорил Одорех, следя за толмачом, — верно рассудил — лес ваш, лес большой, а степь наша — и она тоже не маленькая. Зачем кровь лить? Поделим землю — жить станем, детей растить станем, торговать. Мне помощь понадобится — ты мне поможешь, у тебя нужда возникнет — зови, приду! Твои боги на то согласились, сегодня мои ответ дадут!

В первые ряды уже протискивались жрецы, готовые начать обряд. Они ожидали взгляда вождя, но тот отмахнулся от жрецов и сделал знак рукой кому-то позади.

Всадники, составлявшие половину круга, раздались в стороны, пропуская десяток слуг, которые, тяжело дыша, волокли к костру огромный котел, в нем можно было сварить, наверное, целого быка. С трудом подтащив котел к огню, слуги с грохотом опустили его на землю.

— Вот смотри, коназ, — гордо сказал Одорех, привстав и указывая на котел. — Один мой человек сказал мне» что кто-то до твоих сыновей боится нас, боится предательства...

— Вовсе нет, — торопливо воскликнул Вячек, не дав толмачу перевести слова вождя до конца. — Вовсе нет!

Одорех остановил его величественным жестом.

— Я не сержусь, — сказал он высокомерно. — Но хочу, чтобы ты и твои люди поверили мне, поэтому взгляни на этот котел. — Он переждал, пока толмач переведет его слова, и продолжил: — Ты, коназ, говорил о вашем обычае варить кашу в знак мира... Так вот, сегодня мы сварим эту кашу в моем котле.

Его отлили по моему приказу для этого дня. А чтобы ты окончательно поверил в мои намерения, открою секрет — его отлили из наконечников стрел, которые должны были вонзиться в сердца твоих людей! Вот знак моего мира!

Когда толмачи кончили переводить речь Одореха, гости привстали с мест, во все глаза глядя на котел. И никто из них не заметил, какое выражение лица при этом было у вождя Одореха Хромого.

* * *

Жрецы освятили новый котел, принеся в жертву богам двух телят и молодую кобылицу и смазав их кровью стенки котла. Уже успели опустеть кувшины с дорогим заморским напитком и бурдюки с перебродившим кумысом. Давно уже стемнело, повсюду в становище горели костры, где пировали всадники и простые кочевники. Где-то звучала музыка, слышались песни, на фоне языков огня плясали чьи-то тени.

Становище веселилось в ожидании главного события.

Под пристальными взглядами жрецов рабы начала подготовку к варке каши. Прикрыв глаза веками, Одорех из-под ресниц следил за ними и в самый последний момент остановил жрецов взмахом руки.

— Погодите! — приказал он.

Ждавшие его слова, жрецы послушно остановили рабов, готовые внимать вождю.

Одорех повернулся к полулежавшему на своем месте князю Вячеку. Толмач тут же придвинулся ближе.

— Слушай меня, коназ, — обратился Одорех к гостю. — Хочу перед тем, как закрепить дружбу, обратиться к тебе за советом.

Выслушав толмача, князь привстал.

¹ Князь (тюрк.).

— Что ты хочешь узнать у меня, вождь?

— По нашим законам, — принялся объяснять Одорех, — после заключения мира спор быть не должно и все долги прощаются. Но прежде следует все же разрешить все споры, дабы не омрачать праздника. Есть у меня для тебя, коназ, кое-что... Хочу спросить, — Одорех незаметно кивнул кому-то за спиной князя, но тот не заметил поданного знака, — как мы отныне станем поступать с теми, кто нарушит установленный сегодня мир? Как поступать с чужаками-ворами, татями, убийцами, если кто из моих людей причинит вред твоим или твой человек обидит моего?

Вячек некоторое время думал.

— Следует виновного изловить и предать суду по закону, — сказал он наконец, — по нашему закону, коли преступник из моего народа, или по твоему закону, коли ваш человек виноват...

— Быть по сему, коназ-брат, — быстро молвил Одорех и, приподнявшись, трижды хлопнул в ладоши. — Мои люди поймали вора из числа твоих людей. По закону отдаю его тебе, пока мы еще не сварили каши и нет между нами мира... Что по вашему закону полагается за воровство?

— У соседа ежели — платит виру, а коль платить нечем — сам иди и отработай, сколько присудят, — ответил князь. — А чужого..

Вячек хотел что-то сказать, но в это время к костру, где пировали гости, подвели пойманного вора, и князь замолчал. В середине между четырьмя рослыми всадниками шел отрок не старше семнадцати лет, худощавый, жилистый, но сейчас казавшийся моложе. Руки его были туго скручены арканом, рубаха с цветным узором порвана на плече, на виске и взлохмаченных волосах запеклась кровь от старой ссадины, но шел он прямо и глядел гордо.

Однако, когда его подвели и поставили перед князем Вячком, с пленником произошла перемена. Лицо его утратило суровость, удивленно вытянулось, глаза заблестели. Он с надеждой подался вперед, жадно вглядываясь в лицо князя, который был удивлен не меньше пленника, но справился с собой и гневно сдвинул брови. Остальные спутники князя настороженно притихли, тоже не сводя с пленника глаз.

Одорех внимательно наблюдал за отроком и князем.

— Вот он, вор, — молвил он. — Из твоего рода. Ты знаешь его?

Вячек не успел и рта открыть — отрок рванулся к нему и воскликнул:

— Отец! Отец, я...

Толмач что-то зашипел на ухо Одореху.

— Он узнал тебя, коназ, — сказал тот. — Что ответишь?

Отрок смотрел на князя во все глаза, но Вячек сдвинул брови и отвернулся.

— Узнал или нет, — ответил он, — но закон один для всех. Что он украл у тебя, вождь?

Забрался в табун и увел лучшего моего скакуна — того, что я берег для жениха моей любимой дочери, — сказал Одорех. — На счастье, жеребец плохо знает человека — он сбросил вора, и потому его удалось поймать!

— Он украл коня? И лучшего?.. За такое без суда можно смерти предать... Бери, вождь, и делай с ним что пожелаешь!

Отрок отшатнулся, блея так, что это стало заметно даже при свете костра.

— Отец... — прошептал он. — Как же так, отец?

— Молчи, — оборвал его Вячек. — Ты не сын мне более!

— Но неужели из-за коня?..

— Ты знаешь почему!

Одорех внимательно слушал этот разговор, почти не обращая внимания на то, что ему шепчет толмач. Выслушав, он окликнул гостя.

— Правильно ли я понял тебя, коназ-брат, — спросил он, — что я могу убить этого человека, когда и как захочу?

— Правильно, — ответил князь. — Он твой!

— Нет! — пронзительно закричал отрок, когда по взмаху руки Одореха его схватили.

— Если я не ослышался, он твой сын? — кивнул Одорех на отрока.

— Нет, не сын, хотя и рожден от меня, — сурово отрезал Вячек. — Его подменили болотные нежити в момент рождения. Он мне чужой и роду лишний. Род его изверг из семьи и племени, где я поставлен князем по завету предков. Он больше не принадлежит нам. Отдаю его тебе, вождь, — делай с ним что хочешь!

Пленник потупился, безразлично обмякнув на руках державших его воинов, а Вячек сурово посмотрел на него и, пробурчав что-то, отвернулся.

Одорех привстал на колени. Давно ждавшие этого жеста кочевники подобрались, готовые, как звери, прыгнуть вперед. Многие хищно потянулись к оружию.

Одорех хлопнул в ладоши.

И тут же толпа пришла в движение. Среди людей Одореха не было больше подвыпивших гуляк — все вдруг оказались трезвыми. Не было больше радушных хозяев и гостей — все сразу разделилось на врагов и друзей, а те, еще быстрее, — на победителей и побежденных.

Выхватывая оружие, хозяева бросились на гостей, валя их наземь и безжалостно пресекая все попытки к сопротивлению. Тех, кто выпил больше, чем следовало, просто оглушали и связывали, но с большинством пришлось повозиться. Кто-то из спутников князя выхватил меч и бросился на врагов, но после первых выпадов оружие выбили из рук, отрубив его вместе с кистью.

Сам князь Вячек был настолько не готов к бою, что опомнился только тогда, когда его, связанного как барана перед закланием, поставили подле его сына. Пленный юноша взглянул на отца и отвел глаза, краснея от боли и стыда.

— Прости, отец, — прошептал он едва слышно.

Связанных, оглушенных и раненых гостей стаскивали в кучу, порой просто швыряя наземь у ног Одореха. Тот остался стоять на одном колене, прищуренными глазами следя за происходящим.

Вячек рванулся к нему.

— Что это значит, вождь? — воскликнул он. — Что ты делаешь?

Одорех снизу вверх смерил князя долгим взглядом.

— Делаю что хочу, — скривился он. — Мой верх теперь, и ты мой пленник.

Князь оглядел своих людей, которые угрюмо молчали. Многие из них были ранены или искалечены.

— Что ты с нами будешь делать? — спросил князь тихо. — Продашь на юг?.. Я могу дать выкуп...

Одорех внимательно выслушал от толмача все, что сказал Вячек, и покачал головой:

— Не нужны мне твои табуны, коназ. И оружие не нужно. И продавать я тебя не стану. Но ты умрешь сейчас... как и он!

Палец нацелился на отрока, и тот побелел, отшатываясь, но не издал ни звука.

— Почему? — только и мог вымолвить князь.

— Казню его — ты повелел, — равнодушно объяснил Одорех. — Казню тебя — ты кровь сына родного мне отдал, и сердце твое не дрогнуло.

— А остальные? Со мной брат мой, его и мои сыновья, наши люди...

И остальных, — довольно оскалился Одорех, — чтобы мстить за тебя и род твой было некому!

— Но как же закон? — пробормотал ошеломленный Вячек. — Ведь с гостями так не поступают!..

Вождь кочевников не успел ответить — сквозь толпу, окружавшую пленников, протиснулся какой-то человек. Подбежав к вождю, он что-то почтительно прошептал ему на ухо.

Тот одним прыжком вскочил на ноги.

— Готово, — объявил он, потирая руки. — Ведите их!

Пленники разом рванулись, но тщетно. Каждого схватили по трое воинов. Некоторых

подняли на руки и понесли.

Самого князя уводили предпоследним, давая ему возможность увидеть, как ведут на казнь его людей и родичей. Подле него оставался всего один пленник — его сын.

Одорех гордо оглядел эту пару.

— Повезло мне, — похвалился он, — обо мне долго сказители петть будут, как я на малого птенца подманил всю стаю!

Вокруг засмеялись, а толмач привычно перевел слова кочевника пленникам.

Услышав это, отрок неожиданно дернулся из державших его рук с такой силой и прытью, что его не удержали. Он упал в ноги князю и закричал:

— Прости меня, отец! Я не виноват!.. Прости!..

На него накинулись, прижали к земле, затыкая рот. Но он продолжал биться и кричать еще очень долго — даже пока его несли вслед за князем и Одорехом.

Опушку леса, мимо которого некоторое время назад проехали гости, направляясь в стан кочевников, теперь было не узнать. Шагах в двадцати вглубь была небольшая поляна на вершине невысокого ровного холма. Пока в стане шел пир, здесь срыли весь дерн и выкопали неглубокую широкую яму с отвесными краями. Пленных подводили или подтаскивали к яме и бросали вниз. Все, даже молодые, молчали, стиснув зубы, и только когда подволокли того самого отрока, что отчаянно вопил во все горло и молил о пощаде, некоторые отвернулись, пряча глаза.

Его столкнули к остальным, и отрок тут же прижался к краю ямы, всхлипывая и стуча зубами от страха.

Вячек не чувствовал ничего, словно и не с ним все это происходило. Глядел на яму, горы земли по сторонам, людей с факелами и кирками вокруг, молчаливые деревья, что безучастно смотрели на происходящее у их ног, и поражался себе. У князя не дрогнула ни единая жилка, когда его подвели к краю ямы и придержали из почтения к мужеству чужака.

Снизу на князя глянули остальные — кто отрешенно, кто преданно, кто печально, но все — спокойно. Только одно лицо было залито слезами — отвергнутый сын, из-за которого, как говорил Одорех, они все попали сюда, плакал, не стыдясь слез. В глазах его светился страх.

Вячек сам прыгнул в яму и взглянул на отрока.

— У тебя сердце зайца, — презрительно бросил он. — Не мог жить как надо, сумей хотя бы умереть достойно!

Отрок шарахнулся прочь, вжимаясь в землю, она осыпалась под его ногами, стекая вниз струйкой.

Одорех Хромой подъехал к яме верхом вместе с сыновьями и знатью. Спешившись у края, он подошел и наклонился к пленникам, поманив пальцем князя.

— Слушай, что скажу, коназ, — тихо заговорил он вдруг на языке племени Вячека. — Перед смертью обязан ты узнать кое-что. Помнишь, ты говорил, что земля эта вся ваша была — ваших отцов, дедов и прадедов. Так вот знай, что земля будет вашей уже насовсем, как ты хотел, — она станет твоим последним я вечным домом...

Он выпрямился и отошел от края, махнув рукой: «Зарывайте».

Когда комья земли полетели в яму, люди словно очнулись. Послышались крики, мольбы и проклятья. Громче всех вопил отрок. Он отчаянно извивался в своих путах, пытаясь ослабить ремень и спастись. Отрок оказался на краю ямы, где был уклон, и это ему немного помогло — он рвался вверх и звал на помощь еще долго после того, как последний ком земли упал на него...

Одорех стоял, глядя на яму, и не двигался с места. Вождь кочевников внимательно следил за тем, как идет работа. Только когда яма была засыпана полностью, и на поверхности не осталось и следа от закопанных здесь нескольких десятков людей, и могильщики начали уже укладывать на место дерн, он протянул руку.

Раб тут же подвел ему жеребца. Припав на хромую ногу, Одорех вскочил в седло, но не успел и тронуть коня с места, как из ночного леса донесся приближающийся стук копыт.

* * *

Даждь и сам не понимал, что заставило его спешить в ненужную ему сторону. Доверившись Хорсу, он пустил коня без поводя, и тот через десяток шагов круто свернул с торной дороги на лесную тропу. Жеребец упорно шел по ней и не желал останавливаться, даже когда завечерело. Он тянулся дальше и пробовал кусаться, когда Даждь спешился.

Именно тогда до него донесся пронзительный вопль — кто-то кричал отчаянно и безнадежно, прощаясь с жизнью. Вскочив в седло, Даждь поскакал на крик. Ослабленный и искаженный эхом, он вел всадника по ночному лесу, но потом вдруг затих, захлебнувшись.

Неизвестного убили, он был мертв, но Даждь не в силах был остановиться. Пусть спасти человека он не мог, но покарать его убийц еще успевал.

Вдруг впереди меж деревьями мелькнул дальний свет. Там были люди. Если их много, совладать будет трудно, но ведь можно и договориться?

Прежде чем Даждь додумал эту мысль до конца, Хорс уже вынес его на поляну.

Почти полсотни людей, конных и пеших, разом обернулись к нему. Все конные были вооружены, у пеших же были кирки и факелы, и Даждь осадил коня.

Здесь не было трупов или впитывающейся в землю крови — только разрытый дерн. Хорс сделал несколько шагов к яме — и вдруг отпрянул, осаживаясь и фыркая. Даждь мельком взглянул на то место — и спешился одним прыжком. Ему показалось, что взрыхленная земля чуть колыхнулась.

Выдернув из сапога нож, он копнул землю. Она поддавалась легко. Чем глубже он рыл, тем быстрее углублялась яма. Земля и правда шевелилась — там, под нею, было живое существо, рвавшееся наружу. Опасаясь поранить его, Даждь отложил нож и стал рыть руками, разбрасывая землю.

Кочевники настороженно наблюдали за незнакомцем — явившийся неизвестно откуда, он казался странным. Но когда он принялся разрывать яму, Одорех очнулся от удивления и махнул рукой, посылая на него 'своих людей.

Всадники обнажили оружие, трогая коней. Даждь не обращал на них внимания — как раз в это время под его пальцами земля подалась, и он почувствовал чью-то голову. Торопливо раскидав не успевшую слежаться землю, он с содроганием увидел вымазанное в глине и грязи лицо подростка. Задышающийся отрок уже перестал бороться за жизнь. Он был без памяти.

Замерший над хозяином Хорс стукнул копытом о землю и всхрапнул. Даждь вскинул голову — его с трех сторон обходили воины, держа наготове оружие. Они явно не хотели, чтобы пришелец спасал жизнь этому человеку.

Окинув врагов взглядом, Даждь махнул рукой в их сторону и опять склонился над отроком. Всадники уже приблизились вплотную и готовились окружить пришельца. Они подбирались, сверкая обнаженным оружием — еще миг, и они кинутся на него.

До сих пор их сдерживало спокойствие незнакомца, который был поглощен откапыванием отрока, почти не подававшего признаков жизни. Но вот внезапный порыв ветра рванул в стороны кусты, и тишину дальнего леса нарушил вой волков.

Всадники не успели и шевельнуться, как из кустов навстречу им шагнули два огромных волка. Их было всего два, но кочевники сразу замерли, вытаращив глаза. Звери были совершенно белыми. Длинная, как лошадиная грива, шерсть их стояла дыбом, увеличивая рост, а глаза горели зловещим оранжевым огнем. Оба зверя разом ощерились и пошли на всадников.

* * *

Когда волки отошли от кустов, освободившееся место тотчас же заняли два других зверя. За ними вышла третья пара, потом четвертая... Безмолвно, вперя взгляды в людей,

звери выходили из леса.

Когда число волков достигло двух десятков, всадники дрогнули. Первыми не выдержали лошади. Они прынули прочь с диким ржанием и, не слушаясь поводьев, понесли седоков прочь.

Волки не прибавили шагу, не сломали строя. Молча, как призраки, они заполнили всю поляну, взяв ее в кольцо и оставив на ней только Хорса и Дажда. Усевшись на хвосты, они задрали морды к небу, и их разноголосое пение слилось с далеким призывным воем.

Даждь не обращал на них внимания. Разбросав землю в стороны, он выдернул тело отрока из ямы. Оно бессильно повисло на руках спасителя. Торопясь, Даждь положил отрока на землю, ножом распорол веревку на его груди и приник ухом к бездыханному телу.

Чародейные силы, которыми часто пользовался Даждь в прошлом, исцеляя раны, сами собой пришли в действие. Где-то глубоко в груди отрока послышался хрип, а затем глухой неровный стук — сердце мальчишки еще билось. Когда Даждь выпрямился, юноша вдруг дернулся всем телом и придушенно задышал.

Одним движением Даждь вскинул отрока на руки и встал. Хорс мигом оказался подле, припадая на колено и подставляя спину. Витязь вскочил в седло и, правя только коленями, погнал его прочь, в безопасное место, где спасенный может отлежаться и прийти в себя.

Волки не двигались с места, пока поляна не опустела. Когда же топот копыт одинокого всадника стих в лесу, они поднялись и медленно, словно морок, растаяли в воздухе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Его мотало из стороны в сторону, влекло куда-то по ухабам сознания. Удушье и страх смерти терзали снова и снова. Он чувствовал, как на него, беззащитного, обрушиваются тяжелые комья земли, вдавливают в камень. Отрок метался в поту со стоном, стараясь избежать мучительной смерти. А она сидела подле, бродила кругами голодной волчицей и все скалилась в жуткой беззубой улыбке. Мрак беспмятства сгущался над ним, мрак небытия, в котором оставались лишь жадный блеск глаз смерти и ее хриплый дробный сухой смех.

Разум померк, осталась одна отчаянная жажда — инстинкт сохранения жизни. Отрок рванулся вверх последний раз — умереть на воле, но уйти любой ценой от удушья и тяжести холодной твердой земли на груди и глазах. Он дернулся, вместе с воздухом ловя ртом комья земли с прелой листвой, и...

Очнулся.

Усталое тело торопливо вбирало воздух, восполняя голод удушья. С отвычки голова опьяненно кружилась, кровь стучала в висках, вскачь летела по жилам, неся жизнь.

Постепенно в голове прояснилось, и юноша осознал, что жив на самом деле, что это не бред, не горящие глаза смерти, не ее тихий смех — это свет и потрескивание небольшого костра, у которого он лежал на теплой лошадиной попоне, заботливо укрытый шкурой волка.

На землю опустилась ночь. Костер горел на дне неглубокого оврага, окруженного густыми кустами и вековыми деревьями, кроны которых смыкались в вышине. Недалеко от костра лежал ствол поваленного дерева. На нем, боком к отроку, сидел незнакомый человек и задумчиво протирал лезвие длинного прямого меча из неизвестного металла, тускло и холодно поблескивающего при свете пламени.

Незнакомец был уже не молод — старше сорока, — но еще сохранил юношескую статью и ловкость. Широкие плечи обтягивала вышитая рубаша, кожаные потертые штаны заправлены в сапоги. Слегка вьющиеся волосы собраны на затылке в густой длинный хвост. Отрешенное лицо его было красиво, но на скулах лежали тени — следы пережитого.

Почувствовав, что спасенный ожил, незнакомец оглянулся на него, и полные губы его в обрамлении короткой русой бородки и усов заулыбались, а в больших светлых глазах лучилась такая теплота, что отрок сразу перестал его бояться.

Незнакомец отложил меч и придвинулся ближе.

— Очнулся, — ласково сказал он. — Ты счастливый — значит, выживешь... Как себя чувствуешь?

— Еще не знаю. — Юноша прислушался к себе. — А это вы меня нашли?

— Я. Мое имя Дажь, — представился воин.

— Дожь? — переспросил отрок.

— Дажь, — с ударением поправил его собеседник. — Дажь Тарх Сварожич, — раздельно произнес он. — Но если тебе трудно, можешь звать меня так, как зовут друзья и родные — просто Тарх... А как твое имя?

— Агриком зовут.

— Ты кто, Агрик?

— Венет.

Дажь Тарх перестал улыбаться и сцепил руки на коленях. Лицо его построжело, и он придвинулся еще ближе, к самому изголовью приподнявшегося на локтях Агрика.

— А они кто, Агрик? — бросил он косой взгляд на отрока.

Отрок закусил губу, сдерживаясь. Воспоминания страшного дня встали перед его глазами, и он с коротким стоном уронил голову на руки.

— Отец, — простонал он сквозь зубы, — дядя, братья... все! Я один! За что они их?

— Ты меня не понял, — извиняясь, промолвил Дажь. — Кто те? Другие!

Не поднимая головы, Агрик стиснул кулаки, прижимая их к глазам.

— Невры, — выдохнул он и резко выпрямился. Залитые слезами щеки его мелко дрожали. — Я отомщу им! Я убью их всех!

Жесткие пальцы Дажь так стремительно сомкнулись на его подбородке, что отрок замолк.

Нет, — строго сказал воин. — Молчи. Неврам я жизнью брата обязан... Не перебивай! Я их видел. И запомнил. Это не негры — это гетты с запада. — Дажь присел на землю рядом с отроком, помог ему сесть поудобнее и приобнял за плечи. — Не волнуйся, Агрик, я что-нибудь придумаю. Мы вместе придумаем, что будем делать, — у нас еще есть время... А пока посмотри-ка сюда!

Он повернул голову Агрика чуть левее, и отрок увидел пень с той стороны костра. На нем стояла каменная чаша высотой с локоть. Простая по форме, она напоминала раскрывающийся бутон цветка, но с первого взгляда казалось, что она не закончена. Сквозь языки пламени силуэт ее чуть дрожал и колебался, и можно было подумать, что она дышит.

Ласково поглаживая встопорщенные волосы Агрика, Дажь с просветленной улыбкой смотрел на чашу, забыв обо всем. Он любовался ею.

— Тебе нравится? — вдруг требовательно спросил Дажь.

— Да, очень, — сознался Агрик.

Мне был голос от великого Ра-Солнца, — раздумчиво заговорил Дажь, не сводя глаз с чаши. — Я сделал чару... Я назову ее...

— Это кубок-то, — вырвалось у Агрика.

Дажь отстранился, смерив отрока взглядом.

— Чару! — строго поправил он. — В имени — душа. Безымянный мертв, а она жива... будет жива. Живому нужно имя — только живому нужно имя. Я назову ее, — он озаренно выпрямился, — я назову ее Голос Солнца к людям — Грааль!.. Нравится?

Он порывисто, с юношеским задором обернулся к Агрику, и тот молча склонил голову, не споря.

Ночь давно вступила в свои права, а они все сидели у костра и разговаривали. Не сводя отеческого взора с чары, только что получившей имя, Дажь негромко и не спеша повествовал о своем-пути, что начался прошлой осенью, полгода назад.

Хорс оставил его на уединенном острове, среди скал и чахлах кустов наедине со своими мыслями. Хорс навещал брата, но большую часть времени Дажь был предоставлен сам себе. В раздумьях шли дни, и однажды решение пришло. Так из упавшего с небес камня начала рождаться эта чара. Явившийся ближе к концу работы Хорс молчаливо одобрил

сделанное и намекнул, что Дажь на верном пути. Грааля должен был оживить напиток или еще что-то иное, но Хорс предоставил решение этого вопроса брату и только пожелал ему удачи, в начале весны переправив его на берег тем же способом — по воздушному мосту. За относительно благополучную зиму витязь не забыл о своих преследователях и пробирался домой на север, к священным источникам, окольными путями и нехожеными тропами. И только случай был причиной того, что он оказался в местах, где повстречался с Агриком.

Потом настал черед юноши рассказывать. Дажь, не перебивая, выслушал его повесть об ужасной смерти отца и всех родных, а когда Агрик замолчал, промолвил, глядя на огонь:

— И все-таки я не совсем понял... Прости, если причину тебе боль, но объясни еще раз — Почему отец отрекся от тебя?

Отрок пристыженно опустил глаза.

— Я проклятый, — виновато ответил он. — Жрецы предсказали, что родится девочка, и отец поспешил обрадовать соседнего князя, что он обручит свою дочь с его сыном, чтобы заключить долголетний мир... Отец тогда хотел объединить всех под своей рукой, ему был нужен долгий, на годы, мир... А родился я. — Агрик говорил так униженно, словно чувствовал свою вину в том, что родился. — Мать умерла родами, а повитуха говорила, что в тот миг, когда ребенок родился, на окно бани села черная птица. Она крикнула, подул ветер, все потемнело, а когда мрак рассеялся, остался я... В тот же день пришло известие с дальних застав о нашествии чужаков с юга, и отец решил, что это я накликать беду.

Он проклял меня, сказав, что я рожден лесной нежитью. Меня отнесли в лес и оставили у подножия священного дерева. Там меня нашли изверги. Они ничего не знали обо мне, принесли домой и приняли... Я вырос у них как родной сын, а потом, когда отец был на охоте, случайно попался ему на глаза. Мы столкнулись на тропинке, и он, уж не знаю как, признал меня сразу... Моим приемным родителям и мне велели убраться из тех мест подальше, и мы ушли.

Но я хотел знать правду о себе и позднее тайно решил вернуться. О, как меня отговаривали! — Агрик отчаянно скрипнул зубами. — О, если б я знал, что так все кончится!.. Но тогда я хотел знать правду, и я пошел... Я тайком пробрался на княжий двор, где все узнал о моем рождении — вплоть до подробностей. Я решил уйти насовсем, но не придумал ничего лучшего, как по дороге назад украсть у кочевников лошадь... Я же не знал, что их кони злее бешеных волков! А я спешил, опасаясь, что отец вышлет за мной погоню и меня убьют его кмети... О, если б я знал!

Агрик сжался в комочек, обхватив голову руками и мелко дрожа. Дажь прищурился, вглядываясь в его сгорбленную спину. Над отроком и в самом деле витала какая-то сила, но ее не надо было бояться — скорее, наоборот. Именно она смогла дотянуться, позвать Даждя на помощь, и она же поддержала отрока в борьбе за жизнь. Она могла сослужить юноше еще не одну добрую службу — если управлять ею умело.

Дажь ласково погладил Агрика по голове.

— Утешься, — молвил он. — Мы отомстим. Вместе. Ты еще увидишь кровь своих недругов.

Отрок медленно выпрямился. Глаза его лихорадочно вспыхивали.

— Отомстим? — хриплым голосом переспросил он. — Но почему?.. Почему вы, господин? За что — вы?

Дажь отрешенно смотрел на потухающий огонь. Губы его были стянуты в тонкую линию.

— Я не люблю, когда людей убивают вот так — исподтишка, — тихо ответил он.

* * *

Агрик был готов на коленях умолять Даждя, целовать ему руки, обнимать сапоги, со слезами упрашивая взять его с собой, но витязь остался неумолим. Подняв отрока, как щенка, он оттащил его в кусты и бросил там, велел ждать и не высовываться. Он оставил ему

немного хлеба — чтобы легче было терпеть ожидание — и нож для защиты. Сам же он не взял даже оружия, схоронив свой меч в дупле дерева, и направился к становищу кочевников.

Агрик рассказал ему, как добраться до него, но найти обидчиков отрока оказалось гораздо проще — их было слышно издали. Ржали кони, ревел скот, брехали и визжали собаки, переговаривались люди. Вскоре запахло дымом костров и варевом.

Хорс ступал бесшумно, как призрак, подвозя хозяина к становищу со стороны леса. Но разглядеть кочевников повнимательнее Дажь не успел.

Внезапно впереди затопали копыта. Степняки не могли ужиться с лесом, научиться растворяться в нем, а потому сторожевой разъезд витязь заметил издали. Но скрываться ему не было нужды, и он направил коня навстречу чужакам.

Они увидели его, почти столкнувшись нос к носу. Длинные копыта наклонились, почти касаясь всадника, и Дажь искусно изобразил на лице удивление, смешанное со страхом.

— А ну, стой! — рявкнули на него.

Витязь еле скрыл улыбку — язык оказался ему знаком. Более того, он тотчас же понял, откуда гетты взялись так далеко на востоке.

Три года назад на границе между Кельтикой и Дикими Лесами вогезов был разрушен союз геттских племен. Дажь тогда сражался на стороне вогезов. Племена кочевников были разбиты, а их остатки рассеялись по земле. Эта орда, очевидно, была из числа сбежавших.

Гетты с запада лучше знали наречия тех мест, а потому Дажь, делая вид, что не понимает их, торопливо заговорил сразу на всех западных наречиях, выбирая из каждого по одному–два слова.

Конники выслушали его сбивчивую речь и решительно взяли его в кольцо. Их копыта остались нацелены на всадника, и Дажь понял, что его собираются отвести в стан.

Оказавшись среди палаток, кибиток и спящих туда–сюда людей, он понял, что это и в самом деле остатки разгромленного союза — узнавался знакомый символ, к которому его подвели: орел, державший в лапе по мечу, а в клюве — прядь волос из хвоста белой лошади.

Но вождя кочевников Одореа Хромого, к которому его подвели, он никогда не видел прежде и от души обрадовался этому.

Одорех придирчиво осмотрел незнакомца, стоящего перед ним. В это время один из воинов подбежал и почтительно прошептал ему на ухо:

— Мой хан! Этот человек говорит на западном наречии, но понять его трудно. Он говорит, что пришел с миром...

Взгляд Одореа заметно потяжелел, и Дажь понял, что тот первым подумал о разгроме, который нанесли его воинству люди с запада. Дажь был из числа бывших врагов, с которым не собирались церемониться. Что ж, с одной стороны, для его плана это было даже лучше...

— Ты кто? — вдруг быстро бросил Одорех на одном из западных наречий.

Дажь сделал вид, что поражен познаниями кочевника.

— Мой повелитель, — неловко склонился он. — Прошу простить меня... Я не желал вам зла — я просто бедный певец, еду Куда глаза глядят... Благословенный запад, моя родина, закрыт для меня...

Он склонился, чтобы не встречаться с глазами кочевника.

— Ты с запада? — спросил тот. — Что делаешь здесь? Шпионишь?

— О нет, — тянул время Дажь. — Я всего лишь певец и музыкант, еду сам не зная куда... За мои песни, в которых я говорил правду, мой господин изгнал меня...

Одорех остановил Дажда взмахом руки и кивнул своим воинам:

— Обыскать!

Дажь все понял и сумел разыграть удивление, когда чужие руки принялись рыться в его тороках, бесцеремонно сорвав их с седельной луки. Хорс пробовал кусаться, защищая имущество хозяина, но безрезультатно.

В тороках не нашлось ничего интересного — еда на несколько дней, запасные сапоги,

теплый плащ на случай непогоды, кое-какие мелочи, необходимые любому в пути, чара Грааль и гусли.

То и другое сделал Дажь сам и ни за что не хотел расставаться с ними. Но именно эти вещи и приметил Одорех и сделал знак, чтобы находку доставили ему.

— Что это? — молвил он, кивнув на вещи.

— Я певец, — принялся объяснять Дажь, — гусли мне нужны для игры и пенья. А чашу мне пожаловали еще в юности, в другой стране, далеко отсюда, к северу. Это память...

Он изо всех сил пожелал, чтобы Одорех ему поверил, и с радостью почувствовал, что ему удалось отвести глаза вожаку кочевников. Тот вдруг фыркнул себе под нос, точно кот, и уселся, скрестив ноги, на шкуры у входа в свой шатер. Окружавшие его воины подобрались, ожидая его слов.

— Если ты и впрямь певец, то спой нам, — приказал Одорех.

Это не входило в планы Даждя, но отступать было поздно. Он вновь опустился на колени перед Одорехом, поудобнее пристроил гусли и тронул струны.

А как встанет в небе ясно солнышко,
выплывут на небо белы тученьки,
спрячется за тучи месяц-ласточка,
и зачнется утро ясно новое.
Как проснется утром степь ковыльная,
степь ковыльная, степь широкая.
Пролетит над ней ветер ласковый
в северную дальнюю сторонку.
Отнесет он весть родимой матушке —
весточку о сыне, слово горькое:
как его, сыночка, ясна сокола,
да судьбина злая приневолила...

Красивый сильный голос Даждя поднимался над становищем и медленно таял в вершинах деревьев. Люди подобрались ближе к шатру вожака, слушая гостя. Кто-то вздыхал, припоминая прошлое, кто-то думал о павших друзьях. Притихли даже звери и животные. Становище молчало, дабы случайным звуком или шорохом не помешать песне.

И только на одного человека не действовали эти звуки. Пользуясь тем, что Дажь ехал, не оборачиваясь и задумавшись, за ним следом пробирался Агрик. С замиранием сердца он наблюдал из кустов, как воина встретил разъезд и отвел в становище. Потом он крался по их следам, осторожничая не хуже волка, и не сразу решился выйти из спасительных зарослей на открытое место — погнала тревога за человека, спасшего ему жизнь. Тот отправился к врагам безоружным, беззащитным — значит, ему может понадобиться помощь Агрика.

Отроку повезло — все в становище были слишком поглощены созерцанием гостя и слушанием его песни, и никто не встревожился, заметив чужака. Агрик крался, сжимая в кулаке нож.

Он ужом проскользнул меж слушающих кочевников и оказался в толпе. Пробираясь ближе к певцу, он вдруг подумал, что ему может еще повезти — если все так заморожены голосом его спасителя, то, может быть, еще удастся самому завершить задуманное и потихоньку улизнуть.

* * *

Песня смолкла. Дажь дотянул последнюю ноту и склонил голову, ожидая слов Одореха.

Вождь геттов поерзал, устраиваясь поудобнее. Он уже очнулся от наваждения и словно впервые смотрел по сторонам, припоминая, где он и что с ним. Взгляд его натолкнулся на коленопреклоненного Дажда.

— Да, певец, твое искусство прекрасно, — молвил Одорех. — Голос твой заставляет забыть даже красавицу и доброго коня... Ты не обманул меня, чужак, и я слово свое сдержу. Раз ты мирно проезжал мимо, то будь свободен и дальше. А не хочешь больше по свету бродить — оставайся! Мы хорошие песни ценим! У любого нашего костра тебе найдется место!

Одорех широким жестом обвел становище, и стоящие поблизости согласно загудели.

Даждь встал, перевесив гусли за спину.

— За то благодарствуй, вождь, — ответил он, — а только я отвык на одном месте сидеть. У меня свой путь...

На миг темное облачко набежало на чело Одореха, но он отогнал непрощенные мысли и развел руками.

— Что поделаешь, — усмехнулся он. — Мы и сами свободные птицы — волю и степь больше жизни любим. Орлу простор нужен. Лети, не задерживаю...

Но видно было, что ему отказ певца совсем не по нраву. Даждь понял, что Одорех мало верит в легенду об изгнании с запада, когда тот заговорил с неожиданной настойчивостью:

— Так возьми от нас дар за твой голос! Ничего не жаль — хоть коня из моих табунов, хоть девушку...

Две или три красавицы тотчас же устремили взоры на Дажда, но тот решительно покачал головой.

— Благодарствуй, но есть уже у меня подруга сердечная, жена моя, — сказал он и, вспомнив об Агрике, быстро добавил: — Вот коня я бы взял в заводные!

Это несколько примирило его с кочевниками, не привыкшими к отказам, но Одорех вновь заговорил.

— Дам коня, какого хочешь, — согласно кивнул он, — да только на что тебе пустой конь? Он хорош, когда есть что везти на нем. От женщин ты отказываешься, так прими золота или... сам назови, что тебе больше по сердцу. Ткани дорогие? Вещи иноземные?

«Я приму, а он потом за мной вдогон пошлет и скажет, что я украл», — мелькнуло у Дажда.

— У певца главное богатство — его голос, — нарочито весело ответил он, но тут же заторопился. — Вот вина я бы с удовольствием испил!

Одорех с кислой миной все же хлопнул в ладоши:

— Вина! И лучшего!

— Но в мою чару!

Даждь направился к коню. Положив в тороки гусли, он со сдерживаемым трепетом извлек на свет Грааль. Что надо налить в него, оставалось тайной, но во все чаши наливают вино. А у кочевников вина из дальних земель, так, может, среди них есть нужное?

Двое рабов принесли каждый по два кувшина, испещренных знаками и надписями. Судя по узорам, сработаны они были в тех местах, где даже Даждь не бывал.

Одорех важно кивнул, и раб сбил с горлышка пробку. Даждь подставил чару.

Вино темной струей плеснуло на дно — раб ливанул не рассчитав. Кувшин был слишком тяжел для него, он держал его почти на животе и больше всего мечтал о том, чтобы поскорее ему скомандовали остановиться. Однако певец молчал, и раб в душе прощался с жизнью, потому что за пролитое вино здесь сурово наказывали.

Но Даждь и не думал останавливать раба, как забыли об этом и все вокруг. Витязь не сводил зачарованного взгляда со струи.

Вино падало в чару и уходило куда-то. Грааль никак не мог наполниться — словно в нем была дыра, — но на землю не упало ни капли. Чара оставалась пуста и тогда, когда иссякло вино в кувшине. Лишь дно было влажно.

Даждь сжал бока Грааля двумя руками, теряясь в догадках. Он с трудом верил своим

глазам и теперь лихорадочно раздумывал над тем, как ему выбраться отсюда — забыв про план мести и обещание Агрику. Его самого вот-вот обвинят в колдовстве! Надо жизнь спасти!

Он едва не вскрикнул, когда Одорех вдруг сказал:

— Наливай еще!

Даждь оглянулся — но в глазах вождя кочевников было лишь любопытство и живой интерес.

И вновь рекой потекло вино — судя по запаху, совсем другое. Все как замороженные следили за чарой, а Даждь еле сдерживался, чтобы не выказать волнения. Одорех пристально смотрел на него. Он словно что-то подсчитывал, что-то припоминал.

В чашу вошли без остатка не только принесенные рабами кувшины, но еще и амфора — ее волокли сразу трое, и вмещалось в нее не менее десяти ведер вина. Лица людей вытягивались в изумлении и страхе, и Даждь понимал, что Одорех его подозревает. Глухой ропот за спиной: «Чародей! Шаман!...» — только подстегивал подозрения вождя. Его лицо потемнело от ярости, когда он увидел, что последние капли амфоры упали на дно чары. Даждь краем глаза заметил его тяжелый взор и отступил.

Это послужило сигналом. Со всех сторон послышались гневные крики: «Чародей! Шаман! Прочь его!» Кто-то потянулся за оружием.

Глаза Одорека вспыхнули, и Даждь понял, что тот вспомнил недавнюю ночь в чаще леса. Витязь метнулся прочь.

За его спиной раздался пронзительный крик, и все невольно обернулись. Даждь первым узнал голос и понял, что все пропало.

Увидев, что у витязя дело неладно, Агрик не помня себя кинулся на Одорека с ножом, благо тот стоял боком к нему. Воин, оказавшийся поблизости, заметил его бросок и поспешил перехватить отрока, но тот вывернулся ужом и нанес удар. Нож вошел в бок Одорека, и тот, из-за хромой ноги нетвердо стоящий на ногах, покачнулся, едва не упав.

В следующий миг в руках у Даждя сама собой оказалась ось от ближайшей арбы. Первые бросившиеся на него воины были сбиты с ног, и, отбиваясь от наседавших кочевников, Даждь ринулся к привязанному неподалеку Хорсу.

Жеребец, чуя беду, рвался с привязи и ржал, зовя хозяина. Но между ними была разъяренная толпа, оцетиненная оружием.

Кочевники все скопом устремились на одного бойца, рассчитывая смять его числом. Но с первых же мгновений оказалось, что подступиться к нему не так-то просто.

Даждь не чувствовал тяжести оси. Он оборонялся ею так, словно она ничего не весила. На оси оставались передние колеса, превратив ее в грозное оружие. Тот, кого задевало оно по голове, поднимался не скоро.

Даждь вертелся волчком, раз за разом отбивая напирющую толпу. Получив несколько травм, кочевники кинулись врассыпную. Они побежали за луками, и, чтобы не стать их мишенью, Даждь устремился за ними, круша все, что попадалось на пути. Люди перед ним разбегались, как мыши, и он еле успевал отличать воинов от женщин и детей. Его оружие поднималось и опускалось со страшной силой, разбивая черепа, ломая руки и ноги, заставляя трещать спины. Метательные ножи и сабли застревали в нем. В дерево между руками стукнула стрела.

Рвущийся с привязи Хорс был совсем рядом.

— Агрик! — закричал Даждь во всю силу своих легких. — Агрик! Уходим!

Отрок не ответил и не расслышал его призыва. Стиснув зубы, он прижался спиной к другой арбе и отчаянно отбивался от телохранителей Одорека. Отрок знал, что задел вождя, и сожалел только, что удар не оказался смертельным. Это заставляло его сражаться с двойным отчаянием.

— Агрик!

От Даждя во все стороны разбегались люди. Многие были ранены, несколько тел валялось на земле с проломанными черепами и перебитыми спинами. Витязь огляделся, ища

отрока.

— Агрик!

— Я здесь! — завопил тот, кидаясь вперед.

В ту же секунду аркан взлетел в воздух, и отрок растянулся на земле. Воины бросились на него, отнимая нож и выкручивая руки.

Пленнику уже были готовы перерезать горло, но воинов остановил окрик Одореха. Отрока поставили на ноги. Извиваясь в руках врагов, тот взглянул на вождя кочевников.

Одного взгляда Одореху было достаточно.

— Великие духи! — выдохнул он. — Так это ты!

В памяти сразу всплыло все — прием гостей, суд отца над отвергнутым сыном, казнь приезжих и явление незнакомого всадника, который оказался не таким уж незнакомым.

В следующий миг Агрика толкнули вперед.

— Эй, ты! — закричал Одорех Даждю. — Певец! Смотри, кто у меня есть!

Даждь глянул — и замер как вкопанный. Здоровенный воин облапил Агрика, за волосы оттягивая его голову назад. Отрок с испугом и ненавистью косил глазом, но не мог пошевелиться — кривая сабля касалась его горла. Державшийся за бок Одорех стоял подле в окружении охраны. Несмотря на рану, он держался твердо.

Посмотри хорошенько на него, — сказал вождь кочевников. — Возможно, ты видишь его в последний раз... Но ты доставил мне удовольствие и храбро сражался. Хоть ты и чародей, я еще раз окажу тебе милость — или уезжаешь ты, а он умрет, или уедет он, а ты умрешь!

Все становище замерло, ожидая. Даждь прислушался — не обходят ли его сзади, пока Одорех отвлекает его разговорами. Но нет, пока все тихо.

— Не соглашайся! — закричал Агрик, извиваясь в путах. — Они обманут тебя, как и моего отца! Уезжай, отомсти за меня! Уезжай!

Он удушливо захрипел, когда лапища охранника сдавила ему горло. Глаза его закатились, он дернулся в последний раз и обмяк, с трудом дыша.

Даждь почувствовал, что руки его налились тяжестью. Один раз он спас этого отрока. Нельзя допустить, чтобы его убили во второй раз. Но как же его долг? Его чара? И та девушка, Златогорка?..

Агрик задышал ровнее — его горло отпустили ненадолго, продлевая муку, — и Даждь понял, что обречен.

— Отпусти его, — крикнул он Одореху. — Отпусти — и я сдамся!

Отрок мигом пришел в себя.

— Нет! — отчаянно завопил он. — Спасайся! Ты можешь...

Но державшие его руки разжались, и Даждь, увидев это, кивнул ему, бросая ось на землю.

И тут же раздалась команда Одореха:

— Взять его!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Связанного Даждя поставили перед Одорехом. Вождь кочевников презрительно взглянул на него. Рана, нанесенная Агриком, была неопасна, но отзывалась болью при каждом движении, и потому Одорех Хромой был зол на весь мир.

Даждь ответил ему спокойным взглядом человека, заранее знавшего свою судьбу и судьбы всех людей на земле. Он не трепетал, и это выводило кочевника из себя.

— Проверьте, надежно ли он связан, — сказал Одорех воинам. — Не хватало еще, чтобы этот чародей заколдовал нас!

Даждь не выдержал и усмехнулся — какая наивность! Неужели этот хромой коротышка думает, что для чародейства непременно нужны свободные руки? Голос, мысль и взгляд тоже мощное оружие.

Одорех понял его улыбку по-своему.

— Надеешься меня обмануть? — сказал он на западном наречии, которое его воины знали не так хорошо. — Думаешь, я не узнал тебя, колдун? Ты прошлой ночью вытащил из ямы этого сосунка и напустил на нас волков! Я все думал, что это случайное сходство, но теперь вижу, что не ошибся.

Даждь скосил глаза на Агрика. Отрока поставили рядом, придерживая за локти — он плохо держался на подгибающихся ногах. Во взгляде его, обращенном на Даждя, читались мольба и ужас. Бедный мальчик потерял голову от страха — не каждого казнят два раза на дню! Даждь ободряюще кивнул ему, чем поверг Агрика в полубморочное состояние.

— А чем докажешь, что не ошибся? — сказал Даждь.

— Ты действовал заодно с этим мальчишкой! Ты отвлекал меня, чтобы ему было удобнее меня убить. За это он умрет...

— А я думал, ты держишь свое слово! Ты же обещал ему свободу в обмен на мою жизнь!

— Я держу слово с честными людьми, а не с чародеями! — притопнул ногой Одорех. — Я честно предлагал тебе остаться у меня. И если бы не твой обман, я бы, может быть, даже предложил тебе службу у меня — ты действительно отлично сражался. Будь у тебя меч...

— Да будь у меня меч, уж я бы послужил тебе, можешь не сомневаться! — с горечью перебил Даждь. — Послужил бы по твоей шее!

— Вот поэтому я и не предлагаю тебе службы! — Одорех торжествовал. — Но я предлагаю тебе выбор — ты можешь сам выбрать, какой смертью умереть!

Агрик тихо вскрикнул.

— Он умрет вместе со мной? — кивнул в сторону отрока Даждь.

— Разумеется. Как мой враг и пособник чародея.

Даждь смерил долгим взглядом белеющего на глазах отрока.

— А что ты сам можешь предложить? — спросил он.

Одорех покачал головой и, цокая языком, что-то сказал своим охранникам.

— Ты настоящий воин — так спокоен пред лицом смерти, — похвалил он. — А потому выбирай — вы или сгорите заживо, либо вас разорвут на части, привязав к хвостам лошадей, либо просто отсекут головы.

— Последнее, — быстро сказал Даждь.

Одорех презрительно скривился.

— Ты выбрал самый легкий путь, — сказал он. — Это недостойно воина и мужчины. Но я действительно сдержу слово. Только головы вам — отрежут...

Пленников обступили и силой поставили на колени, за волосы оттягивая головы назад.

Агрик кусал губы, зажмурив глаза. Сейчас им перережут горло и оставят корчиться в судорогах. А жизнь будет утекать медленно, вместе с кровью...

И тут он услышал спокойный голос Даждя:

— Меня первого — пусть он поживет лишнюю минуту!

Агрик покачнулся, не веря своим ушам, но Одорех, похоже, совершенно не удивился. Он подал знак, и воин с ножом развернул пленника к себе.

В самый последний миг, уже чуя кожей смертный холод лезвия, Даждь набрал полную грудь воздуха. Ни крикнуть, ни спеть он не успевал, но из горла его вдруг вырвался и взмыл ввысь чистый и высокий звук.

Это была настоящая смерть певца — с песней на устах. Голос поднимался все выше и выше, истончаясь как дым костра. Он заполнил собой небо и землю, и люди невольно застыли, очарованные. Глаза их бессмысленно блуждали, следя за чем-то невидимым. Песня без слов разрасталась, голос становился все выше и звонче, и в нем росла и крепла какая-то невидимая сила.

Даждь думал только об одном — как бы не сорвался голос. У него было мало времени, и он вкладывал в звук всю свою силу и страсть. Но все-таки его собственных сил

недоставало — и чистая нота кончилась высоким криком.

Чары мгновенно спали, но было поздно. Вместо того чтобы накинуться на колдуна, опять было подчинившего их своим чарам, люди испуганно оглядывались, забыв о пленниках.

Резкий ветер родился в вышине — он успел натащить издалека тучи, что громоздились над становищем. Все потемнело, словно в ожидании дождя, но вместо раскатов грома послышался далекий волчий вой.

Он быстро приближался, и вот его уже перекрыл новый звук — глухой рокот потревоженной земли, что катился прямо на людей.

— Табуны! — закричал кто-то на краю становища.

Лошади шли плотной массой, словно атакуя. Они неслись во весь опор, обезумевшие, неукротимые. В их рядах кое-где виднелись просветы — то в табуны попали быки и выючные волы. За надвигающейся стеной табуна вставала пыль и раздавался гневный и торжествующий вой охотящейся стаи.

— Чародей! Убить чародея! — слышались крики из толпы, но большинство ринулось спасаться.

Даждь не стал медлить и одним рывком вскочил на ноги. Оттолкнув державших его воинов, он боднул Одореа головой в живот и бросился к Агрику. Охранники уже собирались резать отрока, но последовал быстрый удар ногой — и воин с ножом покатился по земле. Даждь кинулся на Агрика, повалил его, прикрывая своим телом — и в следующий миг над ним пролетел первый жеребец, чудом не зацепив копытом. Рядом кто-то страшно закричал, падая, но — крик быстро оборвался, и конь, споткнувшись, проскакал по чьему-то телу.

Спасаясь от обезумевших лошадей, которых не могли остановить даже стрелы, люди бросились врассыпную, но табуном руководил опытный вожак. Два крыла, состоящие сплошь из коней, отделились от основной массы, обходя становище и беря его в кольцо. Середина досталась быкам и волам. Более спокойные, но и более мощные, они шли, круша все, что попадало им на пути. Острые рога разрывали ткань шатров, крепкие копыта топтали упавших, широкие лбы опрокидывали повозки, и дерево трещало под напором их тел.

Первая волна прошла. Теперь люди, лошади, быки и волки метались по разоренному становищу. Где-то поднимались клубы дыма — загорелся один из шатров. Белые волки преследовали людей и гнали их под копыта лошадей и быков.

Даждь вскинул голову. Кругом поднималась стена пыли и дыма. Метались люди и звери, всюду валялись тела. На пленников никто не обращал внимания.

Губы Даждя зашевелились — и, повинувшись приказу, к нему выскочил волк. В зубах он держал горящую головню, которую он бросил наземь перед Даждем. Тот мигом повернулся к ней связанными руками.

Головня горела плохо и больше жгла руки, но конские волосы, из которых был сплетен аркан, быстро задымились и затлели. Запахло паленым, а потом аркан резко ослаб.

Освободившись, Даждь бросился к Агрику. Один из их охранников лежал рядом — копытом его ударил о висок. Вынув нож из руки мертвого кочевника, Даждь разрезал веревку на отроке и несильно кольнул его, приводя в чувство.

— Надо уходить, — приказал он, когда Агрик пришел в себя и захлопал глазами. — Им сейчас не до нас!.. Хорс!

Жеребец отозвался на голос, но Агрик отстранил руку Даждя.

— погоди пока, — выдохнул он и встал. — Я должен...

— Да куда ты! Тут и без нас...

Но отрок, стиснув нож в кулаке, чуть пошатываясь, устремился в глубь становища.

— Эй! Держи! Держи чародея! — крикнул кто-то.

Крик подхлестнул Даждя. Он бросился навстречу выскочившему Хорсу, одним прыжком взлетел в седло и погнал коня прочь. Вдогон ему полетел чей-то крик, свистнула стрела, но золотистого коня окружили белые волки, прокладывая ему дорогу. Всадник

вырвался из обезумевшего становища и во весь опор поскакал куда глаза глядят. Позади из тучи пыли поднимался столб дыма.

Волки завыли. Оглянувшись, Дажь заметил, что к ним присоединился еще один, стремительно догонявший всадника. В зубах он нес Грааль.

— Ай спасибо, ласковый!

Свесившись с седла, Дажь протянул руку. Сделав рывок, как на охоте, волк поравнялся с Хорсом и разжал челюсти. Дажь едва успел подхватить чару и резко выпрямился. Как приятно было снова держать ее в руке! Не трата времени, он засунул чару за пояс.

— Тарх! — догнал его пронзительный крик.

Дажь обернулся на скаку. Его нагонял, припав к шее невысокой коренастой степной лошади, Агрик. Конек упрямился, пробовал выказывать норы, но отрок колол его ножом, заставляя слушаться.

Белые волки посторонились, давая возможность лошадям поравняться, и снова заключили их в кольцо. Трое волков скакали впереди, еще четверо по бокам, остальные, числом около десятка, растянулись сзади.

Опасаясь погони, беглецы поскакали прочь. Они приостановились только однажды — Дажь забрал из дупла меч, — и после этого уже не останавливались.

Лошади скакали нос к носу, как на скачках. Всадники чуть не касались стремями друг друга. Припав к гривам, они погоняли лошадей, но те и так летели на пределе сил. Остался и исчез позади лес, растянулась во все стороны степь, потом пошли балки и овраги, поросшие кустарником, и островки мелких рощ. А два всадника в окружении стаи белых волков все мчались куда глаза глядят.

* * *

Они сдержали бег коней много позже — когда выносливый степной конек Агрика стал хрипеть и ронять пену с губ. Лишь малый вес отрока спас коня от запала.

К тому времени день уже подошел к концу. Ветер разогнал облака, покрасневшее солнце на треть ушло под землю, и с низин наплзли туманы. Смешавшись с ними, большая часть волков отстала, и только трое, вывалив языки, трусили позади всадников.

Лошади широко шагали по высокой росистой траве, сминая ее грудью. Откинувшись в седле, Дажь подставил лицо вечерней прохладе, чувствуя, как отступает напряжение и волной подкатывается усталость. Прикрыв глаза, он мысленным взором обратился назад — но до самого горизонта все было спокойно: погони за ними не было.

Дажь оглянулся на своего спутника. Агрик еле держался в седле, — отчаянно цепляясь за высокую луку и пошатываясь на каждом шагу. Отрока можно было извинить — события последних двух дней способны были выбить из колеи и зрелого мужа.

— Который год тебе? — окликнул Дажь отрока.

Агрик немедленно выпрямился и захлопал глазами.

— Семнадцатый на комоедицы¹ пошел, — молвил он виновато.

Дажь ободряюще улыбнулся:

— Устал небось? Отдохни — скоро сыщем подходящее место и заночуем. Погони за нами нет — им не до нас теперь. Дело было знатное. Ты доволен?

— Еще как! — улыбнулся гордо Агрик. — Я отомстил за всех... А Одорех — он мертв!

— Знаю, — кивнул Дажь. — Я видел — его сбила лошадь...

— Нет, — мотнул головой отрок. — Я нашел его там. Он лежал без памяти, и я... — Он показал бурый от крови нож. — Я перерезал ему горло!

В глазах Агрика при этом светился неподдельный восторг и гордость за свершенное, и Дажь, разглядев опасный огонек, покачал головой. Мальчишка пойдет далеко. Что-то из

¹ Праздник пробуждения медведя.

него вырастет?

— И куда же ты теперь, Агрик? — как можно равнодушнее спросил он. — У тебя теперь две дороги — в дом твоего отца, что пуст ныне, или туда, куда и так шел...

— Позволь с тобой идти! — пылко перебил его Агрик. — Разреши служить тебе, копьё и щит за тобой носить... Прими в выученики! Не могу я ни назад, ни вперед. В дом отца идти — там все мне до конца дней в глаза и за глаза тыкать станут: почто сам выжил, а прочих сгубил? Там ведь не только отца моего сгубили, но и братьев, и дядьев, и отцовых ближников, а я чужак... И к приемным родителям моим я не вернусь после того, что видел и пережил, — не будет уж мне спокойной жизни... Сделай милость, — взмолился он снова, — прими в выученики! Я вот и меч достал! — Он хлопнул себя по боку.

Глаза его смотрели умоляюще. Дажь смерил отрока пристальным взглядом и кивнул:

— Добро. Выучу тебя с мечом обращаться!

Агрик просиял и выровнялся, в седле.

От наполовину скрывшегося солнца протянулись багровые лучи. В их свете все вокруг казалось окрашенным кровью. С низины поднимались прохлада и сырость. Равнина звенела от песен сверчков. Лошади раздвигали траву, оставляя позади полосу медленно выпрямляющихся стеблей.

Белые волки проводили всадников до островка леса на вершине невысокого холма и повернули назад. Скоро их поглотил туман.

Агрик проводил их удивленным взглядом, а Дажь не обратил внимания.

Отрок оглянулся на витязя. Тот ехал спокойный и неутомимый, и Агрику вспомнилось все, что произошло в стане кочевников — странный голос гостя, его чара, что никак не хотела наполняться, потом призыв — и пришедшие в ответ на него волки. Кочевники называли его колдуном и чародеем.

Господин мой, ты... ты бог? — вырвалось у него.

Дажь поднял голову, вздохнул и снова опустил глаза, глядя коню под ноги.

— Да как тебе сказать? — раздумчиво ответил он. — Надоело объяснять всем и каждому... Когда-то, когда даже народа вашего на свете не было, тысячелетия назад, жил на этой земле народ. Целая страна, да не одна — страны с богатыми городами и селами... Люди того народа и умели столь много, что даже я представить не в силах. Их обычные знания нам нынешним, могут показаться сказкой, выдумкой, но это правда...

Я не ведаю точно, что за беда пришла в их земли но прекрасные города были сожжены, люди погибли, а немногие уцелевшие вынуждены были прятаться. Некоторые укрылись под землей, другие в пещерах, третьи и вовсе покинули страну и отправились в иные места. В числе последних были и мои предки.

Он ушли далеко на север, где на островах и отрогах неприступных гор возвели свои замки. Там они скрыли спасенные остатки тайных знаний своего народа. Долгие века они таились, боясь повторения беды, а тем временем на земле появились новые люди, которые совсем ничего не знали о погибших странах и народах, ибо города их стали песком и пылью, навеки упокоились на морском дне и в жерлах вулканов. Люди эти тоже стали строить города и страны. Так продолжается до сих пор — меняются народы, растут и гибнут города, и никто не знает об исчезнувшем народе.

Правда, он не погиб без остатка — чему я наглядное подтверждение. Мой народ — а остатки его расселились не только на севере, но и в других местах, — мало показывается на глаза людям. Наши знания — жалкие остатки того, чем в совершенстве владели наши предки, — кажутся людям сверхъестественными силами. Они считают нас богами — добрыми и злыми, как кому нравится, — называют чародеями и магами. Мы не спорим — наоборот, порой даже нарочно представляемся богами. По мере сил и возможностей мы стараемся помогать людям, подсказываем им кое-что, но с каждым годом показываемся им на глаза все реже и реже, и настанет день, когда мы навсегда уйдем из этого мира. Конечно, жаль, но у нас разные пути — новые люди обгоняют нас, и это необратимо... Нет, мы не боги — мы не столь всемогущи, как кажется. Просто...

Даждь оборвал сам себя и оглянулся & Agrika. Отрок чуть не дремал, покачиваясь в седле. Он прилагал огромные усилия, чтобы не заснуть, но усталость была сильнее его, а голос Даждя убаюкивал.

— Агрик, проснись! — окликнул его витязь.

Отрок ошалело дернулся, пробуждаясь:

— А? Что?

— Понимаю — ты устал, — мягко кивнул Даждь. — Но вон там впереди, — указал он на темное пятно на горизонте, за которое скрылось почти все солнце, — там лес и река. Мы доберемся до нее и отдохнем. Потерпи!

Рука его со страшным старым шрамом на ладони коснулась лба отрока, и тот выпрямился, чувствуя, что глаза сами собой раскрылись.

Лошади словно поняли слова витязя. Они вскинули головы и бодрым шагом направились к лесу.

* * *

Всадники не знали, что за ними пристально и неотрывно следят чьи-то глаза.

Высоко в небе, скользя на пределе видимости, вслед за ними торопился крылатый силуэт. Для птицы он был слишком крупным — размах крыльев его достигал почти двух сажень, да и форма их мало походила на птичью — кожистые, перепончатые, как у огромной летучей мыши или дракона, они наводили на мысль о нежити.

Так оно и было на самом деле. Вытянув шею, поджав к животу лапы и напрягши для равновесия хвост, нежить парила в воздухе. Зная, что с высоты ее никто не заметит, а если и разглядит, то примет за орла, она вот уже много дней без отдыха кружила в небе, исполняя приказ повелителя.

Целая стая нежити была пущена в дело. С того времени, как прогрелся для ночных полетов воздух, нежить патрулировала небо и землю. У каждой была своя территория, которую она облетала, глядя на все, что движется по земле.

Вскоре после полудня нежить учуяла на своей территории мощные раскаты силы — кто-то, обладающий магией и умеющий обращаться с чародейством, ступил на ее землю и выдал себя. Для глаз крылатого сторожа магия выглядела алым и золотым костром, поднимавшимся в небо. Разглядев на горизонте сияние, сторож устремился туда.

Нежить дважды пролетала над развороченным становищем — всюду валялись искалеченные и мертвые тела, горели шатры, метались люди, лошади и быки. Все носило следы гнева какого-то могучего чародея, но сам он исчез. И нежить отправилась в погоню.

Двигаясь в вышине, она перед самым закатом увидела впереди двух всадников, окруженных стаей волков. Это были не обычные звери, а плоды колдовской силы, созданные лишь для того, чтобы исполнить волю и защитить своего создателя. Нежить подождала, пока чародей снимет заклятье — то есть пока волки не растают, — и только после этого немного снизилась, разглядывая всадников.

Повелитель дал каждому соглядатаю точные приметы чародея, и нежить сразу узнала всадника на золотистом жеребце. Второй был ей незнаком, но она и не обратила на него внимания. Важно было другое — чародей и его спутник были утомлены долгой скачкой и никуда не торопились.

Нежить снизилась еще, так что теперь ее мог увидеть и обычный человек. Осторожно и бесшумно взмахивая крыльями, она следовала за всадниками, выясняя, куда они отправляются. Их лошади устали, а лес был уже близко. Тот самый Лес, насчет которого каждая нежить уже получила предупреждение...

Лесная чаща раскрыла навстречу всадникам свои объятия. Даже лошади воспрянули, ступив под полог леса.

Здесь приходилось двигаться медленно и осторожно — ночь выдалась безлунная, и под кронами деревьев дарила крошечная тьма. Грива Хорса слабо мерцала во мраке. Он двигался

первым, прокладывая дорогу Агриковой лошади. Понимая, что ищет хозяин, жеребец сам вышел на пологий берег реки.

Здесь было удобное место для ночлега, спуск к воде тоже был удобен.

Когда конь Агрика остановился, он сполз с седла и уснул, кажется, еще до того, как коснулся щекой дерна. Дажь заставил себя расседлать лошадей, привязал их и только после этого позволил себе прилечь.

Нежить не стала лезть в чашу, рискуя сломать себе крылья. Она просто присела на ветку самого высокого дерева и напряженно прождала до того самого момента, когда внутреннее зрение не подсказало ей — чародей уснул. Только тогда она снялась с ветки и отправилась назад. Повелитель уже завтра вечером будет знать, куда делся его враг.

* * *

Ориентиром нежити служила река — та самая, что пересекала лес. На берегу ее не только отдыхал сейчас тот чародей, но и мйого ниже по течению ждал вестей от своих соглядатаев повелитель. Нежить спешила — она крепко помнила предостережение о том, кто обитает поблизости.

Ночь разорвал низкий гудящий звук, похожий на стон разрываемого воздуха. Сбоку налетел и ударил под крыло горячий ветер. Кувыркаясь в полете, нежить с опозданием поняла, что попалась — ее заметили обитатели здешних мест.

Сразу с двух сторон толкнул ее, только-только выровнявшуюся, новый порыв. Нежить замахала крыльями с удвоенной еилои, пытаясь удержаться в воздухе, но засвистела надвигающаяся буря, и нежить закувыркалась, падая.

Внизу полыхнуло пламя — там был кто-то, тоже обладающий магической силой. Нежить ринулась прочь очертя голову, но взметнулось гибкое белое тело — и хвост змея обвился вокруг задней лапы нежити. Охотник и его добыча вместе рухнули на землю.

Над нежитью, торопящейся перевернуться на живот и вскочить, зависла небольшая светлая головка змеи, увенчанная гребнем, напоминающим венец. Раскосые, совершенно не змеиные глаза заглянули, казалось, в самую глубину сознания нежити.

— Куда спешим? — прозвучал шипящий, но несомненно женский голос.

Нежить попыталась отвернуться, но неведомая сила, сравнимая лишь с силой ее повелителя, заставляла покоряться.

— Повелитель... повелитель ждет... — заторопилась нежить, подбирая слова на непривычном для ее рта людском наречии. — Он послал следить... Его враг — человек — здесь... Я сделала, что приказал повелитель. Спешу — он ждет. Нельзя заставлять ждать! Я спешу... повелитель...

Она осеклась под строгим взглядом змеи.

— Кто твой повелитель? — приказала та. отвечать.

Нежить завертелась волчком, щелкая зубами от страха. Она боялась того, кто послал ее на поиски, но белая змея одним взглядом скручивала ее в узел, безжалостно выдавливая признание.

— Я... не знаю, — почти простонала нежить, корчась на земле в судорогах. — Мы зовем его.. Кошчем...

Головка змеи резко взлетела вверх, а потом метнулась вниз — к самой морде нежити.

— Кош-щей? — В голосе ее послышалась заинтересованность. — Какой?

Нежить заверещала, чувствуя, как холодные кольца проникают ей в память, отыскивая примету или облик повелителя. Она попыталась защититься, но было поздно. Змея уже узнала все, что ей было нужно.

— Хм, — она почти веселилась, — а за кем это охотится мой братец?

— Всадники, — пролепетала нежить, сломанная силой змеи, — два всадника у реки... Чародей... Старый враг повелителя...

Больше нежить не могла ничего сообщить — Кошей не считал нужным посвящать

своих слуг во все тонкости дела.

Змея опять, пристально вгляделась в сознание нежити.

«И как это Кощя тетка из дому отпустила?» — подумала она, и нежить невольно поймала ее мысль.

— Ну что ж, — обратилась змея к нежити, — ты свободна. Лети к своему повелителю, а я тем временем наведу к чародею...

Змея отвернулась. Белые холодные кольца пришли в движение. Тяжелый паралич, охвативший все тело, отпустил нежить. Торопясь, пока змея не вернулась, она поднялась и поспешила прочь. Ее подгонял страх перед Кощеем — еще неизвестно, что он подумает, если узнает о вмешательстве своей родственницы. Но предупредить повелителя было необходимо.

* * *

Привычка к тяготам походов сделала свое дело — Дажь проснулся первым, когда солнце уже поднялось над верхушками самых высоких деревьев. Тело не чувствовало усталости — он привык по многу часов проводить в седле.

Дажь поднялся. Пристроившийся у него под боком Агрик мирно посапывал, свернувшись калачиком. Спутанные лошади стояли плечо к плечу. На их боках присохли остатки пены, из-за чего оба жеребца казались одинаково серо-бурыми. Хорс первым вскинулся, приветствуя хозяина.

Солнце пригревало, на чистом небе не было ни облачка — только шелестел в ветвях ветерок, лениво плескались волны в песчаный берег да пересвистывались невидимые птицы. Небольшая поляна, где путники провели ночь, казалась самым тихим местом на земле.

Дажь растолкал Агрика:

— А ну-ка, поднимайся живо!

Отрок что-то промычал, переворачиваясь на другой бок, но потом вдруг вскрикнул и вскочил, хлопая глазами и оглядываясь по сторонам.

— Как? — воскликнул он. — Это был сон?

— О чем ты? — Дажь, не теряя времени, распутал ноги лошадей и повел их к воде.

— Мне казалось, что это. только сон — отец, кочевники, волки и... ты, господин, — смущенно ответил отрок, поднимаясь.

— Ты огорчен?

— О нет, нет! — торопливо ответил Агрик. — Но мне было страшно!

Он догнал Дажь у самой воды. Кони остановились у берега и неспешно тянули воду.

— Ничего страшного, — усмехнулся Дажь, вручая отроку поводья его лошади. — Здесь очень тихое место... Мы передохнем тут немного, а потом двинемся дальше.

Бросив рубаху и сапоги на песок, Дажь в одних портах вошел в воду, ведя за собой Хорса. Жеребец радовался воде и игриво бил копытом, поднимая сверкающие тучи брызг. Он веселился, как жеребенок, — притворно шарахался, ловил зубами хозяина за плечо, толкал носом и дрожал, словно от щекотки. Вода текла с него ручьями.

Агрик не сразу решил последовать примеру витязя. Непривычный к воде, степной конек упирался и пробовал кусаться, поэтому Дажь оставил Хорса и пришел отроку на помощь. Почувствовав его твердую руку на морде, конь сразу присмирел и позволил новому хозяину окатывать себя водой с головы до ног, растирать потником, смывая присохшую грязь, и вычесывать из спутанной гривы репья и травинки.

Когда оба коня были вымыты, их шлепками выгнали на берег. Хозяева выбрались следом.

— Разводи костер, — велел Дажь. — Теперь наша очередь. Вымоемся, просохнем — тогда й в путь. А то я словно навечно провонял дымом и пылью.

Агрик, не споря, отправился за хворостом, а Дажь, стянув порты, вошел в воду.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Прохладная вода приняла его разгоряченное тело. Окунувшись несколько раз подряд с головой, Дажь вынырнул, отфыркиваясь, и встал, на шаривая ногами илистое—дно.

— Благодать! — крикнул он и шлепнул ладонью по воде, зовя Агрика. — Давай сюда!

Отрок склонился над костром. Из-под его пальцев уже поднимался дымок. Он скосил глаза на витязя, завистливо закусил губу и дунул на язычки что было силы. Воспитывавшийся у извергов в лесной избушке, Агрик мог и под дождем разжечь костер, а потому вскоре жадное пламя уже пожирало сучья и прошлогоднюю листву.

— Я скоро! — крикнул он, расчищая вокруг костра место, чтобы огонь, буде оставят его без догляда, не вздумал сбежать и отправиться бродить по лесу.

Дажь не стал ждать его. Откинувшись на спину,, он взбил воду и» перевернувшись, поплыл к дальнему берегу, широко загребая руками. На середине, где чувствовалось сильное течение, он нырнул, борясь с холодными струями, поднимающимися со дна. Где- то недалеко бил сильный родник. Захотелось нырнуть на глубину, проверить дно у реки — выросший на берегу северного моря, Дажь не боялся воды. Ему случалось купаться и зимой.

Уже у самого дна ему вдруг почудилось неладное. Разом спустилась тьма — будто на поверхности наступила ночь. Одновременно по веяло холодом — над рекой словно пронесся ветер.

По всем приметам день выдался жаркий и солнечный, но безотчетная тревога погнала Дажь на поверхность. Плохо, если пойдет дождь.

Вынырнув, Дажь не сразу поверил своим глазам. Сперва он решил, что разыгралось его воображение, и только обернувшись на противоположный берег, понял — это не обман зрения.

Берега не было. Река текла, лес шумел, клоня кроны набок, но песчаного островка, где сохли их лошади и горел костер, больше не существовало. На десятки сажений вокруг лес был выломан. Нелепо торчали в небо стволы и вывороченные корни, с криками кружили над ними птицы.

Не помня себя Дажь бросился к берегу. Чуть ли не бегом он выскочил на то, что еще недавно было мирным пляжиком, и огляделся.

Судя по всему, сюда упало несколько деревьев из Числа тех, что росли вокруг, прихватив за собой и кустарник. А на них сверху рухнули еще несколько стволов, образовав из листвы и веток настил в несколько слоев.

— Агрик! Хорс! — позвал Дажь. — Ко мне!

Его жеребец не мог так просто погибнуть. Он бы подал какой-нибудь знак. Но ответом на сей раз было только эхо да скорбные птичьи крики.

Неподалеку из-под веток пробивался слабый дымок — след костра, который успел развести Агрик незадолго перед несчастьем. Если отрока и лошадей завалило, то они могли быть неподалеку.

— Агрик! — Дажь бросился на колени, лихорадочно разгребая ветки. — Отзовись!

Отбросив толстый сук, он запустил руку внутрь.

— Не там ищешь—шь, — раздалось над ним.

Дажь вскинулся — и застыл.

Свернувшись на обломках деревьев, над ним нависла огромная молочно—белая змея невероятной толщины. Кожа ее, покрытая, как капельками пота, мелкой, похожей на жемчужинки, чешуей, поблескивала нежным матовым светом. Янтарные глаза смотрели с истинно человеческим вниманием — такую не обманешь ложным выпадом, она заранее почует фальшь.

— Что потерял? — не раскрывая рта, прошелестела змея.

Золотистые глаза впились в душу Дажь, силой притягивая его ближе. Он сделал было шаг, но остановился, вскинул руку и быстро начертил оберегающий знак.

— Знаеш-шь, — прошелестела змея удовлетворенно. — Так вот ты какой — чародей, за которым охотится мой братец! Ты и в самом деле могущ-ществен...

Было самое время спросить о лошадях и отроке, но Дажь даже не подумал об этом — он во все глаза смотрел на змею.

— Кто ты? — только и смог вымолвить он. — Что значит все это?

— Это мой лес, — прошелестела змея, покачивая головой. — Я здес-сь госпожа и княгиня, здесь мои законы. Никто не смеет являться сюда безнаказанно — вс-сякий должен заплатить мне за свое пребывание здес-сь... Ты заплатил и можеш-шь идти — я не трону тебя.

— Но я не могу идти так. — Дажь развел руками. — И потом...

— Хочеш-шь остаться? — догадалась змея. — Что ж, соглас-сна. Иди ко мне! Я отнесу тебя в свое жилищ-ще...

— Я так не уйду, — наконец опомнился Дажь. — Ты знаешь, где мой конь и мой друг? Они были здесь...

— Не думай о них, — резко ответила змея. — Пусть они не беспокоят тебя. Их нет...

— Я требую ответа! — Дажь сделал шаг, но голова змеи взлетела на высоту дерева.

— Забудь! — приказала она.

Вместо ответа Дажь бросился на нее.

Толстое тело буквально светилось, притягивая взоры и мысли. Как только руки витязя коснулись ее гладкой кожи, змея неуволимым движением высвободилась и растаяла, скользнув в сплетение поваленных сучьев. Дажь с трудом устоял на ногах.

Янтарные глаза сверкнули гневом. Змея коротко свистнула сквозь сжатые челюсти и нанесла удар.

Ее твердый, как камень, нос врезался в живот Дажь как раз над ребрами. Витязю показалось, что из него вышибли дух. Сила толчка была такова, что он отлетел на несколько шагов. Только обломки кустов, оказавшиеся позади, не дали ему упасть навзничь. Собравшись, он вскочил и пригнулся, готовый к бою.

Голова змеи покачивалась над ним, выбирая место для второго удара. Она нанесла его внезапно — нос врезался в плечо, потом — в бедро, потом — в бок. Но Дажь уже приготовился, став единым комком костей и мускулов, пошатнуть который было не так просто. Приседая, нагибаясь, порой отскакивая и меняя позицию, он не отрываясь следил за противником, выбирая время и место для ответного удара.

Выжидать его заставляло и необычное положение, в котором он оказался. Дажь понаторел в схватках, он мог биться любым оружием с любым противником, но не сейчас, когда под руками нет ничего — подошел бы сапог, ремень, шапка... Но поблизости не было ни одного подходящего предмета. Только разве...

Спасаясь от очередного удара, Дажь метнулся в сторону и с быстротой молнии перекатился на бок, оказавшись возле крошечного клочка песка — остатка заваленного деревьями пляжа. Змея не успела заметить его броска, и это дало витязю преимущество. Пока она разворачивалась, он вскочил и, подпустив ее ближе, швырнул ей в морду пригоршни песка.

Песок не мог причинить вреда глазам змеи, но она приостановилась, когда песчинки ударили ее по носу. А Дажь бросился дальше, обходя змею по урезу воды — единственному ровному месту.

Он не почувствовал броска змеи, но внезапный толчок сбил его с ног.. Дажь растянулся на песке. Змея выросла над ним, подтягивая кольца.

— Думал сбежать? — прошипела она довольно. — От меня не уйдеш-шь, если я не захочу! А ты станеш-шь моим, человек-чародей! Станеш-шь, потому что я так хочу...

Нарочито медленно Дажь обернулся, взглянув в глаза врагу. Змея свернулась клубком — только голова с хвостом торчали из серебристо-молочных, со слабым розовым отливом колец. Она выглядела довольной.

— Смирилс-ся? — прошипела змея. — Что ж, иди ко мне!

Даждь встал — по-прежнему медленно и осторожно, даже нарочно прихрамывая, чтобы змея поверила в его нежелание и неспособность драться. Одновременно глаза его лихорадочно шарили вокруг — не найдется ли чего подходящего...

...Падая, громадный столетний явор выворотил добрую половину своих и чужих корней. Среди них оказались и корни дуба — яворова ровесника. Мощный дуб — настоящий витязь лесов — выстоял, но, если можно так сказать, на одной ноге: ствол его чуть треснул, развороченный корнями падающего явора, и образовался расщеп. Не у каждого урагана достанет силы так переплести деревья — нужна особая, тайная сила. Как раз та, что есть у змеи...

Даждь смерил глазом расстояние. Человек в расщеп проскочит — даже. такой, как он. А вот змея наверняка застрянет. Чтобы пробраться, ей придется выбить ствол явора из щели и... Но для этого она должна погнаться за ним.

Витязь повернулся к змее.

— Ты меня еще не поймала, — заявил он. — Рабом своим сделай, тогда и приказывай!

Длинный гибкий хвост тут же взметнулся, намереваясь схватить человека, но Даждь отпрянул в сторону, и тот только просвистел над ним. В ту же секунду витязь отпрыгнул, рванувшись ближе к расщепу.

— Бежать? — рявкнула змея. — Стой!

Хвост догнал его и захлестнул талию, словно аркан кочевника. Даждь почувствовал, как его поднимают в воздух. Чтобы остудить его, змея перевернула противника вниз головой и окунула в реку. Она держала его там до тех пор, пока человек не перестал дергаться.

Только тогда змея вынула Даждя из воды и поднесла к своей голове, которая покачивалась в воздухе на высоте примерно в три сажени.

— Понял, — блеснули глаза, — что со мной шутить опас-сно?

Даждь только отфыркивался, ловя ртом воздух. Хвост стиснул его живот и грудь, и воздуха для нормального дыхания не хватало. Руки его оставались свободными, но пользы от этого было мало. Он болтался в объятиях змеи, чувствуя себя как никогда беспомощным — ведь стоит ей нажать посильнее...

— Понял, — кивнул он.

— Это хорошо, что ты смирился. — Змея приблизилась к самому лицу своего пленника. — Тебе будет хорош-шо...

Даждь затаил дыхание. Перед ним покачивался нос змеи — не тот костяной горб, которым она толкала его до сих пор, а те две нежные дырочки, из которых сейчас со свистом вырывался воздух.

И кулак Даждя врезался в этот чувствительный нос. Его пальцы что-то ощутимо цапнуло, и змея не зашипела — взревела от боли и ярости.

Кольца ее разжались, и Даждь упал на землю. Тут же толстое тело обрушило удар — но витязя на том месте не оказалось. Не чуя под собой ног, он ринулся к расщепу.

Уже не шипя, а рыча от ярости, змея бросилась в погоню. Хвост ее бешено хлестал по кустам, но она хотела схватить ненавистного врага зубами, ощутить вкус его крови, почувствовать его боль и ужас прежде, чем раздавить и проглотить.

Человек метнулся в сплетение сломанных стволов и корней — будто это ее остановит. Да она сметет завал в считанные мгновенья! Беглец не успеет даже поверить в то, что успел первым!..

Обдирая плечи о щепки, Даждь прорвался в щель, чувствуя на спине горячее дыхание змеи. Последним рывком он прыгнул вперед, через заросли искореженных кустов, продрался сквозь них — и не сразу поверил глухому хряску.

Ловушка сработала — теперь оставалось только молиться всем богам, чтобы дуб устоял, да слушать полное ненависти шипение плененной змеи.

Словно предлагая свою службу, на пути попались камни. Выбрав подходящий, Даждь повернул назад — рассчитанный удар по голове смирит змею. А потом ее можно будет добить.

То, что он увидел, превзошло его самые смелые ожидания. Вот за такие счастливые совпадения за ним и закрепилась слава чародея, хотя настоящей магии здесь было совсем немного.

Змею заклинило точно посередине. Высвободившийся из расщеп явор упал как раз в нужное место, прижав обе половинки дуба друг к другу еще крепче. Тело змеи в месте зажима налилось розовым цветом, она отчаянно извивалась и в бешенстве грызла дерево.

Меткий бросок камня пришелся точно по ее лбу над глазами. Гребень, напоминающий венец, сломался. Послышался хруст треснувшей кости, и змея с криком обмякла.

Даждь мигом оказался над нею и, подобрав камень, наступил ногой ей на шею.

— Я не верю, что ты мертва, — заявил он. — Если не перестанешь притворяться, я убью тебя!

Он замахнулся, не дожидаясь, пока до змеи дойдут его слова, но так и не ударил, потому что тело ее стало меняться.

Тело, вдруг потемнело и пошло складками. Оно стало съеживаться и ссыхаться. Хвост забился в судорогах, голова тоже начала дергаться. На глазах Даждя кожа змеи треснула, задымилась, и пленница начала выползать из нее, как весною делают все змеи. Но вместо змеи с новой кожей перед витязем оказалась молодая женщина...

Камень чуть не выпал из руки Даждя. Женщина хотела встать, но с коротким стоном упала вновь и закусил губу от боли — ее левая нога оставалась торчать в расщепе, который в момент превращения сомкнулся еще больше. С той стороны дерева вместо женской ступни извивался змеиный чешуйчатый хвост. Именно он и вернул Даждю способность мыслить трезво.

— Прощайся с жизнью, — сказал он. — Меня твои чары не обманут! — И поднял камень.

Женщина дико взвизгнула и рванулась прочь, закрываясь руками.

— Не убивай! — закричала она отчаянно. — Что хочешь проси, все сделаю! Только не убивай! Все скажу! Все!

Она кричала бы и дальше, но Даждь наступил ей на вторую ногу, и она притихла, мелко вздрагивая и зажимая себе рот, чтобы не заплакать. Витязь чувствовал ее испуг — на сей раз неподдельный: она никогда не попадала в плен и просто не знала, что делать. Она действительно была готова на все, но испуг может миновать очень быстро...

— Ты ответишь на все мои вопросы, — приказал он. — Откажешься — прощайся с жизнью!

Женщина, очевидно, почувствовала, что он может это сделать, и кивнула.

— Кто ты такая и почему напала на нас?

— Я Ехидна, дочь Змеихи, — ответила женщина. — Я могу менять облик — когда змея, когда женщина: ты сам видел. Я живу здесь недалеко, в пещерах над рекой. Там у меня сокровища — я собирала их с проезжающих и всех, кто попадался мне на пути... Если у тебя есть что ценное, оставь мне — и отправляйся своим путем.

Даждь мог бы сказать о чаре, о мече, о коне, но мотнул головой.

— Ты уже забрала все. Отвечай — где мой спутник и наши кони?

— Коней верну, а мальчишка тебе на что? Иль он сын тебе?

По возрасту Агрик мог быть таковым, но Даждь покачал головой.

— Нет у меня детей. А за парня я ответ перед его родителями держу. Он мой воспитанник. Говори, где он?

Ехидна присела, опираясь на руки. С зажатой ногой сидеть ей было неудобно, и она для опоры вдруг схватилась за ногу Даждя.

— Больше ничего не хочешь у меня узнать?

Голос ее как-то странно дрогнул — женщина и впрямь знала что-то важное.

— Говори! — На всякий случай Даждь замахнулся.

Ехидна с визгом отпрянула, но не от него, а прижимаясь к его ногам.

— Меня убьешь — выгоды особой не получишь, — быстро воскликнула она и

вскинула на витязя лицо. — А того не ведаешь, откуда я о тебе узнала, кто меня на след твой навел, кто тебя в засаде поджидает...

— А ты знаешь?

— Скажу, если ты... освободишь меня.

Даждь замахнулся снова, но Ехидна не разжимала объятий и больше уже не теряла головы. Даждь тяжело задышал — он слишком поздно сообразил, в каком виде предстал перед женщиной, а та заметила это первая и теперь пользовалась преимуществом. В самый последний момент Даждь взял себя в руки.

— Говори, — пообещал он. — Скажешь все — будешь свободна!

Ехидна, уже не таясь, приласкалась к нему.

— Что хочет узнать мой воин? — промурлыкала она.

— Все!

— Повинуюсь. За тобой почему-то охотится мой братец, сын моей тетки, Кощей. Я сама видела его сыщика, что следовала за вами по пятам, а потом кинулась докладывать Кощей о том, где вы остановились. Я говорила с ней — но она не знала, почему Кощей преследует тебя, что ему нужно. Я не заключала ряда с братцем и тоже больше ничего не знаю.

— Как мне найти его?

— Да ты что? — Ехидна удивилась. — Найти Кощей? Ты с ума сошел! Как его найдешь? Та тварь мне ничего не выдала. Скорее он сам тебя найдет... Впрочем, Кощей никогда не обладал силой и властью — в нашем роду его считали ошибкой природы. Он неудачник. Я бы не стала обращать на него внимания — он может просто развлекаться от скуки, и все дело наверняка только в том, как бы тебя догнать, а не что потом с тобой делать!

Женщина презрительно скривилась, и Даждь понял, что она не лжет.

— Хорошо, — сказал он. — А где Агрик и наши кони?

— Ты собрался уезжать? — Ехидна даже подпрыгнула. — Вот так, просто?.. А я думала, что ты...

Она зазывно погладила его ноги.

— Я тебя задушю, — спокойно пообещал Даждь, — если ты всего не скажешь. Агрика я все равно найду, рано или поздно, а вот ты пожалеешь...

С этими словами он отложил камень и взял Ехидну за горло.

— Ты не мужчина, — выдохнула она. — Ты камень... Иди вниз по течению — там берег поднимается и скалы из земли торчат. Среди них есть одна приметная — на змеиную пасть похожа. Надо слева от нее встать и найти камешек, что блестит, когда на него луч солнца падает. Камень тот вдави в скалу — ход откроется. Там твой мальчишка!

Еле дослушав, Даждь отпустил горло Ехидны и шагнул прочь.

— Эй! — закричала она, рванувшись за ним. — А я? Обещал же!

Одним пинком Даждь вогнал ненужный теперь камень в расщеп. Оставив женщину сидеть на земле и растирать покрасневшую лодыжку, он зашагал берегом реки.

* * *

Агрик очнулся быстро, но долго не мог заставить себя пошевелиться.

Вокруг царила почти полная тишина — только где-то вдалеке слышались не то стоны невиданных зверей, не то чьи-то искаженные эхом голоса; да совсем близко, чуть ли не над его головой, звучно и мерно шлепались о камень капли воды. Агрик не шевелился и не открывал глаза, боясь даже глубокодохнуть — а ну как вокруг стоят его поимщики и ждут, когда он очнется?

Под ним было что-то плотное, слежавшееся и сырое. От земли шел прямо-таки смертный холод — Агрик вспомнил подпол у родителей в лесной заимке, где и в самую жару стыли пальцы. Тут-то небось похолоднее. Скоро отрок закоченел и уже не мог сдерживать дрожи. Но над ним по-прежнему не раздавалось ни звука, и он открыл глаза.

Сначала он ничего не увидел, но постепенно темнота отступила, и отрок понял, что его мысль о подполе оказалась верной.

Он лежал на дне неглубокой ямы с пологими стенками и низким, грубо сработанным потолком. На дно была брошена охапка соломы — она вся сгнила и пропиталась водой. Чуть впереди, над его головой, шел боковой ход, похожий на нору — именно оттуда и падал слабый свет.

Перед тем как бросить сюда, его не удосужились связать, и Агрик осторожно ощупал себя, проверяя, все ли цело. Оружия, у него не было, надеяться не на что, но вот нож за сапогом, тот, что уже послужил ему, перерезав горло Одореху, остался при нем. Вытащив его, отрок поцеловал лезвие — на нем еще оставалось немного присохшей крови, и ее вкус придал Агрику решимости.

Юноша отлично помнил все, что случилось. Он только-только расчистил место вокруг костра и уже потянул с себя рубашку, готовый раздеться и последовать за витязем, как вдруг резко пала темень, затрещали кусты и деревья...

Первым тревогу почуяли кони. Агрик успел заметить взвившегося на дыбы с хриплым воплем Хорса. Жеребец шарахнулся в сторону, но его подхватил порыв ветра и легко, как перышко, поднял в воздух. Агрик тоже почувствовал, как его отрывает от земли... И очнулся здесь.

Где-то вдалеке внезапно послышался резкий звук — искаженный эхом крик не то человека, не то зверя. Он оборвался так же неожиданно, как и начался, но Агрик успел разобрать в нем нотки ярости и смертного ужаса — так кричат, в отчаянии обрекая себя на мученическую смерть. Это заставило отрока замереть, вжавшись всем телом в пол своей норы — он был не один.

Прошло много времени, прежде чем он решился покинуть нору, благо выход не перегораживала решетка или частокол, а перед нею не прогуливался часовой. И вообще, кроме падающих капель воды, ничего больше не нарушало тишину.

Стиснув нож в кулаке, Агрик ползком подобрался к выходу и, лежа на пороге, огляделся. Ему приходилось подкрадываться в лесу к дичи, подкарауливать птиц в гнездах, а потому он выскользнул из норы словно тень.

Нора открывалась в низкий — не для всадника — полутемный сводчатый коридор, прорытый, судя по следам на стенах, в незапамятные времена каким-то огромным зверем. Земля была утоптана до твердости камня, с потолка свешивались покрытые плесенью сосульки. Коридор уходил в стороны и с правого крыла плавно изгибался. С той стороны и шел красноватый свет, похожий на отблески костра. Он позволил разглядеть многочисленные боковые ходы разного размера, ответвляющиеся от основного коридора во всех направлениях. Некоторые из них были забраны решетками, перегорожены частоколом или вовсе наглухо забиты.

Пригибаясь, в любой момент готовый нырнуть в ход и затаиться, Агрик перебежками двинулся к источнику света. Где свет — там и люди или же иные хозяева здешних мест. А может, там он найдет Тарха — своего господина и наставника.

Ход продолжал изгибаться, и вскоре отроку пришлось остановиться. Здесь и правда было светлее и суше — по стенам горели на кованых поставцах небольшие светильники. Озаренный ими коридор уходил строго прямо и чуть вниз. В стенах ровными рядами открывались боковые ходы — всё забранные решетками с висячими замками и запорами. Только на одном не было запора или двери. Но, подкравшись к нему, Агрик застыл как вкопанный.

Это было начало еще одного коридора, уходившего во тьму. На пороге его лежал тот человек, чей крик он слышал, или, вернее, то, что осталось от человека. На отрока глядел пустыми глазницами полуобглоданный скелет — обрывки мяса и кожа на обнаженных костях. По земле текла кровь. И никаких следов. Но в полутьме Агрик вдруг разглядел светло-русые волосы, такие же, как у Тарха...

— О нет! — воскликнул он, забывшись. — Хозяин! Нет! Только не ты!

Эхо подхватило его крик и умчалось прочь. Спohватившись, Агрик зажал себе рот ладонью. Ему хотелось выть от горя, и он, не чуя под собой ног, бросился куда глаза глядят.

Освещенным был лишь один коридор, но отрок ринулся в темноту. Он летел не разбирая дороги, порой наступая на что-то, поддавая ногой странные круглые предметы, но не останавливался. Страх гнал его вперед.

С размаху он налетел на стену и упал к ее подножию, не в силах подавить рыдания. Его господин и друг погиб, а сам он никогда не выйдет отсюда.

Постепенно слезы иссякли, а нагревшаяся в ладони рукоять ножа подсказывала выход. Он соберется с силами и вернется — найдет останки господина и предаст их земле для нового рождения в новом облике. А потом разыщет следы его убийц и отомстит. А если не удастся — сумеет умереть. У него должно хватить сил броситься на нож.

От размышлений его оторвал новый звук.

Агрик едва не подпрыгнул на месте, но то, что он услышал, не походило ни на крик, ни на рев, ни на стон. Это вообще не могло быть звуком, издаваемым живым существом — мягкий, обволакивающий шорох, скрежетание и монотонное сдавленное хрипение. Так могла шуметь вода, медленно и неотвратимо заливая низины в половодье. Но прорывающееся порой шипение леденило кровь — это все, что угодно, но не вода. Это обитатель пещер, убийца Тарха, шел по его следу.

Агрик вскочил и заметался в тупике. Бежать было некуда. Его окружал мрак, что не могло помешать его преследователю — свет был нужен только как приманка для беглецов, таких, как Агрик и его несчастный господин.

Под вытянутыми руками юноша ощущал лишь холодные земляные стены, но вот он нащупал решетку — здесь тоже был ход. Но за ним кто-то заворочался и прежде, чем Агрик отпрянул, его окликнул человеческий голос:

— Ты кто?

Язык был знаком, только слова звучали странно, словно их выдергивали за веревку — резко и отрывисто.

— Агрик...

— За тобой гонятся? — шепнул голос.

— Да. Я...

— Стой спокойно!

Чья-то рука ощупала сначала его руки, потом плечи и грудь, коснулась лица. Отрок безотчетно прижался к решетке, чтобы незнакомцу было удобнее.

— Малой совсем, — протянул голос. — Один прут я расшатал — пролезай!

Рука потянула его в сторону, и там, нащупав крайний справа прут решетки, Агрик обнаружил, что он и правда шатается. Отрок скользнул внутрь, и его тут же отпихнули прочь от входа.

— Замри! — приказал незнакомец..

Он завожился у решетки — Агрик слышал только шорох земли и его дыхание. Закончив свою загадочную работу, незнакомец ощупью нашел отрока, легко сбил его с ног и закидал точно такой же прелой соломой, какая была в норе, после чего уселся сверху.

Агрик не успел открыть рта, чтобы возмутиться. Отсюда ему было плохо видно, но он заметил, что в коридоре появился свет — пришел его преследователь.

Это был не отряд подземных жителей с факелами и не чудовища из легенд. Это были змеи — несколько десятков слабо светящихся розовым и золотистым цветом змей, каждая длиной в три-четыре локтя. Они ползли сплошным ковром, тычась носами в землю и вынюхивая следы беглеца. В несколько мгновений они заполнили весь тупик и расползлись по нему, обыскивая. Агрик закрыл голову руками и зажмурился, отдавшись своей судьбе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

У нежити-гонца буквально отваливались крылья, когда она наконец добралась до стана

Кощея.

Рассвет только занимался, и солнце еще не до конца вышло из-за окоема, но стан уже не спал. Сновали полукровки, оседлывая лошадей. Вились дымки костров, разносились от котлов запахи варева. Нежить, орудовавшая наравне с людьми и оборотнями, грелась в первых лучах светила, раскинув крылья.

Гонца заметили сразу несколько часовых, и, когда нежить приземлилась, бессильно уронив крылья, Кощей уже все знал и приказал подвести ее к нему.

Сейчас никто бы не назвал младшего брата Святогора подростком. За зиму Кощей вытянулся, стал на полголовы выше и шире в плечах, но не прибавил веса и оставался таким же костистым и худощавым. Однако теперь в его движениях появилась решительность зрелого мужа. И сам он, в расшитой женой рубахе, наброшенной на одно плечо подкольчужной куртке, смотрелся взрослее. Только узкое сухое лицо, странно бегающий взгляд светлых небольших глаз да длинные белые волосы остались прежними.

Опираясь на меч, Кощей присел на спил бревна, валявшегося у костра. Подле него на шкуре с вышитой мездрой растянулась молодая женщина, одетая по-мужски. Женщину в ней выдавала выпирающая из-под куртки грудь, тонкая, затянутая поясом талия и рассыпавшиеся по плечам волосы, перехваченные на лбу шнурком. Она смотрела на Кощея томным взглядом раскосых карих глаз, но он даже не смотрел в ее сторону.

Нежить-гонец упала на землю у ног Кощея.

— Ну, нашла его? — отрывисто бросил он.

— Они там, там, — торопливо закивала нежить, указывая кривым пальцем назад.

— Кто — они? Я тебя за кем посылал?

— Он и еще один, — залопотала нежить. — Совсем чужой. Следует за тем человеком.

Он маленький...

— Маленький? — ахнул Кощей. — Сын? Ребенок?

Нежить отрицательно замотала головой, перейдя на свой язык, поскольку от волнения забыла человеческий.

— Слуга... Слуга, — наконец нашла она слово.

Женщина лениво потянулась.

— Нет, хорошо ты сделал, что пригласил нас, — проворковала она. — С такими слугами, как эта, — она кивнула на нежить, — ты не поймаешь даже комара!..

— Отстань, — отмахнулся Кощей и снова обратился к нежити: — Где они?

— Там, там, в лесу... Змея, — забормотала нежить и, не дожидаясь вопросов, начала подробно рассказывать о том, как ей по разрядам магии удалось выследить Даждя, как она летела за ним до леса, о котором ее предупреждал повелитель, и как в этом лесу ее остановила белая змея, силой выведавшая все об этом человеке.

Выслушав сбивчивый рассказ, Кощей обернулся к женщине:

— Ну, Яблоня, что скажешь?

Та игриво перевернулась на живот, подперев голову руками.

— И думать нечего, — произнесла она благодушно. — Я ж говорила тебе, братец, когда просила меня с собой взять, — там владения Ехидны. — Она опять поменяла позу, явно заигрывая с Кощеем. — О, в этом ей нет равных — уж коли надо кого-то изловить или заманить, второй такой искусницы не сыщешь во всем свете. Твой Сварожич наверняка уже у нее или она его вот-вот поймает...

— На кой он ей сдался?

— Тайна, покрытая мраком, — отозвалась Яблоня. — Ехидна всегда блестящее любила, еще в детстве. Собирала всякую всячину, даже воровала помаленьку. А потом на ее сокровища набрел какой-то человек. Что там промеж них было — я не знаю, только гость тот у сестрицы подзадержался. Несколько лет прожил в любовниках — она ему трех сыновей родила. А потом любовник возьми и сбеги! И прихватил у нее кое-чего из сокровищ. Ну, Ехидна обозлилась, сыновей своих из дому выгнала, а сама в леса подалась. По-прежнему любимым делом занимается — собирает все подряд. Только теперь уж никого из тех, кто

попадает, она не отпускает — уж лучше убьет и съест, а то работой насмерть заморит. Любовнику своему она так мстит!

Упоминание о судьбе попавших к Ехидне людей заставило Кощея вскочить на ноги.

— Надо спешить, — решительно заявил он. —. Иначе она Сварожича у меня перехватит...

— Да куда ты, — улыбнулась Яблоня. — Не спеши. Ехидна хоть и зла на весь род людской, да только ради тебя все сделает. Не волнуйся так — поиграет с тем человечком и отдаст. Иль наши матери не сестры?

— Да, но мне он нужен в целостности и сохранности и желательно поскорее, пока он ни с одной женщиной повстречаться не успел! — вскипел Кощей. — А Ехидна тоже женщиной может стать!

— Ну и что? — Яблоня не спешила вставать со шкуры. — Получишь ты его, пусть не в целостности, но уж в сохранности точно. Тебе ж его не женить?

Она захихикала своим мыслям, но Кощей больше не обращал на нее внимания.

— Сколько туда пути? — обратился он к нежити, что смиренно ждала его решения.

— Сейчас выйдешь — вскоре после полудня там будешь, — бросила через плечо Яблоня, не дав нежити открыть рта. — Да можно не спешить — она до первой ночи своих «гостей» бережет пуще глаза. К следующему утру в самый раз будет...

Яблоня еще что-то говорила, но Кощей уже отдал приказ к выступлению.

Полукровки-наемники, нежить и оборотни засуетились, сворачивая стоянку. За прошедшие полгода их число выросло почти втрое, многие успели побывать в настоящих боях.

Вернувшись с колонной рабов после неудачной поимки Даждя в горах поздней осенью, Кощей не терял времени даром. Нежить не могла летать зимой, хоть и научилась терпеть холода, а потому он засел в Пекле, сколачивая армию.

Шевеление на дальних неосвоенных границах Пекла не осталось незамеченным для князя Волхова, но он не успел выяснить, что там случилось, — свежесобранные отряды сами атаковали границы Пекла. Вспыхнула война, которая завершилась через два месяца. В результате Пекло оказалось поделено на две неравные части: большая осталась за князем, а меньшая — небольшой клочок у моря — отошел к Кощею. С тех пор на границе время от времени вспыхивали небольшие сражения, и всякий раз армия Кощея отвоевывала по нескольку пядей чужой земли, медленно продвигаясь вперед.

Сейчас Марену, ставшую женой Кощея, ее рабов и земли охраняли отборные отряды. Кощей же, чуть только потеплел воздух, разослал во все концы нежить искать Даждя, а вскоре отправился и сам. Уже больше месяца бродил он по свету и вот попал на след...

Яблоня все лежала на шкуре, пока Кощей сам не выдернул ее из-под сестры. По дороге он заехал к тетке, старшей сестре матери. Та порадовалась успеху племянника, а ее дочери согласились помочь колдовством. Младшие отправились к Марене, а старшая, Яблоня, последовала за ним. Ехидна же была самой старшей из сестер.

— Ты едешь? — сухо осведомился Кощей у сестры. — Я спешу!

Та поднялась, скривившись.

— Еду-еду, — процедила она, отряхиваясь. — Авось меня сестра скорей послушает, чем тебя... Да вдруг у нее я подцеплю кого-нибудь...

Колдунье подвели коня. Кощей уже сидел в седле, дожидаясь ее. Яблоня взлетела на своего скакуна, и отряд отправился в путь.

* * *

Солнце склонялось к самому полудню, когда Даждь наконец вышел к означенному месту.

Лес здесь раздавался, отступая назад. Высокие крутые берега реки слагались из старых скал. Когда-то, много лет назад, тут и правда были горы, но от них остались только эти

камни.

Солнце нещадно палило спину и плечи, но Дажь только радовался живительному теплу — Агрика и лошадей ему придется искать под землей. При одной мысли об этом его пробирал холод. Он мечтал поскорее найти свои вещи и одеться. Цепляясь за кустики, Дажь бегом устремился вниз. Русло реки здесь больше напоминало горное ущелье. Дажь пробирался между скал, внимательно глядя по сторонам — где-то здесь должна быть приметная тропа. Камни образовывали сплошную стену, ветер превратил их в невиданных чудовищ, придавал сходство с черепами, замками и деревьями. Поднимаясь выше от прохладной воды, Дажь едва не пропустил нужный.

Камень и правда напоминал голову змеи с плотно сомкнутыми челюстями. Два провала образовывали глаза, трещины походили на чешуйчатый узор. Сходство каменной змеи с головой Ехидны было таково, что Дажь невольно отшатнулся.

Памятуя наставление, он встал чуть левее головы всматриваясь в камни. Солнце светило прямо на змею, но ни один камешек не блеснул. Однако прежде чем Дажь подумал, что его обманули, изнутри послышался треск.

Каменная голова чуть дрогнула, словно оживая. Глубокая трещина пролегла поперек пасти, Дажь кинулся к ней, и тут на него сверху упала чья-то тень.

Он еле-еле успел поднять глаза — в следующий миг на него с шипением упала Ехидна.

Женщина сбила его с ног, и они покатались по земле. Дажь чувствовал, как его грудь будто стальными тисками сдавило. Ехидна душила его, стараясь прижать к камням. Она боролась молча — только напряженное дыхание вырывалось изо рта. У самого лица Дажь видел ее искажившиеся от ненависти глаза. Одним рывком опрокинув его на спину, она уже приготовилась спихнуть его в реку.

Дажь рванулся всем телом, сбрасывая с себя женщину. Но та вцепилась в него, обвивая. В какой-то миг тело ее опять истончилось — и вот вместо женщины его душит белая змея. Обвив кольцами его тело, змея тянулась к шее, одновременно стараясь раздавить человека в объятьях.

«Ну, сама виновата!» — с неожиданной злостью подумал Дажь. Рывком высвободив руку, он перехватил горло змеи и сдавил его.

Почувствовав, что попалась, змея напрягла кольца. У Даждя затрещали ребра. Пошатнувшись на слабеющих ногах, он все же не выпустил ее шеи.

Уже не с шипением — с хрипом змея тянулась к его лицу разинутой пастью. Тело ее мелко дрожало от напряжения, но пальцы Даждя мяли нежное горло. Там, под ними, была не твердая кожа, не мышцы, а тело, и руки впивались в него все сильнее и сильнее.

А в ответ сильнее давили кольца, выжимая из Даждя последние силы.

Он продолжал сжимать горло Ехидны, даже когда перед глазами померк свет. Но внезапно под пальцами тело подалось, хрустнуло — и рука его погрузилась во что-то горячее и влажное.

Свист, похожий на крик, вырвался из разорванного горла Ехидны. Она забилась мелкой дрожью, напряглась в последнем рывке — и обмякла.

Дажь рухнул на землю вместе с обвившими его кольцами. Высвободившись, он отполз, ловя ртом воздух и приходя в себя.

Понемногу сознание прояснилось, силы вернулись. Дажь приподнялся, встал — и обернулся на сдавленный хрип.

На том месте, где упали кольца змеи, лежала молодая женщина с изуродованным окровавленным горлом. Силы уже покидали ее, жизнь уходила с каждой каплей крови, но глаза смотрели ясно, и в них светилась ненависть.

Ехидна рванулась приподняться, но рухнула на камни. Кровь пошла у нее из горла, и она прохрипела почерневшими губами:

— Заклинаю тебя... Умрешь так же... За меня отомстят... брат мой... Ты умрешь... умрешь...

Она еще что-то пыталась сказать, но жизнь уже ушла, и губы лишь чуть дрогнули в

судороге.

Даждь потерянно, стоял, глядя на искаженное болью и ненавистью лицо. Потом очнулся, присел у тела, шаря на поясе.

Под платьем пальцы нащупали связку — то ли обереги, не спасшие хозяйку, то ли ключи. Вытащив их — действительно это оказались ключи, — Даждь вернулся к змеиной пасти.

Пока они дрались, она открылась достаточно, чтобы в щель свободно прошел человек. Не раздумывая, Даждь шагнул внутрь.

От страха Агрик не чувствовал тяжести незнакомца и не заметил, когда тот привстал с него.

— Ушли, — прошептал он.

Змеи и правда что-то почуяли — все разом как-то перестали тыкаться носом в землю. Замерев на несколько секунд, они вдруг поползли назад, оставив пленников в покое.

Пока они уползали, Агрик, повинаясь руке незнакомца, чуть приподнял голову. Змеи давали свет, так что можно было увидеть и их, и решетку, и незнакомца. Он оказался высок и плечист, но больше ничего отрок рассмотреть не успел. Змеи уползли, и они опять остались в полной темноте.

Незнакомец ощупью добрался до Агрика и помог ему встать.

— Спасибо, — прошептал тот. — Ты спас меня!

— Пустяки, — откликнулся незнакомец. — Тебе повезло, я ведь сам бежать хотел. Прут вот расшатал, затем отгреб, чтоб легче было. Руками долго...

— У меня есть нож, — вдруг сказал Агрик.

Незнакомец нащупал его голову и притянул за уши ближе.

— Но-ож? — повторил он и присвистнул. — Странно! Ты как сюда попал? С ножом и свободный?

— Я убежал. Хозяина моего они убили, — вздохнул Агрик и рассказал незнакомцу все, начиная с того момента, как Даждь первый раз спас ему жизнь, вытащив из ямы.

— Да, — вздохнул незнакомец. — Ладно, Агрик или как тебя там, давай знакомиться. Меня Дунаем зови. История моя покороче будет... Ехал я этим лесом, заночевал. Ночью выходит к костру девушка — заблудилась, говорит... Красивая. Ласкаться начала. Я и опомниться не успел, как она змеей обратилась, меня за горло схватила — я памяти лишился. А очнулся здесь. Эти змеи пленников кормят, воды приносят, а она не показывалась. Я решил — побегу. Почти все приготовил. Пошли?

— Пошли. — Агрик протянул нож, вкладывая его в руку Дунаю. — Нам только оружие раздобыть...

— Найдем!

Дунай подобрался к решетке, взялся у самой земли. Притихнув, Агрик сосредоточился, пытаясь по звукам определить, что делает его товарищ по заключению. Тот молчал, занятый своим делом и словно не замечая отрока, и именно потому тот расслышал новый шум.

— Дунай! Что это? — тряхнул он за плечо узника.

— Где? — выпрямился тот.

— Слушай...

Они оба замерли, ловя каждый звук. Сначала слышали только звон в ушах и стук сердец, но потом вдалеке послышалось...

— Шум сражения! — выдохнул Дунай. — Там идет бой! Мне туда!

Он ринулся к решетке, поддел ножом расшатанный прут и вырвал его. Протиснувшись в щель, нашарил руку Агрика, вытащил и его и помчался по коридору.

Впереди действительно нарастал шум — слитный монотонный шорох многих тел по камням и яростное шипение змей, а среди этого было слышно, как кто-то без устали рубится мечом — оружие с хряском врезалось в тела, скрежетало по камням, свистело, рассекая воздух. Но меч не звенел о меч или щит — воин был только один.

После очередного поворота стало светлеть — там собирались светящиеся змеи. Их было много — свет волной достигал Агрика и Дуная. Можно было в нем рассмотреть стены

и ниши в них — все замки и засовы были открыты, решетки сорваны напрочь.

Дунай вдруг остановился.

— Кто бы там ни сражался, мы не можем явиться туда без оружия, — шепнул он. — Надо спешить. Ищи!

Он толкнул отрока к нишам и сам устремился туда же.

Им повезло — здесь были как попало свалены самые разные вещи: оружие, доспехи и упряжь, украшения, лошадиные подковы, кое-какая утварь, наконечники плугов и прочее. Все это валялось беспорядочными грудами, и в полной темноте найти нужную вещь было трудно.

Раздобыв меч и щит по весу в руке, Агрик выбрался из ниши. Дунай поспел первым и уже мчался на шум битвы.

Они завернули за угол — и застыли; Агрик словно врос в землю, хлопая глазами и не веря увиденному.

Ход здесь расширялся в небольшой зал, куда выходило несколько коридоров. Весь зал сейчас был заполнен змеями, которые ползли отовсюду. На полу валялись кучи рассеченных тел, а змеи прибывали и прибывали.

Но самое главное было не это. Все они атаквали одного бойца, который разил их двуручным мечом. Он сражался с упоением истинного воина, не замечая ничего, и все время двигался, чтобы враги не окружили его и не задавили числом. Свет от змеиных тел прыгал по его лицу, но все равно Агрик с первого взгляда узнал Дажда, которого считал погибшим. В наброшенной на голое тело кольчуге тот продолжал бой.

Дунай сначала поразился невероятному числу змей, но потом издал воинственный рев и кинулся на подмогу. Даждь услышал его и кивнул, не переставая сражаться.

— Держись! — рявкнул Дунай, прокладывая себе путь среди змей.

Те обратились в его сторону, и витязь завяз в мешанине юрких тел. Скоро он отбросил щит и тоже взял меч двумя руками, в ярости рубя направо и налево.

Рассвирепевшие змеи заматались. Агрику еще ни разу не приходилось участвовать в битвах, и поэтому он растерялся, когда змеи ринулись на него — он стоял в проходе, через который они надеялись улизнуть.

— Не пускай! — крикнул Дунай.

Агрик еле успел выставить щит. — первая волна натолкнулась на него. Вzbешенные препятствием, змеи накинлись на отрока. Их оказалось слишком много, и он просто замахал мечом, не видя, куда попадает. Запахло кровью, что-то горячее брызнуло на лицо.

— Тарх! — почему-то вырвалось у него. — Я здесь!

Даждь вскинулся, нашел его взглядом, что-то крикнул, но Агрик не слышал. Стиснув зубы, он продолжал беспорядочно махать мечом даже тогда, когда враги исчезли.

Всюду валялись груды слабо светящихся тел. По мере того как они остывали, свет меркнул, но пока еще можно было рассмотреть, что разгромленные остатки змеиной стаи удирают в разные стороны. Мимо Агрика прошмыгнула последняя змея — кинувшись за ней, он промахнулся, и она улизнула.

— Оставь ее!

Забрызганный кровью Даждь, держа на отлете испачканный меч, шагнул к нему через трупы.

— Агрик! С тобой все в порядке?

Отрок всплеснул руками, роняя оружие, и бросился Даждю на шею:

— Тарх!

Даждь обнял его одной рукой, не выпуская меча из рук.

— Ты жив,— прошептал отрок, прижимаясь к нему.— Ты жив! А я так боялся!

— Я знаю, сынок, знаю... Но ты молодец! Хорошо сражался!

— Я думал, что ты погиб,— объяснил Агрик.— Я шел и слышал крик. Это был человек — его убили. Я подумал, что это ты...

— Ну, успокойся! — улыбнулся Даждь.— Меня не так-то легко убить! А вот люди...—

Он враз посерьезнел и поднял глаза на Дуная; — Кто ты?

— Это Дунай,— поспешил ответить Агрик.— Он спас меня от змей,..

— Если так, то спасибо,— серьезно ответил Дажь.— Но нам надо спешить — если здесь есть люди, змеи могут их убить. Ты идешь с нами, Дунай?

— Конечно! — Тот со свистом рассек мечом воздух.— Я тоже был их узником и хочу поквитаться!

— Тогда пошли.— В руке Дажь оказались ключи.— Я забрал их у Ехидны. Собери оружие, Агрик, и догоняй нас!

Дажь первым бросился по коридорам, увлекая за собой спутников.

Его предположение оказалось верным — к дели их вывели крики ужаса, далеко раздававшиеся по пещерам.

Кричали запертые люди — змеи легко проникали сквозь прутья решеток. Маленькие змейки кусали узников; большие, не имеющие яда, душили их, наваливаясь по двое. Большинство узников сидели поодиночке в маленьких тесных норах, как недавно Агрик и Дунай, и прийти на помощь друг другу не могли. Появление трех воинов сначала осталось незамеченным, пока те не кинулись убивать змей.

Неопытный боец, Агрик больше мешал, поэтому Дажь сразу сунул ему ключи и велел отпирать замки. Его-то и заметили первым, и отовсюду слышались крики — всем хотелось быстрее обрести свободу.

Те узники, кого он успевал освободить, сразу кидались на подмогу. Даже умирающие хватали ядовитых змеек и откручивали им головы, не обращая внимания на новые раны. Но лишь немногие змеи продолжали нападать — большинство кинулись спасаться. Этих-то и добивали Дажь с Дунаем, и раньше, чем Агрик отпер все замки, была убита последняя змея.

Узники обступили своих освободителей. В основном это были старики, женщины и дети. Воинов попало совсем немного — человек десять. Со всех сторон к витязям тянулись с мольбой руки, звучали просьбы о помощи.

— Помогу, помогу, но позже,— воскликнул Дажь.— Сначала мы должны проверить, не осталось ли где людей. Все, кто может, за мной!

Несколько мужчин вызвались последовать за ним.

Однако в соседних пещерах людей не оказалось, зато все ниши и норы были забиты, разными вещами — от звериных шкур и свернутых шатров до съестных припасов. Ненадолго забыв о своей дели, Дажь бросился подыскивать себе одежду — до сих пор, кроме кольчуги, на нем ничего не было. Под его рост и плечи подходящее одеяние удалось отыскать не сразу, но в сокровищах Ехидны зато обнаружились их собственные вещи, в том числе Грааль — его бросили у входа в одну из пещер.

Но у Ехидны были и другие живые узники, до которых спешили добраться змеи. Издалека снова слышался шум — похоже было, что там беснуются и рвутся на волю звери.

Люди поспешили на шум и поняли, что не ошиблись.

Точно в таких же норах—нишах, как и люди, были заперты лошади, быки, волки, медведи и прочее зверье. Все они вопили на разные голоса, потому что и к ним подбирались змеи. Но убийцам мешали копыта, когти и зубы, а потому змеи атаквали всех по очереди, накидываясь скопом. Уже несколько зверей валялось в клетках при последнем издыхании, но и часть змей была растерзана зверями.

Здесь с тварями оказалось покончить просто — каждому выпало взмахнуть мечом всего по разу, и все враги оказались уничтожены. Дажь бросился искать своего коня.

— Хорс!

Жеребец отозвался ржанием. У его ног валялось несколько затоптанных змей. Получив свободу, он ткнулся носом в грудь хозяину и закрыл глаза. Его золотистое тело сотрясала дрожь.

— Успокойся, успокойся, друг, — нежно говорил Дажь, поглаживая гриву Хорса. — Мы снова вместе. Разве я мог тебя оставить?..

— Друзья, — воскликнул он, — разбирайте лошадей и возвращайтесь к остальным. Все богатства Ехидны — ваши! Агрик, а нам надо собирать вещи да в путь!

Отрок радостно кивнул и бросился выполнять приказ.

— Великое солнце! — вдруг перекрыл шум жизнерадостный вопль. — Глазам своим не верю! Ну-ка обернись! Сварожич, ты?

Даждь вздрогнул, оборачиваясь.

В дальнем конце зала оставалась запертой еще одна ниша. В полутьме казалось, что там шевелится нечто бесформенное, но вот к решетке прижалось сияющее улыбкой лицо молодого мужчины с бесшабашными веселыми глазами, и Даждь ахнул:

— Ты, Гамаюн? Ты?

— Я! — радостно завопил тот. — Меня что, никто освобождать не собирается? Тут крысы здоровые, а я, сам понимаешь, их не жалую!.. Ну, будь человеком! Чем я хуже других?

Он продолжал выражать свое возмущение, и Даждь поспешил вырвать ключи у Агрика.

— Я сейчас, — заторопился он.

— Понимаю, мы с тобой никогда друзьями не были, — тем временем трещал Гамаюн, — даже более того, считалось, что я должен тебя ненавидеть из-за матери и Велеса, а ты — меня, но уж доведи дело до конца! Кроме того, я тут не один!

Он так шумел, что Даждь поспешил отпереть его, но, услышав последние слова Гамаюна, остановился.

— Как не один? — опешил Даждь. — И Сирин?..

Сварожич не был уверен, что ему хочется освобождать ее, даже если таков обычай победителя, но Гамаюн решительно замотал головой.

— Нет, — весело сообщил он. — В этой клетке я один. А если ты меня отопрешь, я скажу, кто тут еще есть. Это близко, но пока не откроешь...

— Да, пожалуйста! — Даждь чуть не силой сорвал замок.

Вопли Гамаюна привлекли внимание остальных людей, и это не радовало Даждя. На их глазах из клетки выбралась пыльно-серая птица с голубыми перьями. Голова, шея и голые плечи ее были совершенно человеческими. По росту Гамаюн был лишь на голову ниже Даждя и настолько же выше Агрика. Откинув со лба лохматую челку, Гамаюн оглянулся на застывших в испуге людей и жизнерадостно улыбнулся, подмигивая всей компании. Это заставило многих отшатнуться в суеверном ужасе.

— Ничего, еще летаем! — счастливо воскликнул Гамаюн и приятельски хлопнул Даждя крылом по боку. — Представь меня твоим друзьям, или я сам назовусь!

Люди при этом попятнулись, а кое-кто и вовсе поспешил исчезнуть.

— Видишь, что ты наделал? — шепнул Даждь. — Что они обо мне подумают?.. И потом, ты мне кое-что обещал!

— Да я теперь до конца жизни служить тебе готов! — пылко воскликнул Гамаюн, делая неловкую попытку преклонить колено. — Честно!.. А это... Там еще один зверь сидит, только ты в него не поверишь — ты ж его не видел никогда. Пошли, покажу!

Гамаюн вперевалочку бодро затрусил по коридору, помогая себе крыльями.

— Э-ге-гей! — покрикивал он на бегу. — Не отставать!

Даждю больше всего на свете хотелось выдрать все перья из хвоста этого крикуна и балагура. Сколько он себя помнил, Гамаюн хорошо умел только разносить сплетни и передавать дурные новости. Поговаривали, что он был единственным, кто до сих пор поддерживал добрые отношения с изгнанником Велесом и упорно отказывался выдавать его местонахождение. Перун откровенно называл его Велесовым прихвостнем и потатчиком. Даждь мельком подумал, что там, в конце пути, Гамаюн выведет его к самому — Велесу. По натуре своей тот вполне мог оказаться в плену у Ехидны. И Даждь не был уверен, поднимется ли у него рука освободить Велеса.

Гамаюн, чуть не пританцовывая, вбежал в тупиковое расширение коридора и крылом указал вперед:

— Смотри! Ну как?

Даждь остановился. Перед ним была еще одна решетка, а за ней, гордо уставившись в пустоту, стоял белоснежный единорог. Это был Индрик.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

К тому времени как Даждь и Агрик выбрались на поверхность, большинство людей успели собрать сокровища, кто сколько мог, разобрать скот и лошадей и покинуть пещеру. Ведшие в поводу лошадей Даждь и его спутник увидели, что весь склон был усыпан людьми, которые спешили уйти восвояси. Особенно спешили те, что отстали — они первыми заметили своих освободителей и подняли тревогу. Люди бросились врассыпную.

Даждь обернулся на выбравшегося следом Гамаюна. Тот с независимым видом приводил в порядок грязное оперение, помогая себе лапами. Привалившись спиной к камням, он начал энергично чесаться, так что полетели перья.

— Линяю, — полуудивленно присвистнул он.

— Смотри! — Даждь указал ему на разбегающихся людей. — Как я теперь им докажу, что меня не надо бояться?

— А зачем? — Гамаюн перестал чесаться и теперь встряхивался. — Ты, хозяин, что, к ним на жительство собираешься? Да и разбежались они не все — мальчишка вон остался! — Он беззаботно кивнул на Агрика, который во все глаза смотрел на полуптицу, все еще не привыкнув к ее виду. Гамаюн заговорщически подмигнул ему: — Не робей! — И снова повернулся к Даждю: — Куда едем, хозяин?

— Я по своим делам, — отрезал Даждь. — Я тебя освободил, ты волен лететь куда угодно. Не держу!

— Держишь! — весело закричал Гамаюн. — Ты, можно сказать, добро мне сделал! И я отплатить хочу!.. Ты что, думаешь, я такой уж плохой, да? Ты не бойся, что по крови я никуда не гожусь. Сам понимать должен — отсутствие мудрого наставника, твердой руки в детстве... Без матери ведь рос, а потом и вовсе сам себе предоставлен был, вот и получился такой. А может, под этим серым невзрачным оперением, — патетически воскликнул он, закатывая глаза, — бьется истинно золотое сердце!.. Нет, хозяин, куда ты, туда и я! А я тебе пригожусь...

— Не понимаю чем, — хмуро ответил Даждь. — Что ты можешь? Прощай!

Но Гамаюна оказалось не так-то просто смутить, и он не двинулся с места.

Вздыхнув, Даждь кивнул Агрику и вскочил в седло, торопя отрока. Они проехали мимо распростертого на камнях тела Ехидны, но только собрались начать подъем по террасам на равнину, как им снова пришлось остановиться — сверху упала чья-то тень.

Оба всадника вскинули головы. На самом краю, куда они стремились, стоял Индрик и благодушно взирал на них. В его раскосых глазах застыло почти человеческое терпение. На ярком солнце его шерсть казалась чисто белой и сверкала, как снег в ясный полдень. Казалось; светился даже его изогнутый ребристый рог. И свет был так ярок, что кое-кто из людей все же остановился, обернувшись, а один всадник вдруг и вовсе повернул коня назад.

Индрик ждал, испытующе глядя на всадников.

— Он тоже тебя знает, господин? — шепнул Агрик.

— Вот уж нет, — тихо ответил Даждь. — Дикий зверь... Правда, про него у нас много легенд ходит, но людям он не показывается.

— Да он просто—напросто, как и я, хочет отплатить тебе за спасение, — встрял Гамаюн. — Он дикий зверь, это верно, так что ему некогда.

— Он прав, — послышался низкий тихий голос. — Что нужно тебе? Говори — я чувствую твою тайную Думу...

Агрик ойкнул и завертел головой, отыскивая источник звука. Индрик не двигался, не открывал рта, и трудно было поверить, что голос принадлежит ему.

Под испытующими взглядами Агрика, Гамаюна и самого Индрика Даждь опустил глаза

и нерешительно погладил мешок у седла, в котором лежал Грааль.

— Слышал я, — осторожно начал Дажь, — ты знаешь, где в горах бьет источник живой воды. Коль проводить не сможешь, так хоть дорогу укажи. Не для забавы — для спасения чужой жизни вода мне надобна!

Индрик покачал рогом.

— Да, — опять послышался откуда-то голос, — ведаю я, где тот источник бьет. Не имею я права никому на него указывать, ни пешему, ни конному, ни герою, ни простому человеку, иначе враги о нем узнают, и тогда мне его не защитить... Но ты не простой человек, а потому — пойдем!

Зверь качнул головой и потрусил вдоль берега.

Оба всадника выбрались на равнину и поскакали за ним. Гамаюн остался один сидеть на камне, словно ожидая особого приглашения, и именно поэтому он видел, как третий всадник, что тайком прислушивался к их разговору, галопом помчался догонять Дажь.

Кони ходко рысили по Опушке леса. Индрик легко прыгал по траве впереди, не обращая внимания на людей.

— Погодите!

Дажь обернулся, ожидая, что это спешит за ними настырный Гамаюн. Но вместо него к ним подскакал всадник, в котором они узнали Дуная. Витязь осадил коня и поклонился.

— Возьмите меня с собой! ~ воскликнул он.

— Час от часу не легче, — пробормотал Дажь, но вслух промолвил: Что за дело у тебя к нам?

— Простите меня, — запинаясь, заговорил Дунай, — но я случайно слышал часть вашего разговора... Я видел, как ты сражаешься — простой человек так не может. Видел, как ты говорил с тем существом. — Он махнул рукой назад, где оставался Гамаюн. — Теперь этот зверь... Я слышал легенды — если не ошибаюсь, его в других языках называют единорогом, он священен и хранит высшую мудрость. Простому человеку не дано видеть его и говорить с ним, а ты упросил его даже сделать кое-что для тебя... Ты чародей, Дажь, и я прошу — возьми меня с собой!

— Но ты же не знаешь, куда и зачем я еду!

— Я случайно слышал. Позволь мне следовать за тобой — мне тоже нужна живая вода и тоже для спасения жизни!

Дажь с Агриком переглянулись, и витязь обернулся на поджидающего Индрика. Тот стоял как изваяние и не замечал людей.

— Простым людям нельзя показывать источника, — осторожно начал Дажь. — Но если твое дело необычное, то...

— Позволь рассказать мою историю по дороге, — ответил Дунай. — И ты и я спешим, а я еще и подзадержался там, в пещере, и не могу терять ни секунды. Коль сочтешь ты, что я недостоин, что ж, — витязь вздохнул, — свернуть с пути всегда успею...

Дажь взглянул на Индрика. Зверь вышел из раздумья и тряхнул головой.

— Вперед, — прозвучал его призыв, и он первым потрусил дальше, постепенно убыстряя ход.

Дунай на скаку догнал Дажь и Агрика и вклинился между ними, чтоб удобнее было рассказывать...

...Весна только вступила в свои права — совсем недавно сошла большая вода, земля подсохла, первая трава и цветы начали покрывать склоны оврагов и всхолмий. Всюду расцветала новая жизнь — на деревьях и кустах, на лугах и болотах, в озерах и реках. Днем и ночью не смолкая пели птицы — начиналась пора их любви. С каждым днем голосов становилось все больше и больше — прилетали новые стаи и, чуть передохнув, сразу принимались за пение. Казалось, на всей земле царил один большой и счастливый праздник.

Двое всадников скакали по равнине, ведя запасных лошадей. Как и все живое, они тоже наслаждались пением птиц; как и все живое, они тоже любили в те дни. Кони их то мчались навстречу ветру, рассекая воздух грудью, то шли, опустив головы, в то время как их

всадники вели тихую беседу.

Двое влюбленных никуда не спешили, а если и пускались вскачь, то только потому, что были переполнены чувствами. Сторонний наблюдатель подумал бы, что это новоиспеченные супруги, празднующие первые дни вдвоем, или же только что встретились и спешили насладиться долгожданным счастьем.

Немолодой — седина лишь чуть потревожила темные кудри, — но сильный и крепкий витязь скинул доспехи, подставляя солнцу и ветру широкую грудь и расшитую по вороту рубаху. Сейчас он видел только глаза своей подруги и нежно касался ее прохладной руки.

Женщина была много моложе его и казалась тонкой рябинкой подле кряжистого дуба. Княжеский наряд, в котором она лихо сидела в боевом седле своего коня, заставлял подумать о том, что девушка выехала не на прогулку. На ее челе, руках и груди сверкали украшения — дорогой венец с жемчугами, блестящие зернью колты, гривна с оберегами, браслеты и кольца.

Да, все так и было — условный знак вечером на трапезе и долгий, недоумевающий взор: «Сегодня?» А потом глухая ночь, легкая тень, по одному выводящая коней за тын и после пробравшаяся к светелке княжеской дочери, стук в запертый ставень, тихий шепот и полуночный побег — через окно, объятья любимого, но запретного навсегда витязя. И — скачка куда глаза глядят, без мысли о том, что позади может быть погоня, что отец не простит дочери, а ревнивая жена мужу, что впереди неизвестность и, может быть, вечное изгнание в чужую сторону. Но что такое изгнание или даже проклятье родителя, когда рядом — вот он, возлюбленный, ее Дунай, с которым уже соединила ее прошедшая ночь: второй день влюбленные были в пути.

Кони — жеребец и кобыла — летели плечо к плечу, и жеребец на бегу так же тянулся к кобыле, как его всадник — к молодой женщине. А те обе стыдливо и счастливо отводили взоры и прятали за ресницами блеск взволнованных глаз.

Было от чего терять голову Дунаю, когда-то неугомонному бродяге, а ныне слуге князя Ливота — свалилось неожиданное счастье. Не по любви И по закону свободной степи взял он первую жену, одолев ее в единоборстве. Обычай требовал жениться, и отвергнутый когда-то родом одиночка не посмел спорить. Без любви взяв, без любви и жил, не награжденный детьми за великий грех — так решать сие дело. Он уж думал, что такова его судьба — да свела жизнь с новым князем, и взглянула тепло его меньшая дочь и не отвела взора от глаз много повидавшего витязя. Целый год таились они ото всех, пока не пришла весть, что сговорили Любаву за соседнего князя. Уж и день назначили, да только обманул судьбу Дунай — чуть не с пира увез невесту.

Впереди гостеприимно раскрыла объятья небольшая рощица на холме. Далеко было видеть из-под тонкоствольных берез, легко дышалось их нежным полунагим телам. Давая прохладу, к болотцу в овраге спешил еще не пересохший ручеек.

Дунай первым осадил коня под березами и, спрыгнув наземь, протянул руки к девушке: — Иди ко мне, моя ясынька!

Княжна выпустила повод из рук и, легкая, как перышко, соскользнула на руки витязя.

— Жизнь моя, — прошептал он, ласково касаясь губами ее волос. — Солнышко мое... Не устала ли?

— С тобой — нет. — Любава прижалась к его груди, вдыхая солоноватый крепкий дух его тела. — С тобой — хоть на край света. Без тебя не выживу — ты мне сердце иссушил...

Она обхватила его руками, прильнула так, словно ее уже отрывали силою. Женское сердце — вещун, сердце влюбленной — вещун вдвойне, и Дунай почувствовал ее тревогу.

— Что с тобой, ласточка? — молвил он, заглядывая в светлые глаза. — Приключилось что дорогой? Недобрый знак увидела или слово чье припомнила?

Любава закусил губу, с жалостью и нежностью глядя на витязя. Разве словами это выразишь? Не поймет, коль сам не почувствует!

— Поспешать нам надо, любимый мой, — молвила только: — Не ровен час, выследят нас, и тогда беды не миновать!

— Да кто нас увидит? — Дунай обвел рукой чистый горизонт. — А коль явится кто, так мы его первыми узрим! Не тревожься понапрасну — я защита тебе... А ты, — шепотом добавил он, привлекая к себе, — ты сына мне роди!

Любава сама обвила руками шею витязя и потянулась к его губам.

— Рожу, — выдохнула она.

Дунай осторожно, боясь спугнуть ее доверчивость, опустил княжну на траву, и березы склонились над ними, словно загораживая от посторонних взоров. Только лошади бродили вокруг, и жеребец гордо выгибал шею перед покорной кобылой.

* * *

Солнце встало в зенит и перевалило за край, когда на границе окоема показался всадник.

Он тоже шел одвуконь, но спешил, погоняя лошадей и нахлестывая их нещадно. Горячее весеннее солнце палило его, но всадник не снимал доспехов, не откинул шлема, чтоб охладить разгоряченное скачкой лицо, не отцепил от пояса меча и со спины — щита. Лишь копьё болталось у седла заводного коня, что шел налегке, с небольшим мешком припасов. Спешащий всадник пристально вглядывался в равнину впереди. Цепочка следов четырех лошадей вела его к цели. Останавливаясь «ишь затем, чтобы сменить усталого коня, он продолжал погоню.

Неожиданно всадник сдержал коней и встал в стремях, нетерпеливо вглядываясь в даль. Пот заливал ему глаза. Он рывком скинул шлем, отирая лицо ладонью, и стало видно, что это женщина.

Она была немолода — ее тридцатилетие уже миновало — и некрасива. Грубоватое лицо ее с суровыми морщинами было покрыто многолетним загаром. Кожа высохла и обветрилась, глаза потускнели, потрескавшиеся темные губы кривились. Она тяжело дышала и покачнулась в седле, поднося дрожащую руку ко рту. Подавив не то тошноту, не то рыдание, всадница резким движением откинула за спину толстые косы и крепче села в седле.

Там, впереди, на равнине поднимался невысокий холм, увенчанный березовой рощицей. Острый глаз различал под деревьями пасущихся лошадей. В чистое небо не поднималось дымка от костра, но всадница была уверена, что беглецы там.

Сменив лошадь, она подняла копьё, поудобнее перехватив его, и поскакала к холму. Не доезжая сотни-другой шагов, она сдержала бег и последние сажени преодолела рысью. Ей было важно застать беглецов врасплох.

Она заметила их издалека. Любовники застыли в объятьях друг друга, не замечая никого и ничего вокруг. Они были заняты только собой. Всадница не слышала их речей, но чувствовала нежность, переполнявшую их, а особенно — Дуная. Так и есть! Околдовала его эта бледнокожая княжна!

Стиснув зубы, она пришпорила коня.

Топот копыт беглецы услышали поздно. Дунай вскочил, надевая рубаху, а Любава только приподнялась, оправляя подол и заливаясь краской. Но стыд уступил место страху, когда она увидела несущегося на них всадника.

Дунай первым узнал жену.

— Милана! — только и успел воскликнуть он.

Свистнуло копьё, вонзаясь в землю как раз между Любавой и Дунаем.

— Ты умрешь! — воскликнула женщина. — Ты или она! Выбирай, но один из вас погибнет!

Осадив коня, она натянула лук и прицелилась.

Любава выскочила и с криком бросилась к Дунаю.

— Уезжай! — закричала она, отталкивая его. — 'Уезжай! Спасайся!

— Нет! — Дунай силой притянул к себе женщину. — Без тебя мне не жить!

— Но она жена тебе...

— Не муж мне тот, кто меня живую на молодую променял, — сурово возразила всадница. — Не прощу!

— погоди, послушай! — попробовал остановить ее Дунай.

Не помня себя он бросился к жене, пытаясь не то остановить ее, не то закрыть Любаву собой, но та встала на стременах. Свистнула стрела, мелькнув над плечом витязя, и он замер, будто споткнувшись и боясь обернуться.

— Ты взял меня в честном бою, — тихо сказала поляница¹. — До тебя это не удавалось никому. Ты стал моим мужем. Я хранила тебе верность — ты это знаешь. Я была тебе верна, даже когда... Думаешь, я не заметила, какими глазами смотрела на тебя эта белокудрая княжна?.. Но я твоя, а ты мой — мой навеки!

Дунай медленно обернулся, уже зная, что произошло, но не веря, отказываясь верить.

Любава стояла, чуть покачиваясь и прижав к груди руки. Меж ее небольших, не знавших материнства грудок торчала стрела. Княжна испуганно, словно не веря, смотрела на древко и стекающую на руки кровь из раны.

— Любава? — ахнул Дунай.

Она подняла глаза.

— Я... — Побелевшие губы ее шевельнулись, глаза заволокла дымка, и она без звука осела на траву.

Витязь с криком бросился к ней, приподнимая за плечи и целуя холодеющие щеки. Любава еле слышно вздохнула. Ресницы ее затрепетали, приоткрываясь.

— Дунай... — прошептала она так тихо, что он не сразу разобрал ее голос. — Дунай... любимый мой... Сына родить хотела... Прости, ухожу...

Она попыталась вздохнуть — и замерла.

Дунай поднял голову. Поляница застыла в седле, опустив лук, но вторая стрела уже лежала на рукавице, готовая полететь в цель. Она пристально смотрела на супруга.

— Ты, — прошипел Дунай, сжимая кулаки. — Что ты наделала? Как ты могла? За что?

— Я твоя жена, — резко ответила поляница. — Я имею на тебя права.

— Зачем ты ее убила? Ведь она...

— Она увела у меня мужа. Разлучница должна была умереть!

— Нет! Но умрешь и ты!

Опустив на траву тело Любавы, Дунай вскочил. Без доспехов он представлял собой отличную мишень, и поляница уже вскинула лук, но вдруг застыла. Стрела вырвалась и ушла в землю, вонзившись в траву у ног витязя.

Это был вызов.

Очертя голову Дунай ринулся к своему коню. Он опасался даже смотреть в сторону лежащей на траве княжны.. Одна мысль билась в сознании — отомстить, уничтожить ту, которая убила его любовь, прервала жизнь невинной девушки.

Не тратя времени на бахарец² и прочие части доспеха, Дунай только набросил на плечи кольчугу и перехватил ее поясом, но потом одумался и медленно стащил через голову ее вместе с рубахой, оставшись полуобнаженным. Так делали в землях, где он отроком учился владеть мечом, когда шли на смертный бой. А Дунай не собирался заканчивать дело миром — или он соединится в смерти со своей возлюбленной, или убьет жену.

Поляница ждала его в седле. Она отложила лук и подняла меч.

Дунай не взял даже щита и, одним прыжком вскочив в седло, не тратя времени, погнал коня навстречу.

Противники сшиблись конями. Замелькали мочи. Оба бойца были достойны друг друга. Вышколенные кони крутились волчком, помогая всадникам.

¹ То есть из племени полян.

² Разновидность доспехов.

Привстав на стременах, перехватив меч двумя руками, Дунай в ярости обрушил на жену, град ударов. Немногие мужи были способны противостоять ему, а потому Милана наглухо закрылась щитом и, изредка отвечая ему короткими выпадами, стала отступать.

Ее страх и нерешительность наполнили душу витязя мстительной радостью. Он уже орудовал мечом как топором, тяжело опуская его на щит поляницы. Один ловкий удар разломил его, как сухой прут, и женщина еле спаслась от смерти, успев подставить меч. С трудом отбив удар, она вдруг прищипорила коня и поскакала прочь.

— Стой! — взревел Дунай, кидаясь в погоню.

Но беглянка только нахлестывала коня, то и дело оборачиваясь. Расстояние между ними стремительно увеличивалось — под поляницей был свежий, отдохнувший конь.

Не теряя времени Дунай бросился к своему заводному коню и выхватил из тула лук.

Женщина то и дело оглядывалась и вовремя заметила опасность. Когда-то именно стрела решила все дело между нею и мужем, и она не сомневалась, что на сей раз стрела найдет свою цель.

— Нет! — закричала она, когда Дунай прицелился на скаку. — Не стреляй! Позволь сказать!

Дунай что-то прорычал в ответ и отпустил тетиву.

Стрела когда-то действительно решила все дело — тогда молодой витязь проиграл девушке в стрельбе и с досады вызвал ее на поединок до пощады. Выиграй он тогда — ничего этого бы не было. И сейчас он, уже пустив стрелу, понял, что меткость снова подвела его.

Белое оперение стрелы мелькнуло в воздухе — и конь под поляницей вдруг взвизгнул и на скаку подпрыгнул, поддав задними ногами. Стрела почти до половины вонзилась в круп. Не ожидавшая этого всадница вылетела из седла и кубарем покатилась по земле.

Дунай осадил жеребца. Падая, женщина выронила меч и теперь тянулась за ним, стиснув зубы. Очевидно, она обо что-то сильно ударилась при падении, потому что побелевшее лицо ее было перекошено от боли и каждое движение давалось ей с трудом. Но она смогла пересилить себя и выпрямиться, готовая дать отпор.

Дунай спешил к жене, поигрывая мечом.

— Давай раз и навсегда покончим с этим, — сказал он, задыхаясь от желания разорвать ее на части и раскидать тело воронам. — Или я умру, или погибнешь ты, но вместе нам не быть после того, что ты сделала!

Женщина с трудом шагнула навстречу. По белому лицу ее пошли алые пятна.

— погоди, — выдохнула она. — Нельзя так сразу... Дай мне объясниться — ты должен знать...

Но Дунай был сейчас слеп и глух.

— Я и так все знаю — ты убила девушку, которую я любил. У нас с тобой любви не было, и я ничего тебе не должен.

— погоди! Я... — крикнула поляница.

И в этот момент Дунай атаковал. Зарывав сквозь стиснутые зубы, он набросился на женщину, как дикий зверь. Она еле успела подставить меч — иначе первый же удар рассек бы ее пополам.

— Остановись! — кричала она. — Выслушай меня!

— Не пр-рошу! — рычал Дунай.

Месть затуманила ему голову, хотелось увидеть смерть Миланы, вспороть ее бесплодное чрево, вырвать лживый язык, выколоть глаза... О, что бы он сделал с него! Она убила его — теперь он должен отплатить ей тем же.

Он не видел, как бледнела его жена. По закушенной губе ее бежали струйки крови. Она шаталась так, что только безумец, в которого превратился Дунай, не замечал этого.

В самый последний миг она сделала еще одну попытку спастись. Рванулась в сторону, уворачиваясь от меча, но Дунай развернулся вслед за нею — и лезвие вошло в бок женщине.

Она с криком упала, зарывшись лицом в траву. Дунай вырос над нею, намереваясь

добить, но поляница повернулась к нему и выкрикнула:

— Я непрадна!

Меч опустился, до половины уйдя в землю. Остолбеневший витязь замер над распростертой на земле женщиной. Потом ноги его подломились, и он упал на колени.

— Лжешь, — выдохнул он.

Смертная бледность заливала лицо поляницы, глаза заволакивал туман. Она дернулась, приподнимаясь.

— Ухожу я, — прошептали синеющие губы. — Не до хитростей мне... Ты меня мало замечал, все о княжне тосковал. Забывшись ночью, меня ее именем окликал... А я все видела, все понимала. И не я виновна, а ты, что семя твое во мне посеяно. Каб не оно, я б сама не кинулась нагонять вас — живите... Отца же уводить у дитяти — последнее дело.

Дунай встряхнул ее за плечи:

— Что ж раньше молчала-то?

— Скажешь разве, когда она, разлучница, ум твой застила... — Женщина прикрыла глаза. — Все... Прощай!

— Нет! — вдруг закричал витязь, хватая жену за руки. — Нет, это ложь! Скажи, что неправда! Скажи...

Он рывком приподнял умирающую, развернул к себе — но голова ее запрокинулась, она обмякла на его руках, и, сколько ни звал, сколько ни тряс, ответа от нее он не добился.

Долго просидел Дунай над телом жены. Ветерок шевелил растрепавшиеся косы поляницы, гладил ее успокоившееся лицо. В душе витязя волной поднимался гнев — а ведь могла и солгать, чтобы напоследок заставить мучиться. И нет в ней младенца...

Медленно, осторожно, словно боясь спугнуть кого-то, Дунай потянул из сапога нож, развернул поудобнее тело и, стиснув зубы, стараясь не смотреть, сделал надрез...

* * *

Досказывал он историю уже поздно вечером, когда все трое сидели около костра. Невдалеке хрустели травой стреноженные лошади, потрескивали ветки в огне, дремал поодаль на сухом дереве нахохлившийся Гамаюн, а Дунай, остановившимися глазами глядя на пламя, рассказывал:

— Как увидел я, что не солгала она, не знаю, что со мной случилось... Рассудок потерял — сам себя жизни хотел лишить. Ты подумай — невинного младенца загубил!.. Что со мной было — не припомню... Только вдруг меня кто-то тронул за плечо. Я глаза поднял — старичок прохожий. Откуда — он взялся — до сих пор ума не приложу. Глянул -я у жены все цело, только шрам на боку... Старик мне и сказал — схорони, мол, жену в земле, в пещере, а сам в путь поспешай... Если до Купальной светлой ночи живой воды достанешь да к ней принесешь — оживет она и дитя ее... Я и поехал. А прочее вы знаете.

Он замолчал, уткнувшись лицом в колени.

Даждь некоторое время раздумывал, а потом осторожно тронул витязя за плечо.

— У меня дело похожее, — сказал он. — Едем вместе!

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Следы всадников не успели остыть, когда нежить- гонец мягко опустилась на камни над развороченной пещерой Ехидны. Не складывая крыльев, она огляделась по сторонам. Чуткое обоняние улавливало запах людей и лошадей, но они уже покинули это место. Тот человек тоже был здесь, и не один.

Нежить обреченно вздохнула и обернулась — сзади уже подъезжали всадники. Несколько десятков наемников — настоящая нежить никогда не сядет на лошадь — ехали сомкнутым строем, а вперед вырвались еще двое — молодой мужчина в темном доспехе и красивая стройная женщина в мужском наряде с рассыпавшимися по плечам медно-

блестящими волосами.

Кощей и Яблоня издалека заметили место приземления нежити и торопили коней.

— Она правильно вывела, — кричала на скаку женщина. — Ехидна должна жить где-то здесь! Это ее любимые места — горы и река рядом! Скоро ты получишь своего Дажда!

На всякий случай часть всадников обогнали повелителя, первыми выезжая к реке. Когда Кощей и Яблоня осадили коней на склоне, несколько слуг уже спустились к воде.

— Мой повелитель! — крикнул один из них. — Здесь только что были люди!

— Ну и что? — откликнулся Кощей.

— Но их следы ведут оттуда. — Воин указал на склон горы.

Вдруг лицо его перекошилось от удивления и ужаса.

— О боги! — прошептал он и опрометью бросился куда-то в сторону. Остальные поспешили за ним.

Кощею сверху, с крутого обрыва, была видна только россыпь камней. Сердито ворча, что ему достались непонятливые слуги, которые, как дети, бросились на что-то смотреть, и никто не удосужился объяснить своему повелителю, что к чему, он осторожно стал съезжать вниз. Непривычная к подобным спускам — лошадь оседала на задние ноги и упиралась. Яблоня поступила умнее — она спешила и свела своего скакуна вниз в поводу, вскочив в седло лишь на террасе.

Там уже столпились наемники, во все глаза глядящие на что-то в камнях. Перед Кощеем и Яблоней расступились молча, давая дорогу.

Конь Кощея сделал всего несколько шагов и остановился сам, не слушая повода. Но всадник и не думал пришпоривать его — он смотрел на открывшееся ему зрелище.

Поотставшая немного Яблоня поравнялась с ним и ахнула, закрывая лицо руками.

Перед ними на камнях лежало тело молодой сильной женщины в изодранном розово-белом платье с золотистым узором. Светлые, почти белые волосы рассыпались, образуя настоящий ореол вокруг ее бледного, искаженного ужасом и болью лица. Видно было, что с нее силой срывали украшения — серьги вырывали из ушей с кровью, стаскивали браслеты и, ломая пальцы, сдирали перстни.

Но страшнее всего было ее изуродованное горло — оно представляло собой настоящее кровавое месиво, из которого торчали обломки костей и хряща.

— Кто это?.. — выдохнула Яблоня, когда нашла в себе силы взглянуть. — Кто это сделал?..

— Это она? — почему-то спросил Кощей. Он никогда не видел Ехидны раньше.

Яблоня только кивнула, стискивая зубы. На глазах ее появились злые слезы.

— Я отомщу, — прошептала она, сжимая кулаки. — Я найду его и отомщу...

— Кому? — спросил Кощей, хотя догадывался об ответе.

— Ему! Этому твоему Даждю! — зло выкрикнула женщина. — Я разыщу его и уничтожу! Он мой! Он узнает, что такое убивать сестру Яблони! Он узнает, каково это — убить дочь самой Змеихи!.. Он на коленях будет умолять меня о прощении! Он...

Она еще что-то выкрикивала, захлебываясь слезами, но Кощей не слушал ее. Он во все глаза смотрел на мертвое тело. Ехидна была его сестрой. Теперь Даждь был виновен перед ним еще в одном преступлении, и он не отделается легкой смертью.

Решившись, Кощей натянул повод коня. Храпящее животное попятилось прочь от трупа.

— Захоронить, — отдал Кощей короткий приказ воинам. — А потом в путь. Мы должны нагнать его во что бы то ни стало!

— Нагнать и уничтожить! — закричала Яблоня, первая галопом направляя своего скакуна вверх, на равнину.

Через несколько минут были обнаружены следы, и отряд отправился в погоню. На сей раз вперед вырвалась жаждающая кровной мести Яблоня.

Дикие горы встали перед тремя всадниками неожиданно, хотя накануне все указывало на то, что дорога пошла вверх. Но их не зря называли Дикими — они появились, как лихие люди выскакивают из засады, разом перегородив дорогу.

Три всадника натянули поводья, останавливая коней. Горы стояли перед ними, словно стены. Внизу, у их подножия, теснились кусты и деревья, образуя непроходимые заросли, но за каменные стены цеплялись только хилые кривые кустики. Зелень виднелась и на самом верху, куда добраться было делом уж вовсе невыносимым.

— С лошадьми не пройдем, — сказал Дажь. — Я родился в горах — знаю. Мы оставим их тут — мой Хорс присмотрит за ними лучше любого табунщика.

Он уже вынул ногу из стремени, готовый спешиться, когда над ним зашумели крылья.

— погоди, хозяин! — заорал Гамаюн заполошно, снижаясь, как хищник, кругами. — Посиди! Я живо проход сыщу! Я скоро!.. Эх, куда вы без меня!

— Эй, мы тебя не звали! — прокричал ему вдогон Дажь, но Гамаюн его не слушал.

Эта полуптица преследовала их всю дорогу, исчезая только затем, чтобы поохотиться. Порой остатки трапезы Гамаюн приносил к костру — в такие ночи он на правах спутника сидел на каком-нибудь дереве и дремал, совершенно не замечая, что на него посматривают косо.

Индрик белым пятнышком маячил где-то наверху — когда он успел взобраться, никто не заметил, но теперь он терпеливо ждал людей на вершине.

Шелест крыльев был сигналом возвращения Гамаюна. Он летел к трем всадникам стрелой, словно хотел врезаться в них.

— Нашел! — верещал он. — Нашел!.. Хитрая зверюшка этот Индрик! Сам по боковой тропе влез! Она тут недалеко — даже я на своих кривых ногах по ней пройду, а ваши кони — так запросто! Пошли, покажу!

Гамаюн шумел и суеился так, словно сам проложил эту тропу. В течение всего подъема, даже сбивая дыхание, он упорно ковылял подле Хорса и трещал без умолку, при этом стараясь следить за всеми тремя людьми. Иногда он вылетал на разведку, потом возвращался и докладывал, сколько еще осталось до вершины. При этом ему было решительно все равно, что люди не разговаривают с ним.

Индрик встретил их на вершине в начале извилистой тропы, уходящей куда-то в беспорядочное нагромождение скал. Глаза его мерцали загадочным алым огнем, но он молчал. Смерив запыхавшихся людей и полуохрипшего от болтовни Гамаюна оценивающим взглядом, он развернулся и рысью потрусил по тропе.

— Эй! Так нельзя! — завопил вслед ему Гамаюн. — Хоть бы отдышаться дал! Ему-то хорошо, — продолжал возмущаться он, тяжело, как глухарь, взлетая в воздух, — отдохнул в холодке. А нам-то каково, а? Он о хозяине моем подумал? Зверь!

Индрик остановился и через плечо обернулся на болтуна. Он не издал ни звука, только недовольно покачал головой, и Дажь не выдержал.

— Слушай-ка, ты! — окликнул он Гамаюна.

Тот немедленно шлепнулся под копыта Хорса.

— Да, хозяин? — весело воскликнул он.

— Спасибо тебе за тропу, — ледяным тоном промолвил Дажь, — и за то, что ты кое-чем... помогал нам в дороге. Но не будешь ли столь любезен пообещать мне кое-что?

Агрик сбоку взглянул на Даждя — у всегда спокойного витязя на скулах играли желваки, а пальцы судорожно тискали повод. Но Гамаюн не заметил и расшаркался, загребая крыльями по земле:

— Да все, что угодно! Хоть убить родную мать!

— Этого не надо! — торопливо остановил его Дажь. — Так и быть, следуй за нами, но потом, когда мы наберем воды, ты можешь убираться. Считай, что ты сполна отплатил нам за спасение. Обещай мне это!

Гамаюн открыл рот, но овладел собой и фыркнул.

— Что ж, — самоуверенно заявил он, — так и быть, хозяин! Была не была! Я согласен! Кивнув ему, Дажь тронул коня и поскакал за Индриком.

Тот вел трех всадников нехоженными тропами, легко, как пушинка, прыгая с камня на камень. Лошади еле поспевали за ним.

Горы окружали их, поднимаясь все выше и выше. Скоро они казались бесконечными стенами, смыкающимися у всадников над головой. Ни единой травинки не росло на голых камнях — на дно ущелья не попадало ни капли солнца. Только где-то наверху виднелся слабый свет.

Индрик спешил, предоставив своим спутникам самим выбирать дорогу в россыпях валунов. Ущелье ветвилось, образуя лабиринт, и приходилось следить в оба, чтобы не свернуть куда не надо.

Но вот стены раздались, стали ниже. На дно ущелья упали лучи закатного солнца, выкрасив скалы в розовый и алый цвета. Оно становилось все шире и шире. Индрик уже не прыгал по камням в свое удовольствие, а рысил впереди, гордо подняв голову.

Вдруг он приостановился, на мгновение обернулся назад, убедился, что спутники следуют за ним, и припустил таким отчаянным галопом, что всадники едва не потеряли его из виду.

Как белая молния он вырвался из ущелья и помчался к одинокой скале, что поднималась впереди. У всадников не было и мгновения, чтобы окинуть гору взглядом — припав к гривам лошадей, они мчались за единокором.

У подножия горы им пришлось сдержать коней — здесь разрослись стланики. Индрик исчез в зарослях. Впереди в тишине что-то тихо звенело, как звенит только падающая струнка воды. Перейдя на шаг, лошади осторожно пробирались на звук.

Заросли расступились, и первым, кого всадники увидели, был Гамаюн, который с независимым видом сидел на камнях, греясь в лучах заката. Он услышал топот копыт, обернулся и задорно подмигнул Дажью:

— Не подвел, хозяин! Вывел, куда надо!.. А ты сердился...

Дажь глянул туда, куда Гамаюн указывал крылом.

Откуда-то с вершины горы, уходящей под облака, по камням прыгала тонкая блестящая струя. Ударяясь в огромный гладкий валун, она разбивалась на сотни мельчайших брызг с тем самым звоном, на который и выехали всадники. Капли скатывались по бокам валуна в неглубокое озерко, вокруг которого кольцом свернулась пестрая змея.

Увидев ее, Агрик побелел и отшатнулся.

— Еще одна, — прошептал он.

Но остальные не успели ни подготовиться к бою, ни испугаться — подле змеи на валуне как изваяние стоял Индрик. Голова змеи лежала у копыт зверя, а тот склонился к ней. Со стороны казалось, что они о чем-то тихо беседуют.

— Насколько я знаю, — открыл рот Гамаюн, — змея сторожит источник в отсутствие Индрика. Они вечно спорят между собой, кто более достойно исполняет это дело...

— Тебя не спрашивают, — тихо молвил Дажь.

— Но пока и не прогоняют, — ухмыльнулся Гамаюн.

В это время Индрик вскинул голову и обратил ~ взгляд своих непроницаемых глаз на людей. Змея тоже посмотрела на них и вдруг медленно сползла с валуна.

— Ждите, — слышался голос Индрика.

Шурша чешуей, змея проползла мимо всадников и исчезла в зарослях. Индрик проводил ее долгим взглядом и улегся на валуне. Капли воды упали на его кожу и она заблестела сотнями искр.

— Подойдите, — позвал он.

Дажь немедленно спешился, нашел в тороках чару и, прижимая ее к груди, подошел к озерку. За ним приблизились Дунай и Агрик. Индрик смотрел в небо.

— Отдавая вам, смертные, воду Горы, — прозвучал его голос, — я нарушаю закон. Не должно поворачивать вспять время, возвращать к жизни тех, кто однажды умер. Сама мысль

об этом — есть нарушение закона мира. Я должен исполнить мой долг перед вами, ибо та, что держала меня взаперти, совершила большой грех, нежели вы. Но она, — Индрик, очевидно, имел в Виду змею, — может решить, что вы совершили преступление. Тогда вам придется плохо — она покарает вас, и я не смогу вас защитить, а убить сторожа источника нельзя... Берите воду, но помните мои слова!

Даждь молча поклонился зверю, принимая его суд, и встал на колени. Индрик вдруг наклонил голову.

— Слушай, что скажу я, — окликнул он витязя. — Ты не сможешь исполнить задуманного, если не будешь знать главного. Я вижу, что ты пытался уже наполнить сию чару, но тебе это не удалось.

— Ты прав, — ответил Даждь. — В нее наливали вино...

— Это все равно. Запомни — оживить чару эту может только то, что наполнит ее до краев. Я не знаю, что это будет — вода из этого источника, кровь или роса. Если не получится сразу, попробуй что-ни- будь иное, но лишь сама чара знает, что пробудит ее к жизни. Понял ты меня?

Даждь двумя руками взял чару и опустил ее в озеро.

— Я понял, — сказал он. — И готов.

Погрузив Грааль в воду полностью, он почерпнул ею из озера и поднял — для того, чтобы увидеть, что чара осталась пустой. Только внутри, на дне, мерцала крошечная, как росинка, капелька. Еще дважды повторил то же Даждь — но чара так и не наполнилась.

Подошедший сзади Дунай пристально следил за ним через плечо.

— Но если живая вода не способна оживить эту чару, — вымолвил он, — то что тогда?

— Не сомневайся — это та самая вода, что нужна тебе, — ответил ему Даждь, — но не та, что нужна мне. Мой путь еще не закончен.

Не спуская глаз с пустого дна чары, он встал и пошел к лошадям. Дунай быстро достал небольшой кувшин, зачерпнул воды и, обмотав горлышко тряпицей, поспешил следом за Даждем.

Индрик проводил их долгим взглядом.

— Берегитесь змеи, — прозвучало его напутствие, когда все трое повернули прочь.

* * *

Обратный путь оказался длиннее. Кончился второй день пути, а вокруг все еще вставали горы, но уже не те ущелья, по которым они явились сюда, а просто склоны, поросшие низкорослым лесом.

Наутро третьего дня, когда всадники только- только пустились в путь, тишину гор внезапно нарушил далекий низкий звук, напоминающий раскат грома.

Все трое разом вскинули глаза на небо, но оно было чисто и безмятежно. Ни единого облачка не виднелось в яркой синеве.

Звук повторился, но теперь он прозвучал гораздо ближе и напоминал что-то очень знакомое.

— Змея! — первым воскликнул Дунай, подпрыгивая в седле. — Дождались!

Он выхватил меч, перекинул щит вперед и завертел коня на месте, уже ожидая нападения.

— Ты в этом уверен? — окликнул его Даждь.

— Конечно! Помните, что Индрик нам на прощание у озера сказал?.. Змея могла рассердиться на единорога и пойти по нашим следам. Тебе приходилось сражаться с большими змеями?

— Да, случалось, — тихо ответил Даждь. Выпрямившись в седле, он настороженно слушал — странный звук неуловимо приближался, но трудно было понять, откуда он исходит.

Гамаюн, хотя его никто не просил, опять вылез вперед.

— Я слетаю? — крикнул он, поднимая пыль крыльями. — Гляну, что и как?.. Ну, я полетел!

И, не дожидаясь ничьих слов, он сорвался с места.

Агрик нерешительно потянул из ножен меч.

— Будем драться? — спросил отрок.

Не знаю, — промолвил Дажь. — Если у Гамаюна хватит ума не попасться преследователю на глаза, то, может, все и обойдется. Послушайте — шум идет прямой полосой. Можно просто посторониться!

Всадники прислушались — из-за склонов доносились раскаты громового рева, перемежающегося хриплыми стонами. В них уже явственно слышалось что-то знакомое, но эхо искажало голос. Зато можно было определить направление — рев и вой доносились сбоку, поперек хода всадников, из леса на склоне.

В небо взмыл с истошным воплем Гамаюн и закружил над приближающимся гостем, сопровождая его. Он что-то кричал на лету, но разобрать его вопли было трудно.

— А ведь он ведет его прямо на нас! — догадался Дунай. — Вы только посмотрите!

Но уже и так было видно, что птица приближается, а вслед за нею сквозь чащу движется какая-то огромная масса. Теперь, с близкого расстояния, звуки напоминали рев взбешенного быка.

— Вот дрянь! — не выдержал Дажь. — Предал, пернатый болтун!

— Ты поговоришь с ним потом, — оборвал его Дунай, — а пока надо со змеей кончать. Чур, я первый!

Подхватив копьё и поудобнее взяв щит, он всадил шпоры в бока своего коня и с криком поскакал навстречу темной массе.

Агрик тревожно оглянулся на Даждя:

— А мы что, хозяин?

Дажь достал из ножен меч.

— Придется помочь.

В это время Гамаюн обернулся через плечо, вымеряя расстояние, и увидел несущегося на него во весь опор Дуная. Застыв в воздухе, он в следующую минуту ринулся с отчаянным криком.

— Стой! Не смей!

Сложив крылья, он камнем упал на скачущего витязя и вонзил когти в его кольчугу. Дунай покачнулся, роняя копьё. Мчащийся жеребец его запнулся на бегу, завизжал и рухнул вместе с седоком и его противником.

Потрясенные его падением, Дажь и Агрик поскакали туда и явились в тот самый момент, когда Дунай уже поднялся. Его дрожащий жеребец отбежал в сторону, вздрагивая всем телом, а Дунай отчаянно насакивал на Гамаюна, который оборонялся от его выпадов крыльями и голосил при этом так, словно на него напали убийцы.

— Хозяин! — заверещал он, заметив Даждя. — Спаси! Я не виноват!

Но витязь не успел и пошевелиться. Как раз в этот миг полог леса раздался, и к сражавшимся вышла огромная корова, черная как ночь. Остановившись на опушке леса, она вскинула лобастую голову — и прозвучал тот самый рев, который путники слышали накануне.

Гамаюн и Дажь увидели ее одновременно, но если витязь просто застыл, не веря своим глазам, то полуптица ринулась к корове с отчаянным воплем:

— Вот они! Вот они! Я про них говорил!

Дунай круто развернулся, готовый к новой схватке.

— Смотри, как я разделаюсь с твоим змеем... — начал он, но увидел корову и остолбенел, хлопая глазами.

Черная корова была почти на локоть выше в холке самого Хорса и в три раза толще. Ее огромные рога, лирообразно изогнутые, грозно торчали вверх, фиолетовые глаза строго оглядели всех по очереди и остановились на Дажде.

— Как я понимаю, здесь кто-то хочет со мной сразиться? — прозвучал неожиданно высокий грудной голос.

Дунай, стоящий в боевой стойке с оружием наготове, ахнул и выронил меч и щит, безвольно опустив руки.

— Не может быть, — прошептал он пораженно. — Корова...

— И не просто корова, — откликнулся Гамаюн с оскорбленным видом, обращаясь к Дунаю, — а сама владычица Земун-небесная... А ты — «змей, змей»!.. Чуть меня не прирезал... Хозяин, да скажи хоть ты ему!

Даждь спешился, приблизился на несколько шагов и отвесил корове почтительный поклон.

— Приветствую тебя, Земун! Честью прошу — не сердись на нас. Не со зла мы, от незнания!

Черная корова свысока поглядела на его склоненную голову.

— Я не сержусь на вас, — промолвила она кротко. — А на тебя в особину — я знаю, как ты к Велесу относишься...

— Я нарочно ее к вам вывел, — бесцеремонно перебил Гамаюн. — У нее беда, ей помочь надо!

Люди опять вскинулись на болтуна, но, услышав про несчастье, забыли о нем. Корова глубоко вздохнула, понурившись. Огромная слеза повисла на ее реснице.

Даждь подошел вплотную и осторожно снял слезу.

— Поведай нам твое горе, — попросил он. — Ты всегда была добра ко мне, я постараюсь тебе помочь.

— Конечно, я благодарна тебе за эти слова, — ответила корова, — но помочь мне никто не в силах... Ты же знаешь, витязь, что ежегодно по весне рожаю я дочь, телочку, Велесу сестру. В этом году все повторилось, как всегда. Родилась у меня телочка — как и я, черная, лишь на лбу белая звездочка. Росла она здесь, в горах, на сочной траве да материнском молоке, а три дня назад налетели всадники — люди и нежить вместе. Меня отогнали, а дочку мою — убили и с собой унесли...

Земун замолчала и отвернулась.

Пораженный Даждь сжал кулаки.

— Кто мог сотворить такое? — воскликнул он. — Мать-владычица, знаешь ты их? Хоть раз видела ль?

— Нет, — вздохнула Земун.

— Ну хоть что-нибудь! Как мне найти их, чтобы отплатить? Хоть одну приметку!

— Приметку? — Земун грозно подвигала челюстями. — Имя предводителя я вроде слышала, хотя и не уверена... О каком-то Кошечее они все твердили, хотя мне не до этого было. Вот разве это. Но поможет ли?

— Даждь задумчиво потер лоб. — Где-то я уже слышал это имя, — произнес он. — Вспомнил!.. Ехидна мне говорила, что ее братец, Кошей, за мной охотится! Зачем — того она не ведала, но если это так, то в горы он по моим следам пробрался... Благодарствуй, Земун-владычица, и не горюй. Повстречаю Кошею — отплачу за твое горе!

Еще раз поклонившись корове, он решительно направился к своему коню.

— Погоди-ка, друг, — остановил его Дунай. — Да ты, никак, решил за этим Кошечеем охоту устроить? А твое ли это дело? Ты ж вроде как должен сыскать, чем чару свою наполнить?.

— Чару? — встрепенулась Земун. — Какую чару?

Не отговариваясь, Даждь достал из тороков Грааль, показал его корове и поведал ей всю историю, все приключения вплоть до сегодняшнего дня. Земун внимательно осмотрела чару.

— После гибели моей дочери осталось в моем вымени молоко, — молвила она. — Никому оно теперь не нужно, течет бесполезно на землю. Освободи меня от лишней тяжести — авось оно поможет тебе!

Корова развернулась боком, давая всем возможность увидеть полное вымя. Оно едва не трескалось от переполнявшего его молока и казалось каменным от натуги. Из сосков тонкими струйками капала белая жидкость и впитывалась в землю.

Даждь оценивающе посмотрел на Грааля, потом на вымя, подошел к корове и опустился подле нее на колени.

* * *

Освобожденная от молока, Земун тепло попрощалась с людьми и ушла в горы. Ее опустевшее вымя свободно болталось под брюхом, уменьшившись почти втрое, но чара была по-прежнему пуста — только опять на дне блестела капелька, на сей раз молока.

— Ничего, — жизнерадостно улыбнулся Гамаюн. — Еще что-нибудь попробуем!

Словно очнувшись, Даждь оглянулся на него:

— Как? Ты еще здесь?

— А что? — Гамаюн мигом нахохлился, поставив дыбом перья. — Нельзя? Камень ничей, горы пока тоже!

— Ты наш разговор третьего дня помнишь?

— Какой? — невинно поинтересовался Гамаюн.

— Ты обещал, что покинешь нас после того, как мы наберем воды, — напомнил Даждь. Лицо его стало непроницаемым, как всегда, когда он разговаривал с Гамаюном. — Не помнишь?

— Помню, — храбро заявил тот, — но воды ты, хозяин, не набрал. Не хочет чара ее принимать. А вот когда она наполнится, тогда...

— Нет! — оборвал его витязь. — Ты уже достаточно с нами побыл. Я должен был тебя прогнать еще в тот день, да вое откладывал — думал, ты сам сообразишь. Но теперь хватит. Ты свободен и лети куда хочешь!

— Но я хочу с вами! — закричал Гамаюн, кидаясь к Даждю. — Возьми меня с собой, хозяин!

— Я больше тебе не хозяин, — прикрикнул на него Даждь. — Прощай, и не вздумай мне мешать! Не хочу тебя прогонять, но приходится, раз ты сам не понимаешь...

Гамаюн сгорбился, повесив голову. Казалось, даже перья его потускнели.

— Понимаю, — мрачно буркнул он. — Прощай.

Он вдруг резко снялся с места и взлетел, круто ввинчиваясь в небо. Вскоре он уже казался маленькой черной точкой в синеве.

— А все-таки ты мой хозяин! — донеслось издалека.

После нескольких дней пути трое всадников наконец спустились с гор и окунулись в леса.

Это был узкий перешеек между краем болот и холмов Невриды, которую вдоль и поперек когда-то изъездил Даждь, и огромной землей племени ванов, родичей венетов, к которым принадлежал Агрик. Где-то чуть южнее прошли детские и юношеские годы Дуная, откуда он начал свой путь, — в общем, места были по разной причине близки всем троим, и не зря они поневоле задержались в пути.

На поляне ярко горел костер, освещая бродящих поблизости лошадей. В его свете чернела одинокая фигура сторожа — он стоял у огня, задумчиво глядя на пламя.

Дунаю не хотелось спать. Приближалась макушка лета, заветная Купальная ночь, когда он должен был окропить живой водой тело жены и вернуть жизнь ей и нерожденному ребенку. Если они поторопятся, то как раз в нужный день приедут в заветное место. Только бы не задержало ничего — меньше семи дней осталось!

Думы о будущем так сильно занимали воина, что он не заметил внимательных глаз, следивших за ним из ближних кустов.

* * *

Кошей сам решил взглянуть на неуловимого врага, за которым он столько лазил по горам и лесам, но не мог приблизиться. Дажь был сильным и опасным чародеем — он смог свернуть горы и ухитрился одолеть саму Ехидну, с которой никто не был в состоянии справиться. А потому его можно было взять только обманом.

Сейчас самое подходящее время — если бы не этот сторож. Убить его — так он и умирая поднимет тревогу, а с проснувшимся Даждем совладать будет трудно.

Однако зачем убивать? Дунай так поглощен собственными думами, что даже Кошеем было понятно, о чем он размышляет. Дело за малым — как ни слаб Кошей в колдовстве, но внушить часовому покинуть пост он сможет.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Дажь и Агрик спали возле костра. Короткая ночь подходила к концу — скоро уже за деревьями заблещет рассвет. На поляну со всех сторон наплзали туманы, костер начинал потрескивать и стрелять искрами в сыром воздухе.

Сменившийся последним, Дунай пребывал в нетерпении. Как мало осталось времени, и как много надо проехать дорог! Он успеет точно в срок, если не опоздает из-за какой-нибудь мелочи. Он исполнит долг, а потом... Останется ли он ради ребенка с женой или же покинет ее, не простив смерти княжны? Что делать? Об этом следовало подумать хорошенько в одиночестве, а когда рядом, люди, нет времени сосредоточиться. А вдруг Дажь затеет охоту за этим Кошеем? Ведь сколько дней уже колесили по горам! Нет, Дажь, конечно, парень что надо, с таким в огонь и воду, но у Дуная свое дело есть. Сначала долг, а потом все остальное.

Внезапно витязь выпрямился, осененный. И как он сразу не догадался? Надо просто уехать! Приближаются урочные дни, и если он исчезнет, Дажь его поймет.

Сорвавшись с места, Дунай бросился собирать вещи, стараясь действовать как можно осторожнее, чтобы не разбудить спящих. Ночь кончается, ничего с ними не случится.

Кошей усмехнулся, видя, как торопливо и осторожно собирает свои вещи Дунай, и попятился прочь, туда, где был привязан его конь. Выждав, пока витязь отъедет подальше, можно будет напасть на спящих.

* * *

Далеко не всякое дерево могло выдержать вес Гамаюна, а потому тот поневоле часть ночей был вынужден проводить на земле или на высоких пнях. На сей раз ему повезло — попался старый дуб, обожженный молнией и рассеченный ею надвое. Одна половина его засохла, но вторая была еще крепка, а слом образовывал приличную площадку — на ней бы смогли устроить гнездо даже орлы. Гамаюн устроился меж ветвей и прекрасно провел ночь.

Уже много дней он тайком следовал за Даждем, выслеживая его, как наемный убийца. Сын Сирина и сам не понимал, что заставляет его пробираться по чащам и горам, — уж конечно не любовь к приключениям и не месть за мать. Годы прошли, все поросло быльем, пора и забыть мятеж в Пекле. Жаль, что для Даждя он по-прежнему слуга и друг Велеса — Гамаюн никогда не был ни тем, ни другим. Продрав глаза, сын Сирина встряхнул перьями, укладывая их в должном порядке. Меж деревьев уже ползли лучи рассвета, и следовало поторопиться, чтобы не потерять след Даждя.

Гамаюн вытянул шею и напряг зрение. Почти половину ночи он со своего насеста следил за огнем вдалеке. Но сейчас туман заволакивал лес, и разглядеть что-либо было трудно. Он совсем уже решил сниматься с места и лететь на огонь, когда утреннюю тишину прорезал знакомый звук — заглушая птичий перезвон, по лесу цокали копыта.

Всадник ехал прямо к дубу, и Гамаюн поспешил забраться в гущу листвы, чтобы его не сразу заметили. Но все равно он следил за всадником и чуть не закричал от удивления, когда

узнал в нем самого Дуная. Витязь ехал, глядя под копыта коня — видно, его угнетала тяжелая дума.

— Здорово, друг! Это ты? — неожиданно гаркнул у него над ухом Гамаюн, появляясь из листвы.

Ругнувшись, Дунай выхватил меч, но успел узнать полуптицу и с досады хватил кулаком по дереву.

— Это ты, балагур! — воскликнул он. — Как ты меня напугал!

— Я не хотел, — поспешил извиниться Гамаюн. — Мне бы надо узнать — что, Дажь по другой дороге поехал, да?

— Он по своей дороге путь держит, а я по своей, — нелюбезно откликнулся Дунай. — Тебе-то что?

— Ничего, но вы что — поссорились?

— Нет. Просто я уехал. — Дунай отвечал коротко, чтобы не задерживаться.

— Как — уехал? Зачем?

— Не твое дело... Чего ты в чужие дела лезешь? Не помнишь, что ли, как выгнали тебя? И вообще, что ты тут делаешь? Тебе же ясно сказали — лети отсюда! Что ты привязался?

— Я ни при чем, — отрезал Гамаюн. — Я вольная птица, что хочу, то и делаю! А вот ты-то сам уехал или тебя прогнали?

— Мы с Даждем не ссорились. Просто мне в другую сторону, я спешу, вот и свернул потихоньку, пока они спали.

— Спали? — пронзительно завопил Гамаюн, слетая вниз. — Они там спят, а ты собрал вещички и тягу дал? Да? Бросил их, беззащитных? А вдруг с ними что-нибудь случилось?

Мысль эта порой мелькала и в голове самого Дуная, именно поэтому он отмахнулся:

— Да ничего не случится! Если б им что грозило, я б десять раз подумал!

— А я подумал всего один раз, — огрызнулся Гамаюн. — Ты разве не помнишь, о чем они с Земун говорили? О Кошее, который якобы за хозяином охотится. А вдруг...

— Да тебе-то какое дело? — возразил Дунай.

Гамаюн в ответ лишь зло скрипнул зубами и снялся с места.

Дунай посмотрел ему вслед и еще раз досадливо стукнул кулаком по дереву.

* * *

Туман заволок поляну, почти притушив догорающий костер. Клубы его переливались, образуя причудливые формы, и никто сразу не заметил бы, что темные пятна в тумане двигаются каким-то странным образом.

Наемники—полукровки, почти неотличимые от теней, окружали поляну, на которой мирно спали два человека. Пасшиеся лошади вскинулись было, но тени промелькнули мимо, а туман надежно поглощал все звуки и запахи. Кольцо воинов сомкнулось и стало сжиматься.

— Дажь!

Далекий крик был больше похож на эхо, но словно песчинка, вызывающая лавину, он разрушил хрупкие чары рассвета. Громко всхрапнул Хорс, стукнув копытами о землю — и в следующий миг Дажь был уже на ногах.

Из тумана вынырнули и набросились на него сразу четверо людей. Привычный боец, Дажь завертелся в кольце, не давая врагам ни секунды передышки. Как волк, попавший в стаю собак, он постоянно двигался, уворачиваясь от ударов и сам угощая ими врагов. Он еще успел удивиться, что они безоружны — очевидно, получили приказ взять его живым или же были уверены, что застанут врасплох.

Рядом пронзительно вскрикнул Агрик.

— К оружию! крикнул ему Дажь, не оборачиваясь, — смотреть, что с отроком, было некогда.

Над головой зашумели крылья.

— Держись! — завопил Гамаюн, камнем падая вниз.

Наемники шарахнулись в стороны. Двоих сбили с ног широкие крылья, а один не успел увернуться — когти подхватили его за плечи, и Гамаюн взмыл со своей жертвой. В небе раздался короткий вскрик — и тело со сломанной шеей рухнуло на поляну.

Пользуясь моментом, Дажь бросился к костру и встретил врагов с огромным суком в руках. Теперь он был почти неуязвим — сук мелькал как молния, тяжелые удары сворачивали челюсти, дробили зубы и оглушали самых рьяных из нападающих. К его спине сзади прижался Агрик. Значит, он жив.

Конечно, можно было опять призвать на помощь колдовство — хорошую бурю или стаю волков, — но для этого нужно время, а здесь, когда без остановки только отбиваешь и наносишь удары, нет возможности даже подумать о том, куда делся Дунай.

Снова пронесся Гамаюн, подхватывая очередную жертву. Вслед ему взлетело несколько стрел, но полуптица уже скрылась за деревьями.

Под ноги витязю упал один из нападавших. Отбросив сук, Дажь быстро наклонился и схватил короткую кривую саблю врага. Остальные отступили, и, улучив минуту, Дажь прыгнул прямо в догорающий костер.

Дым и искры взметнулись вокруг горячей стеной. Раскинув руки, Дажь торопливо заговорил, еле шевеля губами, но почему-то слова древнего заговора звучали пустым звуком, ни огонь, ни ветер не слушались. Более того, из стены леса пришел мощный толчок — не ожидавший его Дажь покачнулся и шагнул назад. Сомнений не было — нападавшими руководил чародей, в чьих силах было отвести колдовство противника.

— Брать живым! — прозвучало из тумана. В воздухе мелькнул аркан.

* * *

Веревка упала на плечи, но прежде, чем упасть под ее рывком, Дажь успел отмахнуться саблей и перерубить натянувшийся конец. Он стряхнул с себя петлю, но уже новые арканы взвились в воздух. Мелькнуло перекошенное от испуга лицо Агрика, когда и его захлестнул аркан...

С глухим стуком копье упало откуда-то с небес и пронзило насквозь наемника, который оказался слишком близко к Даждю. Падая, тот выпустил веревку, и витязь не замедлил этим воспользоваться. Сбросив с плеч петлю, он в левую руку подхватил оружие поверженного врага и кинулся в атаку. Сабли завертелись в сверкающей круговерти, увернуться от которой было невозможно — только убежать.

Раскатистый боевой клич и топот скачущего во весь опор коня выдали явление неожиданного помощника. Краем глаза Дажь заметил массивную фигуру Дуная. На ходу спрыгнув с седла, воин ураганом ворвался в схватку. Раскидав наемников, как слепых кутят, он встал спиной к спине с Даждем.

— Прости. Не со зла я, — выдохнул он.

— Я понял, — откликнулся Дажь, и они атаковали одновременно.

Появление Дуная сбило с толку нападавших, и Дажь, пока враги не опомнились, начал пробиваться к Хорсу, который со своей стороны рвался к хозяину. Дунай задержался только на миг — отцепил от Агрика двух воинов и бросился вслед за Сварожичем, закрывая отрока щитом.

Будь бросившиеся к ним лошади оседланы, все трое вскочили бы на них и доверились коням. Но седла валялись на земле. И Дажь ринулся к ним — достать меч и встретить врага как полагается: верхом и при оружии.

Длинный меч холодно блеснул в тумане. Дажь крутился на пятках, очерчивая смертельный для врагов круг. Несколько наемников, случайно попавших в него, упали с распоротыми животами.

— Ко мне! — крикнул Дажь подбегающему Дунаю.

По-прежнему загораживая собой Агрика, витязь бросился к Даждю, подтолкнув отрока к нему. Тот рывком сдернул остатки аркана, еще держащиеся на плечах Агрика, и подтолкнул его к Хорсу:

— Уезжай! Мы их задержим.

— А ты, хозяин? — ахнул тот.

— Давай отсюда!

— Сзади! — отчаянно завизжал Гамаюн, пикируя вниз.

Дунай, все еще прикрывавший Агрика щитом, оказался быстрее. Толкнув Даждя под копыта Хорса, он успел занять его место — и короткое метательное копьё вошло ему в грудь.

Витязь упал на руки Даждя, едва не опрокинув его навзничь. Чуть запоздавший Гамаюн вихрем промчался над самой землей, разметав нападавших крыльями, и это дало оборонявшемуся краткую передышку.

— Щит, — приказал Даждь Агрику и осторожно опустил раненого на землю.

Отрок взял меч и щит из слабеющих рук Дуная и встал подле хозяина. По росту новый щит как раз закрывал его почти до носа. За ним отрок был неуязвим.

Даждь выпрямился. У ног его хрипел и истекал кровью Дунай, над головой кружил Гамаюн. Где-то там, в безопасности, отсиживался тот колдун — возможно, сам загадочный Кощей, что начал на него охоту еще в прошлом году. Но теперь Сварожич отбросил осторожность.

— Прикрой меня, — шепнул он Агрику и шагнул вперед через тело Дуная.

В чаще колдун почувствовал движение Даждя, но не успел ничего предпринять. Даждь вскинул руки — и мощный порыв ветра сбил с ног всех нападающих, откатывая их к дальнему краю поляны легко, как клочья сена. Вихрь прорвался в чащу и зацепил колдуна, сбив его с ног. Пользуясь моментом, Даждь повторил жест, вызывая к силам земли и воды — и мимо него пронеслись две белые тени, за ними еще две и еще...

Поляна заполнилась волками, чья снежно-белая шерсть вспыхивала золотистыми искрами, и глаза, казалось, излучали пламя. С рычанием звери набросились на наемников, не давая им взяться за оружие. Заблестели оскаленные клыки — и вот уже кто-то с воплем схватился за прокушенное плечо, а другой удушливо захрипел в сдавливающих горло челюстях.

Льющаяся кровь заставила нападавших забыть о приказе. Бросая оружие и раненых, они кинулись врассыпную. Вслед за ними мчались волки. Обгоняя воинов, они нацеливались на источник враждебных чар, и вскоре Даждь почувствовал, что колдун дрогнул и отступил.

Даждь не опускал меча до тех пор, пока не понял, что поблизости не осталось ни одного живого врага, а уцелевшие удирают без оглядки. Только после этого он уронил руки, отпуская волков, и осмотрелся.

На поляне всюду валялись тела наемников. Труп единственного павшего волка уже таял, превращаясь в туман, из которого и был создан. Затоптанный костер еще дымился. Перепуганные лошади жались друг к дружке. Подле них на земле сидел Гамаюн, раскинув крылья. Лицо, шея, грудь и когти его были перепачканы кровью.

Опираясь на меч, Даждь отер рукавом лоб — с годами подобные упражнения становились для него все труднее. Он взмок — порванная на боку рубаха липла к телу.

Встретившись взглядом с Гамаюном, Даждь направился было к нему, но в это время тихий стон привлек его внимание. Мысленно ругая себя, Даждь отложил меч и склонился над Дунаем.

Несмотря на страшную рану в груди, тот был еще жив. Кровь пузырилась на его губах при каждом вздохе, но витязь поднял на Сварожича мутнеющий взор и попытался улыбнуться.

— Прости, — еле слышно прохрипел он. — И прощай...

Рядом жалобно всхлипнул Агрик, прячась за щитом умирающего. Он так и не выпустил из рук его оружия, и Дунай поискал отрока глазами.

— Агрик, — позвал он одними губами, — малыш... Где ты?
Отрок упал перед ним на колени и торопливо протянул воину меч.
— Я здесь, — сказал он. — Вот, возьми...
— Нет... — Дунай закашлялся, и кровь потекла у него изо рта, заливая бороду. —
Оставь себе... Носи мой меч и щит... В память, как сын...
Отшатнувшийся Агрик судорожно стиснул рукоять меча, прижав его к груди.
— Прости меня, — опять молвил Дунай уже Даждю. — Из-за меня все... Я тайком
уехать хотел, да вот как оно обернулось... Умираю я...
— Нет. — Даждь горячо стиснул плечи воина. — Ты будешь жить — я исцелю тебя!
— Поздно. — Глаза Дуная закрылись. — Конец мне... Жены вот, жаль, не спас...
Словно проснувшись, Даждь выпрямился.
— Я сделаю это за тебя, — воскликнул он. — Ты нам жизнь спас, я должен отплатить
тебе за добро. Скажи, куда ехать, где найти ту пещеру?
— Не трудись, брат... Видать, не судьба... Грех на мне великий, из-за него все...
Слушай! — вдруг рванулся он вверх.
Даждь мигом обхватил его за плечи, помогая сесть.
— Говори! Что ни скажешь — все исполню, — пообещал он.
Глаза Дуная запали, голос ослаб, но произнес он на удивление твердо:
— Я помню, что ты говорил..., предсказано тебе чару наполнить, чтоб оживить ее... а
чем — не сказано... Так ты, брат, вот что — отвори мне кровь... Мне все одно не жить, а она
пусть тебе послужит... Авось и сгодится на что... Исполнишь?
Удивляясь услышанному, Даждь не смог ответить. Он во все глаза смотрел на лицо
Дуная и заметил, как тот перестал дышать.
Из оцепенения Даждя вывел Гамаюн. Подковыляв ближе, он заглянул в лицо Дуная и
молвил:
— Умер. Что думаешь делать, хозяин?
— А что надо? — откликнулся Даждь.
— Он кровь свою тебе отдал. Возьми ее, пока не поздно.
— Да ты что? Ты думаешь, что говоришь? Как я могу? Зачем?
— Воля умирающего должна быть исполнена, — непреклонно заявил Гамаюн. — Ты
сам клялся ему.
Взгляды их встретились. Гамаюн сердито встопорщил перья, но Даждь вдруг опустил
глаза и кивнул Агрику:
— Принеси чару!
Агрик сорвался с места.
Тем временем Даждь уложил тело Дуная на траву и, дождавшись, пока отрок принесет
Грааль, одним движением вырвал дротик из груди мертвого.
Словно ожидавшая этого момента, густая темная жидкость хлынула наружу,
подчиняясь немоу призыву чародея. Агрик, не в силах вынести страшного зрелища,
отвернулся, закрывая лицо руками. Кровь вмиг наполнила чару до краев, но прежде, чем
Даждь поверил в удачу, она вся ушла — на сей раз не оставив даже капли на дне.

* * *

Разъяренная неудачей, Яблоня в тот же день покинула Кощея, заявив, что сама найдет
способ расправиться с убийцей сестры. Легко выследив Сварожича, она отправилась по их
следам, выбирая удобный случай.

Кони топтали пышный мох, пробираясь дремучим бором. Впереди мелькал просвет —
небольшая прогалина над рекой, возле которой всадники собирались устроить привал и
переждать удушающую жару, которая стояла более десяти дней. За все время не выпало ни
капли дождя, и небо казалось раскаленным, как угли в костре. Спасение было только в лесу,
где подстерегала другая опасность — духота.

Кони не спешили, что позволяло Гамаюну не терять из виду всадников — в густой чаще он не мог лететь и был вынужден идти пешком, неуклюже переваливаясь на ходу. Это тоже было не слишком удобно, но Гамаюн упорно продолжал следовать за Даждем, опасаясь слишком часто попадаться ему на глаза, чтобы не гневить.

Сам витязь меньше всего был склонен замечать настырного спутника. Откинувшись в седле, он внимательно изучал недавний трофей — одну из сабель, что досталась ему больше месяца назад в день гибели Дуная.

— Странно, — наконец сказал он. — Видишь, Агрик, вот здесь, у рукояти, было клеймо — знак мастера. Его нарочно изуродовали — видимо, для того, чтобы никто не догадался, откуда оружие. Это может означать...

Он задумался и замолчал. Пользуясь случаем, Гамаюн вприпрыжку нагнал его.

— Это может означать, что кое-кто не хочет быть тобой узанным, — воскликнул он торопливо.

— А ты откуда здесь взялся? — ахнул Даждь. — Разве я не велел убираться тебе своей дорогой? Повторяю — ты мне ничего не должен и можешь быть свободен. Что заставляет тебя следовать за мной?

Гамаюн не смутился и не растерял напористости.

— Я могу помочь тебе, защитить, — начал объяснять он.

— Благодарю, я сам могу постоять за себя.

— Ага, как в тот раз, когда Дунай бросил тебя! — ехидно усмехнулся Гамаюн. — Кто тогда поднял тревогу? Он?

Даждь досадливо отмахнулся и снова уставился на саблю.

Все же мысль Гамаюна оказалась дельной. Форма клинка была и в самом деле знакомой, вот только где он ее видел? Несомненно, это было давно — лет десять или пятнадцать назад.

Задумавшись, Даждь не заметил, как лошади выехали на прогалину.

По ней текла узкая мелкая речушка с темной от опавшей листвы водой. Берега ее густо поросли осокой и ивняком, кроме того места, где над водой нависали сучья огромной раскидистой яблони, усыпанной мелкими дикими яблочками, что отлично утоляют жажду и голод.

Лошади резко остановились и опустили головы, спеша напиться. Толчок вывел Даждю из задумчивости. Он осмотрелся и сразу заметил дерево.

— Туда, — кивнул он Агрику. — Отдохнем в тени, а заодно и яблок попробуем. Они хоть и мелкие, но на такой жаре должны уже созреть.

...Затаившаяся на ветвях Яблоня слилась с корой. Снизу ее совершенно нельзя было разглядеть. Она впиалась ногтями в дерево и застонала сквозь стиснутые зубы, когда увидела, что ее враги направились прямо к ней. Она уже не однажды вот так вставала у них на пути, но всякий раз всадники проезжали мимо. И наконец ей повезло. Теперь бы только захотели отведать яблок, надежно отравленных самым сильным ядом. Одного плода было достаточно, чтобы навеки успокоить любого человека.

Лошади вброд пересекли реку, и всадники спешили, сразу направившись к яблоне, к вящей радости притаившейся в ветвях колдуньи. Агрик тут же растянулся на траве, а Даждь остался стоять, поигрывая саблей и внимательно разглядывая ее. Клинок в его руке то вращался, то выписывал сложные фигуры так легко и стремительно, словно жил своей жизнью.

— Отличное оружие, — задумчиво сказал витязь. — И Гамаюн на сей раз совершенно прав. Ты только посмотри, Агрик, — это не бронза и не медь — это настоящий кровавый металл, или, как называют его далеко на западе, небесное железо. Его очень трудно найти и еще труднее обработать, поэтому считается, что владеть им могут только боги.

Услышав про богов, Агрик резко сел.

— Боги? — воскликнул он. — За тобой охотятся боги?.. Как же ты надеешься с ними сразиться?

— У меня меч из такого же металла, — спокойно ответил ему Дажь. — Кроме того, не забывай, что и я могу считаться богом. Но если это не обычное оружие, то, значит, я знаю место, где его сделали, — их не так-то много на свете. И если я там был...

Он глубоко задумался, вертя клинком так и эдак и иногда взвешивая его на руке. Особенно тщательно • изучал он рукоять там, где по краю гарды шел мелкий узор. Внезапно лицо его напряглось.

— Не может быть, — воскликнул он. — Пекло?

— Что? — Агрик мигом оказался рядом.

— Видишь этот силуэт горы в венке из цветов? — Дажь показал отроку испещренную узорами гарду. — Это клеймо Пекла. Личный знак мастера уничтожен, но мне он не важен... Это значит, малыш, что в Пекле что-то происходит. И либо князь Волхов задумал что-то дурное, либо, что вернее, этот Кошей хочет свергнуть его, если уже не сверг. А ведь там...

Мысль о том, что где-то в предгорьях Пекла живет его бывшая жена, повергла его в ужас. Марена, конечно, ведьма и когда-то обошлась с ним дурно, но она всего лишь женщина. Завоеватель может причинить ей вред.

— Мы должны предупредить Марену, — сказал Дажь. — Может быть, она нуждается в помощи, но и сама сможет нам помочь и посоветовать, что делать с чарой.

Увлеченный этой мыслью, Дажь убрал саблю в тороки и вернулся под яблоню.

— Вот спадет немного жара — и пойдем, — объявил он отроку.

Усыпанные яблоками ветки клонились почти до земли, образуя настоящий шатер. Не вставая, Агрик сорвал яблоко покрупнее и, подумав, вдруг протянул его Даждю.

* * *

Проходя вброд реку, лошади замутили илистое дно, а потому подошедший позже к воде Гамаюн некоторое время ждал, пока река отнесет муть в сторону. Тогда он сам зашел в воду и сперва напился, чавкая и захлебываясь. Не удовольствовавшись этим, он забил крыльями по воде, поднимая брызги и позволяя воде скатываться по оперению на спине прозрачными, как льдинки, шариками. Блаженно улыбаясь, Гамаюн барахтался в воде до тех пор, пока не понял, что вымок весь, до последнего перышка. Тогда он выпрямился, встряхнулся и, тяжело взмахивая намокшими крыльями, поднялся в воздух.

Так хотелось поразмяться как следует, но в лесу развернуться было негде, и Гамаюн просто поднялся выше в небо, к самым верхушкам деревьев, прежде чем круто снизиться прямо на яблоню.

Ее толстые раскидистые ветви были словно нарочно предназначены для его веса, но, снижаясь, Гамаюн неожиданно заметил какое-то движение в ветвях. Он завис над землей, словно подкарауливающая добычу пустельга, и увидел, как одна из веток незаметно подвинулась к самому лицу Даждя. Тот в нетерпении отвел ее рукою, но с ветки соскользнуло яблоко и осталось в его ладони. Капелька росы упала на сочный плод, но только Гамаюн заметил, что сорвалась она со змеиного зуба.

— Стой, Дажь! — завопил Гамаюн, складывая крылья.

Он камнем сорвался вниз, и его когти вонзились в кору дерева. Во все стороны полетели сломанные ветки, кусочки коры и листва.

Дажь и Агрик вскочили и отбежали. Над их головами полуптица крушила яблоню, словно старалась разбить ее в щепы. Ветки качались, дерево стонало почти человеческим голосом.

— Ты что? — закричал Дажь. — Чем дерево-то провинилось?

— Яблоко! — крикнул Гамаюн, обламывая очередной сук. — Яблоко брось! Оно отравлено!

Огромный сук хлестнул Гамаюна по голове. Тот вскрикнул от боли, но зубами поймал его за листву и рванул на себя. Послышался треск, и сук-рука обломился, треснув вдоль.

— Он так всю яблоню ломает, — озабоченно пробормотал витязь и кивнул Агрику. —

Его надо остановить.

Он бросился доставать из тороков аркан, но в это время Гамаюн заметил в ветвях знакомый блеск чешуи. Змея пыталась слиться с уцелевшими ветками и уйти, но когтистая лапа схватила ее поперек туловища.

Даждь уже подбежал, готовый поймать Гамаюна и связать его, если потребуется, но в этот миг дерево пронзительно закричало женским голосом. Ветки его упруго распрямились, словно скинули какую-то тяжесть, и Даждь с ужасом увидел, что Гамаюн сражается с огромной змеей, которая оплела ему уже одно крыло. Полуптица была ее вторым крылом по голове, не давая вонзить ядовитые зубы.

В руках у Агрика словно сам собой оказался лук. Приняв его из рук отрока, Даждь прицелился. Голова змеи находилась в постоянном движении, была опасность ранить Гамаюна, а потому он взял немного ниже — в горло.

Змея дернулась, обнажая ядовитые зубы, изогнулась, стараясь дотянуться до лица противника, но торчащая из белого горла стрела мешала ей. Превозмогая боль, она рванулась вперед, и стрела пронзила ее насквозь.

Кольца обмякли, светлые глаза побелели, и змея с шипением сползла на землю. Гамаюн еле удержался на изуродованной, с обломанными сучьями яблоне, раскорячив крылья.

Даждь опустил на колени перед змеей. После смерти тело ее стало меняться — чешуя сползла клоками, открывая гибкое загорелое тело молодой женщины с раскосыми глазами и искаженным ненавистью лицом. Кожа ее во многих местах была исцарапана когтями Гамаюна, в горле торчала стрела.

Обломав еще несколько веток, на землю шумно шлепнулся Гамаюн. Перья его стояли дыбом, на щеке виднелся свежий кровоподтек. Припадая на лапу, он подковылял ближе.

— Я видел, как она капнула ядом на то яблоко, что ты держал в руках, хозяин, — неожиданно тихо промолвил он. — Эта тварь ждала тебя. Здесь она хотела твоей смерти... Не догадываешься почему?

Даждь повернул кончиком лука голову убитой к Гамаюну.

— Догадываюсь. Она похожа на Ехидну, которую я убил. Это, наверное, была ее сестра.

Он не поднимал головы и не видел, как Гамаюн встряхнулся и вскинул крылья.

— Не буду больше тебе надоедать, — заявил он, и в голосе его послышались знакомые жизнерадостные нотки. — Эти схватки не для меня, ты прав... Боюсь, она зацепила меня — отправляюсь лечиться. Спасибо за все, хозяин. Вот теперь мы квиты по-настоящему!

Даждь при этих словах дернулся, как от удара.

— Останься, — произнес он, не поднимая головы.

— Что? — уже по-прежнему беззаботно откликнулся Гамаюн.

— Я уже привык думать, что ты никогда не уберешься, — сказал Даждь, — а ты собрался улетать. Ты прости меня за прошлое. Просто я не думал, что ты... Оставайся!

— Я понимаю — ты не мог простить мне дружбы с Велесом, — презрительно фыркнул Гамаюн. — Но ты сам должен понять, хозяин, родителей не выбирают.

Даждь вскинул брови.

— Так эти слухи... — начал он.

— Это правда! — энергично кивнул Гамаюн. — Велес мой отец.

Пресекая разговор, он отвернулся, глядя на умирающую яблоню. Потом, словно в раздумье, подкатил крылом яблоко, от которого, к счастью, не успел откусить Даждь, и сжал его в когтях. На землю закапал сок.

— На твоём месте, — мрачно буркнул Гамаюн, — я бы подставил свою чару...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Тревога за оставленную на произвол судьбы Марену не давала Даждю покоя, но, видимо, та змея и вправду мстила ему за что-то и действовала наверняка не одна — через два

дня на их след напали наемники Кощея, и пришлось свернуть с прямого пути, путая следы.

Даждь уходил от погони, таща за собой остальных. Несколько дней они лазили по болотам Невриды, отсиживались на крошечных островках посреди непролазных топей. Заглянули в пещеры Святогора, сейчас стоявшие заброшенными и пустыми, и через тайные ходы вышли сразу в Дикие Леса.

Дальше путь их пролегал аж до самых Вогезов, чащ друидов, но в последний миг словно что-то остановило Даждя, и он повернул к югу, направляясь в Рипейские горы. Однако и до них беглецы не добрались — свернули назад, когда впереди уже вставали синие отроги.

Даждь метался, скрываясь в первую очередь от себя. И в пещерах Святогора, и в болотах Невриды, и в Вогезах, где жили его старые знакомые и соученики по искусству магии и чародейства, и тем более в священных Рипейских горах он мог легко укрыться от преследователя Кощея. Укрыться сам и спасти доверившегося ему Агрика — но никак не Марену. Думы о ней с каждым днем становились все навязчивее, он уже повторял во сне ее имя, как в горячечном бреде, и в начале осени не выдержал — повернул к Пекленским горам.

* * *

Склоны Пекла обступили его со всех сторон. Впереди поднимались гладкобокие горы со снежными шапками на вершинах. У их подножия курчавились кусты, росли деревья и звенели в траве ручьи. В лесах севернее уже пестрели в кронах золотом и медью осенние листья, а птицы тянулись к югу. Здесь же лето отчаянно цеплялось за каждый листик.

Впереди было ущелье, постепенно сужающееся вдалеке. По обе стороны его поднимались заросли. Несколько узких крутых тропок вело сквозь них к вершинам, но у подножия было достаточно места для целого табуна лошадей.

Даждь спешился и отвязал мешок. В нем были чара Грааль и припас на несколько дней. Из оружия он взял только трофейную саблю — она должна была служить ему пропуском.

Агрик, Гамаюн и даже Хорс внимательно следили за его приготовлениями. Даждь поклонился каждому в отдельности и потом — всем вместе.

— Простите меня, — сказал он, — но туда я должен идти один.

— А мы? — воскликнул Агрик огорченно.

— Вы подождите меня здесь, — непреклонным тоном ответил витязь. — Это моя жена. Я не видел ее семь... уже почти восемь лет, мы расстались не как хорошие друзья, и я не знаю, захочет ли она со мной разговаривать вообще. Я не буду просить у нее помощи, — Даждь погладил сквозь мешок бок чары, — я иду к на поклон, просить прощения. Мне не нужны лишние уши.

— Так хоть коня возьми. Путь-то, чай, неблизок!

— Нет. — Даждь взмахом руки остановил шагнувшего вперед жеребца. — Я должен прийти к ней пешком — иначе она не согласится меня выслушать, а мне нужно предупредить ее об опасности. И потом... — замялся он, — меня что-то тянет к ней. Тянет против воли. Я не в силах с этим бороться. Прощайте!

Гамаюн все это время просидел на валуне с отрешенным видом, но тут встряхнулся.

— Мне что скажешь, хозяин? — воинственно спросил он. — Я тебе жизнь спас, у меня дар предвиденья есть...

— Присмотри за парнем, — кивнул Даждь на Агрика. — Хорс и без тебя выживет, а вот он... Жаль будет, если что случится!

— Так ты что, надолго туда собрался?

— Не знаю, дня три-четыре путь туда, там одним днем не обернешься, да обратно, с нею... — подсчитывал Даждь вслух. — Месяц точно, а больше или меньше того — кто скажет! Ждите, до зимы вернусь! Прощайте!

Еще раз поклонившись, он повернулся, вскинул мешок на плечо и решительно зашагал

по ущелью.

Гамаюн слетел с валуна и ловко приземлился в опустевшее седло Хорса.

А сколько до той зимы? — пробурчал он себе под нос.

* * *

Рыскающие по горам оборотни давно, чуть не десять дней назад, сказали Марене о том, что в Пекло пробирается одинокий путник, но чародейка не придавала значения этим слухам. Она и в мыслях не держала, что бывший муж явится к ней, а потому появление Даждя было для нее неожиданностью.

Сбитая с толку Марена бегом бросилась к нему навстречу с крыльца и, не сдержавшись, повисла на шее, пряча лицо у него на груди. Все-таки соскучилась по мужу! Но в тот миг, когда Даждь обнял жену, привлекая ее к себе, Марена овладела собой.

— Вернулся, — прошептала она, не поднимая глаз. — А я-то уже извелась вся! А ну, как убили тебя, и некому слезу проронить! Где ж ты был-то?.. Ну, идем, идем в дом. Устал, верно? Где конь?.. Ну, сам скажешь потом, как время придет!

Обняв его за плечи, Марена повела Даждя в дом. Там слуги, подглядевшие ее встречу с гостем, уже суетились всюю.

Даждь с удивлением косился по сторонам. Он оставил жену в маленьком скромном домишке, сиротливо прилепившемся к скале, а сейчас перед ним были княжеские палаты со множеством слуг, что так и прыскали в стороны, ровно мошара на лугу. Марена вела его в покои, ласково заглядывая в глаза и зазывно улыбаясь. Ее взор мягчел, и Даждь невольно таял в сиянии глаз Марены.

Только один раз он очнулся, словно облитый в жару ушатом ледяной воды. У входа в покои самой Марены на страже стоял юноша в дубленой куртке и коротком плаще жителя Пекла. Черты его лица, цвет глаз и волос изобличали коренного уроженца Пекла из числа тех, — кто никогда не поднимается на поверхность. Он охранял потайную дверь, ведущую в подземелья, и Даждь бы прошел мимо, если бы не полный ненависти взгляд, которым юноша окатил Марену и задел самого Даждя.

— Кто это? — Даждь остановился.

Под его пристальным взглядом пекленец отступил в тень, но и оттуда блеснули его глаза — на сей раз с нескрываемым презрением.

— Так, один. — Женщина небрежно махнула рукой. — Из приграничных селений. Здесь недавно война была — мятежники решили князя свергнуть, да ничего у них не вышло. Часть совсем изгнали, а часть вот прибилась. Они служат только за кров и пищу, но совершенно дикие... Чего уставился? — прикрикнула она на сторожа. — Живо беги и прикажи, чтоб баню затопили!

Юноша гордо вскинул голову, отсалютовал саблей и покинул пост.

— Видишь? — усмехнулась Марена. — И как я его терплю?.. Надо будет выгнать. Пусть убегает обратно в Пекло!

Ее слова о мятеже напомнили Даждю о собственных врагах. Уж не верховодил ли мятежниками тот самый Кощей? Но Даждь-то при чем?

Он уже собирался заговорить об этом, но Марена решительно пресекла его попытки и увлекла дальше.

* * *

Марена сама помогала Даждю отмывать в бане пыль и грязь дорог, растирала его когда-то столь любимое тело и чувствовала, что теряет голову от желания. Чтобы не поддаться, она все время повторяла про себя другое имя, но желание пересилило, и, когда Даждь, вынырнув из облаков пара, привлек ее к себе, отыскивая ее губы, она не стала сопротивляться...

А потом Дажь, раскрасневшийся, помолодевший, счастливый, сидел за столом, и Марена сама, не позволяя служанкам и холопкам, потчевала его. Он ласкал ее взглядом, касаясь глазами ловких рук, по-прежнему высокой и упругой груди, тонкой, хотя и утратившей гибкость талии, крутых бедер. Марена млела под его взглядом — давно он не смотрел на нее так, с самой брачной ночи. И чародейка ловила себя на мысли, что еще немного — и она не сможет сделать с ним то, что задумала. Все-таки когда-то она любила его.

Дажь поймал ее руку, наливавшую в кружку цеженный мед, и игриво потянул на себя. Марена неловко улыбнулась и мягко, но непреклонно высвободилась.

— Погоди, — остановила она его. — Я скоро вернусь... Я хочу сделать тебе подарок!

Улыбнувшись, она выскользнула за дверь.

Тут улыбка исчезла с ее лица. Не обращая внимания на холопов, Марена опрометью ринулась бежать.

У крыльца торчал оборотень — из тех бегунов, которые легко обгоняют летящую птицу. Увидев хозяйку, он завертел хвостом.

Марена бросилась на колени, обнимая лохматую голову зверя.

— Скажи к нему, к Кощею, — быстро прошептала она. — Скажи, что Дажь неожиданно явился сюда. Пусть поторопится, если хочет получить его — я долго держать его не намерена! Ну!

Оборотень вырвался из объятий чародейки и растаял в вечернем полумраке. Выпрямившись, Марена напряженно слушала тишину, пока ее не пререзал I жуткий вой — знак того, что гонец покинул границы Пекла.

О том, что привело его сюда, Дажь решительно отказывался говорить при посторонних, и Марена поспешила выгнать всех холопов. Весть о Кошее, который почему-то охотился за ним, она встретила спокойно. Да, мятеж был этой зимой, но витязь Волхов его подавил. Марена своими чарами немного помогла ему, и в награду князь позволил ей взять в холопы кое-кого из мятежников. Большую часть она уже отпустила — кроме тех, кто добровольно решил остаться. А что до Кошея — сватался тут один, звали его так. Да только у Марены муж уже есть.

— Я ему так и сказала, — объяснила чародейка. — Он уехал, а за тобой охотился из ревности.

— Я теперь с тобой не расстанусь, — неожиданно сказал Дажь, пристукнув кулаком по столу. — И пусть только, попробует явиться!

Он выглядел весьма решительно, и Марена поспешила перевести разговор на другое:

— Пока он не приехал, может быть, расскажешь мне, где ты был эти годы?

Вспомнив о своем деле, Дажь достал чару.

Услышав историю о спящей девушке, что ждет в склепе своего возлюбленного, который однажды должен ее разбудить, Марена нахмурилась. Но дальнейший рассказ мужа убедил ее, что Дажь не любит незнакомку — в сердце у него по-прежнему Марена, а спасет он ее, только исправляя собственную ошибку. Он поведал ей о свойстве чары, о том, что с нею надо сделать и что уже сделано.

— Знал бы я, кто нареченный той девушки, родился ли вообще, сыскал бы его, передоверил чару и ушел, — закончил он рассказ. — Но где его найдешь? Одна надежда — ты сможешь сварить такое снадобье, чтобы могло ее в сон погрузить до назначенного часа. Снадобье твое чаре силу даст и само от нее силы возьмет. Девушка не погибнет, и совесть моя спокойна будет... Ты сделаешь это?

Марена потянулась было потрогать чару, но отдернула руку, словно коснулась раскаленных угольков.

— Сделаю, — согласно кивнула она. — Подожди до утра. Я знаю одно зелье — его только на рассвете готовить можно.

— Я подожду, — пообещал Дажь. — Хоть месяц!

Марена рассмеялась и взяла его за руки.

— Месяц не надо, — молвила она. — Я так долго ждать не могу!

Все еще держа его ладони в своих, она повела покорно следующего за нею витязя в изложню. Введя, остановилась на пороге, указывая взглядом.

Изложня была убрана с истинно княжеской пышностью. На мягких снопах и лебяжьих подушках раскинулись шкуры волков и медведей. Тонкий аромат трав струился в воздухе, завораживающе мерцали свечи. Словно во сне, Дажь подошел к ложу и опустился на него.

Марена плавным движением встала перед ним на колени и сняла сапоги. Глаза ее при этом скользили по лицу Даждя, и она увидела, как потемнел и отяжелел его взор. Одним рывком он сбросил рубашку. Марена поднялась и встала перед ним, опустив руки.

— Иди ко мне, — глухо приказал Дажь, протягивая руки.

Женщина не шевельнула и пальцем, и витязь, обхватив ее, с размаху бросил на ложе. Марена аж вскрикнула, когда он рухнул на нее, осыпая жадными поцелуями. Раздавленная его объятиями, она стала вырываться, но затрещала разрываемая ткань ее собственной рубахи, и в следующий миг Дажь овладел ею силой, лихорадочно и яростно, как дорвавшийся до пищи голодный волк.

* * *

Солнце не могло пробраться сюда, хотя Марена уже привыкла вставать с первыми его лучами. Но сейчас, еще не открывая глаз, она поняла, что проспала.

Чародейка приподнялась. Дажь и она, оба нагие, лежали на сбитых покрывалах и скомканных шкурах. Витязь крепко обнимал жену, зарыв лицо в ее волосы и навалившись, словно чувствовал, что она может уйти от него во сне.

Марена сладко потянулась, с неохотой высвобождаясь из его объятий. Почти всю ночь они не спали.

Дажь оказался ненасытен. Он снова и снова овладевал ею, даже когда и сама чародейка поняла, что ее силы на исходе. А когда-то он пасовал перед ее желанием, как позднее — сам Кощей. Дажь словно стремился насладиться ее телом за все прошедшие и последующие годы. Он набрасывался на нее, как дикий зверь, порой причинял боль, и даже заснул на ней, не разжимая рук.

После необычно бурной ночи Марена чувствовала себя немного утомленной. Тело повиновалось неохотно. Подобрав остатки разорванной мужем рубашки, она кое-как оделась, прикрыла разметавшегося на постели Даждя и выскользнула вон.

Дом уже просыпался. Обычно Марена сама, поднявшись, будила слуг, иногда вместе с ключницей. Но сегодня, несмотря на то что где-то хлопали двери и слышались голоса, чародейка не спешила оповещать о своем пробуждении холопов.

Грааль так и стоял забытый на столе. Марена хорошо помнила свою попытку прикоснуться к чаре, а потому оставила ее в покое.

Вместо этого она прошла к очагу. Пламя давно погасло, но чародейка снова разожгла огонь и поставила на камни котел. Она сварит требуемое зелье, но сначала приготовится к пробуждению мужа.

Травы, корни бузины и кора старой вербы, высушенные, истолченные и перемешанные, всегда были у нее наготове. В ладони чародейки перекатывались иссиня-черные ягоды дурмана и паслена. Полубовавшись на них, Марена бросила ягоды в котел и добавила корни бузины. Оставалось положить совсем немного снадобий, чтобы зелье было готово, но их она достанет позже, когда смесь закипит.

Долгие годы Марена собирала снадобья в надежде, что однажды они понадобятся ей. Срок настал, и теперь она осторожно извлекла из-под лавки небольшой глиняный кувшинчик, залепленный воском.

Жидкость в нем еще не выветрилась, и, ножом скovyрнув воск, чародейка почувствовала знакомый запах, от которого кружилась голова и слабо тело. Напиток не потерял силы.

Громкое бульканье кипящего котла отвлекло Марену от раздумий. Отставив кувшинчик подальше и накрыв его тряпицей, чародейка бросилась перебирать травы. Она не пользовалась подозрительными средствами, вроде лапок лягушек или зубов черной собаки. В ее распоряжении были многочисленные травы, живущие на земле и под землею.

Торопясь, пока кипящее зелье не перелилось через край, Марена распахнула рубашку на груди и черпанула варево рукой. Сжав зубы, она плескнула горячей водой себе на грудь и стала растирать, оmyвая пот. Сквозь зубы цедя заговор–приворот, чародейка горячим отваром смывала его в котел. Напоследок она быстро оmyла лицо в той же воде.

Полдела было сделано, но действовать нужно было наверняка. Оставив зелье кипеть, Марена выглянула на комнаты.

— Эй, кто там! Ко мне!

На ее крик на порог шагнул юноша–сторож, тот самый, что вчера провожал ее и Дажда ненавидящим взглядом. Он и сейчас глядел не очень дружелюбно, но почтительно склонил голову. Марена испытующе смирала его взглядом.

— Принес, что велела? — спросила она.

— Да, хозяйка, — безжизненным голосом отозвался он.

— Давай!

Юноша полез за пазуху и осторожно — Марена следила за каждым его движением — извлек чистую тряпицу. Аккуратно развернув ее, он показал вырезанный из земли отпечаток — след мужского сапога. С одного края след чуть отломился и рассыпался в пыль.

— Вот безрукий! — воскликнула Марена, увидев это. — Ничего доверить нельзя!

— Он был единственным, какой удалось вырезать целым, — стал оправдываться юноша. — Земля твердая и сухая, на ней и не отпечаталось ничего...

Он болезненно поморщился, очевидно ожидая наказания, но Марена приняла след.

— Я не сержусь, — сказала она, — хотя и надо бы тебя наказать. Но отпущу тебя на свободу, если ты исполнишь еще один мой приказ.

— Воля твоя, хозяйка, — покорно молвил юноша.

— Вот что... тебя ведь зовут Падуб, да?.. Так вот, Падуб, собери надежных слуг из числа воинов и будь начеку. Как позову — бегите все на мой зов. Исполнишь, что прикажу, — поговорим и о награде. Ступай!

Юноша убежал, а Марена, осторожно неся отпечаток следа, вернулась к кипящему котлу.

Теперь надо было действовать быстро. Чародейка достала непчатый кувшин меда и две одинаковые кружки. В одну она налила меда и добавила немного напитка из закупоренного воском кувшина.

Прежде чем наполнить другой, чародейка опять натерла себе руки и грудь медом и сцедила его в пустую пока кружку. Затем достала вырезанный след и с великим бережением свежий корень барвинка. Надломив корень, одну половинку она бросила в кипящий котел, а вторую мелко накрошила ножом и густо осыпала крошкой вырезанный след. Все это Марена бросила в огонь, над которым бурлил котел.

Пламя жадно накинлось на сухой корень, охватило след. По комнате разнесся резкий запах. Наклонившись над котлом, Марена вполголоса зашептала, призывая Дажда. Это зелье должно было действовать только на него одного, и тянуть его будет только к Марене. Лгал он или нет о том, что не любит незнакомку, она его все равно не получит.

Даждь проснулся от будоражащих запахов, что разносились по всему терему и достигли изложни. Витязь улыбнулся, пробуждаясь от сладкого сна. Вспоминая прошедшую ночь, он потянулся к жене, но ложе подле него пустовало, и постель успела остыть.

Даждь проснулся окончательно и встал, потянувшись. Сразу стали понятны запахи — Марена, как и обещала, варила на рассвете зелье для чары. Витязь благодарно улыбнулся — похоже, годы изменили Марену в лучшую сторону.

Одевшись, он отправился искать жену. Холопы, попавшиеся на пути, указали ему, где найти хозяйку, и Даждь вошел в комнату как раз в тот момент, когда чародейка, сцепив до

близны руки на груди, в очередной раз произносила заговор, придающий зелью колдовскую силу. Сам чародей, Дажь в первую минуту ошеломлен — такая сила не предназначалась для любовного напитка. Ею скорее можно было убить человека, нежели заставить полюбить, но потом он вспомнил, что ведь Марена не обещала ему приготовить любовный напиток.

Занятая своим делом, Марена не обратила на мужа никакого внимания, пока Дажь не подошел к ней сзади и не обнял.

— Вот ты где, — прошептал он с улыбкой ей на ухо. — Я тебя обыскался!

Он поцеловал ее в затылок. Губы его скользнули по шее чародейки, разжигая уснувшее пламя, но она отвела его руки.

— Я выполняю свое обещание, — сказала Марена. — Ты просил зелья для своей чары — вот оно.

— Готово?

— Да, разумеется. Хочешь попробовать?

— Нет, — улыбнулся Дажь. — Я верю тебе и так. Ты настоящая колдунья!

— И все-таки попробуй. — Освободившись из рук Даждя, Марена осторожно нацедила немного напитка в кружку.

— Не буду, — со смехом заявил Дажь.

Он по-прежнему был настроен игриво и воспринимал ее слова не иначе как шутку. Но Марена не была намерена шутить..

— Я дам тебе это зелье, — строго сказала она, — но прежде выслушай меня.

— Слушаю! — откликнулся Дажь.

Марена поставила перед ним две кружки. В одной был на вид простой цеженный мед, настоящий на травах, в другую она сама только что налила приворотного напитка.

— Слушай, — приказала она, и Дажь неожиданно перестал улыбаться и насторожился. — Слушай и думай, — продолжала Марена, наклоняясь к нему. — Восемь лет назад ты бросил меня. Бросил ради своих подвигов и приключений. Тебе было приятнее бродяжничать по свету, чем быть со мной. Брат позвал тебя в дорогу — и ты с радостью ухватился за эту возможность. Куда угодно — лишь бы подальше от жены!.. Я не буду вспоминать, что мы наговорили ДРУГ другу тогда — оба не понимали, что делаем. Но ты жестоко оскорбил меня — обвинил в том, что у нас нет детей. Ты сказал, что я бесплодна и вообще не способна любить...

— Ты любить можешь — я понял это сегодняшней ночью... — попытался перебить ее Дажь.

— Не мешай! — прикрикнула Марена. — Дай досказать — у тебя еще будет возможность выговориться... Тогда я позволила тебе уехать, но вспомни, что я сказала тебе вслед. Вспомни!

Дажь наморщил лоб, восстанавливая в памяти тот день. Ах, вот оно что!

— Ты сказала: «Не смей больше попадаться мне на глаза — пожалеешь!.. В другой раз я не отпущу тебя так легко...» Верно?

— Верно, — медленно кивнула Марена. — Ты знал, что я помню о том дне и вряд ли простила тебя, но ты все равно явился сюда. Так вот — ты мой пленник, и я вольна делать с тобой, что захочу. Эй, кто там?

Дажь вскочил:

— Марена, но ты обещала!

— Что? — Колдунья бросила нарочито небрежный взгляд на чару и указала на котел с зельем. — Это?.. Напиток ничего не меняет!

— Но, Марена...

— Это ничего не меняет! — отрезала чародейка и, легко подняв котел, вылила содержимое в чару.

Дажь следил за струей, затаив дыхание. От паров зелья у него кружилась голова, и он не сомневался, что сваренный Мареной напиток окажется нужным. В чаре что-то бурлило, хлопотало, разбрызгивая пену. Несколько раз плеснуло через край, чего раньше не было, и

Даждь уже предвкушал конец пути, но весь трехведерный котел вошел в чару, оставив ее пустой.

Марена повернулась к витязю, вытирая руки о подол.

— Эй, кто там? — крикнула она громче.

За дверью затопали, и в комнату ворвалось человек десять пекленцев с обнаженными саблями. Впереди оказался юноша с горящими ненавистью глазами — Падуб. Он бросил быстрый взгляд на Даждя и уставился на Марену, ожидая ее приказаний.

Чародейка не смотрела на слуг.

— Я могу приказать им схватить тебя, — сказала она, — и ни твоя сила, ни твои чары не спасут. Ты полностью в моей власти, и тебе осталось лишь избрать для себя кару.

Даждь бросил взгляд на окно — и тут же трое пекленцев оказались около окна. Двое других встали у двери во внутренние покои, еще двое — по бокам Марены. Пятеро остались с Падубом у двери, а сам он сделал шаг вперед, готовый сделать все, что прикажут.

— Чего ты от меня хочешь? — спросил Даждь.

— Не догадался? Тебя!.. Я хочу, чтобы ты навсегда остался у меня — как муж, холоп, цепной пес, вещь — не важно. Я буду удерживать тебя подле, даже если мне придется убить тебя и обладать твоим трупом. Но все-таки ты мне нужен живой — убить тебя в любой момент охотник найдется. Поэтому выбирай...

— Марена, — сделал еще одну попытку Даждь. — Марена, я ведь люблю тебя!

— Ты меня не дослушал, — ледяным тоном молвила чародейка. — Есть кое-кто, кто требовал у меня твоей головы. Я не забыла старую обиду и обещала ему...

— Кощей?

Догадка вспыхнула как молния в ночи. Так вот откуда пек ленское оружие у его преследователей! И наверное, дело вовсе не в ревности — она могла сама нанять убийцу.

— Он уже знает, что ты у меня, — продолжала Марена спокойно, словно ее и не перебивали. — Скоро он будет здесь. Почему-то Кощей пылает к тебе лютой ненавистью. Твоя смерть от его руки не будет легкой — мне даже жаль тебя, как подумаю о том, что тебя ждет... Но ты можешь облегчить свою участь. — Чародейка улыбнулась, и Даждя передернуло от ее улыбки. — В одной из этих кружек яд. Прими его — и тотчас избавишься от мук, что тебя ожидают.

— Не верю, — прошептал Даждь, не поднимая головы. — За что ты мстишь мне? Я ведь люблю тебя!

— Свяжи его, — кивнула Марена Падубу.

Тот решительно шагнул вперед, снимая с пояса веревку. Подойдя к замершему Даждю, который так и стоял у стола, глядя в пол, юноша рывком завел его руки назад и завозился с петлями. Остальные охранники подняли сабли.

— Готово, хозяйка, — сказал Падуб.

— Отлично. Проводите его в подвалы... В те самые, откуда ничего не слышно!

Падуб толкнул Даждя кулаком в спину, приказывая идти. Пленника немедленно окружили пекленцы с оружием наголо. Они смотрели на него так, словно он был в чем-то виноват перед ними, и Даждь понял, что любой из них может его убить и сделает это с удовольствием.

Уже у самой двери он остановился и рванулся назад:

— Марена! Марена, ты...

На нем тут же повисли слуги, Падуб железной хваткой вцепился ему в горло, тыча ножом в шею, но чародейка вскинула руку:

— Стойте!.. Говори.

Руки разжались, и лишь Падуб упрямо продолжал цепляться за него.

— Твой яд... Марена, — запинаясь, выговорил Даждь. — Это правда?.. Ты хотела сказать, что я лично тебе нужнее как вещь, чем как труп... О боги, я хочу сказать... Ты не заставишь меня долго мучиться?

Он с надеждой вскинул на нее глаза и поразился, увидев на ее устах нежную улыбку.

— Ты просто уснешь, — ласково произнесла она, — а потом — проснешься... позже... может быть.

— Я согласен!

— Развяжи его, Падуб.

Скрипнув с досады зубами, юноша освободил его и толкнул обратно. Растирая запястья, Дажь вернулся к столу. Марена уже поджидала его.

— В одной из кружек яд, — повторила она. — Выбирай любую. Поскольку твоя судьба в моих руках, обещаю, что, если ты выберешь не ту или яд на тебя не подействует, я попытаюсь спасти твою жизнь.

Протянутая к кружке рука замерла в воздухе. Дажь пригляделся внимательнее. Внутренним зрением он видел, что в одной из них то самое зелье, что варила Марена, а в другой...

Чародейка улыбнулась. Последний раз взглянув на нее, Дажь промолвил:

— Налей-ка мне вина напоследок.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Получив весточку от Марены, Кощей гнал коней и людей, торопясь в Пекло. Дажь был сильным чародеем, и еще неизвестно, сможет ли с ним справиться Марена. Не ускользнет ли он опять, как бывало? После гибели Яблони Кощей почти поверил в неуязвимость своего врага. И вот он в ловушке.

Оборотень, проделавший весь путь туда и назад без передышки * на последних верстах отстал, хромя и спотыкаясь, но Кощей не нуждался в проводнике. Пади под ним последний конь — он бы побежал пешком, столь велико было его нетерпение.

Взмывленный конь остановился у крыльца. Кощей чуть не рухнул с седла, но холопы подбежали и на руки приняли повелителя. Остальные всадники только подъезжали к воротам.

— Он... здесь? — воскликнул Кощей, ожидая самого худшего.

— Да, повелитель, — сказал один из воинов. — Его сторожит хозяйка!

Оттолкнув слуг, Кощей бегом бросился в дом.

Марена встретила его на пороге, и лицо яснее слов выражало ее чувства — гордость от свершенного дела и облегчение, что дело наконец завершено.

— Это правда? — Кощей схватил ее за плечи и встряхнул. — Он здесь? Схвачен?

— Дался в руки, как ягненок, хотя и показывал коготки, — похвалилась чародейка. — И ты мог не спешить так — он совершенно не опасен.

— Как бы не так, — фыркнул Кощей. — Твой Дажь неуязвим и силен. Знаешь, что он сделал? Убил моих сестер — Ехидну и Яблонию! Одну просто задушил, сломав ей горло, а вторую пристрелил из лука и, судя по ранам на ее теле, потом надругался над нею!

Вспоминая об этом, Кощей судорожно стиснул кулаки, представляя, что сделает с пленником.

— Я хочу на него посмотреть, — сказал он. — И немедленно!

— Идем, — с готовностью откликнулась Марена.

Она потянула его за собой, и Кощей почти побежал, горя нетерпением поскорее увидеть своего неуловимого врага. Конечно, он видел Даждя и раньше и теперь представлял, как они взглянут друг другу в глаза, что скажут, как будет вести себя пленный Дажь.

Марена свела его по крутым ступенькам узкой лестницы в погреба, где хранила припасы. Перед маленькой низкой дверкой стояли навтыжку сторожа. Одним из них был Падуб. Он отсалютовал подошедшим и посторонился, давая дорогу.

Дверь распахнулась от прикосновения чародейки к замку. Марена и Кощей вошли.

Кощей ожидал увидеть закованного в цепи пленника, валяющегося на охапке соломы в углу, но вместо этого в полутемной камерке, куда свет падал из крошечного, затянутого паутиной окошечка, стояла широкая лавка. На ней, разметавшись во сне, спал Дажь.

— Он мертв? — ахнул Кощей.

— Нет, — Марена притворила дверь, — но крепко спит... Знаешь, я сама не смогла его убить — мне хотелось, чтобы эта честь досталась тебе... Ну и, кроме того, — прибавила она в смущении, — мне с ним было так хорошо ночью...

Кощей подошел ближе и наклонился над спящим, стараясь разглядеть его в полумраке. Дажь оказался совсем не таким, как себе представлял Кощей. На лавке спал атлетического сложения человек сорока с небольшим лет, с ранней сединой в длинных волосах. Красивое лицо его было спокойно, но вот что-то Явилось ему во сне — он шевельнулся, легкая морщинка прорезала высокий лоб, и губы прошептали чье-то имя.

— Ма... Ма-ре...

— Он зовет тебя, — определил Кощей.

— Вполне возможно, — хмыкнула Марена, — особенно если учесть, что по закону он мой муж.

— погоди, погоди, — спохватился Кощей. — Только что ты сказала, что тебе с ним было хорошо ночью. Он что, провел с тобой ночь?

Чародейка победно улыбнулась, обнимая Кощея за плечи.

— Что тут такого? — молвила она. — Он имел это право!

— Но ты же знаешь, почему я преследую его! Я боялся, что он станет отцом сына, который о свое время...

— Не забывай, что я не могу иметь детей, — остановила его Марена. — Кроме того, в постели влюбленный мужчина не скрывает ничего от любимой женщины. Я вытянула из него все о его похождениях — оказывается, он слишком любил меня, чтобы поглядывать на сторону. Он сам мне это сказал, так что можешь быть спокоен... Ну, а если случится чудо, — чародейка указала глазами на свое тело, — и я понесу от него, то мы всегда сможем обмануть судьбу и сказать, что это твой сын... И кроме того, вдруг родится девочка?

Сраженный ее доводами, Кощей не стал возражать.

— Я тебя люблю, — сказал он, целуя чародейку. — И просто восхищен, как тебе удалось его подманить!

— А ничего особенного делать и не надо было, — фыркнула Марена. — Он явился ко мне сам — ему, видишь ли, было надо, чтобы я сделала некое зелье для его чары. Он собирается оживить какую-то женщину. Я согласилась — для того, чтобы взять его в плен... Он оказался слабее, чем я думала и чем наверняка ожидал ты. Я припугнула его пытками, которым ты якобы собираешься подвергнуть его, и предложила безболезненный уход из жизни — выпить яду... Так вот, — лицо Марены сияло победной улыбкой, — непобедимый герой, сражавшийся с чудовищами и злодеями, струсил как ребенок!.. Бели бы не мое зелье, я бы сказала тебе, что он мертвецки пьян.

— Пьян?!

— Ну конечно! Перед тем, как выпить яд, он потребовал вина и выпил его столько, что я удивилась, как он не свалился сразу! Но зато теперь он полностью в моей власти. Я могу пробудить его, а могу погрузить в вечный сон... Он будет спать, сколько я захочу!

Марена простерла руку над спящим Даждем и провела ладонью в воздухе. Подчиняясь ее чарам, дыхание его то углублялось, то почти замирало. Показывая свою силу, чародейка сжала кулак, и Дажь застонал сквозь сон, морщась, словно от боли. Но потом Марена снова разжала пальцы — и он, подчиняясь, заулыбался во сне, как ребенок. Кощей с широко открытыми глазами смотрел на действия подружки.

Показав, на что способна, Марена убрала руку и дотерла ее о подол.

— Он твой, — сказала Марена. — Теперь убей его!

Кощей наклонился над спящим. Лицо его казалось маской мертвеца, если бы не легкое дыхание. От боли, которую только что его заставила испытать Марена, длинные ресницы были влажны. Во сне Дажь меньше всего походил на врага.

— Нет, — услышал Кощей собственный голос. — Разбуди его сначала.

— Ты ума лишился! — воскликнула Марена. — Разбудишь — а он сам же тебя и

уничтожит!

— Во-первых, Макошь говорила, что это сможет сделать лишь его сын, — возразил Кощей. — А во-вторых, негоже сонного убивать. И вообще, что станут обо мне говорить? Что для меня врагов моих ловят женщины? Ну уж нет! Мы расправимся с ним по-другому, но так, что никто следов не найдет, даже если очень захочет! Я все сказал!

Не оборачиваясь, Кощей первым покинул подвальчик.

Марена последовала за ним, но задержалась, запирая каморку.

Падуб, сторож-пекленец, пожирал ее глазами. Чародейка вспомнила недавний разговор и поманила сторожа пальцем.

— Помнится, я говорила, что отпущу тебя назад, в Пекло, если ты поможешь мне изловить моего врага, — шепнула она юноше. — Враг благодаря тебе пойман, но по-прежнему опасен. Мы не можем его убить, но нам необходимо от него избавиться. Ты родился в Пекле и наверняка знаешь какое-нибудь местечко, где его тело не отыщут и через триста лет. Подумай хорошенько! Вспомнишь такое место, проводишь нас туда — и можешь отправляться домой, к родителям. Ты меня понял?

— Мой отец убит, — севшим голосом ответил Падуб, — но место такое я знаю. Туда отвозили тела казненных преступников. Отец как-то сопровождал туда одного...

— Хорошо. — Чародейка коснулась ладонью лба Падуба. — Я позову тебя!

* * *

В тереме у Кощей на шее повисла с радостным визгом третья его сестра, Горынь, дочь Змеихи и сестра погибших Ехидны и Яблони, с весны жившая у Марены как подруга и наперсница. Она ничего не знала о судьбе старших сестер. Горькую весть принес ей сам Кощей, и девушка с готовностью поклялась отомстить.

— От меня он не уйдет, — шипела она. — Если ты, братец, не можешь убить сонного, то я не такая трусиха. У меня достанет смелости вырезать ему сердце, самой зажарить и съесть его!

— Если я его убью, рано или поздно отыщут следы, — возразил Кощей. — Найдут тело... А если расправиться с ним, не убивая, то никто не станет его искать, потому как никто не видел его мертвым. Будут считать, что он пропал где-то в мире.

В комнату незаметно вошла Марена и остановилась на пороге, слушая разговор.

* * *

До самой полуночи продолжалась тихая, потаенная беседа. Когда умаявшиеся за день холопы отправились на отдых, сторож-оборотень тайным ходом провел к чародейке Падуба. Выслушав ее, юноша согласился помочь.

Под покровом темноты, которая в глубоком ущелье Марены была еще мрачнее, несколько теней выскользнули из терема. Через некоторое время они вернулись — с ними были еще четверо, отобранных из числа холопов. Всем им пообещали свободу, если они согласятся молчать о том, что увидят.

Падуб лично сопровождал их в подвалы, где с них сбили цепи и провели к той самой каморке, где по-прежнему спал Даждь.

Сварожича оказалось не так легко не только убить, но и отравить. Когда Марена вошла к нему первая, она сразу почувствовала, что пленник просыпается. Он беспокойно метался во сне, что-то бормотал и порывался вскочить, когда чародейка простерла над ним руку, творя заклинание.

Сзади неслышно подошла Горынь, прижимавшая к груди кружку с сонным зельем.

Девушка была очень похожа на своих сестер — то же тонкое, стройное тело, те же раскосые глаза на узком лице. Только кожа была чуть темнее и грубее — Горынь больше времени проводила в лесах и горах, под солнцем и ветром.

Марена сжала кулаки — и Дажь, застонав, провалился в еще более глубокий сон. Теперь только слабое дыхание да тепло его тела говорило о том, что он жив.

Опустившись на колени у изголовья спящего, Марена приподняла его голову и разжала челюсти.

— Лей, — шепотом приказала она.

Горынь тонкой струйкой стала вливать зелье в рот спящему.

— Хватит, — на середине остановила ее Марена. — Он и так спать будет дней десять без просыпа, а когда мои чары спадут и он очнется... вот тогда ему будет по-настоящему страшно.

Женщины развернули принесенный с собой холст и осторожно завернули в него бесчувственное тело.

Через несколько минут по тайным ходам терема пробиралась странная процессия. Все сторожа были предупреждены, и ни одна живая душа не попала им на пути.

Впереди шли Падуб с факелом, Марена и Горынь. За ними четверо холопов осторожно несли на сделанных из копий носилках большой сверток. Замыкал шествие Кощей.

Проводник через один из многочисленных тайных ходов провел всех в подземелье.

Пекленские лабиринты уже давно представляли собой два различных мира. Та часть, где правил князь Волхов, были словно слоеный пирог со множеством ходов и выходов, где в стенах скрывались потайные лазы, а в больших и малых пещерах жили люди и плодилась нежить.

Но было и другое Пекло, с которого когда-то все и начиналось. Ныне огромные его области оказались заброшенными — разломы от старых и новых землетрясений прорезали пещеры и коридоры; подземные реки до неузнаваемости изменили привычные места; обвалы уничтожили одни переходы и породили другие. Колодцы, открывающиеся в полу, вели в нижние этажи, где до сих пор обитали твари, вызывающие трепет даже у нежити. В эту часть Пекла опасались заглядывать без крайней нужды, а потому ничего удивительного не было в том, что заброшенные лабиринты, оставшиеся к тому же после недавней войны без власти князя, оказались во владении Кощея и Марены.

Часть лабиринтов была заселена, в другой рабы, захваченные во время последней войны, вели разработки металлов, но значительная территория пустовала — никто не хотел рисковать жизнью, сунувшись туда.

Но сегодня древние своды, веками не видевшие пришельцев, были освещены колеблющимся светом факелов. Падуб шел шагов на десять впереди, припоминая по рассказам отца и его друзей дорогу до Столбового зала. Здесь не было ориентиров, и можно было легко заблудиться, а это означало одно — смерть.

Тишина нарушалась только треском факелов, шарканьем ног по камням и хриплым дыханием людей. Отблески огня колебались на сводах, рождали причудливые образы в глубине, а эхо даже случайный шорох превращало в рев голодного чудовища. Не только холопы, несущие тело, но и их проводники притихли, и лишь у Горыни, чье детство прошло в подземельях, доставало храбрости оглядываться по сторонам.

Петляющий коридор, то поднимался, то круто опускался, то делился на несколько ветвей и вдруг вышел в просторную пещеру, которую пересекала наискосок свежая трещина, уходящая в глубину. На дне ее что-то грохотало и ревело.

Падуб осветил разлом, нагромождения камней и свисающие с потолка Сосульки, что образовывали настоящий каменный лес. Дальний край пещеры терялся во мраке.

Заметив, что он остановился, Марена нагнала его.

— Мы пришли?

Эхо ее голоса далеко разнеслось по пещере и пропало вдали, разбившись о стены.

— Не знаю, — прошептал Падуб. — Отец говорил — надо пересечь реку и идти вниз по течению. А реки-то я и не вижу...

— Ищи, я тебе помогу!

Юноша кивнул и крадучись пошел вдоль края трещины.

Остальные оказались почти в полной темноте — факел в руке Кощея начал гаснуть. Холопы испуганно переглядывались, но молчали, больше смерти боясь хозяев.

Вдруг издалека донесся страшный рев. Все — даже Кощей и Горынь — испуганно сбились в кучу.

Только Марена осталась стоять на месте, и никто не видел, как она побледнела от страха. Чародейка медленно вскинула руку, чтобы очертить круг.

Вдалеке, сопровождаемый грохотом, показался мерцающий огонек. Он быстро приближался, и, по мере как расстояние между ним и людьми сокращалось, стало ясно, что жуткий вопль — всего-навсего искаженный человеческий крик, а грохот — шум его шагов.

Падуб, бывший всему причиной, подбежал, размахивая факелом.

— Река! — воскликнул он. — Я слышал шум реки там, впереди! В конце пещеры ход — река с той стороны!

Облегченно вздохнув, Марена даже обняла Падуба и толкнула его вперед, призывая поторопиться.

Люди так спешили, что не заметили несколько теней, что бесшумно двинулись за ними, пригибаясь и прячась от света факелов в тени сталактитов.

Грохот реки услышали издалека — еще в начале коридора. Указывая путь, Падуб шепотом говорил идущей рядом Марене:

— Отец говорил, как по приметам найти Каменную реку, но, может быть, это окажется не она. Отец знал другой путь — он дольше, но зато вернее... А если река та, что нам нужна, то Надо будет искать условный знак на берегу — место переправы. Таких мест всего два или три по всей реке, и ровно столько же Столбовых залов.

— Значит, нам мало найти реку — надо еще и отыскать переправу? — прошипела Марена. — Но мы не можем бродить по берегу до изнеможения!

— Госпожа, сначала я проверю, та ли это река, — возразил Падуб, — и тогда ты поймешь меня!

Грохот и гул подземной реки усиливался, заглушая шаги и голоса. Трещина ползла вдоль тропы, словно тоже стремилась к реке. В узком коридоре люди были вынуждены идти вплотную к краю. — За обрывом открывалась бездна, на дне которой что-то ревело и гудело. Шум внизу и спереди сливался, рождая оглушающую смесь звуков.

Стены хода раздались в стороны. Перед глазами людей открылась огромная пещера — больше любой виденной ими раньше. Шагах в десяти ее пересекала темная масса реки, прыгая меж камней. Чуть ниже по течению вода успокаивалась и ползла дальше медленно и полусонно.

— Это она? — Марена толкнула Падуба локтем.

Юноша кивнул и подошел к воде, на ходу вытаскивая черенок догоревшего ранее факела. Присев, он опустил палку в воду.

— Что ты там делаешь? — вскипела Марена.

Падуб выпрямился.

— Это та самая река, хозяйка, — сказал он и протянул ей палку. Она была покрыта тонкой коркой извести. — Если кто наступит в воду, сам станет известковой статуей. Поэтому придется идти до переправы!

Но Марена его уже не слушала. Она повернулась к Горыни и подмигнула ей.

Девушка мгновенно все поняла и заторопила холопов. Те подошли к воде и осторожно, косясь на окаменевшую палку в руках Падуба, опустили в воду свою ношу.

— Он никогда не проснется, — прошептала Горынь. — Ни через десять дней, ни через десять лет.

Вода над свертком чуть дрогнула — словно заключенный в нем человек в последний момент почувствовал близость смерти. Холопы взвалили на плечи известковую глыбу, и Падуб опять пошел впереди, ища переправу.

Каменная река то сужалась до глубокого ручейка, то разливалась настоящим подземным морем. Несколько раз приходилось делать остановки — тащить тяжелую глыбу

холопам было не по силам. Но постепенно стало заметно, что река уходит все глубже и глубже, словно проваливаясь в трещину.

Переправой оказался невероятно узкий изогнутый мостик, нависавший над рекой. Балансируя факелом, Падуб первым пробежал до половины и, стоя там, подал руку Марене.

На сей раз путешественникам повезло — не прошли они и сотни шагов, как в низине им открылось огромное подземное поле.

— Пришли, хозяйка, — сказал Падуб.

Когда-то Столбовой зал состоял из двух или трех меньших пещер, но обвалы разрушили переборки, образовав огромное даже по поверхностным меркам поле, на котором кое-где высились бесформенные груды камней — остатки стен. Низкий сводчатый потолок вдалеке сливался с полом, так что в полной мере обозреть открывшуюся картину люди не смогли бы, будь у них не два, а двести факелов. Но и то, что они увидели, заставило всех замереть с открытыми ртами.

Все пространство пещеры заполняли сталактиты и сталагмиты. Многие из них уже давно слились в грязно-белые с желтоватыми разводами соляные и известковые столбы, часть из которых успела разрушиться от времени или потерять форму. Отовсюду с потолка падали капли, и их перезвон рождал нежную, но зловещую в своей неуместности музыку. Звон капли завораживал, очаровывал, притуплял чувства.

Марена взяла факел у Падуба и, медленно осматриваясь, пошла по залу. Некоторые из столбов были прозрачны на свету, и внутри них виднелось что-то странное. Чародейка поднесла факел к одному столбу вплотную — и отшатнулась. Сквозь соляные наслоения просвечивали наполовину изъеденные останки человека.

— Ко мне! — позвала она.

Когда первыми подбежали Горынь и Кощей, она объяснила им, что задумала, и холопы тут же взялись за работу.

В глубине пещеры, где в беспорядке были набросаны камни, нашли подходящий сталактит, с кончика которого почти непрерывно падала вода. Росший под ним сталагмит сломали и на его месте утвердили известковую глыбу. Ее обложили для устойчивости обломками и присыпали известковой пылью. Поблизости оказалось несколько похожих глыб, так что с первого взгляда отличить их было трудно.

Запрокинув голову, Марена внимательно посмотрела на капли, что дробно стучали о голову каменной глыбы и скатывались по ней, оставляя еле заметные дорожки известкового раствора.

— Что ж, — довольно кивнула она, — для начала неплохо. Через год глыбу отличит только знающий, а через пару лет и вовсе никто не догадается, что здесь кто-то был замурован... Теперь, если спросят у меня, где мой муж, я смогу сказать — был, но исчез без следа. Только вот куда бы деть его чару, что он приволок? Я пробовала — она не бьется!

— Надо было ее принести сюда и утопить в Каменной реке, — вставил Кощей.

— Нет! — воскликнула вдруг Горынь. — Чара волшебная. Позвольте, я отнесу ее матери... Мне все равно надо навестить ее — сообщить о смерти сестер и о том, что их убийца получил по заслугам. Мать-Змеиха будет рада получить ее в дар как утешение!

— Отлично, — улыбнулся Кощей. — Заодно передай тетке от меня привет... И смотри не утопи подарок в Огненной реке!

— За кого ты меня принимаешь! — воскликнула девушка. — Да я еще в детстве через реку перелетала туда-сюда, и огонь меня не трогал...

— Помолчите, — остановила их Марена. — Спасибо тебе, Горынь, за помощь, но только у нас здесь не все дела переделаны.

Кощей и его Сестра вопросительно подняли глаза на Марену, и та указала им на четырех холопов, что, сбившись в кучку, пришибленно и отупело озирались по сторонам.

— Ты права, — кивнул Кощей и подозревал Падуба.

— Человек, которого здесь захоронили, — принялась объяснять Марена, — конечно, был большой негодяй, но он был знатным господином. В мире, где он сейчас, ему

трудновато будет без слуг и охраны. Эти четверо должны последовать за ним, чтобы вечно служить его душе, как они служили телу. Иди и выполняй!

Не раздумывая, Падуб обнажил саблю и повернулся к холопам. Те продолжали оглядываться по сторонам и заметили опасность только тогда, когда пекленец подошел совсем близко. Он был всего один, сабля отведена в сторону, но такой огонь долго сдерживаемой ненависти горел в его глазах, что холопы, разглядев его, попадали перед ним на колени, наперебой умоляя о пощаде. Не обращая внимания на их протесты, Падуб четырежды взмахнул саблей, пронзая незащищенные тела, и четыре трупа упали на камни у подножия нового столба.

— Оттащи их к реке, — распорядилась Марена.

Пока Падуб выполнял приказ, по одному сваливая тела в воды Каменной реки, Кощей и Марена засыпали пространство вокруг столба пылью, закидали мелкими камнями, и Падуб, оттаскивая последнего, поймал себя на мысли, что даже ему теперь будет нелегко найти нужное место.

Обратно шли молча. Падуб шагал впереди, освещая дорогу хозяевам, которые тихо шептались меж собой. Пекленец не прислушивался, но тишина вокруг стояла такая, что он невольно ловил отдельные слова: «Огненная река... Остров... Чара...» Не задумываясь над смыслом, он больше следил за дорогой, чтобы хозяева быстрее оказались дома.

Но и он не заметил несколько теней, кравишихся за ними. Тени дошли по их следам до моста через Каменную реку и затаились на берегу. Преследователи видели, что в Столбовой зал вошли восемь человек, а вышли всего четверо и налегке. Но они не стали приближаться к путникам, не возвратились в пещеру, а бесшумно растворились во мраке подземелий.

* * *

Освещая дорогу, Падуб шел краем пропасти, на дне которой шумела и грохотала река, бегущая на слияние с Каменной. До начала лабиринтов, в которые вели потайные ходы из терема Марены, оставалось чуть больше пяти верст. Он шел не оборачиваясь, а потому не видел, как Горынь приостановилась и приняла из рук Марены небольшой сверток. Прижав его к груди, она коротко попрощалась и побежала прочь.

Падуб обернулся на всплеск воды — девушка прыгнула в реку. Через некоторое время на поверхность всплыла огромная змея с изжелта-зеленым рисунком чешуи. В пасти она держала сверток. Расправив кожистые крылья и стряхнув с них брызги, змея взлетела под самый потолок и полетела обратно, держась берега реки.

Погасли искры, отмечавшие путь Горыни. Падуб проводил их глазами и оглянулся на хозяев, чувствуя смущение под их слишком пристальными взглядами.

— Иди, — сухо сказала Марена.

Путь продолжался в тишине.

— Он все видел, — нарушил молчание Кощей.

— Он мой холоп, — отозвалась Марена. — И я обещала ему свободу, если он...

— Он пекленец, и к тому же захваченный во время войны, — возразил Кощей.

— Думаешь, он способен...

— Откуда мы знаем, кто на что способен?

Марена не ответила.

— Эй, как там тебя! — вдруг позвала она.

Юноша остановился.

— Падуб, хозяйка, — напомнил он.

Чародейка подошла почти вплотную.

— Ты помнишь, о чем мы говорили с тобой, Падуб, в начале нашего пути? — молвила она. — Когда я спрашивала тебя об укромном месте для...

— Для того преступника, — вежливо подсказал юноша. — Помню, хозяйка — ты обещала мне свободу.

— Правильно, и я не собираюсь отказываться от своих слов, — кивнула Марена. — Ты получишь ее сейчас же, не сходя с этого места...

В руке ее откуда ни возьмись появился нож.

Падуб отшатнулся, запоздало вспомнив, что и тем холопам, которых он зарубил, в его присутствии была обещана свобода, если они выполнят, что прикажут, и не станут задавать вопросов. Он сделал шаг назад.

— Ты обещала, хозяйка, — воскликнул он.

— Я и выполню обещание, или ты хочешь поспорить?

Падуб выхватил саблю, но не успел сделать и движения — Кошей прыгнул на него с неожиданным проворством. Юноша вскинулся, защищаясь, и почувствовал, что земля уходит у него из-под ног. Он отчаянно изогнулся, стараясь удержаться на обрыве, о котором позабыл, но Марена взмахнула рукой — и он сорвался вниз...

Последний крик отразился от расщелины, поднявшись ввысь, но его заглушил шум воды и плеск упавшего в воду тела.

Кошей и Марена некоторое время стояли у обрыва, глядя вниз, а потом отправились домой.

* * *

...Крик смертельного ужаса вырвался у Падуба, когда он сорвался вниз, но захлебнулся в горле, когда что-то мягкое и упругое подхватило его в свои объятия. В следующий миг мимо, едва не задев его, просвистел огромный камень и с шумом плюхнулся в воду.

Сеть вместе с барахтающимся в ней Падубом вытянули и бросили на краю уступа над рекой. Отчаянно сопротивляясь, юноша скинул ее с себя, но встать не смог.

Из мрака, подсвеченные сзади слепящим глаза потаенным светом факелов, скрытых в глубине пещерки, на него надвинулось несколько человек в черных одеждах жителей Пекла. Острия сабель уперлись в горло и грудь пленника, на затылок легла чья-то рука, жесткая, как когти нежити.

Над скорчившимся на камнях юношей возник высокий плечистый воин с землисто-бледным лицом вечного жителя подземелий и совершенно седой головой. Темные тени под большими глазами делали его гораздо старше его природных тридцати с небольшим лет. Он склонился над Падубом, и улыбка не предвещала пленнику ничего хорошего.

— Ну что, — произнес он свистящим шепотом, — сам вспомнишь, что вы делали в Столбовом зале, или помочь?

Он оглянулся, взглядом подзывая остальных. Люди сгрудились вокруг, и Падубу неожиданно стало холодно. Он попробовал отодвинуться — и тут же ощутил под лопаткой холод готового вонзиться ножа.

— Значит, помощь требуется, — по-своему понял его молчание седой пекленец.

Он уже махнул рукой, но тут один немолодой воин остановил его.

— Мне как будто знакома его физиономия, Крик, — буркнул он и обратился к помертвевшему в ожидании Падубу: — А ну, парень, как тебя звать?.. Только без вранья!

— Падуб, — прошептал юноша, глядя в страшные глаза седого. — Падуб, сын Палого, сына Паймона...

Клиники опустились как по волшебству, а потрясенного Падуба говоривший вдруг горячо стиснул в объятиях:

— Живой...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Беду Хорс почуял на двенадцатый день после того, как Дажь спустился в подземелья. До сего времени он позволял Агрику по утрам чистить себя и при этом порой даже заигрывал с отроком, шутливо хватая его за локти или уворачиваясь от потника. Но в то утро

золотистый жеребец стоял понурившись, не замечая никого. Он даже не вздрогнул, когда отрок нарочно шлепнул его по крупу.

— Гамаюн, — позвал Агрик, — что с ним?

Полуптица спланировала поближе и враскачку обошла жеребца.

— А кто его знает? — беспечно фыркнул он. — Говорят, Хорс наделен почти человеческим разумом. Я еще помню, как он не давал Велесу на себя сесть после того, как тот Дажда распыл — даже кусался...

Уловив в речах Гамаюна знакомое имя, Хорс вдруг дернулся, обрывая повод, и заржал высоким пронзительным голосом, в котором явственно слышалась боль. Гамаюн, услышав этот звук, сел на хвост.

— С хозяином беда, — уверенно молвил он.

Хорс глухим стоном отозвался на эти слова.

Агрик выглядел сбитым с толку. Он переводил взгляд с Гамаюна на жеребца и обратно.

— Но, может, еще ничего не потеряно? — предположил он. — Хозяин не такой человек, чтобы просто взять и пропасть! Он почти бог — наполовину... Он может вызвать волков, и они его спасут. Ну скажи, Гамаюн, что это так! Что с ним ничего не случится!

Вещун выпрямился, помогая себе крыльями, и натянуто улыбнулся:

— Конечно, ничего не случится... Может быть, ему кто-то помешал в пути! Ведь он приказал ждать целый месяц. А теперь, наверное, придется торчать здесь подольше...

* * *

Но миновало больше двух месяцев, а Дажда все не было. И Агрик решился.

— Я иду выручать хозяина, — заявил он однажды поутру, собирая вещи. — Если с ним все хорошо, встречу его на полпути и вернусь вместе с ним. Если же нет, то моя помощь может ему понадобиться. Тебя, Гамаюн, я с собой не беру — постереги наших коней.

Открывший было рот, чтобы возразить, Гамаюн тут же закрыл его.

— А ты уверен, что справишься? — только и произнес он.

— Да. Тарх научил меня сражаться. Проводи меня к выходу, а то я не знаю, где он.

Гамаюн вздохнул и снялся с места.

Ход начинался в неглубокой долине, со всех сторон стиснутой склонами, неподалеку от того места, где Агрик провел все это время. Осень давно уже вступила в свои права, где-то на севере, на родине Агрика, начался месяц грудень, а здесь пока еще не все деревья растеряли алые и золотые наряды. Прозрачный горный воздух был необычайно сладок и прохладен, небо поражало спокойствием и синевой. Мир; словно напоследок, решил расцветиться самыми яркими красками, которых нет и не может быть в Пекле. Агрик глубоко вздохнул.

— Хоть ты вернись, — буркнул Гамаюн. — Что и тут один с двумя лошадьми всю зиму буду делать?

— Я вернусь, — пообещал отрок и погладил встопорщенное оперение полуптицы. — Ты только подожди меня тут!

Он уже повернулся к выходу, когда кто-то дернул его за воротник. Агрик обернулся — сзади стоял Хорс и держал его зубами за одежду. В глазах жеребца читалась тревога.

— Я найду его и вернусь, — объяснил Агрик. — Отпусти!

Хорс неохотно разжал зубы и остался стоять, понурый.

Вход был далеко не парадным — просто узкая и неудобная расщелина в камнях. На первый взгляд она казалась звериной норой, но, если у кого-нибудь хватило бы безрассудства забраться туда, он бы обнаружил, что «нора» саженой через десять резко уходит вниз.

Агрик прополз до конца ровного коридора и провалился.

* * *

Он оказался на куче старого мусора — невесть как попавшая сюда прошлогодняя листва, какие-то перья и тучи пыли, поднявшиеся до потолка при его падении. Некоторое время отрок только чихал, размазывая по щекам выступившие от натуги слезы, но потом выбрался из облака пыли и принялся за дело.

Из рассказов Гамаюна он знал, что в Пекле можно не заботиться о теплой одежде — в некоторых местах тепло, даже когда на поверхности птицы замерзают на лету. Но зато там не обойтись без света — в темноте легко наскочить на ловушку, поставленную местными жителями на какое-нибудь подземное чудовище, а то и на него самого. Кроме того, в темноте легче легкого заблудиться, да и просто свалиться в пропасть. Поэтому у Агрика не было теплой одежды, зато имелся запас самодельных факелов. Первым делом он высек огонь, зажег один из них и осмотрелся.

Он находился в длинном, совершенно прямом и пустом коридоре — просто пол, потолок и две бесконечные стены. Гамаюн не знал, где живет Марена, а потому и Агрик долго стоял, раздумывая, куда идти — налево или направо. Наконец решившись, он двинулся в правую сторону.

Ход был пустой и ровный, без опасностей, о которых Гамаюн рассказывал столько, словно сам устанавливал ловушки. Все же Агрик пробирался крадучись, выверяя каждый шаг, и все ждал появления следов местных жителей. Юноша не сомневался, что этот ход проделали они — уж очень ровными были, пол и стенки — но если бы он дал себе труд быть повнимательнее, он бы заметил, что ход давно никем не посещался.

Неожиданно коридор разветвился, да не на два, на целых четыре совершенно одинаковых хода. Подняв над головой факел, Агрик завертелся на месте в центре небольшого зальчика. Который ход был нужным, он не знал. Решившись, отрок ринулся опрометью в первый попавшийся.

Так начались его странствия по подземелью. Устав, отрок останавливался, жевал что-нибудь из припасов, засыпал ненадолго и снова пускался в путь. Сначала он оставлял факел горящим, но после того, как израсходовал половину, начал беречь огонь и всякий раз тушил, чтобы потом запалить снова.

Коридоры сменялись пещерами, а те — берегами подземных речек и озер. В темной, похожей на жидкую грязь воде порой плескались невидимые рыбы; Агрик, шаря по земле в поисках факела, иногда натывался на какого-нибудь паука или слизня. Однажды он нашел даже нечто напоминающее формой и запахом грибы-трутовики, но не решился их попробовать. Однако время шло, и понемногу Агрик начал понимать, что дело плохо. Он заблудился в пустых пещерах и, если не случится чудо, будет обречен бродить по ним вечно.

Беда случилась не скоро, но все равно неожиданно — кончились припасы.

Выросший в лесу, Агрик привык считать, что в дороге кусок никогда лишним не бывает. Кроме хозяйского меча, собственного оружия, факелов и походных мелочей, он забрал из тороков все, что не требовало приготовления на огне. Но там еще оставалось немного крупы, и сейчас Агрик вспоминал о ней с сожалением и досадой.

Что бы теперь подумал о нем хозяин и друг, Тарх-Даждь? Хорош спаситель! Самого спасти надо!

Агрик замер, пораженный догадкой. До сих пор Даждь так решительно отказывался именоваться богом, что отрок испугался собственной мысли. Но ведь в самом деле — он никогда еще не обращался к хозяину как к богу! А что, если...

Разломив порядком зачерствелый последний кусок хлеба, Агрик поднес его к факелу, насадив на нож, чтобы не спалить пальцы. Кусок с одного края почернел, обугливаясь.

Дождавшись, пока он сгорит целиком, Агрик воткнул факел в щель между камнями, не сводя с пламени глаз.

— Помоги мне, Тарх, если ты бог, — — прошептал он. — Подскажи, что делать, куда идти. Ты знаешь эти подземелья лучше меня — не дай мне погибнуть здесь — я ведь иду спасти тебя... Если же ты не бог, как говорил, — добавил он виновато, — то хотя бы пошли

мне на помощь кого-нибудь из твоих богов. Ведь я так хочу тебя найти!

Он сел на пол, обхватив колени руками, и стал ждать знака.

Эхо далекого шума пробудило его от раздумий.

Агрик встрепенулся, осматриваясь. Факел почти догорел и еле тлел, но все еще позволял разглядеть изгибающуюся полукругом пещеру. Ее надвое перерезал глубокий овраг с многочисленными террасами, напоминающий берег реки. Со стороны могло показаться, что кто-то выворотил и унес целую кучу земли и камней. Агрик стоял на самой высокой террасе, прижавшись к сводчатой стене. Несколько ходов открывалось подле него. Еще один, вероятнее всего, находился на дне ямы, потому что приближающиеся звуки исходили именно оттуда.

Прихватив факел, отрок осторожно подполз к краю и заглянул, вниз. То, что он там увидел, заставило его оцепенеть от ужаса.

На дне действительно был ход, и сейчас в нем горел слабый мерцающий свет. Вот он усилился и превратился в сияние нескольких необычайно ярко горящих факелов, которые держали в лапах твари, покрытые свалившейся шерстью пополам с чешуей. Большинство высокие, тощие, они шаркающей походкой передвигались на задних ногах. У некоторых были хвосты и кривые уродливые крылья, другие казались ящерицами, вставшими на задние лапы. Но морды у них были до жути похожи на лица людей — только изуродованные выдающимися челюстями с клыками, торчащими ушами, рогами и приплюснутыми вывороченными носами. Все они были одеты в нечто наподобие коротких штанов.

Агрик был напуган появлением жутких существ и не заметил, что они двигаются по-военному четко, а некоторые настолько похожи на людей, что не заметить этого было невозможно. Отряд вышел на дно ямы, и один из воинов вскинул голову.

Агрик понял, что тот увидел свет его факела, и с быстротой молнии шарахнулся прочь.

Но было уже поздно — внизу прозвучала короткая команда, и послышался шум погони.

Страх удесятил силы отрока. Не чувствуя тяжести оружия за спиной, он помчался куда глаза глядят, заботясь только об одном — оторваться от преследователей и не попасться при этом в ловушку.

Погоня уже топала по пятам — нежити не было нужды в факелах, она привыкла к темноте. Кроме того, ориентиром служили следы беглеца и свет его факела.

Но преследователи применили хитрость. Погоня внезапно отстала, и не успел Агрик это заметить, как впереди мелькнул свет — несколько тварей выскочили из бокового хода, перегородив путь.

Беглец еле успел затормозить, с трудом сохраняя равновесие под тяжестью двух мечей. Нежить заступила ему дорогу и шла на него, поигрывая оружием. Казалось, он чувствовал зловонное дыхание тварей...

В самый последний миг Агрик нашел в себе силы и метнулся прочь. Вслед ему полетели дикие вопли, но он ничего не замечал. Память подсказала — он пробежал мимо бокового хода.

Так и есть! Отрок нырнул в узкую щель и заторопился вниз, чувствуя, как его меч скрежещет по камням.

Сзади упала тень — Агрик так и не выпустил факела из рук. Нежить не могла из-за своих размеров протиснуться в ход, и ей оставалось только бесноваться снаружи и вопить что-то маловразумительное. Приостановившись на миг, Агрик показал преследователям язык.

Спасительная щель дважды повернула и внезапно кончилась, выведя отрока на ступени большого грота, в глубине которого был всего один ход. Где-то звучно падали капли, но в остальном в пещере царил полная тишина.

Заменив почти сгоревший факел и мысленно поблагодарив Тарха за помощь, Агрик храбро двинулся вперед. Он не сомневался, что этот ход приведет его к хозяину, и пребывал в блаженном неведении до тех пор, пока навстречу ему из мрака не возникла оскаленная

морда.

Ни тогда, ни потом Агрик не мог ясно вспомнить, как выглядело существо. Ясно было одно — это не нежить, это дикий зверь, здешний обитатель. Хищник издал вопль и бросился на жертву.

Агрик закричал едва ли не громче своего врага и ткнул в морду факелом. Громадные челюсти схватили и перекусили малку. Отрок и его враг оказались в полной темноте, и только истошный рев подсказал, что хищник все-таки обжегся.

Отрок бросился бежать, натываясь на камни. Даже от нежити он не удирал так быстро — на сей раз за ним гналась смерть, от которой, возможно, бегала и нежить.

Впереди мелькнул свет. Не веря своим глазам, Агрик завопил что было силы и прибавил ходу...

И в этот момент его ногу что-то с неожиданной силой дернуло назад и вверх. Отчаянно отбиваясь, он взмыл вверх ногами и повис под потолком — легкая добыча для любого зверя. Отцепившийся меч Дажда со звоном упал на землю.

Свет приблизился, и, не будь Агрик так испуган, он бы заметил, что преследующий его отряд нежити, сразу оценив положение, кинулся в атаку, отгоняя зверя, который прыгал, стараясь поймать болтающуюся над головой двуногую дичь. Окруженное светом факелов страшилище было вынуждено отступить.

Выбившийся из сил и охрипший от крика Агрик почувствовал, что его опускают на землю — медленно и вроде бы бережно. Волосатые грубые руки подхватили его, перевернули и поставили на ноги.

Агрик был так ошеломлен происходящим, что первые несколько секунд только хлопал глазами. Вокруг столпилась нежить, с любопытством его разглядывая. Кто-то присел, освобождая его ногу от петли, сказал что-то весело — ему ответили понимающим смехом. Ну еще бы! Должно быть, смешно он выглядел, угодив в их ловушку!

Агрик сжал кулаки. Тот, кто освободил его ногу от петли, присев на корточки, оживленно жестикулировал, имитируя его полет. Потом вдруг поднял голову и неожиданно подмигнул отроку.

Этого Агрик не мог стерпеть. Не помня, что делает, он ударил нежить во вздернутый нос, оттолкнул тянущиеся к нему лапы и помчался прочь.

Вслед ему что-то кричали, но сейчас он не откликнулся бы даже на голос самого Дажда. Он на самом деле не видел и не слышал ничего и сам не понял, где оказался, только вдруг пол ушел у него из-под ног.

А потом был удар и мрак беспомыслия.

* * *

Он смутно чувствовал, что его осторожно переворачивают с боку на бок. Что-то прохладное и ласково-влажное касается его горящего от боли тела. Чьи-то руки, грубоватые, но ловкие, укладывают его и приподнимают голову. Потом к губам прикоснулся край чашки. Он сделал глоток чего-то теплого и сытного и заснул...

Это повторялось регулярно. Всякий раз он ненадолго выныривал из глубокого забытья, но потом засыпал снова. Иногда удавалось расслышать голоса — мужской, низкий, и чуть щебечущий и почему-то картавый — женский. Порой к ним присоединялся третий, но смысла их разговоров Агрик не улавливал, хотя добрая половина слов казалась знакомой.

А потом однажды он проснулся и почувствовал себя здоровым. Еще ныли ушибы — он ведь упал с высоты никак не меньше трех саженей — но в остальном Агрик был готов признать, что цел и невредим.

Он открыл глаза, оглядываясь. Его лежанка стояла в небольшой сводчатой комнатенке без окон с единственной невысокой дверью, над которой горел масляный светильник. Над своей головой отрок увидел еще один источник света — дым и копоть от пламени втягивались в забранное решеткой отверстие под потолком. В другом углу было точно такое

же отверстие, назначение которого осталось для Агрика неизвестным.

Убранство комнаты было более чем скромным — кроме постели больного, всего две скамьи вдоль стен, крытые отлично выделанными шкурами. Стены слагались не из дерева — его комната была выкопана в твердой, похожей на камень земле. По стенам чья-то искусная рука вывела узоры, знаки, картины охоты на каких-то уродливых тварей, часть из которых была раза в два больше людей и имела крылья.

Снаружи доносились голоса. Прислушавшись, Агрик узнал тех людей, что ухаживали за ним. Несомненно, они отбили его у нежити и спасли ему жизнь. Он должен был поблагодарить их и попросить помощи.

Не обращая внимания на то, что одежда его исчезла, Агрик решительно откинул шкуру, укрывавшую его, и встал. Но тут же сел, потому что перед его глазами все закружилось, а левую ногу пронзила острая боль.

Он, наверное, вскрикнул и застонал, потому что голоса за дверью вдруг затихли и слышались шаги.

Дверь распахнулась, и в комнату, подняв над годовой светильник, шагнула...

Впоследствии оказалось, что это женщина. Тогда же Агрик увидел только рыжую шерсть, когти и горящие глаза. Он закричал, и тут же, оттолкнув существо, в комнату ворвался человек. Не разбирая правого и виноватого, он отвесил Агрику оплеуху, от которой тот сразу замолчал.

Забравшись обратно в постель, отрок оцепенело смотрел на странную пару. Над ним возвышался, чуть не упираясь головой в потолок, сухощавый, плечистый человек с узким лицом, огромными раскосыми светлыми глазами и седыми волосами. В черты его лица словно навеки въелась горечь и скорбь. Позади него со светильником в лапе стояло одно из тех существ, что гонялись за Агриком.

Хозяин дома перевел дух.

— Извини, что я так, — заговорил он, — но ты здорово ее напугал, а ей нельзя волноваться... Здравствуй! Мы рады, что ты пришел в себя. Ты меня понимаешь?

Сказать по правде, Агрик понимал одно слово из трех, но уверенно кивнул.

— Хорошо. — Мужчина сел на край постели, поправил сбитое одеяло. — Давай знакомиться. Ты в моем доме. Зови меня Криком, а это — Чудо, моя жена.

Агрик только рот открыл. Высокая, под стать Крику, нежить приблизилась, поставив на лавку свой светильник, и наклонилась над ним. Она и в самом деле отличалась от тех тварей в пещерах — была меньше ростом, стройнее. Ее рыжевато-седая с зеленоватым отливом шерсть была причесана, клыки не слишком выдавались, когти на тонких пальцах были меньше, а выражение карих глаз умное и скорбное, как у собаки. Но самое главное — под одеждой, которая при ее шерсти почти не была нужна, угадывались выпуклости груди и большой живот, не оставлявший никаких сомнений.

— Да, у нас будет маленький, — заметив его взгляд, сказал Крик и встал, усаживая Чудо на свое место.

Агрик отпрянул было, когда нежить оказалась так близко от него, но самка, уже предупрежденная его поведением, не делала резких движений. Она улыбнулась, показывая клыки, от которых, наверное, стало бы не по себе любому волку, и мягко уложила отрока на место, прикрывая шкурой.

— Лежи, лежи тихо, — вот и все, что Агрик понял из ее щебета, и она быстренько ушла.

Крик присел на лавку подле светильника.

— Мы так и не познакомились, — заговорил он. — Ты кто и что здесь делаешь?

— А вы меня не убьете? — почему-то вырвалось у Агрика.

— Теперь уж поздно, — усмехнулся Крик.

— Ну, тогда, — отрок сел, подтянув колени к животу, — звать Агриком, сирота — мать родами померла, отца убили, братьев тоже. Я и сам должен был умереть, да меня спас... один человек, мой хозяин и наставник. Он научил меня владеть мечом и вообще... А потом

он пропал в подземельях. Его конь почуял беду, и я отправился его искать. Я думал, его сожрали эти... твари...

Он осекся, потому что заметил вернувшееся Чудо, которая принесла ему поесть. Самка замерла в дверях, в ее глазах светилась самая настоящая человеческая боль. Она смотрела на своего мужа, который сгорбился, обхватив голову руками. Крик медленно выпрямился. Бледное лицо его исказила горечь.

— И я совсем один на свете, — тихо ответил он. — Родителей восемнадцать лет назад убили во время мятежа, сестренку тоже... Я случайно выжил, и если бы не Чудо... — Он взглянул на самку, задержав взгляд на ее чреве, и обернулся к Агрику. — Расскажи мне о твоём учителе. Может быть, мы чем-нибудь сможем помочь!

— Я не знаю, жив ли он, — ответил Агрик. — Я думал, может быть, эти...

— Ты нежить не трожь! — повысил голос Крик. — Милостью князя Волхова Змеевича у нас с нею мир. Если хочешь знать, то именно Чудо и помогла его установить. Она мне жизнь спасла!

Самка подошла к отроку и молча поставила перед ним блюдо с жареным мясом и приправу, налила в кружку меда.

— К нам тебя принесли дозорные, — продолжал Крик. — Ты чуть Зверю на зуб не попался, да все обошлось. А в пропасть свалился по собственной глупости. Хорошо, что жив остался. Мы с тобой двадцать дней уже возимся. Тебе просто повезло, что ты с нами встретился, а то тут такие дела творятся, что не поверишь...

Мясо оказалось вкусным, Агрик был голоден, поэтому он отбросил страхи и принялся за еду. К тому времени, как посуда опустела, он уже перестал бояться беременной самки, что смиренно стояла у двери, сложив лапы-руки на животе. Когда отрок поел, она все так же молча забрала у него посуду и ушла.

Крик сам помог Агрику улечься поудобнее и сказал, уходя:

— Отдыхай пока. Потом поговорим!

— Но мне надо спасти хозяина! — вскинулся отрок. — Он пошел к своей жене — хотел ее предупредить, но попался. Я почти три месяца его ждал. Он, может, уже умер, а вы...

— Отдыхай! — приказал Крик и быстро вышел.

* * *

Когда Агрик проснулся, оказалось, что у него гости.

Его разбудил Крик, встряхнув за плечо. Отрок открыл глаза и увидел, что в тесной комнате собрались все — и сам хозяин дома, и Чудо. С ними был незнакомый парень на несколько лет старше Агрика, такой же бледный и большеглазый, как Крик, но темноволосый и темноглазый. Подавшись вперед, он пристально и строго посмотрел на отрока, словно хотел прожечь его взглядом насквозь.

— Это Падуб, — представил гостя Крик. — Я нашел его, потому что его история чем-то похожа на твою. Не так уж много чужаков является в Пекло, тем более к своим друзьям и родственникам, а потому надо поговорить.

Падуб порывисто пересел на кровать к Агрику и взял в руки его ладонь.

— Расскажи, что ты знаешь, — приказал ему Крик.

Парень сцепил кулаки на коленях.

— Я Падуб, — начал он. — Раньше у меня было другое имя, но отец побывал наверху, откуда и ты, и, вернувшись, переназвал меня в честь деревьев, что растут в лесах... Я родился перед самым мятежом, девятнадцать лет назад. Отец командовал войсками князя Волхова, и, когда началась война, он повел дружины в бой на защиту границ. Там он и погиб, а я попал в плен вместе с другими. Потом князь заключил мир, поделил Пекло на две части. Обменялись пленными — всех на всех... Но Кощей — тот, кто развязал войну, человек десять тайно оставил, и меня в том числе. Я пытался бежать, но в тот же день меня

поймали, избили и заперли в подвале. Так я и стал холопом, но...

— Про тот день расскажи, — перебил его Крик.

— Да, знаю, — дернулся Падуб. — Почти четыре месяца назад к нашей госпоже приехал человек. Он был не из числа жителей Пекла, и она вела себя с ним так, словно он был ее мужем или любовником. Потом она повелела мне помочь арестовать его, а затем и казнить. Я выполнил приказ, а по пути назад госпожа столкнула меня в пропасть. Я бы погиб, если бы не мастер Крик, который нашел меня. — Падуб вскинул на воина благодарный взгляд. — Мой отец когда-то был его другом, и мастер помог мне.

Подавшись вперед, Агрик жадно ловил каждое слово. Только изумление помогло ему сдержаться при имени Кощея, но когда Падуб замолк, он не выдержал:

— Но ведь Кощеем звали того, кто охотился за моим хозяином!

— Правда? — обратились к нему оба пекленца.

— Истинная! Я сам слышал, как ему о Кошее говорила Земун-корова. У Кощея были сестры, они пытались убить хозяина, но погибли сами. А в Пекле живет его жена. И он любит ее!

— Но муж моей бывшей хозяйки — Кошей! Я сам не раз видел его там. И в тот день, когда я арестовал того человека, тоже. Он приехал, и они с госпожой Мареной о чем-то долго беседовали, а потом позвали меня и приказали помочь... Я ненавидел ее, но ничего не мог сделать! Она же ведьма! Она околдовала меня! Я хотел ее убить, но вместо этого послушно исполнял все ее приказания.

Крик обхватил юношу за плечи, успокаивая.

— Ты много пережил, мальчик, — мягко заговорил он, — но теперь все позади. Лучше вспомните оба что-нибудь об этом человеке, который приходил к колдунье...

— Марене, — вставил Агрик. — Я сейчас вспомнил — но ведь и жену моего хозяина тоже звали Мареной! Вот только странно — вряд ли Даждь...

Теперь пришел черед Падуба ловить слова Агрика,

— Даждь? — ахнул он. — Твоего хозяина звали Даждь? Не врешь?

— С чего бы? — обиделся отрок. — В тот день, когда он спас меня, то назвал свое полное и, наверное, настоящее имя — Даждь Тарх Сварожич, с севера, из Ги... не помню названия страны... Я звал его Тархом. Он полубог!

Падуб отпрянул, закрывая лицо руками. В глазах его загорелся настоящий ужас, и он с коротким криком упал на колени.

— Прости меня! — закричал он остолбеневшему Агрику. — Если можешь, прости или убей, потому что я заслуживаю смерти! Но если бы я знал!

Крик и Агрик еле успокоили Падуба, но с колен он так и не встал.

— Скажи мне, — жарко зашептал он отроку, сжимая его руки в своих. — Скажи, что ты ошибся, что это не Даждь Сварожич, что это просто другой человек с похожим именем! Скажи, что ты просто подшутил надо мной!

— Но почему я должен врать?

— Да потому, что нет иначе мне прощенья! — горько воскликнул Падуб. — Когда в Пекле случился мятеж, отец с трудом вырвался и поскакал предупредить хоть кого-нибудь. Он был ранен, истекал кровью... Его нашел Даждь Сварожич, исцелил рану. Отец поведал ему о несчастье. Потом, когда я подрос, он рассказывал мне эту историю, говоря, что вечно благодарен Сварожичу за спасение. Он погиб и не успел сам поблагодарить его, и я решил, что сделаю это за отца. А вместо этого я сам... сам арестовал его и сам же показывал, где казнить его... Но я не виноват! — закричал он. — Марена ведьма! Я был околдован ею!

— Я знаю, — строго сказал Крик. — С тобой говорил князь. Он сказал, что ты невиновен, и у нас нет оснований не верить тебе.

— Вот как? — воскликнул Агрик. — Значит, мой хозяин мертв? Тогда я отомщу ей!

— Позволь, я сделаю это, — остановил его Падуб. — Или хотя бы помогу. Марена уничтожит тебя, если ты пойдешь один.

— На сей раз он прав, — кивнул Крик. — Если бы не чары, князю не пришлось бы

уступить Кощею часть Пекла — князь победил бы в первом же бою. Тебе понадобится помощь.

— Мне поможет князь? — спросил Агрик.

— Сомневаюсь. Он хочет сохранить мир. Если на стороне Кощея сражаются не только отщепенцы и беглые преступники, но и чудовища вроде змей, то надо действовать тайно и, скорее всего, так, как во время мятежа в Пекле воевал я сам — изнутри... Кстати, а что нужно было Сварожичу от колдуньи?

Агрик с готовностью рассказал все о чаре, начиная с того момента, когда впервые увидел ее. Падуб, стоящий перед его постелью на коленях, вздрогнул:

— Так вот что прятала Горынь!

— Ты знаешь, где она? — воскликнул Агрик Эта чара очень важна для хозяина! Куда они ее дели?

— Я слышал разговор о том, что Горынь должна была отнести что-то своей матери. Она упоминала об Огненной реке и острове на нем. Я знаю, где течет эта река... Я знаю все! Я должен помочь Даждю! Я знаю наверняка, — добавил он умоляюще, — что он не был убит! Ты возьмешь меня с собой?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Через несколько дней Агрик поправился окончательно и попросил отвести его на поверхность, туда, откуда он начал свое путешествие. Падуб и Крик удивились такому решению, но спорить не стали.

Провожал его сам Крик, лучше знавший Пекло. Агрик, как мог, описал ему начало своего пути, как выглядел вход и что было вокруг, и тот показал ему один из выходов.

Выбравшись по низкому тоннелю наверх, Агрик понял две вещи.

Первое — Крик ошибся и показал ему не тот ход. Но это легко объяснялось тем, что пекленец никогда не бывал на поверхности и никогда не видел гор снаружи, а многие ходы так похожи один на другой, что немудрено спутать.

Но главное было не это. Выйдя наружу, отрок зажмурился от слепящего глаза белого света. Когда он уходил, вокруг еще была осень — с золотыми листьями, облетающими с деревьев, побуревшей травой и первыми заморозками. Но сейчас уже наступила зима, и все вокруг было покрыто толстым слоем снега. Он сверкал под лучами полуденного солнца тысячами разноцветных искр. Горы застыли под его тяжестью, погрузившись в долгий глубокий сон. Только кое-где из-под сугробов высывались тощие кустики.

Агрик сделал несколько шагов, проваливаясь в снег.

— Гамаюн! — позвал он без всякой надежды. — Гамаюн, где ты?

— ...ты!.. ты! — отозвались горы.

Ледяной ветер толкнул отрока в бок. Где искать полуптицу? В каком месте? Агрик провел в подземельях почти два месяца. Гамаюн мог решить, что юноша умер, и улететь, а мог и отправиться в пещеры сам. Что делать?

— Гамаюн! — позвал он еще раз.

Горы молчали.

Агрик склонился к отверстию пещеры.

— Эй, Крик! — позвал он. — Я немного пройду! Своего коня я оставил чуть ниже по склону — схожу проверю!

Проводник ждал его внутри. Из пещеры гулко донесся его ответ:

— Давай, малыш, только будь осторожен. Там день?

— Да.

— Будь осторожен вдвойне — пока светло, я не смогу прийти тебе на помощь!

Подхватив меч, Агрик бегом стал спускаться.

Что-то влекло его вдоль подножия горы, на склон которой он выбрался. Пекленцы рассказали ему, что в этой части гор входов мало — три или четыре, и отрок решил просто

проверить их все. Гамаюн должен ждать около одного из них или летать, как орел, высматривая человека.

— Гамаюн! — позвал он уже который раз.

Горы отозвались молчанием, но вот в небе появилась какая-то точка. Она закружила на одном месте и вскоре превратилась в огромную птицу. Ликующий крик долетел с высоты:

— Ты! Живой!

Сложив крылья, Гамаюн упал на снег, взметнув вихрь снежинок, и, помогая себе крыльями, заковылял навстречу Агрику, не переставая вопить во все горло:

— Живой! Вернулся!

Агрик и сам рад был увидеть его. Подбежав, Гамаюн неожиданно вскинул крылья и обнял отрока, ткнувшись ему в шею.

— Живой, — шептал он. — Вернулся... А я уж ждать перестал!

— Долго я отсутствовал?

— Больше месяца с тех пор, как началась зима. — Отстранившись, Гамаюн крылом обвел заснеженные горы. — Я решил — все, еще пару деньков — и улетаю в теплые края. — Взгляд его вдруг стал беспокойным. — А где Дажь? Он с тобой?

Скрепя сердце Агрик рассказал все, что узнал о судьбе Сварожича в подземельях Марены, добавив историю чары и то, что помочь ему вызвались коренные жители Пекла.

— Только Марена ведьма, — добавил он, — нам с ней не справиться. Ты не знаешь, Гамаюн, кто мог бы помочь? Ведь Дажь наверняка заколдован, если вообще жив. Ты знаешь кого-нибудь из народа хозяина, кто мог бы...

Гамаюн задумчиво ковырял лапой снег.

— Я попробую найти кое-кого, — тихо, но твердо пообещал он, — но вам придется переждать — путь мой не близок, да ему сколько добираться... Месяц или два пождите. Не будет вестей — значит, не смог я его найти.

— А кого?

— Да кто первый откликнется. У Даждя много братьев и друзей. Кого встречу и где — пока не ведаю, но ради друга я на все готов. Ты подожди! Я весть подам! — Он раскинул крылья. — Я полетел! Жди!

И Гамаюн взлетел прежде, чем Агрик успел сказать хоть слово.

Отрок провожал взглядом улетающую полуптицу, пока мог видеть ее в небе, а потом вернулся к терпеливо ожидавшему его Крику и рассказал все об обещании Гамаюна. Решено было ждать ровно два месяца, а потом начать действовать самим.

* * *

Для Гамаюна это было лучшим поводом начать поиски Велеса. Миновало много лет с тех пор, как они виделись в последний раз. Сын Земун пропал бесследно, о нем никто не мог ничего сказать, кроме того, что однажды, в день свадьбы своей возлюбленной, он нагло явился в замок и угнал стадо коров. Перун не смог их отбить, вернулся ни с чем и поклялся, что Велес дорого заплатит за это. Но поиски результатов не дали — Велес исчез вместе со стадом. Однако прошло целых семнадцать лет с того рокового дня, пора было все забыть, тем более что Перун несколько лет был в отъезде. В его отсутствие можно было что-то разузнать.

Гамаюн летел на север, не останавливаясь даже ночью. Никогда он еще так не спешил. Другу нужна была помощь, а самому ему хотелось увидеть отца.

Но первое, что он увидел, подлетая к замку Сварга, был силуэт огромного Ящера, который свернулся калачиком на крепостной стене, закрываясь крыльями от ледяного северного ветра.

Перун вернулся! У Гамаюна сразу опустились крылья — брат Даждя ни за что не поверит, решив, что весть о несчастье всего лишь уловка, чтобы отомстить. Точно так же будет думать и патриарх Сварг — ведь именно Гамаюн в тот далекий день принес весть о

несчастье с Даждем.

Гамаюн сделал круг над башнями. Нет, зря он явился сюда — он ничего не узнает, только потеряет время.

Отдыхающий Ящер приоткрыл один глаз, следя за птицей. Гамаюн, поняв, что его увидели, приостановился в воздухе, поприветствовав повелителя небес, а когда собрался улетать, то снизу послышался окрик:

— Глазам не верю! А ну-ка спустись!

Гамаюн послушно сложил крылья, присаживаясь на край стены. Через двор быстрым шагом шел Перун в кольчуге, но без оружия.

— Ты как сюда попал? — строго спросил он. — Давненько мы не виделись!

Сказать по правде, Гамаюн виделся с Перуном всего один раз — лет десять назад.

— Дело у меня, — ответил сын Сирина.

— Ко мне?

— Может, и к тебе, коли ты согласишься, — осторожно начал Гамаюн.

— Говори.

— С Даждем в Пекле беда, — выпалил Гамаюн главную весть. — Вот я и...

— Пришел меня на подмогу звать? — перебил его Перун. — Али успел позабыть, что когда-то такую же весть доставил? Я тогда сам чудом спасся! За старое принялся?

— Но это правда! Вот если бы ты слетал и узнал сам, что там творится...

— В Пекле пока что есть князь. Он мне о подмоге весть не слал. А ты совершь — не дорого возьмешь. Если это все, то лети-ка прочь, пока я добрый. Всю вашу породу — и тебя, и матушку твою, и Велеса — сколько себя буду помнить, не прощу!

— Значит, о Велесе ты ничего не знаешь? — воскликнул Гамаюн.

Уже повернувшись, чтобы уйти, Перун остановился.

— Как же, знаю, — ответил он. — Коли ты его ищешь, то знай — я твоего приятеля несколько дней назад проткнул копьем. Подкараулил на этих самых стенах!.. Теперь он либо издыхает в какой-нибудь уединенной пещерке в горах, либо разбился вдребезги, сорвавшись с утеса. Ищи его теперь!

Взмахнув на прощанье рукой, Перун через две ступеньки сбежал обратно во двор и скрылся.

Гамаюн замер, не в силах поднять крыльев. Вышло так, что он и правда не задержался здесь, разом узнав все, что хотел. Ветер трепал встопорщенное оперение, толкал сзади, стараясь сорвать со стены, а Гамаюн сидел как потерянный, уставясь в одну точку, и только шептал одними губами:

— Какая жестокость..

Если бы можно было повернуть время вспять, он бы не стал раздумывать — в открытую встал на сторону матери и Велеса, может быть, сам сражался с Перуном... Как доказать, что он изменился? Но таких, как он, наполовину зверей, наполовину людей, недолюбливали во все времена. Разве только Стривер? Он сам сын птицы, да еще и родной сестры Сирина!.. Нет, Гамаюн помнил ту погоню в горах, и Стривер вряд ли ее забыл. А Смаргл? Он был ребенком! Но и он тоже может кое-что припомнить. Все Сварожичи имеют на него зуб, любой заподозрит ловушку. Гамаюн почувствовал отчаяние.

...Из горьких раздумий его вывели легкие торопливые шаги. Он встрепенулся. По парапегу, обеими руками придерживая у горла плащ, шла молодая женщина. Капюшон, обитый мехом, скрывал ее лицо, но наружу выбивалось несколько прядей выющихся медно-рыжих, как у Перуна, волос. Ярко-зеленое с алым и черным шитьем по подолу платье виднелось из-под плаща. Женщина в другой руке несла что-то под полой, стараясь, чтобы этого никто не увидел. Путь ее пролегал к одинокой башне, где, насколько помнил Гамаюн, обыкновенно жили незамужние девушки. Эта башня именовалась Девичьей.

Лапы полуптицы затекли на холодных камнях. Гамаюн пошевелился, и шорох его оперения привлек внимание женщины. Она остановилась, не дойдя до него двух шагов, и подняла глаза. Черты ее лица так напоминали Перуна, что Гамаюн растерялся — то же

правильное лицо, высокий лоб, ровные губы и зеленые глаза. Несомненно, это одна из его сестер — оставшаяся незамужней Жива. Ее нежная красота начала блекнуть, но она все еще была привлекательна.

— Кто ты? — спросила она. — Человек или птица?

Гамаюн поежился, поводя человечьими плечами.

— Ни то, ни другое. Я Гамаюн, сын Сирина. Моя мать — враг Перуна.

— Он вот уже несколько дней ничего не видит от ненависти. — Женщина с опаской оглянулась на двор. — Если он найдет здесь тебя...

— Убьет, — закончил Гамаюн. — Мы только что виделись!

Жива ахнула.

— Тогда тебе повезло, — быстро шепнула она, подходя ближе. — Он словно слепой. Даже Ящер — и тот с ним в ссоре. Только Дажь мог бы его приструнить, да где он теперь?

Гамаюн решил. Воровато оглянувшись, он наклонился к женщине как можно ниже.

— Я весть о Дажде принес, — шепнул он. — Хотел ее Перуну сказать, да только не поверил он мне — ответил, что я нарочно его подманить хочу. А Даждю помощь нужна!

Он вдруг замолчал, потому что Жива побелела так, что проступили давно исчезнувшие веснушки.

— Дажь в беде? — прошептала она.

— Да. Мне передали, что Марена... Прости, но я не могу тебе все сказать. Я хотел найти тут кого-ни- будь, кто поверит мне, но я когда-то им всем насолил, и теперь меня никто не хочет выслушать.

Жива кусала губы, осторожно оглядываясь по сторонам. Наконец решившись, она дотронулась до лапы Гамаюна.

— Можешь мне не верить, — прошептала она, — но если ты подождешь до ночи, то я, пожалуй, смогу найти здесь того, кто выслушает тебя! Я приду на это самое место, когда солнце скроется во-он за теми горами. Ты будешь ждать?

Терять Гамаюну было нечего, и он согласился.

Жива уже побежала дальше по своим делам, когда он окликнул ее:

— Госпожа!

— Что?

Вскочив со стены, он подковылял ближе.

— Я долго летел, устал... У тебя не найдется чего-нибудь...

— Понимаю, — кивнула Жива. — Что ты хочешь?

— Мяса!

* * *

Остаток дня Гамаюн проторчал на крыше Девичьей башни, прячась от обитателей. Перун мог увидеть его и решить, что тот и впрямь замышляет недоброе. Живу он за день видел всего единожды — она вынесла ему на подносе жареного мяса и убежала.

Наконец небо потемнело. В окнах замка зажглись огни, на стенах показалась стража. Гамаюн осторожно соскользнул на крепостную стену, где и замер, топорща перья в тщетной попытке согреться. Он здорово замерз и с содроганием думал о предстоящей ночи в объятьях северной суровой зимы.

Легкая тень появилась совершенно неслышно и напугала бы Гамаюна, если бы ее не выдал скрип снега под сапожками.

Жива подбежала, взволнованно дыша.

— Ты готов? — спросила она. — Поклянись мне, что никому не скажешь того, что видел.

— Я не скажу даже Велесу, когда его увижу, — пообещал Гамаюн. — Я на все пойду ради Даждя — он первый, кто мне поверил!

— И я иду на это ради Даждя, — молвила Жива. — Идем!

Она пошла впереди, указывая путь. Гамаюн, переваливаясь, шел за нею.

Женщина провела его внутрь Девичьей башни и повела по путаным полутемным переходам. Когда-то здесь, весьма, впрочем, недолго, жили четыре девушки — три сестры Перуна и Дива-Додола. Теперь же, после свадьбы трех из них, в башне осталась одна Жива. Идя за нею неосвещенными коридорами, Гамаюн поневоле начал бояться за свою участь.

Они остановились перед дверью, из-за которой лился слабый свет. Сделав Гамаюну знак подождать, Жива скользнула внутрь. Прижавшись ухом к двери, сын Сирина внимательно прислушивался — он различал голос женщины и еще чей-то приглушенный низкий голос, но не мог разобрать ни слова.

Наконец дверь распахнулась, и женщина пригласила войти.

Шагнув с порога, Гамаюн застыл, не веря своим глазам.

Просторная чистая комната была разделена на две половины. В дальней, почти не освещенной, стояла широкая кровать. На ней, обложенный подушками и прикрытый шкурами, полулежал Велес. Правое плечо его и часть груди были забинтованы, но он был жив. Иссиня-черные глаза его сверкнули, когда он увидел Гамаюна.

— Вот он, — сказала Жива, ни к кому не обращаясь.

Гамаюн почувствовал, что у него подкашиваются лапы.

— Отец! — Он, наверное, впервые в жизни произнес это слово и бросился к нему, распахнув крылья.

Велес, приподнявшись, обнял его здоровой рукой...

На рассвете Гамаюн покинул замок патриарха Сварга. Велес обещал последовать за ним, едва подживет рана.

Агрик начал делать зарубки на рукояти своего меча еще в памятный день разговора с Гамаюном, а потому срок для него истек раньше, чем для пекленцев. Он не прекращал повторять, что они теряют драгоценное время, и наконец добился своего. Падубу просто пришлось пойти с ним — иначе отрок запросто отправился бы один.

Дорог к Столбовому залу, где издавна оставляли тела казненных преступников, было несколько, но все они были длинные и трудные. Самой простой была та, по которой в тот день прошли Марена и Кощей. Но начиналась она в самых владениях чародейки. Решили идти по ней — потому что Падуб лучше знал именно ее.

Чем ближе подбирались заговорщики к границе земель Марены, тем мрачнее было в Пекле. Кощей заполучил себе самые жуткие и неосвоенные уголья, где бродили твари, для которых даже у пекленцев было одно название — Ужас Глубин. Описать, как выглядят населявшие эту часть Пекла твари, не мог никто — поскольку никто не возвращался оттуда живым.

— Дождались бы вести от твоего Гамаюна или посланного им чародея — и пошли бы общей тропой, — ворчал Падуб. — Чародей бы нас защитил от любых тварей. А теперь придется рисковать.

— Струсил, да? — зашипел на него Агрик. — Предатель! Ты и хозяина небось так же предал — шкуру свою спасал!

— Да не трус я! — защищался Падуб. — Просто она может догадаться, что я уцелел неспроста, и опять меня заколдует, а этого я больше смерти боюсь! Прикажет тебя убить — и ведь убью, глазом не моргну! А то повелит казнить... Тебя не казнили?

— Два раза, — ответил Агрик, — но тогда Тарх меня спасал.

— Вот именно. А теперь нам надо так действовать, чтобы и самим не попасться, и его выручить.

Этот разговор происходил на самой границе, до которой они добрались без приключений. Патруль нежити, что сторожила этот участок, проводил их в укромное место. Оттуда была отлично видна часть пещеры, за которой начиналось почти крытое ущелье, где стоял дом Марены. Там, в ее подвалах, и начинался их путь.

— Боюсь, она его охраняет, — опять нарушил молчание Падуб.

— От кого? Не от тебя ли? Ты мертвец, а про меня она не знает!

— Не важно, от кого! — возразил холоп. — Я сам у нее подземные ходы охранял — тогда она никого не прятала. А теперь, когда она там Дажда замуровала, так ей сами боги велели стеречься! Должна же она понимать, что его будут искать... Стой! Я, кажется, придумал!

Падуб указывал вниз, на подножие склона, над которым нависала их терраса. Там, среди камней, что-то двигалось. Приглядевшись, заговорщики увидели нескольких часовых, которые неторопливо шли вдоль стены. Они растянулись длинной цепочкой и явно не ждали нападения.

— Да они чуть не спят в дозоре! — воскликнул Агрик. — Как же Пекло их не уничтожит?

— Их уничтожишь! Вон, гляди!

Агрик посмотрел, куда велено. Меж камней светились какие-то огоньки. Приглядевшись, отрок узнал в них звериные глаза.

— Оборотни, — пояснил Падуб. — Они чужака издали чуют, а сами не высовываются, чтоб в случае нападения остаться целыми и успеть знак подать. Мимо них не пройдешь, но я знаю одну штуку... Давай-ка вниз!

Падуб первым, в открытую перевалив через край, стал спускаться по склону. Агрик ужаснулся его смелости, но возразить не успел — тот вдруг дернул его за собою и двинул по уху так, что отрок взвыл.

— Ты чего дерешься? — накинулся он на проводника.

— Делай как я, — шепнул тот. — Мне надо, чтоб нас заметили. Если все выгорит, то они нас сами проводят на двор, а там — поглядим!

С этими словами он взревел и подмял отрока под себя.

Агрику казалось, что его спутник сошел с ума. Падуб с перекошенным лицом вдохновенно душил его, но подмять под себя у него не получалось — оба приятеля покатались по склону, увлекая за собой камни.

Отряд заметил их. К ним бросились и растащили прежде, чем противники докатились до земли.

Падуб извивался в держащих руках и вопил, брызгая слюной и бешено вращая глазами:

— Пустите меня! Дайте мне до него добраться!

Растерявшийся и немного испуганный, Агрик молчал.

— А ну-ка, стойте, бузотеры! — прикрикнули на них. — Устроили драку, а сами...

Говоривший осекся, во все глаза уставившись на Падуба.

— Ого, Падуб! Откуда взялся? Хозяйка сказала, что ты того — удрал!

— Удерешь тут, как же! — беззлобно огрызнулся Падуб. — Куда мне бежать? Я был в тайном дозоре, дело исполнял, которое не для ваших ушей назначено, да вот его повстречал... Смотрю, вертится кто-то подозрительный, высматривает все. — Падуб зло прищурился на остолбеневшего от таких слов Агрика. — Ну, я его подкараулил, скрутил, хотел отвести, сдать кому надо, пускай разбираются, а у меня свое дело есть. Почти уж дошел, да только он на меня накинулся, придушить хотел...

— Врет он все, — не выдержал Агрик. — Сам же на меня кинулся!

— А ты поговори еще. — Державшие его дружинники заломили Агрику руки назад. — По виду ты чужой, так, может, чего против хозяев замыслил? Ну, говори живо, пока спрашивают! Потом сам молить будешь, чтоб позволили слово сказать!

— Пуганый я, не боюсь, — огрызнулся Агрик.

Падуб почти успокоился, только дышал тяжело.

— Вы бы, други, проводили его ко двору-то, — обратился он к дозорным, — а я чуток передохну и дальше своей дорогой отправлюсь. Недосуг мне!

— Этого мы проводим, — пообещал старший, — а ты что ж, не пойдешь к хозяйке докладывать?

— Не, — мотнул головой Падуб. — Дело непростое попало. Пустите меня, братцы!

Он вывернулся было, но воины лишь крепче вцепились ему в локти. Старший оглядел

его внимательным взглядом.

— Чего ж ты тут околачивался, коли у тебя где-то там дело осталось? — молвил он. — Ой, темнишь, темнишь!.. Прогуляйся-ка с нами!

Падуб начал было громко возмущаться, но Агрик уже понял, что ничего не получилось. Дозорные не поверили.

У пленников отобрали оружие. Длинный меч Даждя, который нес с собой Агрик, долго переходил из рук в руки. Воины цокали языками, разглядывая диковинку, пробовали его силу и крепость, приставали с расспросами, откуда у них такое оружие. Агрик счел за лучшее промолчать, но Падуб уже вылез вперед и сообщил, что этот меч и есть одна половина его тайного дела, за которым он лазил аж к самому князю Волхову. На сей раз ему не поверили совсем.

В окружении стражей с обнаженными саблями они отправились ко двору.

— Прости, — шепнул Агрику Падуб. — Не рассчитал я немного. Это все колдовство Марены. Ты молчи и на своем стой, а лишнего не болтай. Я попытаюсь тебя выгородить, а ты ночью уходи. Не получится у меня сбежать — возвращайся назад. Тогда с мастером Криком другой дорогой пойдете. Это дольше и опаснее, зато наверняка.

— Погоди причитать, — оборвал его Агрик. — Я-то, чай, не заколдованный пока!

— А от ее колдовства не спастись, коль она решится!

— Не болтать! — прикрикнул на них старший.

Опасаясь, что пленники могут о чем-то сговориться, их разделили. Теперь каждого окружало кольцо наемников.

Из-за широких спин и плеч Агрик не разглядел самого двора. Увидел только под скалой строение, похожее на крепость, огороженное стеной из плотно пригнанных глыб. Черепа подземных тварей торчали на верхушках, скаля чудовищные пасти.

Охрану несли оборотни и несколько тварей-полукровок. Они настороженно оглядели пленников, и Агрик почувствовал, что под их взглядами волосы у него встают дыбом.

Просторный двор был вымощен камнем. Со всех сторон его окружали высокие стены и надворные постройки, а надо всем этим возвышалась гора, к которой прилепился терем. Вероятно, добрая половина его покоев находилась под землей. Строение поражало своей величественностью, но от него веяло страхом. Падуб сжал зубы, сдерживая дрожь.

Их остановили у высокого крыльца, и старший помчался докладывать хозяевам о поимке. Пользуясь передышкой, Падуб обратился к Агрику.

— Бежать тебе надо, — одними губами произнес он. — Пока они не вышли. Я смерти не боюсь, а ты жить должен.

Один из наемников замахнулся на него, и юноша замолк, послушно опустив глаза.

Агрик и сам чувствовал, что он долго тут не задержится. Не для того он тогда, в подвалах Ехидны, давал себе зарок больше не попадаться. Хватит с него!

Он осторожно огляделся, делая вид, что его снедает любопытство. Они стояли у крыльца, на самом виду, и все, кто ни проходил, озирали их внимательными взглядами. До ближайшего угла, куда можно было нырнуть, он не добежит — вон сколько дозорных со стен смотрит. А у каждого лук, да оборотни-псы его след наверняка учуют.

Падуб заметил его взгляд.

— Направо... — услышал Агрик его шепот.

Послушно повернув голову, он увидел стену терема. Она тянулась прямо, без углов и выступов, до того места, где соединялась со скалой. Приглядевшись, отрок увидел в стене низкую дверцу. Вход в подземелье?

Его толкнули в спину — на крыльце показался хозяин.

Агрик впервые видел Кощея и уставился на него во все глаза. Он не ожидал, что враг Даждя будет так молод — наверное, ровесник Падубу. Одетый просто, Кошей стоял на верхней ступеньке, засунув ладони за пояс. Видимо, он только что вышел из-за стола, потому что узкое, изрытое оспинами и ранними морщинами лицо его хранило сытое выражение. Но когда его взгляд упал на пленников, глаза сразу стали ледяными.

— Ты жив? — прошептал он, глядя на Падуба.

Бывший холоп закусил губу. По капелькам пота, внезапно выступившим на висках Падуба, Агрик догадался, что тот борется с собой.

Глаза пекленца полыхнули огнем сдерживаемой ненависти.

— Простите, — выдавил он.

Кощей не шевельнул и пальцем — он словно превратился в истукана, но Падуб вдруг упал на колени и завалился на бок, корчась в судорогах. Белое лицо его исказилось от ужаса, глаза вылезли из орбит, оскаленные зубы стучали. Он попытался что-то сказать, но из горла его вырвался только хриплый стон.

Агрик шарахнулся прочь, едва судорога скрутила Падуба. Наемники стояли, во все глаза глядя на кару, и не все сразу отреагировали на порыв отрока. Но потом чьи-то руки подхватили его и бросили на землю подле корчащегося Падуба.

Агрик споткнулся о бьющееся на земле тело и с трудом удержался на ногах. Какая-то сила заставила отрока поднять глаза на Кощея — и в тот же миг он понял, что больше не боится.

— Ты! — услышал он свой звенящий от ненависти голос. — Ты не сможешь победить нас! Падуб мой друг, и Тарх тоже. А тебя я ненавижу, и ты умрешь. Я ли тебя убью или нет, сейчас или потом, но ты горько пожалеешь о том, что сделал! Я ненавижу тебя и не боюсь!

Холодный взгляд Кощея впился ему в лицо. Горячая волна толкнула Агрика в грудь, но он устоял и только пошире расставил ноги, чтобы сохранить равновесие. Взгляд врага причинял почти физическую боль, выжигая слезы из глаз. От него кружилась голова и дурнота подкатывала к горлу. Судорога схватила живот, и Агрик понял: если не выдержит, сломается, то с ним случится то же, что и с Падубом, который извивался у его ног так, словно его изнутри пожирал огонь.

Он сам не знал, откуда у него взялись такие силы, но внезапно Агрик почувствовал, что способен действовать. Со скрученными за спиной руками это сделать, конечно, было невозможно, но он, прищурившись, закатил Кощею такую воображаемую оплеуху, что тот вдруг и в самом деле дернулся, как от удара!

Этот рывок отнял у Агрика все силы, и он рухнул на колени. Ударившись виском о землю еще пару раз, Падуб наконец затих. Глаза его были невидяще распахнуты, меж стиснутых зубов стекала струйка крови.

Перед глазами Агрика прыгали разноцветные искры, в ушах звенело. Он не слышал, что сказал Кощей, но их подняли и поволокли куда-то.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Его втокнули через маленькую дверку в подвал. Сверху скинули тело еще не пришедшего в себя Падуба. Агрик не успел оглядеться, как вошли охранники. Подхватив обоих узников, они поволокли их прочь от входа. К тому времени, как их догнал наемник с факелом, уже стало ясно, что охранники идут по лежащим вповалку на полу людям, закованным в кандалы.

Отовсюду слышался робкий ропот разбуженных людей, но град ударов, посыпавшийся на недовольных, быстро погасил возмущение. Новичков подтащили к столбу; одному из тех, что поддерживали потолок, и бросили, на пол. Кто-то, придавленный тяжестью Агрика, поспешил отползти в сторону. В следующую минуту факел ярко осветил склонившихся над отроком людей. На запястьях и щиколотках Агрика и Падуба защелкнули браслеты, и наемники удалились, оставив узников в полной темноте.

Некоторое время в подвале царил полная тишина, нарушаемая только приглушенным дыханием и храпом двух-трех узников, слишком утомившихся за день, чтобы их могло пробудить ночное вторжение. Это дало Агрику время полностью прийти в себя, а его глазам — привыкнуть к темноте. Единственным источником света оказались небольшие щели в деревянной двери. Тонкие серые лучи — на Кошеевом дворе царил вечный полумрак —

позволяли при известной сноровке разглядеть огромное подземелье, стены которого растворялись в темноте, а низкий сводчатый потолок поддерживали толстые столбы, к основанию которых крепились цепи узников. Люди лежали словно серая масса, шевелящаяся и позвякивающая кандалами. Воздух здесь был спертый и теплый, а воняло хуже, чем от нежити. Агрик не выдержал и закашлялся, зажимая нос рукою.

Рядом кто-то задвигался.

— Что, непривычно? — беззлобно усмехнулся хриплый голос.

— Ага, — согласился Агрик гнусаво — отнять руку от носа было выше его сил.

Рядом что-то задвигалось. Из темноты появилась рука, которая осторожно, как слепая, ощупала лицо, голову, шею и плечи новичка.

— Да ты совсем ребенок, — удивленно протянул ее обладатель. — Тебя-то за что?

— За хозяина, — не счел нужным таиться Агрик. — Мы с Падубом его выручать отправились, да только не заладилось у нас. Сами попались к Кощею. Падуба он сгубил, а я не дался. Как я теперь без него хозяина сыщу, если только он один дорогу к нему знает?..

Собеседник склонился к лежащему без чувств пекленцу.

— Успокойся, — объявил он. — Коль он мертв, не стали б они его в кандалы заковывать — сразу бы оборотням на съедение отдали. Здесь с этим строго!

Агрик слышал, как чужие руки ощупывают лицо и грудь Падуба.

— Дышит, — сказал незнакомец. — Что он такое с ним сотворил?

— Того не ведаю, — сознался Агрик. — Но Падуб говорил, что когда-то был заколдован Мареной, а потом сбежал. Теперь, видать, старое чародейство себя и проявило. Кощей и меня пытался вот так же, да не смог.

— Ври теперь, — фыркнул собеседник. — Что Кощей взглядом убить может, про то всем известно, но, чтоб у него ничего не получилось — не было такого отродясь!

— Я не вру! — обиделся Агрик и выложил не чинясь все, что приключилось на крыльце.

Когда он замолчал, в подвале установилась завороченная тишина. Узники придвинулись ближе, так что даже на затылке Агрик ощущал чье-то жаркое дыхание.

— Вот это да! — восхищенно выдохнул наконец его собеседник. — Да ты, парень, чародей! Знаешь, что ты сделал?.. Ты же сразился с колдуном! И победил!

Узников словно прорвало — со всех сторон тянулись руки хлопнуть отрока по плечу или хотя бы дотронуться. Оказалось, его рассказ слушали почти все, и теперь из дальних углов доносились восторженные восклицания.

— Да ну вас, — отворачивался Агрик. — Какой я чародей! Тарх говорил мне, правда, что есть во мне что-то такое, и даже пробовал кое-чему выучить, но у меня ничего не вышло. Наверное, это от меня не зависит... Но если бы я был чародеем, я бы уж наверняка выручил хозяина и не оказался бы здесь!

Конец неприятному разговору неожиданно положил Падуб, Пекленец вдруг застонал и пошевелился. Агрик и незнакомец склонились к нему, приводя в чувство.

Падуб долгое время лежал неподвижно, но потом медленно повернул голову и прошептал:

— Где мы?..

— Все хорошо, — воскликнул Агрик. — Ты живой, а это главное!

Падуб попытался пошевелиться, но застонал от боли.

— О-о... Что со мной было?.. Я чувствовал, что меня словно разрывает изнутри...

— Это Кощей с его чарами, — объяснил Агрик. — Просто чудо, что ты жив! Но теперь ты придешь в себя, и мы что-нибудь придумаем. Мы еще выйдем отсюда, вот увидишь!

Остальные узники недовольно зашевелились, забормотали.

— Выйдешь отсюда, как же, — проворчал кто-то невдалеке, и его поддержало несколько голосов. — Оборотням на корм!.. Отсюда еще никто не выбирался!

— Ты забыл, что он чародей? — возразил говорившему давешний незнакомец. — У него может получиться.

— Да какой я чародей, — поспешил разуверить его Агрик. — Так себе! Сам во всем виноват — уговаривал меня мастер Крик переждать, пока придет подмога, а я не послушал. Отсюда-то мы выберемся как пить дать, а вот хозяина как разыскать...

— Я сыщу, — еле слышно прошептал Падуб, — это мой долг за отца. Ты меня только выведи, а уж там я сам...

— Да какое «сам», когда головы поднять не можешь! — осадил его незнакомец. — Тебе теперь несколько дней отлеживаться надо, да хорошо, если на рассвете не погонят на работу! Коль не встанешь, получишь плетей, а то и насмерть запороть могут, раз ты успел Кощею насолить.

— Умру, но найду, — твердо пообещал Падуб.

— Что он такое говорит? — поинтересовался незнакомец у Агрика.

Люди, что были здесь, вряд ли стали бы выдавать его тайны врагам, а потому Агрик подробно рассказал слушателям о благодеянии его хозяина отцу Падуба и о его дальнейшей судьбе. Незнакомец слушал внимательно, не перебивая и словно что-то вспоминая из прошлого. В темноте отрок не мог разглядеть черты заросшего грязной бородой лица, но запавшие глаза сверкали из-под спутанных волос странным блеском.

Когда Агрик выложил все и замолчал, тот покачал головой:

— За твоим хозяином, как я понял, тоже охотился Кощей?

— Что значит — «тоже»?

— Знавал я одного человека с севера. Он тоже был немного чародеем, — вздохнул незнакомец. — Из-за него я тут и оказался. Даждем его звали, домой спешил...

— Даждь? — не поверил своим ушам Агрик, — Даждь Тарх Сварожич?

— Ну да, а ты откуда его знаешь?

— Так он мой хозяин и есть! — воскликнул Агрик. — Ты как сюда попал?

Незнакомца словно подменили — от этого вопроса он сразу постарел, сгорбился.

— Дома звали Арагастом, — осевшим голосом заговорил он. — В наследство от отца мне достался замок. Я поселился там с женой и сестрой. Потом родилась дочка... А Даждь приехал ко мне осенью — уж не помню, год или два назад: тут время исчезает... Я принял его, как положено по закону, приютил. На рассвете он уехал, хоть я и просил его остаться. А через некоторое время после его отъезда на мой замок напал Кощей. Мои слуги оказались бессильны против его воинов и колдовства. Он захватил нас... Моя жена и дочка погибли в огне, а мне Кощей сохранил жизнь, потому что надеялся с моей помощью захватить Даждю. Я отказал ему, более того — мне и моим людям, кто уцелел, удалось помочь бежать одному из нас в надежде, что он найдет Даждю и предупредит его о ловушке... За это меня и оставшихся в живых заковали в цепи и сделали рабами, а мою сестру отдали на потеху воинам... Она умерла... Сначала нас было четырнадцать, но теперь только шестеро — здесь долго не выдерживают...

Арагаст умолк. Вокруг задвигались люди, подсаживаясь ближе, — судя по всему, выжившие слуги разрушенного замка.

Падуб собрал силы и приподнялся на локте.

— Помоги мне, господин, а я помогу тебе, — попросил он.

Арагаст посмотрел на него долгим взглядом:

— Ты готов сражаться?

— У меня нет другого пути. Агрик сказал верно — мы что-нибудь придумаем. Нам бы только спуститься в Пекло...

Арагаст отвел глаза от его умоляющего взгляда и обернулся на теснящихся вокруг людей. Лицо его неуволимо изменилось, он выпрямился и вдруг оказался еще молодым и полным жизни человеком — ненамного старше Падуба.

— Мы им поможем, — тихо, но твердо сказал он. — Поможем, даже если придется отдать жизнь ради мести. Все, кто верен данной мне клятве, должны последовать за мной. Это приказ!

С ним никто не спорил, только в дальнем углу кто-то проворчал о горстке безумцев,

которым надоела жизнь.

* * *

Крик потихоньку предупредил друзей и знакомых о госте, который должен явиться в Пекло от имени и по поручению Гамаюна. Не зная ни кто он такой, ни чего от него можно ожидать, Крик весьма скептически относился к уверениям Агрика, а после того, как отрок и Падуб ушли, и вообще перестал верить, особенно в явление настоящего чародея. И продолжал так думать до тех пор, пока однажды к нему не примчался гонец — в Пекло через центральные ворота ворвался весьма подозрительный на вид всадник и утверждает, что его прислал на подмогу Гамаюн. Сейчас он полным ходом движется сюда.

Принять его в доме Крик не мог — Чудо второй день не поднималась, ожидая родов, а потому он сам поспешил навстречу незнакомцу.

Тяжелый грохот копыт боевого коня он слышал еще за два поворота, но все равно не успел приготовиться, когда всадник галопом налетел прямо на сторожевой пост. Увидев его подсвеченный факелами рогатый силуэт, Крик шарахнулся прочь и пятился до тех пор, пока не уперся спиной в стену.

Это был Велес — кошмар его детства, виденный им всего единожды издалека, но запомнившийся на всю жизнь как человек, приведший врага в Пекло. Осадив коня так, что могучее животное жалобно застонало от боли, неистовый всадник безошибочно ткнул обнаженным мечом в Крика, признав в нем главного:

— Меня послал Гамаюн. Здесь меня должны ждать. Где эти люди,?

— Не дождались, — честно ответил Крик. — Пять дней как ушли.

— Тогда ты мне скажи, в чем там дело. С тобой они говорили? Что ты знаешь?

Отпираться и врать смысла не было, и Крик выложил все, что знал о расположении позиций отрядов Кощея и границах его владений. В конце он счел нужным сказать о том, что может твориться в тереме Марены и что может ждать там неосторожных парней, и, когда он замолчал, лицо Велеса исказила знакомая Крику по прошлому маска бешеной ненависти — но на сей раз направлена она была против их общего врага.

— Что ж, — мрачно промолвил Велес, дослушав, — надо спешить. Собирай всех, кто сможет и захочет, — и за мной. Выступаем сейчас же! Я ждать не буду!

Его низкий бас волной прокатился под сводами пещеры. Всадив шпоры в бока завизжавшего коня, он тяжело поскакал дальше.

Крик посмотрел ему вслед и вытер взмокший лоб.

— Если это правда и его действительно позвал Гамаюн, — сказал 'он стоящим подле воинам, — то я не завидую Кощею. Он же его на части голыми руками разорвет!

* * *

Сон пленников прервали внезапно — громко хлопнула дверца, и визгливый лающий голос оборотня-полукровки приказал протирать глаза. Несколько охранников тут же спрыгнули в подвал и пошли прямо по лежащим людям, будя их пинками, а проснувшимся раздавая удары направо и налево. Доставалось каждому, без разбора. Вскочивший от толчка предусмотрительного Арагаста Агрик рванулся было прикрыть от удара Падуба, но его оттащили за шиворот, как щенка, а на распростертого пек- ленца посыпался град ударов. Тот терпел, стиснув зубы, и только отворачивался, чтобы не попало по глазам.

— Да что вы творите! — закричал было Агрик, бросаясь под плетъ.

Охранник пинком отшвырнул его прочь. Пользуясь мигом передышки, Падуб перевернулся на живот.

— Ага! Что я говорил! Все он может! — завопил наемник, снова принимаясь за дело. — Ты у меня встанешь или сдохнешь, человеческая падаль! — Охранник был полукровкой-оборотнем.

Рабы, сгрудившиеся вокруг Арагаста и Агрика, недовольно заворчали, а к развлекающемуся наемнику поспешили присоединиться остальные охранники.

— Что там еще? — донесся недовольный голос от двери.

Старший надсмотрщик не спеша и с явной неохотой спустился в подвал. Подле него шли такие великаны, что и охранники смешались. Полукровка напоследок пнул Падуба ногой и процедил сквозь зубы:

— Тут падаль одна подыхает. Прикажи забрать, пока совсем не испустил дух!

— Они слабых иногда сами убивают, не дожидаясь, пока те умрут, — шепотом объяснил Агрику Арагаст. — И едят сырыми. Жарят только тех, кто сам умер...

— Молчать! — рявкнул кто-то над ними. — Плетей захотели?

Старший надсмотрщик подошел, осветил факелом распростертого Падуба, жестом приказал перевернуть и долго изучал лицо затаившего дыхание пекленца. Наконец он выпрямился — это оказался чистокровный оборотень, во в его раскосых, янтарного оттенка глазах засветилось что-то похожее на понимание.

— Это вчерашний новичок, — объяснил он наемнику-полукровке. — Его сам хозяин пытал. Оставь его — если завтра не встанет или хозяин о нем не вспомнит, вот тогда и возьмете. А до поры пусть полежит здесь.

Агрик был готов поблагодарить оборотня, но охранники уже засуетились, сгоняя рабов в кучу.

— Меня держись. — Арагаст крепко сжал ладонь Агрика. — Я полночи думал над твоим рассказом. Придет время — кое-что покажу!

Болтунам вновь пригрозили плетью, и Агрику не удалось узнать, что задумал его новый друг.

Выделив каждому по куску хлеба и не дав времени даже спокойно поесть, рабов погнали через двор терема. Плетни свистели, заставляя рабов бежать сломя голову. Тяжелые и неудобно закрепленные цепи мешали при каждом движении, на споткнувшегося или упавшего тут же обрушивался град ударов — охранники не могли простить, что одному из них не дали поразвлечься, и теперь вымещали досаду на остальных невольниках.

Агрик не замечал ничего — тревога о Падубе, что может умереть от побоев или от ножа обозленного охранника, не давала ему покоя. На пекленца была вся надежда.

Отрок не заметил, как их спустили еще глубже под землю, в мрачные подвалы, где стоял еще более спертый воздух, насыщенный едкими запахами, по сравнению с которыми вонь в их сарае казалась цветочным ароматом. Пока охранники не внесли факелы, тут стояла такая темень, что только рука Арагаста на запястье не дала отроку потеряться. Натыкаясь на стены, они вместе с еще несколькими пленниками пробирались вглубь. Агрик машинально ухватился за что-то, попавшее ему в руки, и только потом, когда над головой закачался небольшой светильник, увидел, что стоит в тупике у стены, а в руках у него заступ. Арагаст подмигнул из-под гривы спутанных волос:

— Не робей!

Пользуясь тем, что охранник не смотрит на них, он коротко сообщил Агрику цель работ: Марена — чародейка и утверждает, что под землей, где-то в этом месте, есть особая руда, которую они и роют. Пекло ведь в незапамятные времена не на пустом месте возникло — здесь эту руду вначале добывали, да всю выбрали, а чародейка наверняка ведает, что немного осталось — как раз на их нужды. А может, дело вовсе не в руде, а просто известно: глубже Пекла тоже пещеры есть, а что там таится — про то знать нельзя. Может, клад какой или что еще — хозяева разве скажут!..

Окрик прервал их разговор, и полдня Агрик только и делал, что махал заступом на пару с Арагастом и еще одним рабом, в то время как остальные оттаскивали землю назад. Совсем рядом, за стеной, точно так же трудилась другая группа рабов, и подле нее также дежурил охранник, всегда готовый наградить замешкавшегося ударом плети.

Агрику как новичку попадало чаще прочих. Стараясь не подавать поводов для порки, он работал, не жалея себя, и когда наконец объявили короткий перерыв, он без сил опустился

на землю. Все тело гудело, руки словно отнялись, а перед глазами плыла кровавая муть.

Арагаст присел рядом, потрепал за плечо.

— Не рвись так, — одними губами произнес он. — Тебе ж еще бежать!

Агрик был так удивлен его словами, что открыл глаза. После работы в ушах стоял противный звон, и ему показалось, что он неверно расслышал слова Арагаста.

— Бежать? — переспросил отрок.

— А то нет? — Бывший владелец замка внимательно следил из-под прикрытых век за охранником, но тот отошел подальше от забоя, где воздух был немного свежее. — Думаешь, где мы землю роем? Только ли под теремом ходы копаем невесть для чего?.. А что там, за стеной, как думаешь?

— А что?

— Пещеры Пекла! Был бы тут приятель твой, Падуб, он бы понял сразу, что к чему. Пек ленцы с камнем, почитай, родня. Любой из них по одному виду стен сможет сказать, как далеко отсюда природные пекленские пещеры и в какую сторону надо ход рубить! Мне все это рассказал один — он из Пекла был, всего два дня поработал и ушел. Как — никто не понял. Растворился в камне — и все тут! Но успел, однако ж, мне поведать кое-что. Нам бы Падуба поднять да сюда на денек — он бы по приметам живо отыскал нужное место, где раз копнешь — и свободен!

Агрик, забыв про усталость, во все уши слушал Арагаста.

— А ты приметы эти знаешь? — наконец выдохнул он.

— Одну всего, — сознался Арагаст. — Прочие мне тот человек называл, да я подзабыл... Красные камешки, похожие на песок, что-то должны означать. Как в земле увидишь вроде алого подмешано, так знай — близко пещера. Только вот в какую сторону от того места копать — не помню. Пекленец с камнем шептался, слушал его, а тот ему на своем языке вещал. Найти бы те камешки, шепнул бы им Падуб пару слов — и ушли бы вы в тот же день!

Агрик вскинул голову. Спасение так близко — за стеной!

Когда их подняли на работу, он уже не старался из последних сил, а внимательно следил за камнем перед собой. За нерасторопность ему несколько раз попадало от охранника, но боль и усталость как-то сразу исчезли, когда после очередного удара острием заступа осыпавшаяся земля заискрилась алым.

— Арагаст! — зашептал Агрик, не веря своим усталым глазам. — Погляди — алый песок!

Тот размахнулся так, словно намеревался с одного удара пробить заступом всю скалу насквозь, но выпрямился не сразу, а натужно, как старик, закашлялся, опираясь на стену. Ноги его подогнулись, и он бы упал, если бы Агрик не подставил ему плечо.

— Не ори! — шепнул ему Арагаст, за шею притягивая голову отрока к себе. — Место заметь, чтоб завтра не ошибиться.

Он опять подмигнул Агрику и вдруг твердо встал на ноги, делая вид, что приступ слабости прошел. Отрок отступил и снова принялся за работу, но теперь уже смотрел во все глаза.

* * *

Велес подъехал к терему Марены в открытую — все равно боевого коня не спрячешь в камнях. Не таясь и словно нарочно торопясь оповестить о своем прибытии как можно больше народу, он издали распознал сторожевые посты и ехал прямо на них. Привычный конь — слабая замена верному пегому другу, павшему много лет назад во время мятежа, — тяжело рысил по постоянно расширяющемуся коридору, и стук его копыт далеко разносился в подземельях..

Велес знал, что за ним наблюдают внимательные глаза — он оставил отряд пекленцев недалеко отсюда ждать его сигнала. Несколько добровольцев из числа нежити вызвались

сопровождать людей — именно на них была возложена обязанность следить за Велесом.

Впереди в скалах почудилось движение: — дозорные кинулись навстречу. Вместе с людьми было несколько оборотней. Они первыми кинулись из засады в атаку, но Велес ждал их нападения и не дал своему коню испугаться. Не осаживая его, он вскинул руку — и сильный толчок сбил нападавших с ног, отбросив на несколько шагов.

Это остановило многих, но не всех. Люди предпочли больше не связываться с пришельцем, но оборотней просто магией вразумить было трудно. Поднявшись, они бросились вторично.

На сей раз Велес даже не пошевелил рукой — он только качнул рогами, и оборотни отпрянули, зажимая лапами обожженные морды. Не взглянув на них, пришелец проследовал мимо прямо к терему.

Дозорные успели добежать до стен первыми и подняли тревогу, но гость не собирался больше демонстрировать свою силу. Он прищипил коня и поскакал, но не к воротам, а к стене. Мелькнули широкие, как столовые миски, копыта — и огромный жеребец с одного прыжка оказался во дворе.

Только здесь всадник обнажил длинный двуручный меч из неизвестного серого, тускло блестящего металла и заявил, кладя его поперек седла:

— Я приехал с миром. Мне необходимо переговорить с вашим хозяином. Скажите ему обо мне, или я сам найду его!

Слуги, сбитые с толку прыжком–полетом коня, опрометью кинулись выполнять приказ.

Велес остался в седле посреди двора, пока на крыльцо не вышли Марена и Кощей.

Велес подъехал вплотную, сверху вниз поглядывая на хозяев. Марену он смутно помнил еще по мятежу, хотя она с того дня немного располнела. Стоящий подле молодой человек в сравнении с ней казался ее сыном, если бы не белые волосы и выражение некрасивого лица, старившие его лет на двадцать.

— Кто ты и чего хочешь? — заговорил Кощей. — Мне сказали, что ты чародей. Но и я тоже обладаю кое–какой силой. Ты познакомишься с нею, если не назовешь себя и цель своего визита.

— С тобой я говорить не буду, — сухо оборвал его Велес, — а вот с нею побеседую... Ты должна меня помнить, женщина. Я — Велес.

Марена просияла, и Кощей недовольно покосился на нее. Но чародейка обхватила его шею руками, прошептала что-то на ухо, и он сменил гнев на милость, пригласив гостя войти.

* * *

Два часа спустя, побывав в бане и сытно поужинав, Велес сидел в горнице между хозяином и хозяйкой и рассказывал, задумчиво разглядывая мед на дне кружки:

— На севере я не появляюсь — Сварожичи смотрят на меня зверьми, а особенно Перун. Этот вообще поклялся меня убить, чуть только встретит. За во-семнадцать лет я ни разу там не был. Да ты, Марена, сама сколько лет прожила в Ирие — должна знать! Короче, мне это надоело... Не спрашивайте, как мне удалось узнать о вас — есть у меня двое-трое верных слуг, что доносят обо всем. Так я тут и оказался и готов предложить мой меч и свои силы в бою!

— Ты знаешь о моих планах? — спросил Кощей.

— Догадываюсь, — обронил Велес. — В твои годы я сам хотел того же, да не с того конца начал. Теперь уж я наполовину седой, и многого мне не нужно. Но Пекло, — он поднял тяжелый взгляд на Кощея, — Пекло оставь мне. Бери себе весь остальной мир, а эта земля моя. Если пообещаешь исполнить мое условие, пойду за тобой до конца.

— Но почему? — продолжал допытываться Кощей.

Велес тяжело оперся локтями на стол, и Марена поежилась, взглянув на его плечи. В пышной гриве Велеса и правда мелькали седые пряди, но в остальном он совершенно не постарел.

— Почему? — переспросил он, хмурясь. — Ты молод и мало испытал в жизни... Я хочу мстить! Знакомо тебе это чувство — много лет подавляемой в себе мести? Они лишили меня всего — дома, семьи, имени... Мне не осталось ничего, кроме мести... Ты можешь это понять, отрок?

Кощей вспылел. Он чувствовал, что Велес не лжет — его устами говорили настоящие горечь и горе, — но простить неосторожное слово он не мог.

— Я не отрок! — воскликнул он, подбоченясь. — Если хочешь знать, я уже уничтожил одного Сварожича — Даждя. И теперь никто меня не остановит!

У Велеса не дрогнул ни единый мускул.

— Ты убил его? — молвил он равнодушно.

— Даждя? Пока нет, но...

— Тогда тебе не следует расслабляться, — мрачно посоветовал Велес. — Если дело в Дажде, то Сварожичи найдут способ его выручить. Тебе надо заняться остальным. Когда-то я сам потерпел поражение потому, что промедлил. Не сомневайся — я помогу тебе устранить врагов!

Он резко встал и не спеша направился вон из горницы.

Марена поднялась тоже. Кивнув Кощей, чтобы он не беспокоился, хозяйка отправилась вслед за гостем, не желая его оставлять одного.

Велеса она нашла на крыльце, чуть в стороне от входа. Опершись спиной о резной столбик, он сонным, задумчивым взглядом смотрел на суету холопов на дворе и прохаживающихся на стене воинов.

Женщина неслышно подошла сзади и коснулась его локтя.

Велес очнулся от раздумий, обернулся и, встретившись взглядом с чародейкой, склонил голову в почтительном кивке.

— Что угодно госпоже?

Марена подошла вплотную, стараясь втиснуться между широким плечом и стеной терема.

— Гость не должен покидать хозяев, — вкрадчиво молвила она.

— Напрасно боишься, госпожа, — ответил Велес. — Я помню обычаи, но годы берут свое, и мне просто хотелось отдохнуть с дороги...

Марена подошла еще ближе. Ее черные глаза загадочно блестели в полутьме, губы Насмешливо изогнулись. Смерив Велеса из-под ресниц долгим взглядом, она подняла руки и коснулась его плеча.

— Годы, — тихо промолвила она. Пальцы ее скользнули по широкой груди витязя. — О нет, не верю. Мне, правда, не с чем сравнивать, но ты еще крепок и молод... И достаточно силен. Ты воин и... мужчина!

Она стояла так близко, что Велес чувствовал ее учащенное дыхание. Нежные руки чародейки скользнули на его талию, и он сам задержал вздох, услышав ее зазывный смешок.

— О, да ты и в самом деле настоящий мужчина! — Марена коснулась его высокой грудью. Она запрокинула голову, ища его глаза.

Ее близость и дыхание волновали его, и Велес сам тяжело опустил руки на податливые женские плечи.

Марена тут же прилипла к нему, прижалась всем телом.

— Но твой муж?.. — попробовал остановить ее Велес.

— Кощей? — Глаза чародейки прояснились, и она усмехнулась. — Да, он живет здесь со мной...

— Я говорю о Дажде!

— А что он тебе?

— Он же не умер! Что будет, если он освободится и узнает, что в его отсутствие проделывает жена?

Марена рассмеялась в голос. Ловкие пальцы ее тем временем осторожно скользнули к узлу на гашнике Велеса.

— Дажь никогда не освободится, — прошептала она, — а Кощей ничего не сделает ни мне, ни тебе.

Велес не мог больше терпеть и прижал женщину к стене. Она не сопротивлялась, отдаваясь ему. Частица ее огня передалась ему, и Велес с трудом нашел в себе силы оторваться от ее тела, пока их не заметили холопы. Отстранившись, он взглянул на женщину и хрипло прошептал:

— Приготовь постель... хозяйка!

Марена медленно выпрямилась,правила смятое платье и, слабо улыбнувшись своим мыслям, ушла в дом.

Велес остался на крыльце. Одернув рубаху, он оперся о перильца, оглядывая двор. Ему нужно было во что бы то ни стало побыть немного одному, чтобы найти здесь союзников или убедиться, что таковых тут нет.

Для того чтобы отыскать нужного человека, ему вовсе не обязательно было, как другим, читать мысли всех встречаемых людей. Он стал ждать — полужвериный инстинкт сам должен был подсказать ему, где искать.

Но Марена тоже занимала его мысли — ненасытная женщина, живущая только ради своих прихотей и готовая назвать возлюбленным всякого, кто захочет разделить с нею ложе. Она наверняка будет ждать его у постели и не успокоится, пока не получит своего. Чтобы свершить задуманное, ему надо было поторопиться.

Велес едва не прозевал знака. Отвлечшись от размышлений, он подался вперед. По двору гнали толпу закованных в кандалы рабов.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

К концу работы Агрик не чуял ни рук, ни ног. Более привычный Арагаст подхватил его под локоть и потащил из забоя. С другой стороны плечо подставил еще один человек из их группы. Повиснув на них, отрок с трудом сосредоточился на дороге. Завтра никто не будет ждать, пока он вспомнит все повороты.

Снаружи полумрак подземного дня сменился глубоким беспросветным мраком. Проще простого было сбежать в темноте, но рабы были так измотаны, что еле перебирали ногами.

Внезапно Агрик почувствовал на себе чей-то взгляд — тяжелый, ищущий взор скользнул мимо, но потом вернулся и остановился на нем. Он исходил от хозяйского крыльца — осязаемый, как тепло или свет. Отрок вскинул голову — и застыл как парализованный. На крыльце кто-то стоял.

Мрак скрывал его черты — видно было лишь, что незнакомец очень высок и широк в плечах. Мрачно горели глаза — ни дать ни взять две случайные звездочки. Незнакомый смотрел на отрока в упор, и казалось, что он читает его мысли, не спеша и осторожно разбирая каждое слово. Не было сил, чтобы отвести взгляд или скрыть свои чувства.

Почувствовав дурное, Арагаст тряхнул Агрика за локоть:

— Что с тобой?

— Он. — Отрок кивнул на крыльцо. — Он смотрит на меня...

— Кто это?

— Не ведаю, но я...

Арагаст подхватил его снова и потащил силой;

— Идем, иначе нам не поздоровится! Скорее!

— Один из охранников и в самом деле начал присматриваться к рабу, что остановился посреди дороги и уставился на крыльцо.

Арагаст успел увести его. но до самого конца Агрик ощущал на себе взгляд незнакомца.

Падуб был жив и даже смог приподняться на локте навстречу друзьям. Он был бледен, как призрак, выпрямиться для него было трудной задачей, но, полный решимости, он жадно выпрашивал Агрика. Когда отрок рассказал ему об алом песке в толще земли, лицо пекленца озарила слабая улыбка.

— Я знаю, знаю, что это означает, — сказал Падуб. — Я мог бы помочь отыскать ход... Этого песка много?

— Ну, как сказать... Мне не с чем было сравнивать, но заметить его было легко.

— Но не отдельные песчинки?

— Вроде нет.

— Отлично. — Падуб откинулся назад, растянувшись на земле и тяжело дыша. — Завтра я попробую встать. Только спина болит после плетей... Но вы мне поможете?

Агрик подставил ему плечо, и пекленец оперся на него, всеми силами стараясь преодолеть слабость и заставить слушаться онемевшие ноги.

Неожиданный свет прервал их разговор. Смолкли удивленные неурочным вторжением рабы, и все обернулись к выходу.

Прихрамывая и перешагивая прямо через тела, прямо на Агрика и Падуба шел оборотень со светильником в лапе. Рабы невольно следили за каждым его шагом, но никто не двинулся с места, не издал ни звука.

Никто не подозревал, что оборотни могут быть такими старыми. Поздний гость был невообразимо тощ. Сухие руки-лапы покрывал облезлый содой мех, тусклые глаза ввалились. Худое тело обтягивала грязная шкура, но было в нем что-то, что говорило о его огромной силе и праве здесь находиться.

Подойдя к Падубу и Агрику, гость опустился перед ними на колени. Его тяжелый недобрый взгляд по очереди ожег обоих, и отрок снова почувствовал обволакивающее тепло, как там, во дворе, и снова кто-то читал его мысли.

— Кто ты и зачем здесь? — молвил оборотень неожиданно низким сильным голосом, не вяжущимся с его внешностью.

Губы Агрика зашевелились против воли. Он боролся с собой, но с уст слетали имена и названия, которые он до сих пор держал в самом сердце. Старый оборотень слушал очень внимательно, запоминая.

— Ты знаешь еще что-то, — произнес он, когда измученный отрок умолк. — Я вижу это по твоим глазам и требую, чтобы ты сказал мне, что вы задумали сделать завтра!

Падуб, лежавший как раз между ними, пошевелился как раз в тот момент, когда Агрик снова открыл рот.

— Не смотри ему в глаза! — воскликнул пекленец. — Не смотри! Он чародей и наверняка заодно с ними!..

Старый оборотень взглянул на пекленца, и тот мигом покрылся холодным потом под его взором. Костлявая рука легла Падубу на шею.

— Он умрет, — предупредил Агрика гость, — если ты всего не откроешь!

Падуб смог дотянуться до противника только одной рукой, когда тот сдавил ему горло. Пекленец дернулся, бросая умоляющий взгляд на друга, что-то захрипел ему, но Агрик, в душе ненавидя свою слабость, уже рассказывал оборотню о найденной им примете и готовящемся побеге.

Оборотень не снимал руки с горла пекленца до тех пор, пока Агрик не замолчал.

— Хорошо, — сказал он тогда. — Смотрите не перепутайте завтра дороги. Вас там будут ждать!

Он уже привстал, чтобы уйти, но бросил взгляд на Падуба и раздумал. Его рука опять потянулась к парализованному. Тот шарахнулся прочь с ужасом. Слова мольбы замерли у него на губах, но оборотень не стал его душить. Тонкая рука скользнула по груди, животу и ногам лежащего, подвижные костлявые пальцы по очереди ощупали каждый сустав бесчувственных ног и ослабевших рук, на прощанье погладили пекленца по голове, и странный гость поднялся, чтобы уйти.

Однако он почувствовал что-то во взглядах трех рабов, которые следили за тем, как он уходит. Внезапно обернувшись, старый оборотень молвил:

— Или вы завтра совершите задуманное, или послезавтра будете убиты!

В подвале после его ухода долго еще стояла замороженная тишина. Большинство рабов успели заснуть, и только кучка заговорщиков не могла сомкнуть глаз, теряясь в догадках.

— Что нам делать? — не выдержал Агрик.

— Он все знает, — горько вымолвил Арагаст. — И может выдать нас хозяевам... Зачем ты только...

— А что я мог сделать? — воскликнул отрок. — Его глаза... В них было что-то, чему я не мог сопротивляться! Он чародей еще сильнее Кощея. У меня не было сил бороться...

— Теперь нас поймают, — обреченно вздохнул Арагаст. — Вы слышали, что он сказал? Нас там будут ждать!.. Это ловушка, и он требовал, чтобы мы сами попались в нее.

— И кроме того, я так боялся, что он навредит Падубу, — продолжал оправдываться Агрик.

Падуб, о котором вспомнили только что, все это время не шевелился, прислушиваясь к себе. Но постепенно лицо его светлело, расплываясь в улыбке. Медленно, осторожно он пошевелил руками, ощупал себя, потом сел и двумя руками подтянул левую ногу.

— Он... он исцелил меня, — прошептал пекленец. — Посмотрите, я здоров!.. Я могу двигаться!

Он порывисто вскочил на колени, горячо обнялся с Агриком и Арагастом, потом привстал и выпрямился, насколько позволяли цепи, а сев снова, долго еще по очереди подтягивал то одну, то другую ногу и ощупывал их.

Друзья не сводили с него глаз.

— Что будем делать? — снова вымолвил Арагаст.

— Вы можете думать, что я говорю глупости, но, по-моему, мы должны ему довериться, — осторожно сказал Падуб. — Он ведь понимал, что без меня вам не найти нужного места. А это значит, что он что-то знает, но не говорит... Нам и в самом деле нечего терять...

— Кроме того, неужели мы втроем не справимся с ним? — подал голос Агрик.

* * *

К рассвету, когда надсмотрщики подняли рабов, заговорщики так ничего и не решили, но зато лишились почти всех сторонников. Узнав, что один из оборотней о чем-то догадывается, большинство рабов отказались участвовать в побеге. Верность сохранили только бывшие слуги Арагаста.

Сбившись в плотную группу, заговорщики одними из первых сошли в забой, где вперед выступил Агрик, ищущий нужный ход. Подземелья, где рабы рыли ходы, представляли собой сложный лабиринт без каких-либо указателей. Приметами служили камни, ширина ходов и их высота, иногда оттенки грунта и забытая кем-то вещь.

Внутри хода вперед пропустили Падуба. Охранники, конвоирующие рабов, чуть поотстали, свет отдалился, но коренной житель подземелий отлично видел в темноте. Неловко двигаясь в кандалах, он прошел до тупика, где были свалены заступы и лопаты, осторожно трогая стены и прислушиваясь к шорохам, неслышным для других. Иногда губы его шевелились — он что-то говорил, но остальные не разбирали ни единого слова.

— А вы не ошиблись? — вдруг обернулся он к остальным.

Заговорщики застыли как вкопанные.

— Ошиблись?

— Здесь нет алого песка, — произнес Падуб. — Смотрите сами!

Агрик уже сделал шаг, как вдруг сзади появился надсмотрщик.

— За работу! — рявкнул он. — Чего ждете?

Арагаст медленно наклонился и поднял заступ.

— Может быть, придется действовать так? — тихо промолвил он.

Его бывшие слуги, догадавшиеся первыми о намерении хозяина, тоже взялись за инструменты, но вместо того, чтобы начать долбить камень, двинулись к охраннику.

Тот тоже все понял и попятился, уже набирая в легкие воздуха для крика. В этот миг Агрик резко наклонился к сапогу.

Охранник развернулся к нему. Пользуясь кратким мигом, Арагаст метнул в него заступ. Лезвие пробило охраннику плечо, он дернулся, но Агрик уже выпрямился. В его руке сверкнул нож, и отрок всадил его в шею охраннику.

Тот вскрикнул, но его крик перешел в хрип. Кровь хлынула на руку Агрику. Отрок отскочил, и тело бьющегося в судорогах охранника рухнуло, загородив проход.

— Бежим! — скомандовал Арагаст, подняв оружие охранника.

Заговорщики выскочили из тупика. Падуб мчался впереди — он должен был найти следы алого песка и уговорить горы открыть им проход, а остальные должны были охранять его в это время.

Прочие рабы прервали начатую было работу, наблюдая, а охранники ринулись со всех ног умирять беглецов.

Арагаст скрестил с первым оружие, прикрывая друзей.

— Помогите! — бросил он другим.

Призыву вняли. Несколько человек бросились к стражникам. Один из них тут же упал с проломленным черепом, другие откатились назад, но эта короткая заминка дала возможность заговорщикам невредимыми отступить в один из ходов.

Но надолго ли? Издалека нарастал шум — о попытке побега доложили наверх, и теперь в подземелья наверняка спешили наемники и оборотни, справиться с которыми почти безоружным беглецам будет не по силам.

— Сделай хоть что-нибудь! — взмолился к Падубу Арагаст, вставая у прохода.

Тот вместе с Агриком и остальными шарил по стенам.

— Нашел! Есть! — послышался его голос. — Здесь его много!

— Начинай!

Пекленец оперся о стену ладонями, прикрывая глаза и беззвучно шевеля губами. Гора могла и не отозваться на призыв — ведь алый песок, означавший, что здесь порода мягче, был всего лишь приметой.

Гнавшиеся за беглецами надсмотрщики были уже недалеко, но прежде чем Арагаст опустил занесенный для удара короткий меч, невысокая сгорбленная фигура проскользнула под его рукой в ход. В ноздри Арагасту ударил кислый запах оборотня.

— Нашли-таки! — раздался низкий голос.

Вчерашний старый оборотень, сгибающийся почти пополам под тяжестью каких-то мешков на спине, прихрамывая, подбежал к Падубу и бесцеремонно оттолкнул его.

— Почему? — только и ахнул он.

— Это не твоё дело, — отрезал оборотень. — Встань там!

Люди только открыли рты, когда он подхватил два заступа в одну руку. Страшный и неожиданный по силе удар сотряс стену. Паутина трещин разбежалась по ней, а старый оборотень с маху вонзил заступы в стену, как копыя, и налег на них всем телом.

Вдруг с противоположной стороны донесся ответный удар, стена содрогнулась — и оборотень еле успел отскочить, чтобы не погибнуть под градом камней, рухнувших в ход.

— Бегите! — приказал он.

В стене зиял провал, достаточный для того, чтобы в него мог протиснуться человек. За ним открылось пустое пространство неизвестной пещеры.

Не раздумывая, Падуб схватил Агрика за руку и сиганул в проем. Вслед за ним оборотень затолкал Арагаста, за которым протиснулись и все остальные.

Цепи на лодыжках и запястьях мешали нормально двигаться, но беглецы сделали всего несколько шагов, когда навстречу им показались огни. К ним бежали несколько человек с факелами и оружием.

Арагаст бессильно застонал, но Падуб с криком уже рванулся вперед.

— Мы спасены! — кричал он. — Пекло! Пекло!

Несколько воинов пекленской дружины окружили беглецов.

— Мы ждали вас, — сказал предводитель, — но чуть в стороне. Идемте!

Беглецов под руки потащили прочь. Навстречу им спешили кузнецы с долотами, чтобы сбить цепи. Предводитель отряда в самый последний момент отстранил наиболее нетерпеливых и вытолкнул вперед Падуба и Агрика:

— Их первыми!

Арагаст встретился с ним взглядом:

— Вы сказали, что ждали нас? Но кто...

Вместо ответа тот указал глазами назад. Арагаст обернулся. Старый оборотень откуда-то извлек огромный и неуместный в его слабых руках двуручный меч и стоял у входа. Преследующие беглецов охранники теснились с той стороны, но в проход одновременно мог протиснуться лишь один из них, что было удобно для оборотня, который убивал одного преследователя за другим.

— Я должен сражаться, — сказал Арагаст.

— Тогда присоединяйся, — скомандовал ему пекленец.

Уже освобожденные от цепей Агрик и Падуб бросились к старому оборотню. Один из воинов Пекла сменил его, и старик выпрямился, опираясь на окровавленный меч. Бледные губы его щерились в циничной усмешке, обнажая желтые тупые клыки.

— Почему вы спасли нас? — спросил Агрик.

— Твое? Держи!

В Агрика полетел, едва не сбив его с ног, еще опт двуручный меч, в котором отрок с удивлением узнал меч Даждя. К нему были ремнями прикручены меч самого Агрика и сабля Падуба, отнятые у них при аресте.

— Откуда?.. — начал Агрик.

— У вас нет времени, — оборвал его оборотень и кивнул предводителю отряда: — Только задержи их, Крик. Мне не нужны ваши трупы!

Тот кивнул, жестом отдавая приказ, и пекленцы с присоединившимся к ним Арагастом и его людьми поспешили отбросить охранников назад и заделать отверстие.

Падуб и Агрик потянулись было к Крику, чтобы спросить его, но старый оборотень бесцеремонно потащил их за собой.

— Нечего ласы точить, — заявил он. — Вы должны найти Даждя... Или я ошибся и освободил не тех?

— Так это ты должен был прийти на помощь? — внезапно осенило Падуба и Агрика.

— Меня позвал Гамаюн, — ответил оборотень.

Это развеяло сомнения друзей, тем более что у проема уже завязался настоящий бой и надо было торопиться.

Подхватив факел, Падуб первым бросился бежать, отыскивая дорогу. В тот день они начали путь в другом месте, а потому следовало сначала отыскать дорогу.

Как ни странно, но Марена невольно помогла им в этом. Беглецы одолели всего сотню—другую шагов, как впереди мелькнул свет. На дороге у них встали несколько наемников, перегораживая узкий, теряющийся во мраке ход, единственный, который охранялся.

С диким громовым криком старый оборотень прыгнул вперед, подняв над головой меч. Воины кинулись к нему, но сверкнул металл, и первые из нападавших рухнули на землю, перерубленные пополам. Вращая меч над головой, оборотень сам ринулся в атаку, пробивая дорогу.

— Быстро! — долетел его приказ. — Я задержу их!

Падуб и Агрик прошмыгнули мимо. Один из наемников устремился было вдогонку, но оборотень с быстротой молнии кинулся наперерез и сбил преследователя с ног, загораживаясь им, как щитом, от остальных врагов. Бросив его тело на меч, он, не теряя времени, пустился вдогонку за удиравшими друзьями.

Ход был тот самый. Как и тогда, Падуб шел впереди, освещая путь. За ним двигался Агрик, а замыкал шествие их странный спаситель. Оборотень не выпускал меча из рук и то и дело оглядывался назад.

Путь до Столбового зала был недалек. В первый раз, когда несли тело Дажда, пришлось делать несколько остановок, чтобы передохнуть, но на сей раз времени не было. Наемники Марены прорвались в подземелья и теперь преследовали беглецов.

Падуб и оборотень казались двужильными — они почти бежали, не чувствуя усталости. Но у Агрика скоро начали подкашиваться ноги. Он так и не согласился расстаться с мечом самого Дажда и теперь обливался потом, таща его за спиной. На поворотах от тяжести ноши его заносило, а над самой пропастью, чуть не погубившей когда-то Падуба, он споткнулся и едва не упал с обрыва. Не чуя под собой ног, сам не помня как, он все-таки добрался до берега Каменной реки. Ее неожиданно светлая вода поманила отрока, и он бы непременно кинулся напиться, но оборотень подхватил его под руку и потащил за собой, неожиданно заботливо обнимая за плечи. А перед тем как пройти по мосту над Каменной рекой, он вообще вскинул отрока на руки и не отпускал до самого конца, хотя и сам тащил, кроме собственного меча, еще какой-то загадочный сверток.

В Столбовом зале желтоватые и розовые блики мерцали на телах сталактитов, создавая причудливые тени. На первый взгляд казалось, что вокруг столпились чьи-то тени. Спрыгнув с рук оборотня, Агрик с воплем радости бросился к одному до боли знакомому силуэту — и отпрянул, не скрывая разочарования при виде обычного соляного столба.

Оборотень внимательно прищурился на сталактит, так привлечший отрока и, подойдя, вдруг с размаху рубанул его мечом. Тишину пещеры расколол высокий многоголосый звон. По столбу пошли трещины, его полупрозрачная поверхность затуманилась, подернулась дымкой. После второго удара он покачнулся и рухнул на землю, разлетевшись на сотни осколков. Внутри обнаружился изъеденный солью скелет в останках одежды.

Агрик закричал, зажимая себе рот руками, и рухнул перед ним на колени. Лицо его исказили ужас и боль.

— Нет! Нет! — простонал он. — Только не ты...

Оборотень через плечо обернулся на Падуба. В глазах полузверя волной поднималась ненависть. Казалось, он начал расти.

— Сюда издавна свозили тела казненных преступников, — торопясь оправдаться, заговорил пекленец. — Здесь их множество. Это наверняка один из них — чтобы соль так обработала останки, необходимо лет десять, не меньше. А Сварожич находится здесь от силы месяцев пять.

— Ты уверен в этом? — прорычал оборотень.

— Я бы ни за что не повел вас сюда, если бы думал, что его уже нельзя спасти! — воскликнул Падуб. — Ведь я должен искупить свою вину перед ним!

— Тогда живо показывай, где он!

Падуб оглянулся по сторонам, светя факелом.

— Если это тот самый зал, то отыскать его будет гораздо легче, — словно советуясь сам с собой, заговорил он. — Я не уверен, но... Вы должны меня понять, — быстро добавил он, поскольку оборотень двинулся на него, занося меч для удара, — я ведь не знал, кто он, и не рассчитывал сюда возвращаться! Но есть примета, которая должна нам помочь! Неподалеку от того места, где он замурован, я... убил четверых рабов по приказу Марены. Должны остаться следы крови. Конечно, прошло много времени, но если ты... У оборотней очень чуткий нюх...

— Понял, — отрезал старый оборотень. — Стойте здесь!

Одним движением забросив меч за спину, он пригнулся и пошел меж сталактитов. Падуб и Агрик последовали за ним.

Следопыт стал приближаться к противоположному краю зала. Здесь столбы стояли уже не так часто, но зато было много наваленных в беспорядке камней. Многие глыбы имели почему-то явно узнаваемые человеческие очертания, что затрудняло поиск.

— Где-то здесь, — подал голос Падуб. — Вроде вход был рядом.

— Это ясно и без тебя, — ворчливо отозвался оборотень и чихнул, лапой вытирая белую от пыли морду. — Запах крови!

Он указал на пол у своих ног — сквозь слой пыли, значительно истончившейся после его чиха, на камне проступили бурые пятна.

— Да, она. — Падуб внимательно огляделся, прикидывая. — А вон там — он!

Агрик рванулся, но застыл на месте, опасаясь сделать хоть движение — только что он нелепо и страшно обманулся, — не хотелось повторить ошибки.

Оборотень подошел к бесформенной глыбе, основание которой было обложено валунами. Грязно-серый налет, покрывавший глыбу, делал ее почти не отличимой от остальных. Оборотень отер налет, открыв истинный изжелта-белый цвет глыбы.

— Да, — кивнул Падуб. — Теперь нет сомнений. Его окунули в Каменную реку перед тем, как поставить тут.

Агрик тихо вскрикнул:

— Значит, он мертв?

Оборотень метнул на него сердитый взгляд:

— Нет. Иначе меня бы здесь не было!

Сбросив с плеча свою ношу, он примерился, обхватывая глыбу руками, и рванул ее на себя.

— Глазам не верю, — прошептал Падуб. — Когда его ставили, мы впятером еле своротили глыбу, а он один...

— Может... хочешь сам?.. — прохрипел оборотень.

Пошире расставив ноги, он присел, поудобнее обнимая известняк. Блеклые глаза его выпучились от натуги, шерсть встала дыбом, но неожиданно он с надсадным криком рванулся, выпрямляясь.

Глыба подалась с треском, словно сломался пополам настоящий камень. Оборотень встал на подгибающихся ногах, отклоняясь назад, чтобы удержать камень на весу. При рывке несколько осколков отскочило от камня, а сам он пошел трещинами.

Неожиданно лапы оборотня перестали трястись от натуги. Он глубоко вздохнул и перехватил камень поудобнее. Агрик и Падуб было приблизились, чтобы помочь, но оборотень только выдохнул:

— Назад!

Бросив взгляд через плечо — не оказалось бы там столбов-сталактитов, — он вдруг единым рывком метнул глыбу назад, через себя.

Камень рухнул наземь, подняв тучи пыли, и все-таки сбил какой-то сталактит, с грохотом рассыпавшийся на тысячу обломков. Пыль и мелкая известковая крошка поднялась стеной, ненадолго скрыв происходящее от глаз свидетелей, а когда она осела, их глазам предстала бесформенная груда мелких осколков.

— Не может быть, — ахнул Падуб. — Он...

Оборотень тяжело рухнул на колени перед кучей щебня, разгребая его руками. Внутри мелькнуло что-то знакомое. Очнувшийся Агрик первым бросился помогать, но чуть не закричал от ужаса, когда его пальцы наткнулись на холодную безжизненную руку. Отстранив отрока, оборотень по локти засунул руку в щебень и вытащил тело Даждя. Оно беспомощно обвисло на его руках.

Перешагнув через груды мусора, оборотень уложил спасенного в стороне и склонился над ним. Все тело и одежда Даждя были покрыты тонким слоем пыли, отчего он казался седым и мертвенно-бледным. Отряхнув одежду и волосы Сварожича, оборотень осторожно стер пыль с его лица и сжал голову спасенного в ладонях.

Агрик и Падуб подались вперед, не веря глазам. Им показалось, что оборотень держит под пальцами зажженную свечу — слабое сияние вырвалось наружу, окутывая голову Даждя и руки его целителя. Тот не шевелился, не произносил ни слова — просто не разжимал рук. А свет рос, расходясь кругами, словно от брошенного камня. В его сиянии спасенный витязь

и его целитель казались темными силуэтами. Тело оборотня менялось, будто сгорало в огне, и уже казалось, что над Сварожичем склоняется не тощий старик, а кто-то высокий и сильный.

Агрику невольно вспомнился силуэт на крыльце — почти такой же...

Чародей... — прошептал Агрик, толкая Падуба локтем в бок, но пекленец не шевелился.

Им показалось, что миновало много времени, но на самом деле они бы не успели сосчитать до десяти, как свет угас. Оборотень выпрямился и кивнул спутникам:

— Дышит. Мы успели в срок. Берите — теперь он ваш!

С этими словами старик поднялся и отошел подальше, где почти слился с окружающей тьмой.

Перегоняя друг друга, Агрик и Падуб бросились к Сварожичу. В самый последний момент пекленец отстал, и отрок первым склонился над спасенным.

Лицо Дажда снова обрело краски — сохранился даже летний загар. Он был спокоен и безмятежен, широкая грудь его глубоко и ровно вздымалась и опадала, руки снова были мягкими и теплыми. Он спал.

— Хозяин. — Агрик тихонько потормошил его. — Тарх...

Красивые губы спящего сложились в улыбку. Он пошевелился, меняя позу, и вздохнул поглубже.

— Просыпайся! — воскликнул отрок.

Даждь открыл глаза. Отрешенный взгляд уперся в потолок.

— Ты что меня среди ночи будишь? — молвил он.

Внезапно взгляд его прояснился, в глазах мелькнуло удивление, и он резко сел, оглядываясь.

— Где мы? Что случилось?

Падуб опустился на колени, не сводя с Дажда умоляющего взора, а Агрик бросился рассказывать о побеге, поисках, восстании — путаясь, перескакивая с одного на другое. Даждь не сводил с него задумчивого взгляда, ловя каждое слово.

— Подожди, — заговорил Даждь, когда сбитый с толку его молчанием Агрик прервал рассказ, — Что со мной было?

— Ты не помнишь? — ужаснулся Агрик.

— Нет, кое-что помню. Марена, чара, яд, а потом я уснул... Сколько же я спал?

— Ты чуть не умер. Она заколдовала тебя.

— Это я уже понял. Спасибо тебе. Я перед тобой в долгу...

Даждь поднялся, прислушиваясь к себе. Голова слегка кружилась, напоминая о том, что и сколько он выпил перед тем, как погрузиться в беспамятство, но в руках и ногах бродила молодая сила. Он чувствовал себя заново родившимся, словно ему опять было тридцать лет. Право, ради такого стоило пережить несколько неприятных мгновений!

Агрик снизу вверх смотрел на него влюбленным взором, боясь даже вздохнуть. Он осторожно достал меч и благоговейно подал хозяину:

— Вот твой меч! Прими его, Тарх!

В помолодевших глазах Сварожича сверкнула улыбка. Он принял меч, взвесил на руке, любовно огладил его длинное тело и размахнулся, чувствуя его привычную тяжесть.

Рядом послышался тихий всхлип. Даждь мгновенно обернулся.

Падуб, приподнявшись было, поймал его взгляд и снова рухнул на колени, ломая руки. По лицу его лились слезы. Даждь не мог припомнить, где видел этого парня.

— Простите меня! — воскликнул пекленец, подползая к нему. — Простите, если сможете, господин мой! Возьмите мою жизнь, но даруйте прощение!

— За что мне прощать тебя? — искренне удивился Даждь.

— Но разве вы не помните?.. Ведь это я! Я видел, как ты шел к колдунье, и не предупредил!.. Я сам связал тебя! Я помогал тебя казнить!.. Прости меня, но я не знал, что ты — тот самый Даждь Сварожич!

Дажь только тут узнал в Падубе того молодого пекленца, с которым судьба дважды сталкивала его в тереме Марены. Он хотел было рассердиться, но отчаяние парня было так велико, что Дажь лишь с удивлением спросил:

— Конечно, Я вспомнил, но скажи, что меняется от того, что я — Сварожич?

— О, — прошептал Падуб, — было непростительной ошибкой мне забыть про вас! Отец мне много раз рассказывал, как вы спасли ему жизнь. Вы должны вспомнить — я сын Палого, того самого, который...

Он еще не договорил, а Дажь уже схватил его руку,

— Ты? — воскликнул он. — Палый твой отец?.. Он был охранником тюрьмы в Пекле! Я помню его. Как он?

— Отец убит. — Падуб опустил глаза. — Он погиб на границе в начале войны с Кощеем, а я попал в том же бою в плен, и Марена...

— Наложила на тебя заклятье, — закончил за него Дажь. — Не горюй о своей участи — я и сам долго находился под чарами этой женщины. Но ты спас меня, — добавил он, не обращая внимания на удивленный взгляд Падуба, — и я прощаю тебя. Ведь ты искупил свою вину!

— Но, господин, — не сдержался Падуб, — спасли тебя вовсе не мы.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Агрик, не принимавший участия в этом разговоре, невольно был принужден наблюдать за всеми остальными. Он заметил, как при последних словах пекленца судорога горечи и досады прорезала физиономию оборотня. Тот зло ощерил клыки и отступил еще дальше, сливаясь с окружающей темнотой.

Но прятаться ему было поздно — в ответ на немой вопрос Дажь Падуб с готовностью указал на участника последних событий. Сварожич обернулся и увидел оборотня. Тот ссутулился под его взглядом.

— Он сказал нам, что его нашел и послал Гамаюн, — нарушил молчание Агрик.

Оставив обоих юношей, Дажь шагнул к старику. Тот шарахнулся от него с таким видом, словно Дажь собирался его убить, но уперся спиной в сталактит и замер, обреченно отведя взор.

— Кто ты? — позвал его Сварожич. — Выйди, покажись! Мне кажется, что ты не тот, за кого выдаешь себя, а мне хочется поприветствовать своего настоящего спасителя!

Агрик волей случая оказался гораздо ближе к оборотню, чем его хозяин, и услышал, как тот пробормотал сквозь зубы с нескрываемой горечью и презрением:

— Вся твоя благодарность сейчас испарится...

— Что? — Дажь не разобрал слов.

Но в это время оборотень, решившись, шагнул на свет, и все ахнули.

Он стал неувидимо меняться, словно с него сползал окутавший его полупрозрачный туман. Он выпрямился, стал выше ростом, массивнее. Раздались и наполнились силой плечи, старая шерсть сползла, кожа потемнела, огнем полыхнули глаза, вверх грозно взметнулись рога -г- и Дажь застыл на месте.

Перед ним стоял Велес.

Изгнанник исподлобья смерил остолбеневшего Сварожича мрачным взглядом, сжимая кулаки. Между ними и тремя остальными людьми было всего три шага пустого пространства, но никто бы сейчас не решился его преодолеть.

Агрик придвинулся ближе к Дажю, на всякий случай вынимая меч.

— Я еще там, на крыльце, почувствовал, что это чародей, — шепнул он. — Я его там видел — он был в доме этой ведьмы и читал мои мысли. А потом явился к нам и приказал совершить побег. Но как он смог? Ведь он только что был зверем!

Дажь во все глаза смотрел на Велеса и увидел, как вздрогнули его плечи при этих словах.

— Точно так же, как делал я с волками, — тихо объяснил Дажь. — Это называется — отвести глаза, заставить видеть то, чего нет!

С этими словами он сделал первый шаг.

Велес не шевельнулся, когда Дажь подошел вплотную. Он не смотрел в его сторону и поднял глаза, только когда Сварожич всадил свой меч в основание одного из столбов, освобождая руки.

Они стояли и смотрели друг на друга. Наконец и Велес тоже отложил свой меч.

— Я помню, — заговорил Дажь, — мы были друзьями, потом ты разрушил нашу дружбу, пожелав моей смерти... Раны, нанесенные тобой, так и не смог никто залечить. — Дажь поднял ладонь со старым шрамом. — Они до сих пор болят, напоминая о тебе. Но сегодня ты явился сюда и... Почему ты пришел?

Щека Велеса дернулась. Он сделал попытку отвести взгляд — и не смог.

Дажь преодолел последний разделяющий их шаг и вдруг горячо обнял Велеса.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо, брат... Я рад, что ты жив!

Велес вздохнул, словно освобождаясь от тяжести, и ответил на объятие.

— Я тоже, — молвил он.

Они надолго замерли, не в силах разомкнуть рук. Миновало столько зим и лет, столько бурь пролетело над их головами, но вот они встретились — и словно не было долгих двадцати лет. Они снова были старыми друзьями, названными братьями. И даже шрамы на ладонях Даждя впервые за долгое время перестали ныть.

Вел ее первым разомкнул руки, отступая в тень.

— Ты не должен был прикасаться ко мне, — выдавил он, останавливая шагнувшего к нему Даждя. — Я проклят. Я изгой!

— Ты был мне другом, Велес, — ответил Дажь. — Я все помню — не только зло, но и добро. Когда-то мы считали друг друга братьями... Я снова обрел брата и рад этому. Верь мне!

— Я верю, — прошептал Велес так тихо, что Дажь еле разобрал его слова. — Мне так этого хочется...

— В конце концов, между нами никогда не было вражды. И еще не поздно начать все сначала...

Падуб осторожно сделал шаг в их сторону.

— Простите меня, — заговорил он, — но вам следует знать еще кое-что...

Словно очнувшись, Велес заторопился, опять отступая от Даждя:

— Да, нам надо спешить!

— Погоня? — Сварожич рывком выдернул меч из камня и взмахнул им. — Как я мог!..

— Идемте! — вооружившись факелом, Падуб приглашал их за собой. — Огненная река недалеко — версты две-три!

— Мне надо в другую сторону, — остановил его Дажь. — Я не могу уйти без чары. Ты не знаешь, что она означает для меня!

— Я могу и не знать этого, но зато знаю, что Марена это понимает, — ответил пекленец. — Когда мы шли назад, я слышал, что они говорили о чаре и Огненной реке... Идемте, я провожу вас!

Он первым двинулся вперед, направляясь к одному из запасных выходов из Столбового зала. За ним двинулись Агрик и Дажь. Велес немного помедлил, выдерживая расстояние.

На пороге Сварожич приостановился, оглядываясь на пещеру, которая была его тюрьмой и чуть не стала могилой; Она почти вся погрузилась во тьму — только слабо мерцали некоторые сталактиты да блестели обломки его рухнувшей тюрьмы. Все прочее скрывал мрак.

Неожиданно вдалеке ему почудился свет. Несколько еле заметных искорок мелькнуло и погасло, но тревожное чувство, возникшее при виде их, почему-то вспыхнуло в груди путников, как сухие листья на огне.

Рядом уродливой черной громадой встал Велес. Спинай он загоразживал свет факела

Падуба, и во тьме блестели только его глаза и кончики рогов. С первого взгляда он понял, что тревожит друга.

— Иди вперед, — приказал он. — Ты спешишь!

Даждь заглянул ему в глаза, но не увидел там ничего, кроме мрака.

Велес загородил собой неширокий ход, оттесняя Даждя вглубь, к пекленцу, и тому не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться. Когда Даждь и его молодые спутники отошли на достаточное расстояние, огоньки вспыхнули снова — на сей раз гораздо ближе, в преддверии зала.

* * *

После четвертого поворота они увидели свет.

Мерцающее багровое зарево поднималось впереди откуда-то снизу. Стало не просто тепло, но даже жарко, или они успели разогреться на бегу? Падуб отбросил ненужный факел — все равно заблудиться теперь было невозможно.

За беглецами снарядили погоню, которая шла по пятам. Марена не могла просто так позволить Даждю выскользнуть из ее рук, а отряд пекленцев, пришедший с Велесом, наверняка не смог управиться с превосходящим по числу противником и, следуя приказу, отступил. Теперь надеждой беглецов были их собственные силы и немного удачи. Пока она им сопутствовала. Вернее, помогал Велес, который отстал уже давно, и только иногда эхо доносило шум его коротких сшибок — это Велес сдерживал погоню.

Стало так жарко, что поневоле хотелось раздеться. Горячий липкий пот струился по лицам и спинам беглецов, нагретый воздух при каждом вздохе обжигал горло, глаза слезились от становящегося все ярче света. Агрик, не привыкший к такой жаре и свету, немного отстал.

Волны тепла поднимались навстречу — Огненная река заранее предупреждала неосторожных, что с нею шутки плохи.

Ход расширился наподобие воронки, открываясь на небольшую террасу, под которой несла свои воды река. Узкая тропка, больше похожая на потек застывшей лавы, бежала от нее вдоль русла. По ней одновременно мог пройти лишь один человек. На том берегу, насколько можно было видеть сквозь вечный пар и туман, дорожка была пошире и уходила куда-то за поворот, где бесновалось совсем уж невыносимое пламя.

Беглецы невольно остановились, глядя на реку.

Она текла в глубоком русле, прожженном ею самой в камнях. Многочисленные потеки на стенах обрывистых берегов свидетельствовали о том, что Огненная река постепенно вгрызалась все глубже и глубже в камень.

Вода блестела, словно лава, но выглядела как обычная кипящая вода. Над нею постоянно клубился горячий пар с дурным запахом. Вдохнув его, Падуб с непривычки закашлялся, а Агрик просто позеленел и без сил сполз по стене на пол. Даждь покачнулся, опираясь на меч.

Падуб наконец прокашлялся, размазывая по щекам выступившие слезы.

— Остров в той стороне, — прохрипел он, указывая ниже по течению. — Я не знаю, есть ли тут брод...

Его последние слова заглушил топот бегущих ног, и прямо на них налетел Велес. Мокрый как мышь, с налитыми кровью глазами, он раздувающимися ноздрями жадно ловил воздух. Его шумное дыхание перекрывало рев реки, от спины и плеч поднимался пар.

— Брод искать некогда, — выдохнул он. — Нет времени! Ты иди!

— Как? — мотнул головой Даждь на кипящий поток.

Падуб подобрал камешек и бросил его вниз. Не долетев немного, тот вдруг вспыхнул, как уголек, и сгорел.

На Велеса это, казалось, не произвело никакого впечатления. Убрав меч, он спокойно снял с плеча тот сверток, с которым до сих пор не расставался даже под личиной оборотня.

Это оказался большой мешок, в котором обнаружилось туго свернутое полотно чисто белого цвета и такое нежное и тонкое, что у всех захватило дух, и даже боровшийся с тошнотой Агрик открыл глаза. Тонкая ткань, кажущаяся еще нежнее в грубых руках Велеса, светилась мягким светом.

— Оно поможет тебе, — сказал Велес. — Проведет над рекой и выведет назад. Пока ты стоишь на нем, тебе ничто не грозит — ни огонь, ни колдовство. Оно покажет тебе дорогу до цели и назад, спасет лучше, чем мы трое, но если ты забудешь и сойдешь с него... — Он замолчал, безнадежно качнув головой.

Даждь не сводил глаз с полотна.

— Как ты догадался? — вымолвил он с нескрываемым восхищением.

— Он, — Велес кивнул на Падуба, — сказал твоему мальчишке. Тот передал Гамаюну, Гамаюн — мне. Спешите!

Он стремительно развернулся, бросая полотно — и словно белая молния прорезала мрак. Разворачиваясь и затвердевая на лету, тонкая ткань повисла мостом над бурлящей рекой, достигла того берега, прилепилась к одной из террас и потекла вдаль. Повернув вместе с течением за угол, она пропала из виду.

Даждь ступил на край, проверяя крепость. Ткань только слегка пружинила под ногой и была неожиданно прохладной.

Сварожич порывисто шагнул к Велесу и стиснул его плечи.

— Спасибо, — прошептал он, — спасибо тебе! У меня не было друга вернее, чем ты. Ты всегда сможешь на меня рассчитывать, запомни это!

— Сбереги Живу, — буркнул Велес, отступая.

Покрепче сжав меч, Даждь ступил на полотно.

Оно слегка прогибалось под ногой, как ковер травы на болоте, растягивалось от его шагов, словно было готово прорваться. Однако волны жара, что могли бы сжечь его, странным образом не достигали полотна, а клубы пара словно отклоняла в сторону невидимая водна. Полотно несло его на себе, вздыхая и колеблясь, как живое, и постепенно Даждь обрел уверенность.

Он преодолел только половину расстояния над рекой, когда не сводивший с него жадного взора Велес отступил от края и кивнул Падубу:

— Он должен вернуться!

Пекленец посмотрел туда, куда указывал ему Велес, и увидел на другом конце хода несколько приближающихся огней. Все поняв без слов, он обнажил саблю.

* * *

— Он идет, мать! Он близко!

Горынь металась по пещере, ломая тонкие пальцы. Вместе с нею по пещере металась ее тень — огромная в пламени светильников.

Мать не сводила глаз с дочери. В отличие от нее, Змеиха не двигалась — свернувшись клубком и шлепая хвостом, она простерлась на своем ложе — каменной глыбе, покрытой шкурами и шитьем. Ее чешуя переливалась, играя всеми цветами радуги, плоские когти матово блестели. Змеиха положила морду на передние лапы и, казалось, размышляла. Время от времени она бросала взгляды на пещеру — гладкие стены, пол, украшенный узором, за многие годы пострадавшим от ее когтей, сводчатый потолок, с которого на крюках и цепях свисали высохшие туши подземных тварей — пища Змеихи — и светильники. Многие цепи были пусты — когда-то на них висели, умоляя ее покойного мужа о смерти или прощении, пленники. Но с тех пор прошли века — этот выскочка Святогор, тогда неопытный юнец, случайно погубил старого Змея, оставив вдову с шестью дочерьми. Две старшие — Ехидна и Яблоня — погибли, остальные еще малы. Все, кроме Горыни.

Змеиха перевела взгляд на чару, которая стояла на небольшом постаменте у стены.

— Говорю тебе, мать, что он уже погубил двух моих сестер, — надрывалась Горынь. —

А теперь идет сюда, чтобы расправиться со мной!

Толстая туша Змеихи заколыхалась — она подняла голову на складчатой шее.

— Так расправься с ним первая, — проурчала она, не разевая пасти.

— Но, мать! Он же чародей посильнее тебя и меня! — Горынь, тоненькая, хрупкая, замерла, прижав руки к горлу. — Он спасся от рук Марены, а она была уверена, что наверняка расправилась с ним!

— Не отсекала ему голову — и расправилась? — усмехнулась Змеиха, по-прежнему держа пасть закрытой. — Она легкомысленнее, чем я думала! И Кощей тоже хорош — зачем потакал женским капризам? Мой муж прибил бы меня, если бы я слово поперек сказала, а этот все за женскую юбку держится!

— Кощею предсказание было — если он умертвит Дажда, сам долго не проживет, — мрачно отозвалась Горынь.

Змеиха зашевелилась, медленно стаскивая свое тело с ложа. Старые лапы повиновались плохо.

— Никто ему этого не предсказывал, — заявила она. — Просто он трус, каких мало. Мы, Змеи, появились на земле до того, как предки этого Сварожича построили первые города. Наши предки помогли первым людям стать теми, кем они стали. Но они нас бросили, захотели жить своим умом. Часть нашего народа пошла с ними, часть выступила против — началась война, которая ослабила оба народа, а разразившаяся вслед за этим катастрофа уничтожила большую часть людей старой расы и многих Змей. Выжили единицы, прошло много времени, уже появились новые расы и народы, новые города построены на новых землях, но уцелевшие Змеи помнят старую вражду, хотя большинство и забыло ее причину. Твой отец, дочка, погиб в этой борьбе. Погиб, стараясь остановить людей и их союзников из числа Змей. Вел наших врагов тогда совсем молодой Сварг — отец твоего Дажда... Так что если не

— Кощей — то ты должна отомстить! А если нет — то это сделаю я!

Змеиха в гневе шлепнула хвостом по полу. Кожистые крылья и гребень на загривке ее встали дыбом. Зрелище было бы и в самом деле впечатляющее, если бы не бросающаяся в глаза дряхлость, которую не могла скрыть даже новая кожа.

Горынь отступила к выходу. Взгляд ее упал на чару.

— Даждь наверняка захочет вернуть ее, — прошептала девушка. — Он ее получит!

Улыбнувшись родившейся мысли, она выбежала вон.

Старая Змеиха усмехнулась сквозь стиснутые челюсти и не спеша заползла обратно. Но на сей раз она внимательно и настороженно следила за выходом, в нетерпении шлепая хвостом.

* * *

Полотно слабо светилось во тьме, которая окружала Дажда. Огненная река то ли остыла, то ли ушла в глубину, но теперь лишь нестерпимый жар долетал до витязя снизу да слышалось жуткое бульканье, всплески и звуки, от которых мороз пробежал по коже. В отблесках на окружавших скалах порой мелькали странные образы, но уловить их глаз не успевал. Светилась только его дорога — все прочее поглощал плотный туман.

Даждь не знал, что окружает его — то ли пропасть, на дне которой притаилась, судя по жаре, Огненная река, то ли утесы. Он ничего не видел, кроме полотна шириной всего в два с небольшим локтя. Дорожка выныривала из мрака и уходила во мрак.

Несмотря на бульканье, всплески, утробные вздохи и шум внизу, здесь было так тихо, что Даждь слышал свое дыхание. Но постепенно он стал понимать, что дышит не только он — кто-то еще находится здесь.

Даждь остановился, стискивая рукоятку меча. Если что-то вынырнет из темноты, он не успеет сориентироваться.

Яростный рев прозвучал у него над ухом, и смрадное дыхание обдало затылок. Не

помня себя Дажь шархнулся в сторону — и еле устоял на ногах. В следующий миг прямо перед его лицом забил фонтан огня из реки. Кипящая лава взвилась перед его носом, чуть не опалив волосы. Сварожич еле успел отпрянуть.

Полный ярости крик долетел из мрака. Словно в ответ сверху родился гулкий рев.

Много повидавший на своем веку Дажь сразу понял, что это такое — ему грозил камнепад. Пригнувшись, он бросился бежать со всех ног, стараясь уйти от опасной черты.

Что-то похожее на обломок скалы, вынырнув из мрака, толкнуло его в бок, но полотно под ногами успело изогнуться, и он только покачулся. Позади дробно застучали по ткани камни, какой-то небольшой обломок стукнул его по спине над лопатками, но впереди вдруг вынырнул из мрака карниз. Полотно пролегало как раз под ним, и Дажь, ринувшийся туда со всех ног, успел добраться до спасительной кровли за миг до того, как на ткань обрушился камнепад.

Прижавшись к скале, Сварожич с содроганием наблюдал, как у самых его ног камни градом стучат в полотно. Свет ткани позволял видеть всего на десять — двенадцать шагов, и Дажь мог только догадываться, что происходит на остальной части его дороги. Порвись она хоть в одном месте — и он обречен.

Но полотно странным образом выдерживало все удары, пружиня, прогибаясь, иногда ловко перекручиваясь и сбрасывая валуны вниз, Чей-то крик, переходящий в зловещий хохот, сопровождал лавину, но в нем слышались нотки разочарования, когда камни пошли на убыль, а полотно осталось невредимым.

Дажь откинулся назад, прижимаясь спиной к спасительному карнизу, и прикрыл глаза. Кто бы ни был его враг, он будет вынужден передохнуть и приготовить новое препятствие, а потому следовало спешить.

Послышался треск ломающегося камня, и глыба покачулась прежде, чем Дажь понял, в чем дело. Карниз медленно откололся и стал заваливаться назад вместе с прислонившимся к нему Даждем.

Сварожич почувствовал, что падает. Словно понимая это, послышался истеричный хохот, и снизу взметнулось пламя, обдавая его жаром.

Но витязь пока еще твердо стоял на полотне, и оно в тот самый миг, когда сам Дажь поверил в развязку, вдруг изогнулось, закручиваясь в странную петлю, напряглось почти до звона — и подпрыгнуло под спину витязя. Середина полотна прогнулась, принимая форму его тела, и Дажь легко, как с ледяной горы, заскользил на спине вперед. Над его головой, примерно на уровне груди, из мрака выступили острые, как ножи, зубья скал. Но человек промчался мимо — и они только бессильно сверкнули напоследок.

— Ай да Велес! — не сдержал возгласа Дажь. — Ай, спасибо тебе! Век тебя помнить буду!

Полотно встало на дыбы, толкая его, в спину и понуждая встать на ноги. Поднявшись, Дажь продолжил путь.

Почти сразу его поглотил туман — такой густой и влажный, что стало трудно дышать, а полотно начало бессильно обвисать. Почувствовав под ногой мокрую, липкую и скользкую поверхность, потерявшую упругость, Дажь прибавил шаг, двигаясь почти бегом и следя только, чтобы не поскользнуться.

Удушье подкатывало волной. Перед глазами вставала кровавая пелена. Свет полотна от влаги ослаб, и трудно было различить хоть что-то вокруг. Вытянув вперед руку, Дажь медленно шел вперед, выверяя каждый шаг. Он будет двигаться, даже если придется ползти...

Резкий ветер разорвал туман пополам, образовав над полотном чистое пространство. Крупные капли влаги стали собираться на ткани. Они срывались вниз со звоном, напоминая весеннюю капель — только звуки падения каждой капли приходилось долго ждать.

Постепенно полотно высыхало, и идти стало легче. Но зато мешал ветер — тот самый, что сдерживал облака тумана. Он дул прямо в лицо.

Внезапно эхо донесло отзвук какого-то крика. Это был не хохот и не вопль ярости — в нем звучал скорее страх, смешанный с ненавистью и горечью поражения.

Вскинув глаза, Дажь неожиданно увидел девушку.

На вид ей было не больше двадцати. Тоненькая, стройная, как молодое деревце, с нежным личиком и толстой косой на груди, она в неуместном здесь светлом платье напоминала Даждю его невестку Диву, жену Перуна, какой та была в молодости. Большие испуганные глаза девушки остановились на витязе, и в них постепенно сквозь ужас проступало человеческое тепло.

— Кто ты, воин? — окликнула она Даждю. — И как попал сюда?

— Сварожич я, — ответил Дажь. — За своей чарой иду!

— Не ходи! — взвизгнула девушка. — Они тебя убьют!

— Ты уверена в этом? — Дажь протянул ей руку. — Идем, сама убедишься!

Готовый принять девушку, он поплотнее встал на полотно. В ее глазах мелькнуло что-то, заставившее Даждю помедлить, но тут тонкая рука протянулась ему навстречу.

Это и спасло ему жизнь. Прохладные пальцы девушки вдруг с неожиданной силой вцепились ему в руку, и она резко рванула его на себя. Одновременно лицо ее исказил ужас, а сзади снова послышался жуткий рев, и чьи-то когти скользнули по спине, раздирая рубашку.

Спасаясь от когтей, Дажь отпрянул, и в этот миг девушка отпустила его руку. В другой витязь сжимал меч и должен был непременно полететь вниз, но осторожность сделала свое дело. Уже падая, он наугад Махнул ногами — и повис на полотне вниз головой, цепляясь коленями.

Над ним пронеслось что-то огромное, напоминающее крылатого змея. Женский крик, в котором с трудом узнавался голос незнакомки, превратился в боевой клич, и Горынь атаковала врага.

Но Дажь оказался проворнее. Не теряя времени, он подтянулся, перехватывая полотно, как веревку. Когти Горыни достали его уже сидящим на нем верхом. Не успев выпрямиться, Дажь кувыркнулся снова. Ему в самый последний миг удалось схватиться левой рукой за ткань, и он повис над пропастью.

Горынь закружила над ним, раз за разом атакуя то полотно, то висящего на нем человека. Ткань изгибалась, провисала, пружинила, как живая уворачиваясь от когтей. Дажь болтался, прилагая огромные усилия, чтобы не сорваться. Держа меч чуть на отлете, он ждал удобного момента — вряд ли в таком положении у него будет шанс для второго удара.

Кожистые крылья взбивали воздух. Порывы ветра мотали его из стороны в сторону, а змея кружила, ожидая, когда же рука человека ослабнет. Несколько раз, разгоняясь, она атаковала его, бодая головой. Всякий раз Дажь еле успевал уворачиваться, раскачиваясь на полотне. Это бесило Горынь, и она бросалась в новые атаки. Их сила и ярость все возрастали. Один из противников должен был ошибиться.

Уворачиваясь от змеи, Дажь каждый раз пытался достать ее мечом. Иногда он успевал, но лезвие скользило по гладкой чешуе, не причиняя серьезного вреда. Он сам не заметил, когда змея оставила игру и ринулась в лобовую атаку.

Сложив крылья, Горынь напала на витязя, разинув пасть. Перед глазами мелькнули оскаленные клыки, и Дажь что было силы рубанул по ним.

Брызнула кровь. Взыв, Горынь замерла на месте, мотая головой — удар пришелся по кончику носа и верхней губе. Рана была не опасна, но ужасно болезненна. Змея была даже не оглушена — просто ошарашена, но Дажь не стал ждать, пока его противница придет в себя. Размахнувшись так, что пальцы левой руки чуть не сорвались с полотна, он ударил Горынь по голове...

Что-то громко хрустнуло. Змея изогнулась дугой, судорожно дернувшись от боли. Пасть ее распахнулась в беззвучном крике — и она, извиваясь и беспорядочно взмахивая крыльями, полетела вниз. Эхо подхватило ее последний вопль и держало до тех пор, пока

снизу не донесся громкий всплеск упавшего тела.

Даждь еще некоторое время висел над пропастью, чуть покачиваясь и глядя вниз. Там медленно таяла розовая вспышка — когда тело Горыни упало в воду, в глубинах Огненной реки и родились языки пламени, в которых, надо думать, нашла свой конец змея.

Некоторое время внизу все бурлило и кипело, но потом стихло, и даже жар, в котором витязь чуть не сварился, отступил.

Рука, на которой он все это время провисел, затекла, но Даждь заставил двигаться непослушные мускулы. Подтянувшись, он забрался на полотно верхом, посидел немного и встал, готовый продолжить путь.

Тонкая ткань шагов через сорок стала опускаться вниз. На ней обозначились выступы, похожие на ступени. Полотно сделало мягкий поворот, и глазам Даждя открылась цель его пути.

Это было то, что называлось Островом на Огненной реке — стена настоящего огня огибала скалу, чья вершина сливалась с высоким потолком необъятной по размерам пещеры. Огни мерцали в узких окнах- щелях. Все строение напоминало замки на дальнем севере, только не было крепостной стены, а вместо двора был неглубокий котлован, постепенно переходящий во внутренние покои Острова. Из-под сводов лился свет, похожий на дневной. Туда и устремлялось полотно.

Не колеблясь, Даждь бегом поспешил внутрь. Он знал, что там его могут ждать враги и ловушки, но с гибелью хозяйки все они должны исчезнуть. Так бывало всегда, должно быть и на сей раз.

Коснувшись камней, плотно пригнанных друг к другу наподобие кладки, полотно не исчезло, а продолжило путь, и Даждь не сошел с него. Дневной свет окутал его со всех сторон, но ткань мягко светилась и здесь, и именно в ее сиянии Даждь внезапно осознал, что стоит посередине просторного зала, а прямо перед ним из клубов дыма вырастает огромная змея раза в три–четыре больше той, которую он только что умертвил.

Змеиха была в ярости, позволившей ей забыть о старости и недугах. Со своего ложа она слышала последний крик дочери и поняла, что враг опять одержал победу.

Она должна была отомстить. И Змеиха ринулась в бой.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Даждь оцепенел от изумления. Он видел Ящера и успел привыкнуть к его размерам, но это существо поражаало воображение.

Змеиха ненамного превосходила Ящера — всего на пять–шесть локтей, — но ее сложение затмевало рассудок. Это действительно была змея — огромная, с уродливыми лапами, многочисленными наростами на чудовищной морде, складками дряблой кожи на шее и груди и кожистыми крыльями. Но чешуя потеряла половину своего блеска, наросты обтрепались, старая кожа колыхалась при каждом движении, а крылья висели, полупарализованные старостью. Но все-таки Змеиха была достаточно проворна — в этом Даждь смог убедиться, когда она ринулась на него.

Он еле успел увернуться от хвоста, что просвистел над ним и разнес в порошок невысокую колонну, одновременно оставив вмятину в стене. Посыпались камни, но Змеиха не почувствовала боли, а размахнулась вторично, беря на сей раз ниже.

Она хлестала хвостом, порой помогая себе лапами и мордой, и у Даждя не было и мига передышки, чтобы осмотреться. Змеиха теснила его обратно к выходу, к пропасти — это означало, что вожденная чара находится у нее за спиной, но обойти врага не было возможности — случайно или намеренно Змеиха наступила на полотно, придавив его к полу, и ползла по нему, прямо к Даждю.

Оставалось одно средство — рискнуть и сойти с полотна. Но до сих пор он выживал только потому, что не расставался с ним, цепляясь даже руками.

Однако, если Змеиха изловчится и загонит его обратно на мост, она сможет сбить его

вниз, и тогда ему вряд ли повезет.

Несколько раз Дажь пробовал отражать удары, но меч отскакивал от твердой чешуи. Змеиха всякий раз смеялась, не раскрывая пасти.

Он уже оказался снова в котловане, и полотно под ногами начало пружинить — верный признак того, что начался подъем. Змеиха торжествовала. Приостановившись, она прицелилась получше, чтобы сбить слишком верткого противника с ног и закатить к краю. Хвост ее взвился, прочертил свистящий полукруг и... человек исчез.

Змеиха не была уверена, что ее не подвело слабеющее зрение, и скоро убедилась в этом. Хвост слишком звучно шлепнул по камням, и она заметила, как с него соскочил ее драг. Вмиг ловко перебравшись повыше, он оказался на камнях на уровне ее головы и помчался в обход Змеихи ко входу в пещеру.

Это была настоящая гонка. Дажь был моложе и проворнее, но Змеиха была гораздо крупнее. В несколько прыжков она настигла противника — и ее тяжелая голова с маху опустилась, сбив его с ног.

Дажь, уже вступивший в зал, покатился по земле, а Змеиха, раскинув крылья, стала топтаться на месте, стараясь раздавить врага своей тяжестью. Ее когти выбивали в полу глубокие ямы, каменные плиты трескали и ломались. Она кружила в неистовстве мести и не сразу остановилась, оглядывая поле сражения.

Все вокруг было изломано и разбито вдребезги. Тонкое полотно, попавшее под когти, оказалось надорвано в некоторых местах и усыпано каменной крошкой. Но для старухи оно не играло никакой роли — гораздо важнее оказалось то, что среди обломков обнаружился ее враг — человек — судя по всему, без памяти.

Победный рев потряс пещеру, и Дажь с усилием открыл глаза. Голова гудела после того, как какой-то камень угодил ему в висок. Тело не слушалось. Оставалось удивляться, что он так быстро пришел в себя.

Над ним нависла уродливая морда с обвислыми усами и бородавками. Полинялый гребень сбился набок. В змее не было ничего устрашающего, если бы не ее размеры. Кривая лапа поднялась и нависла над ним, готовая раздавить.

— погоди! — вырвалось у Дажда. — Я не причиню тебе зла, если ты позволишь мне взять мою чару и уйти! Клянусь — это все, что мне нужно!

— Ты убил мою дочь, сын Сварга, — прозвучал дрожащий от ненависти голос. — Ты умрешь!

Он еле успел увернуться — когти впились в камень, на котором он лежал, растирая валун в порошок. Увидев, что враг опять ускользнул, Змеиха взревела и бросилась в погоню.

На сей раз она довольно быстро загнала его в тупик и пошла на него, колотя хвостом по земле. Прижавшись к стене, Дажь не сводил с нее глаз. Он удивлялся, почему Змеиха до сих пор не убила его, хотя столько раз ее хвост или лапа валили его с ног, не давая выпрямиться. У нее была какая-то цель.

Змеиха остановилась в нескольких шагах от человека, изучая выражение его лица.

— Ты за все заплатишь, — прозвучал ее голос, но на сей раз Дажь заметил, что она не разевает рта, когда говорит. Может, это не настоящая змея, а такое же творение рук древних магов, как его конь — творение его брата Хорса? Вон какая дряхлая!

Его размышления прервал хохот старой твари.

— Я не игрушка, а настоящая Змея! — произнесла она. — И ты в этом убедишься, когда я начну тебя есть! Ты в ловушке, человек! Прощайся с жизнью!

Ее хвост взлетел для последнего удара, но Дажь бросился вперед — и Змеихе пришлось в который раз опрокинуть его навзничь. Она выросла над поверженным врагом. Хвост ее поднимался все выше и выше. Дажь невольно следил за ним взглядом и внезапно остолбенел — там, наверху, как раз над его головой, была натянута огромная мелкая сеть, и он лежал как раз там, куда она должна была упасть. Хвост тянулся к крюку, удерживающему сеть на весу.

Змеиха не успела сообразить, что ее секрет раскрыт — Дажь молнией метнулся к ней,

стремясь проскользнуть меж ее лап.

На сей раз ему повезло. Змея тяжело плюхнулась на пол, но он успел выползти из-под ее крыла и со всех ног устремился к полотну. Оступить на него ногой — а там можно и бороться!

И в тот же миг он увидел чару.

Грааль стоял на невысокой колонне недалеко от рокового угла. Взбешенная Змеиха махала хвостом так, словно пыталась разрушить всю пещеру. Описывая полукруг, ее хвост врезался в основание колонны...

Чара покачнулась, падая, но Дажь уже прыгнул, забыв обо всем. Протянутые руки обхватили Грааль, прижимая к груди, и он упал вместе с ним, спиной защищая чару от града камней.

Отсюда был только один путь — вперед, в то место, над которым висела сеть. Но сзади жарко дышала Змеиха, и еще можно было успеть обогнать старуху и ступить на спасительное полотно.

Воздух разорвал резкий свист — Змеиха раскручивала хвост, как бич. На сей раз удар должен быть последним, чтобы раз и навсегда отучить человека метаться в тщетной попытке оттянуть развязку. Она даже привстала на лапах, чтобы размах был пошире...

Дажь не услышал сухого щелчка и легкого шороха падения сети. В тот миг он добежал-таки до цели и упал коленями на полотно, прижимая чару к себе.

Что-то звучно шлепнулось оземь в шаге от него, а потом стены сотряс громовой рев, в котором смешались ненависть и разочарование. Пещера, казалось, заходила ходуном, все рушилось и трещало, и Дажью оставалось только удивляться, почему на него не падают камни.

Наконец он обернулся и не сразу смог рассмеяться.

Шум, сравнимый разве что с землетрясением, производила Змеиха. Размахиваясь в тесном углу, куда сама же завернула, преследуя человека, она сшибла-таки хвостом крюк и теперь билась в сети, опутанная ею с головы до хвоста. Веревки трещали и лопались, но и сама старуха была при последнем издыхании и боролась все слабее и слабее.

Дажь с удовольствием рассмеялся, чем поверг старуху в бессильную ярость. Еще ни одна битва не заканчивалась так — он без оружия, а его враг поймал сам себя. Видимо, всему причиной чары полотна, на которое он все-таки успел вступить.

Оставив Грааль на ткани, Дажь отыскал под камнями свой меч и подошел к Змеихе. Она к тому времени выбилась из сил и лежала на боку, вздыхая и всхлипывая. У нее не осталось сил даже на то, чтобы перевернуться, но, увидев в руках врага меч, старуха забилась в сети.

— Не убивай меня! — запричитала она, дергая головой. — Я стара... Я клянусь не причинять тебе зла! Ты и так уничтожил трех моих старших дочерей. Три моих младших совсем еще девочки — что будет с ними, если не станет меня?.. У тебя, наверное, тоже есть дети — вспомни о них!

— У меня нет детей, — возразил ей Дажь, — но я действительно вспомнил — о других детях, которые благодаря твоим дочерям и тебе остались сиротами...

Но я слишком стара! — продолжала умолять Змеиха. — Я не смогу причинить тебе зла, даже если захочу! Ты можешь набрать у меня все, что хочешь, только оставь мне жизнь!..»

Закричав, она впервые разинула пасть, и только тут Дажь понял, почему она так упорно держала рот закрытым. В пасти у Змеихи не осталось ни единого зуба, а на месте чудом уцелевших красовались старые гнилые пеньки.

Дажь не выдержал и расхохотался, присев на лапу своего бывшего врага.

— Так вот в чем дело! — воскликнул он, отсмеявшись. — Ты просто старая развалина!.. Хорошо, я дарю тебе жизнь — в надежде, что ты остаток дней своих потратишь на то, чтобы внушить оставшимся дочерям не связываться с людьми. И ничего я у тебя не возьму, кроме вот этой чары и...

Внезапно он осекся. Взгляд его скользнул по брюху Змеихи между ее передними

лапами. Ощупав сквозь сеть брюхо пленницы, Дажь убедился, что догадка подтвердилась.

Оставив Змеиху терзаться в догадках, Дажь вскоре вернулся с чарой.

— Что ты хочешь сделать? — взвизгнула Змеиха.

— Я слышал, что молоко змей обладает огромной целительной и магической силой, — объяснил Дажь. — До сих пор мне не довелось проверить эту легенду, но раз ты предлагаешь выкуп, было бы глупо не воспользоваться...

— Что ты хочешь сделать?!!

— Выдоить тебя!

Змеиха зарычала, скаля остатки зубов, но Дажь уже вспорол мечом ее путы, обнажив скрытую в складках кожи грудь — два ряда мелких сосков. Все они были наполнены зеленоватым густым молоком. Змеиха забилась, почувствовав руки человека, но сделать ничего не смогла.

* * *

Раздавленная унижением, старухи тихо хныкала в сети. Дажь медленно пятился прочь, борясь с сожалением, которое испытывал при виде Змеихи. В детстве он слышал легенды, похожие на сказку, о том, что когда-то люди пили змеиное молоко так же, как сейчас коровье. Только что он, не удержавшись, попробовал его. Жирное, густое, с сильным запахом мускуса, оно отлично утолило голод, но для чары опять не принесло пользы. На дне болталось две или три капли, да стенки были изнутри все белые от молока, но остальное ушло, растворилось, как будто ого и не было.

— Я сдержу слово, мать-Змеиха, — тихо сказал Дажь. — Живи и расти дочерей. А мне пора!

Он уже повернулся и шагнул к полотну, но тут под его ногой что-то хрустнуло. Дажь остановился. В пыли валялось колечко — простое, скромное, без украшений, даже обгорелое с одного края. Сквозь гарь проступали письмена, принадлежащие, вероятно, предкам змей.

Связанная Змеиха, увидев кольцо в руках Сварожича, забилась с новой силой.

— Не смей! — захрипела она, корчась в сети. — Положи на место! Это кольцо моего мужа! Оставь его!

— Твой муж давно умер, — возразил Дажь. — Если это память о нем, то тебе следовало бы лучше приглядывать за такими ценными вещами. Я забираю его — хочу подарить одной девушке, если она согласится принять мой дар.

С этими словами он надел кольцо на палец.

— Сними! — закричала Змеиха. — Сними! Оно не принесет счастья ни тебе, ни ей! Сними!

Надрезанная сеть с треском подалась. Не дожидаясь, пока Змеиха освободится окончательно Дажь бросился бежать по полотну. Вслед ему несясь рев Змеихи.

* * *

Когда, повернув последний раз, он ступил на ткань над пропастью Огненной реки, то сразу увидел, что на том берегу его ждут. Тьму разрывали огни факелов, слышался приглушенный гул. Дажь остановился на полпути, но не успел решить, что делать дальше, как издалека донесся приветственный крик, и витязь узнал голос Агрика. Это было совсем не то место, где он начал путь. Уровень реки здесь был гораздо ниже, а потому не было удушающей жары, ядовитого тумана и зловещих багровых бликов на скалах. Полотно кончалось на пологом берегу, постепенно переходящем в просторную низкосводчатую пещеру, тускло освещенную мерцающей плесенью на стенах и факелами в руках людей.

Кроме Агрика, Падуба и Велеса, который тут же бросился скатывать ткань, не обращая внимания на Сварожича, витязя ждал отряд пекленцев. Все они были вооружены до зубов и держали в поводу лошадей. Предводитель отряда шагнул к Дажю и отсалютовал ему

обнаженной саблей.

— Господин, — отчеканил он, — мастер Крик, мой командир, приказал мне ждать тебя здесь с лошадьми и проводить в безопасное место. Прошу следовать за мной! Вам дадут проводника и охрану.

— Погоди, — остановил его Даждь. — Скажи, что произошло в Пекле, пока меня не было?

— Мы сражались с наемниками Кощея, — ответил пекленец, — но силы оказались неравны. Тем более что на их стороне воевали чародеи. Нам пришлось отступить, и по нашим следам отправили погоню. Мы пытались остановить ее, но слишком много наших пало. Отряд скрылся в лабиринтах и послал весть на границу в дружины князя Волхова. Помощь пришла только что, и неподалеку отсюда идет бой. Вероятно, начнется новая война.

— Мы защищали тот берег втроем сколько могли. — Сзади осторожно подошел Падуб. — А потом мастер Велес приказал нам отходить. Мы оказались здесь, а по дороге встретили отряд, посланный за тобой.

— Спасибо за преданность, — сказал Даждь, и молодой пекленец просиял.

Подошел Велес, как ни в чем не бывало сворачивая остатки полотна и не очень-то бережно запихивая его в мешок. Даждя чуть не передернуло от столь варварского обращения с тканью, но его друг уже забросил мешок за плечо и деловито осведомился:

— Едем?

Предводитель пекленцев кивнул:

— Да. Вот ваши кони, проводники и охранники!

Все обернулись. От отряда отделилось семь человек, ведущих в поводу поджарых пекленских коней. Только один из них выделялся среди остальных — рыжий с подпалинами могучий конь Велеса. Взглянув в лицо коновода, протягивающего ему повод, Даждь улыбнулся:

— А ты какими судьбами здесь?

Арагаст, чисто выбритый, в темной одежде и доспехах воина Пекла, отвесил короткий поклон:

— Долгая история! Если позволите, я расскажу ее чуть позже — я ведь упросился сопровождать вас в обратный путь!

— Он наш друг, хозяин, — вставил слово Агрик.

— А здесь и нет врагов, — загадочно изрек Даждь, прежде чем вскочил в седло.

Но поговорить в дороге не удалось.

Отряд мчался по лабиринтам Пекла, еле успевая менять лошадей. Путь их пролегал от одной заставы до другой, где их поджидали еда и свежие кони. Всадники перескакивали из седла в седло, успевая только передохнуть и поесть. Не менял коня только Велес — его жеребец являл собой чудо выносливости и ни разу не остановился и не захромал, хотя и спал с тела к концу дороги.

В Пекле на самом деле начиналась новая война. Раз или два пришлось свернуть с прямого пути, потому что рядом шли бои. Всем хотелось схватиться с наемниками Кощея, но охранники не давали даже высказывать такие мысли вслух — они должны были сделать все, чтобы Даждь и его спутники целыми и невредимыми покинули Пекло.

На третий день отчаянной гонки, сменив по шести лошадей каждый, беглецы оказались в безопасности.

Это были преддверия Пекла — нежилые пещеры, использовавшиеся жителями как склады, а еще для того, чтобы задерживать чересчур любопытных жителей верхнего мира, не пуская их внутрь.

Не успели коноводы принять лошадей, как навстречу приезжим вышел Крик.

— Приветствую вас! — сказал он. — С освобождением!

Даждь уже знал о той роли, которую пекленец сыграл в судьбе Агрика, и тепло ответил на приветствие.

— Ради вас князь Волхов объявил, что снова решил атаковать Кощея, — сказал Крик.

— Так что все начинается сначала. Не беспокойтесь — вашим врагам еще долго будет не до вас! Через меня князь шлет вам свое благословение и пожелание доброй дороги.

— Передай князю мою благодарность за помощь, — сказал Дажь.

— От себя же могу добавить, — вдруг понизил голос Крик, — что несколько дней назад, почти по вашим следам, в Пекло проник еще один всадник. Он тут же отправился к князю. Я мельком видел его в покоях и узнал, хоть и много времени прошло. Этот человек ищет тебя, чародей.

Велес, к которому были обращены последние слова, застыл, откинувшись в седле.

— Перун, — выдавил он. — Нашел...

— Князь обещал ему содействие, но я предупреждаю тебя потому, что вижу — ты исполнил свой долг честно, — объяснил Крик.

Велес резко натянул повод, горяча коня.

— Что ж, — набычился он, устремляя рога вперед. — Знать, пришла пора расстаться!

— Не бойся — я замолвлю за тебя слово перед Перуном! — крикнул ему вдогонку Дажь, но Велес, коротко кивнув, уже мчался прочь с такой скоростью, словно ветер нес его на крыльях, и миг он исчез за поворотом.

После его стремительного отъезда настала пора прощаться и остальным. Крик сам вывел Дажь и его спутников к выходу — тому самому, которым когда-то воспользовался Агрик. Пек ленцы остановились шагах в десяти от узкой щели, не решаясь приблизиться.

Отправив Агрика вперед — искать лошадей, — Дажь в последний раз повернулся к друзьям.

— Ну что, Арагаст, — окликнул он, — поедешь со мной?

Тот покачал головой.

— Уж прости, но я остаюсь. На пепелище не хочется возвращаться. В войске Пекла, думаю, я больше пригожусь... Но знай — когда бы ты ни приехал сюда, здесь тебя будет ждать друг!

— И не один! — добавил Крик. — Пока тебя выручали, у меня сын родился. Так что приезжай — мы всегда тебе будем рады!

Распрощавшись с остальными пекленцами, Дажь наконец вышел на поверхность.

При виде яркого синего неба, светлых горных вершин, пятен грязного весеннего снега и первых проталин, на которых уже зеленела перезимовавшая травка, при одном взгляде на горные ручьи, бегущие по склонам, на облака в вышине Дажь почувствовал, что у него защипало в носу. Как странно и страшно — он провел внизу, во власти Марены, половину осени и всю зиму, а мог остаться навсегда! Никогда бы не подумал, что будет так радоваться солнцу, робкому весеннему теплу и ветру! Дажь стоял у валуна, отмечающего вход в Пекло, прижимая чару к груди, и во все глаза смотрел на чуть было не потерянный им мир.

Внизу послышался свист, заставивший Дажь очнуться. У подножия склона стоял Агрик, держа за гривы двух лошадей. Пусть и отощавших, с клоками зимней шерсти на боках, все равно не узнать их Дажь не мог.

Он окликнул отрока, махнул рукой, и золотистый жеребец рванулся из рук Агрика, приветственно заржав.

— Хорс! — позвал Дажь. — Ко мне!

Конь с визгливым ржанием, играя как жеребенок, кинулся вверх по склону. Подбежав, он вдруг как-то разом присмирел, по-человечески смущенно изогнул шею, перебирая копытами, а потом потянулся к вновь обретенному хозяину и положил голову ему на плечо.

— Знаю, знаю, — ласково шепнул ему Дажь, оглаживая всклоченную гриву. — Ждал меня, горевал... И мне без тебя было нелегко!

Жеребец утробно вздохнул. Крупная слеза сорвалась с его ресниц и звучно шлепнулась на дно чары. Вслед за нею упала другая, родив булькающий звук. Не поверив своим ушам, Дажь отстранил жмущегося к нему Хорса и заглянул в чару. На дне ее поблескивала мутноватая жидкость, от которой исходил незнакомый резкий бодрящий запах. Жидкость дрожала и колебалась как живая, и казалось, что ее становится все больше и больше. Чара

наконец ожила!

Насторожив уши, Хорс во все глаза смотрел на хозяина.

— Милый друг мой! — Не сдержавшись, Дажь обнял его голову и расцеловал в нос. — Милый мой! Ты даже не знаешь, что для меня сделал! Спасибо тебе!.. Агрик, иди сюда, посмотри — она живая!

Отрок оставил лошадь внизу и стал подниматься, но Дажь не мог стоять и ждать, сам бросился ему навстречу, радуясь как мальчишка.

Когда восторги немного поутихли и друзья стали собираться в путь, неожиданно обнаружилось, что они не одни.

Неподалеку вдруг заржала лошадь, и к уже готовым вскочить в седла Даждю и Агрику вышел Падуб, ведя в поводу двух лошадей. Ни разу не выходивший до того наружу, пекленец от яркого света щурился и отворачивался, поминутно вытирая слезящиеся глаза, но настроен был решительно. Подойдя вплотную, он встал перед Даждем, опустив голову и ожидая наказания.

— Ты что тут делаешь? — спросил его Дажь.

Падуб всхлипнул.

— Простите меня, — тихо промолвил он, не поднимая глаз, — и возьмите с собой... Я еще пригожусь, вот увидите!

Я тебя давно простил — еще там, в Столбовом зале. Ты ни в чем передо мною не виноват...

— Возьмите, — повторил Падуб.

— А как же твой дом? Пекло, твоя семья?

— Нет у меня никого, — вздохнул пекленец. — А в Пекло я не вернусь — уже решил. Возьмите, я буду верно служить!

От страха, что его могут не взять, он упал на колени, схватил руку Даждя и лихорадочно прижался к ней губами.

— Эй, ты чего? Дажь еле вырвался. — Не надо этого... Поезжай, если хочется, но как же ты будешь в верхнем мире?..

Падуб одним прыжком вскочил на ноги и опрометью кинулся к лошадям, взлетая в седло.

— Отец мой жил — и я смогу! — воскликнул он.

* * *

Двадцать дней спустя три всадника осадили коней у подножия одинокой горы над морем.

Весна сюда пришла позже — здесь только-только начинали появляться проталины, набухать почки на ольхе и иве, темнела вода подо льдом, и первые ручьи бежали к вспухшим рекам.

Оставив лошадей внизу, взяв только чару, Дажь взобрался на гору. Полтора года назад, поздней осенью, он уже проходил этими тропами, но тогда ливень грозил смыть его вместе с грязью вниз, где поджидали враги, и он не знал, что ждет его впереди. Не ведал он этого и теперь, но на сей раз Даждя никто не преследовал, а сам он точно знал, куда направляется. Тревожило иное — выполнил ли свое обещание брат, сохранил ли поврежденный им по незнанию склеп, не поздно ли явился сам Дажь?

Падуб и Агрик, с мечами наголо, в молчании шли за ним — юноши ни за что не хотели оставить его одного. Конечно, впереди их не ждет засада, но за последний год Даждю хватило неожиданностей, и он только радовался скрипу шагов за спиной.

Ход, через который он зашел когда-то вместе с конем, был завален, но мимо него вела круто вверх узкая тропинка. Пройти по ней мог только привычный человек, и здесь Падуб неожиданно обогнал Даждя, руки которого были заняты Граалем. После того как слеза Хорса оживила ее, чара больше не оставалась пустой — на дне ее всегда плескалось немного

жидкости, а стоило ее поднести к губам и чуть наклонить, как тут же наполнялась до краев. Она и сейчас была полна, и Дажь прилагал все усилия, чтобы не расплескать ни капли. И помощь Падуба была как нельзя кстати.

Пекленец первым добрался до той площадки, где Дажь когда-то разговаривал с Хорсом, и успел найти вход в склеп. Поднявшись следом, витязь обнаружил проводника, с интересом заглядывающего в неширокую щель.

— Там что-то есть, — объявил он и посторонился, давая дорогу.

Проход был достаточно широк для человека — в случае чего могли пройти и двое, — но Агрик и Падуб, не сговариваясь, пропустили Даждя вперед.

В знакомой пещере все было залито розовым светом, исходившим от камня. Кроме почти исчезнувших под слоем пыли следов Даждя, признаков того, что здесь еще кто-то побывал, не было.

Витязь осторожно приблизился и, поставив чару на пол, наклонился над склепом.

Разбитая им крышка неплотно прилежала к ложу — были заметны следы трещин. Сквозь ее полупрозрачные грани трудно было различить, что там находится, и Дажь осторожно стал снимать обломки. Агрик и Падуб не посмели подойти.

Части крышки один за другим легли на пол, и сквозь розовый свет на Даждя глянуло то самое лицо, которое он не надеялся больше увидеть.

Сорвав тонкую ткань, закрывавшую лицо спящей, Дажь наклонился к ней. Ничто не изменилось те же строгие черты, губы, брови, ремешок на спокойном лбу. Торопясь, он сорвал ткань и с остального тела.

— Сейчас, — прошептал Дажь, хотя девушка не могла его услышать, — сейчас ты обретешь свободу!

Он осторожно приподнял ее голову — из-за плеча Даждя вынырнул очнувшийся Падуб, с почтением протягивая чару. Поблагодарив его кивком головы, Дажь принял чару и медленно, чтобы не пролилось ни капли, поднес к губам спящей.

Русая головка запрокинулась, губы приоткрылись — и несколько капель просочилось внутрь. Осторожно, боясь сделать лишний вздох, Дажь напоил спящую.

Превращение свершилось внезапно. Казалось, только что перед глазами была живая статуя — и вот дрогнули ресницы, налились жизнью губы, шевельнулась, вздыхая, грудь.

Девушка вздохнула во сне, повернула голову, чуть поменяла позу.

Дажь склонился над спящей, не сводя с нее глаз. Только что произошло чудо — та, которая была обречена вечно лежать в этом склепе, обрела вторую жизнь. И это сделал он!

В какой-то миг девушка показалась ему прекраснее всех женщин на земле, и Дажь взял в ладони ее лицо и поцеловал уже живые, теплые губы.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Златогорка открыла глаза и сразу почувствовала, что ее страстно целует мужчина. Именно его поцелуй вырвал ее из объятий сна. Пробудившись, она тут же ясно вспомнила последние минуты перед сном и поняла, что ее обманули. Этот шарлатан наврал ей с три короба про судьбу и ждущего в вечности жениха, чтобы погрузить девушку в сон, а затем воспользоваться ее беспомощностью. Страсть, с какой мужчина ее целовал, прямо говорила об этом. Неизвестно, сколько времени она уже пробыла в его власти, но, по счастью, меньше, чем он рассчитывал. Что ж, второй раз ее не обмануть!

Не открывая глаз, Златогорка размахнулась и ударила.

Поцелуй прервался, потому что мужчина отлетел в сторону. Не давая ему времени прийти в себя, девушка резко села, подалась вперед и — застыла на месте.

Глазам ее предстали своды старой пещеры, совсем не похожей на покои чародея, предложившего ей свою магию. Снаружи доносился гул ветра и далекий шум моря — а ведь моря там не было. Она сидела на ложе, устроенном в огромном продолговатом камне, от которого исходил сладкий запах трав. Только этот камень и был ей знаком, но сейчас

девушка не подумала о нем, обернувшись к людям, что стояли над нею.

Их было трое, и все они оказались незнакомыми. У стены застыли в удивлении двое юношей — один чуть помоложе, глядевший растерянно, другой — темноволосый, с бледным лицом жителя подземелий, был настроен гораздо решительнее. Он держал наготове саблю и не сводил вопросительного взгляда с мужчины, стоявшего близ ложа.

Именно он ее и целовал — сразу поняла Златогорка, разглядев на щеке незнакомца алое пятно. Что ж, это научит его вести себя как подобает!

Никто из них не двигался, давая возможность девушке осмотреться. Их молчание одновременно успокоило и насторожило ее.

— Кто вы? — быстро спросила она. — И где я? Что тут происходит?

Незнакомец поднес руку к пятну на щеке, ощупывая его, и вдруг улыбнулся неожиданно мягко.

— Прости мой порыв, не кори за несдержанность, — спокойно и чуть растягивая слова, словно напевая, заговорил он. — Я не причиню тебе зла. Имя мое Дажь Сварожич, а это друзья мои — Агрик и Падуб. По моей вине нарушен твой сон. Я чуть не стал виновником твоей смерти, разбив крышку твоего ложа. Но старший брат меня надоумил, как исправить ошибку. Я тебе жизнь спас, а потому не сердись. — Он опять погладил щеку. — А рука у тебя тяжелая!..

Он рассмеялся, но Златогорке было не до смеха. Она села, собираясь покинуть ложе, и Дажь тут же оказался рядом, подав ей руку.

— Обойдусь — не дитя, — отрезала Златогорка и не приняла помощи, легко спрыгнув на пол.

Она оказалась высока ростом и стройна — под стать Даждю, который почему-то отступил в сторону и поспешил убрать от ее ног Грааль, так и забытый им у ложа. Падуб принял из его рук чару, но девушка даже, не заметила этого. Она внимательно осматривалась, и в глазах ее закипало возмущение.

— Так, значит, ты меня здесь нашел, Дажь Сварожич? — молвила она. — А знаешь ли ты, кто я?

Все знаю, Златогорка Виевна, — почтительно ответил Дажь удивленной девушке. — Я брата твоего знавал, самого Святогора Виевича — он с моим отцом, Сваргом Родовичем, побратимом был...

Красивые брови Златогорки изогнулись.

— Где он? — воскликнула она. — Где Святогор?

— Его нет в живых — годы вышли... Слышал я, под конец жизни он женился, но вскорости жену с детишками оставил, в пещеру удалился. Там я его и нашел, да потом наши дорожки разошлись, и где он смерть встретил, про то мне неизвестно...

Он осекся, увидев, что на ресницах девушки дрожат слезы. Она еле сдерживалась — мешала заплакать гордость.

— Умер, — прошептала она, хрустнув пальцами. — Сколько ж лет миновало... И ты Сваргов сын...

— Старший, но до меня у него на стороне сколот¹ был...

Златогорка не слушала Даждя. Она снова развернулась к нему, уже не сдерживая своих чувств — на сей раз ее переполняла ярость.

— Ты! — воскликнула она. — Ты сам сказал, что знал все обо мне — кто я, кто моя родня!.. Но тогда ты должен знать, почему я пошла на это, что меня заставило так рисковать! Ты знал все, я несмотря на это...

— Прости, — повторил Дажь, подходя. — Каюсь — я знал, что ты здесь ждала своего суженого, единственного, кому назначена по душе и силе. Но не смог я уберечь твоего сна, не смог позволить тебе встретить суженого. Прости меня за то, что вы разминувшись, прости! У меня не было иного выхода...

¹ Внебрачный сын (скифск.)

Златогорка вдруг заплакала, не сдерживаясь, и Дажь нежно привлек ее к себе, глядя по вздрагивающим плечам. Девушка рыдала, причитая сквозь слезы, и то ли умоляла помочь, то ли укоряла Даждя за ошибку. Он и сам понимал: все вышло не так, как ожидал он сам и как предсказывал Хорс. Не зная, чем успокоить девушку, он поднял ее заплаканное лицо и быстро поцеловал мокрые глаза, губами осушая слезы.

— Не плачь, не рви сердца, солнышко мое, — шептал он. — Ты жива и будешь еще счастлива. Я верю — ты найдешь его, своего суженого. Он ищет тебя, по свету бродят, у людей выпрашивает. Вы встретитесь не сейчас, позже! Верь мне!

Заглянув в оказавшиеся небесно-синими бездомные глаза, он вдруг почувствовал к этой девушке которая вполне могла быть его дочерью, такую нежность, что сам испугался. Он опять привлек ее к себе, но Златогорка вдруг вырвалась и отскочила в сторону. В руке ее блеснул Даждев двуручный меч.

— Ты дважды оскорбил меня! — воскликнула девушка. — За одно ты уже получил от меня, и я была готова тебя простить. Но ты, зная обо мне все, разрушив мою жизнь! Я жила, надеялась, что встречу того единственного. а ты пришел и помешал мне! Я теперь погибну одна, а ты... ты... Ты тоже умрешь! Защищайся!

Дажь еле успел отпрянуть, уклоняясь от прямого выпада. Он вскинул было руки, показывая, что у него нет оружия, но Златогорка словно ослепла и атаковала снова.

Падуб и Агрик, не сговариваясь, бросились к нему, протягивая свое оружие. Дажь принял меч и саблю — против тяжелого двуручного меча у него не было иного способа выстоять. Обороняясь, он еле успел скрестить их над головой — три лезвия столкнулись с громким визгливым лязгом.

Отступив к стене, Агрик и Падуб во все глаза смотрели на схватку. Дажь был опытнее девушки, но проигрывал ей в оружии, а потому отступал, ведя ее вокруг опустевшего ложа. А возможно, причина была в чем-то ином.

Обогнув камень, Дажь продолжал пятиться к выходу из склепа. Внешний мир мог отвлечь внимание поляницы, и тогда ее можно будет одолеть.

Агрик и Падуб выбежали вслед за сражающимися. Они поняли замысел Даждя, но поняли также и то, что план не удался.

Оказавшись на свету, Златогорка не растеряла боевого пыла. Наоборот, в нее словно вливались от солнца и ветра новые силы. Дажь продолжал отступать, следя только за тем, чтобы не споткнуться на узком карнизе.

Отступая вдоль края, Дажь понимал, что это его единственный шанс. Он был искусным бойцом, но не мог заставить себя в полную силу сражаться с женщиной, которую только что держал в объятиях. Отвлечшись на мгновение, он почувствовал, что земля уходит у него из-под ног.

Изогнувшись в отчаянном стремлении удержаться на краю, он поднырнул под взлетевшим над ним мечом, выставил саблю — и сам не понял, как оказался обезоружен. Златогорка выбила из его руки оружие каким-то неизвестным ему приемом и с видом победительницы приставила клинок к горлу Даждя.

— Я побежден, — признал он, отводя в сторону бесполезную теперь саблю. — Но убить меня моим же мечом? Это что-то новое!

— Ты умрешь, — пообещала Златогорка, — если не поклянешься жизнью, что исправишь свою ошибку. Ты это сделал — тебе и ответ держать!

Дажь понял, что она имеет в виду.

— Я не столь могучий чародей, как ты думаешь, — сказал он. — Все дело в чаре и особом камне, из которого она сделана... Но мой брат знает и умеет больше меня. Если хочешь, провожу тебя к нему, сама с ним поговори.

— И поговорю, — ответила Златогорка, — но сначала я с тебя зарок возьму, чтоб ты слова своего не нарушил!

Она всего на миг отвела взгляд — и этого оказалось достаточно, чтобы подле нее появился белый волк. Зверь вздыбил шерсть на загривке и обнажил клыки.

Девушка не закричала — она просто шагнула назад, отводя меч от горла Дажда. Волк сделал движение — и она отпрянула еще дальше, к обрыву.

— Назад! — приказал Даждь.

Зверь замер, но ничего не понявшая Златогорка тоже сделала шаг, куда велели. Она покачнулась чувствуя, что падает, но не успела ни закричать, ни отпрыгнуть, как Даждь оказался рядом и подхватил ее за талию.

Меч выпал из руки девушки. Обхватив руками шею спасителя, она взглянула на камни внизу, далекий морской прибой и прижалась к Даждю.

— Что ж ты прыгаешь-то, как коза? — ласково упрекнул ее Даждь. — Не заметила, что это горы? С ними ухо остро держать надобно. Не ровен час... Я в горах родился, сызмальства к ним привычен!

— И я — тоже... — тихо ответила девушка, не сводя глаз с открывавшихся далей. — Просто забылась...

— Забылась. — Даждь погладил ее по голове. — А с тобой оказалось не просто совладать. Ты, верно, лишь с женихом своим будешь ласковая да смиренная! — Тело девушки напряглось в его руках, она гневно вскинула голову, и Даждь поспешил добавить: — А слово я сдержу — свожу тебя к брату. Может, он что посоветует. А нет — так не обессудь!

Отпустив девушку, он подобрал оружие и первым стал спускаться вниз, к лошадям. За ним, даже не взглянув на Златогорку, поспешили Агрик и Падуб. Девушка стояла на краю, сжав кулаки, но потом последовала за ними.

* * *

Никто не мог, отправившись в путь, миновать одинокую пророчицу и волхву Макошь. Ее дом в скале над ручьем был неподалеку — в двух днях пути — и находился как раз по дороге на север.

После битвы Даждь почему-то стал относиться к Златогорке с уважением, которого удостаивались только испытанные воины. Он величал ее по имени-отчеству, обращался почтительно и ласково, ни разу не молвил слова поперек и предпочитал отмалчиваться, если у поляницы было дурное настроение. Нрав у девушки оказался не такой мирный, как можно было ждать, памятуя ее брата, но именно это в ней и привлекало. В отличие от Марены, Златогорка никогда не скрывала, что у нее на уме. Выслушав предложение Дажда посетить Макошь, девушка заявила, что не доверяет предсказаниям, так как однажды ее уже обманули, — и при этом многозначительно посмотрела на витязя. Но Даждь был само терпение — только хмыкнул, отведя глаза, — и она Согласилась.

Падуб каким-то полужвериным чутьем угадывал в ней нечто особое. Он без спора уступил ей своего коня и пересел на заводного. Таким образом под Златогоркой оказалась кобыла, к великой радости Хорса, который теперь сам, не слушая повода, держался поближе к ней и ее всаднице. Наступала весна, все в мире тянулось друг к другу, и две лошади тоже обрадовались встрече. Златогорке это не нравилось хотя бы потому, что Даждь теперь постоянно был рядом. По его лицу и прядям седины в волосах сразу можно было угадать его возраст, и, хотя по его фигуре, голосу и глазам трудно было счесть его стариком, все же было ясно, что он гораздо старше девушки.

Весенний лес радовал глаза набухающими почками, распустившимися сережками на кустах, золотистыми звездочками первоцветов и молодой зеленой травкой. Сугробы еще лежали в низинах и в тени, но почти всюду открылась бурая, еще прохладная и полусонная земля. Чудом выжившие бабочки мелькали над проталинами, а воздух звенел от голосов ранних птиц. Речки ломали лед и выплескивались из берегов.

Соскочив с коня на ходу, Даждь сорвал ярко-золотой цветок и вернулся к Златогорке. Не успела она спросить, зачем ему это, как он ловко воткнул его девушке в волосы.

— Как раз для тебя, — улыбнулся он, — по твоему имени...

— Не люблю, когда рвут цветы, — отозвалась девушка, — особенно,, для этого!

— Хорошо, больше не буду, — послушно сказал Дажь, трогая коня.

Проехав еще десяток шагов, они увидели Макошь. Встав на колени над разлившимся ручьем, пророчица раскинула руки в стороны и что-то шептала, обратив лицо к небу. Глаза ее были закрыты, ветер трепал распущенные волосы — волхва была совершенно нагой.

— Это она? — шепнула Златогорка Даждю. — Что-то не похоже!

Макошь тут же открыла глаза и встала, как ни в чем не бывало направившись к развешанной на ветках ивы одежде.

— А ты, девонька, не гляди на лик-то, — молвила она, одеваясь, — а не то проглядишь главное!

Одевшись, волхва вброд, как была, босиком перешла ручей и поравнялась со всадниками.

— Ишь ты! — усмехнулась она. — Четыре дорожки в кон-то веки вместе сошлись! Хорошо, что пока не разбежались... А, это ты! — кивнула она Даждю как старому знакомому. — С Кощеем пока что не сталкивался?

— А как ты узнала? — ахнул Дажь.

— Да был он тут по осени, — ворчливо объяснила женщина, — тоже о будущем пытаться приезжал.. Злой умчался!

— Ты назвала ему мое имя? — Дажь свесился с седла.

Макошь смерила его прищуренным глазом.

— Назвала, — загадочно ответила она, — отчего не назвать, коль правда?.. А хочешь — тебе его имя повторю, потому как забыть о нем — смерть для тебя! Пока помнишь — жив и счастлив будешь, а забудешь — тут и конец тебе!

— Ты говори, да не заговаривайся! — вспыхнули разом Падуб и Агрик. — Никак, смерть пророчишь?

Пекленец уже выхватил саблю, но Макошь смерила и его таким же взглядом, и он сник, как зачарованный.

— А почему бы и не напрогнозировать ее бессмертному? — вкрадчиво сказала она. — Дважды смерть его касалась — ан нет ведь, жив и здоров, а потерпит еще немного — и счастлив будет! Дважды ты уже умирал, — строго добавила она, глядя в лицо Даждю. — Смотри, как бы третий раз последним не стал!

Дажь выпрямился в седле, стискивая вспотевшие вдруг ладони. Сбоку ему в лицо заглядывали встревоженные Агрик и Падуб, даже Златогорка, но он не замечал ничего. А Макошь спокойно повернулась к нему спиной и пошла вверх по склону, отводя руками ветки.

Она преодолела половину расстояния, когда Дажь наконец очнулся. Он знал, что пророчества Макоши сбываются всегда, даже когда она сама этого не хочет, но она же и не предрекла ему, где и когда ждет его смерть. Значит, все еще обойдется! Он двинул коня следом.

— погоди! — окликнул он женщину. — Не за моей судьбой мы к тебе приехали!

— А я знаю, — откликнулась волхва, не останавливаясь. — Подъезжайте к дому!

Всадники послушались, переправляясь вслед за хозяйкой на другой берег ручья и въезжая на склон.

На поляне у входа в пещеру две девочки играли печеными «птичками». Завидев всадников, они вскочили и наперегонки бросились в дом.

Не успели всадники спешиться, как сестрички появились снова — уже с птичками для гостей. Толкаясь и весело крича, они кинулись к ним, протягивая угощение. Златогорка первая подхватила младшую красивую девочку на руки, принимая у нее печенье. Обрадованная таким вниманием, та вертелась у девушки на руках, счастливо щебетала и совала угощение всем подряд.

Дажь стоял, издали любясь Златогоркой и своими молодыми спутниками. С девочкой на руках Златогорка казалась такой счастливой, такой красивой и желанной, что Дажь сам не заметил, как нежность заполнила все его существо. Он почувствовал, что

должен прямо сейчас сказать ей о своей любви. Он уже сделал к ней шаг — но поймал взгляд Макоши.

Волхва стояла на пороге дома, сложив руки на животе, и не сводила с него глаз. Сварожич понял, что она знает о его чувствах, и смешался, опуская глаза. Златогорка — невеста другого, она моложе его почти в Два раза, она из другого мира, из другой жизни. Он не должен...

Взгляд Дажда упал на вторую дочку Макоши. Некрасивая девочка, явно обиженная тем, что предпочтение отдали ее сестре, стояла, надув губки, и собиралась заплакать. Желая утешить малышку, Дажь поднял ее на руки и улыбнулся ей. Та сначала отпрянула, собираясь зареветь в полный голос, но когда он, усадив ее на руку, подмигнул ей, успокоилась.

— Ты это мне принесла? — весело сказал он, протягивая руку за печеньем.

— Тебе, — застенчиво прошептала малышка, вкладывая ему в ладонь угощение. — Оно вкусное. Ешь!

— Спасибо.

Падуб вдруг обернулся и увидел всю картину. Его взгляд обежал всех — Макошь, не верящую своим глазам, Дажда с девочкой на руках, Златогорку и Агрику со второй дочкой волхвы — и вдруг решительно шагнул к витязю, протягивая руки.

— А ко мне пойдешь? — спросил он нарочито весело, принимая малышку из рук Дажда.

Девочка было закапризничала, уцепившись за шею витязя, но Падуб чуть не силой взял ребенка себе и принялся успокаивать.

Макошь решительно подошла и забрала дочерей. Опустив их на землю, она что-то сказала им тихо, и девочки послушно убежали.

— Вы сюда за судьбой своей приехали, — молвила волхва, — вы ее сами и выбрали. А тебе, — она взяла Падуба за плечи, — слово особое. Ты не просто дорогу избрал — ты чужую ношу решил на плечи взвалить. Удержи!

Не прибавив более ни слова, Макошь повела гостей в дом, где их поджидало угощение.

Разговорились снова только вечером, сидя на пороге дома. Девочки возились Под увешанными лентами и полотенцами деревьями, в темнеющем небе свистели крылья спешащих к северу птиц. Волхва строгала веточку, выделывая древко для стрелы. Взглянув на ее работу, Дажь поздно спохватился, что не взял с собой положенного подношения.

— Мне твоих даров не надобно, — ответила волхва. — Не до них тебе было, не до них и будет. Твоя дорожка дальше прочих — другие отстанут, а тебе все бежать и бежать...

— Не говори загадками, — взмолился Дажь. — Прямо скажи!

Макошь хитро прищурилась:

— Как же я прямо скажу, когда ты знать не желаешь?.. Мне-то судьба твоя вся ведома — разве что последнего часа за далью не видно, но ответить я могу, только когда ты спросишь. А ведь не спрашиваешь!.. Боишься иль считаешь, что человеку свое будущее знать необязательно?

— Коль ты все ведаешь, — заговорил Дажь, — то должна знать, что не за своей долей я сюда приехал! Мне моя судьба известна, а что скрыто — то в свое время узнаю. Про других скажи.

— Скажи мне! — вдруг воскликнул Агрик.

Женщина обернулась к отроку и смерила его с ног до головы пристальным взором. Он покраснел до корней волос, но сдержался.

— Что я скажу? — вздохнула она. — Тоже ведь ничего путного спросить не желаешь — все вы вечно вокруг да около ходите. А о себе ты завтра вон у него все узнаешь. — И она кивнула в сторону Дажда.

Агрик вскинулся, ища взглядом витязя, но тот успел перевести разговор на иное:

— Я Златогорке слово дал ошибку свою исправить и хочу о ней спросить — будет ли она счастлива?

— А что ж она молчит?

Поляница открыла было рот, чтобы вмешаться, но Дажь уже ответил:

— Я виновен, мне и ответ держать!

— О ее счастье, стало быть, печешься, а о своем помыслить не хочешь? — улыбнулась Макошь. — Ну что ж, раз она молчит, я тебе и скажу: не виновен ты ни в чем! Пришла ей пора вернуться, снова жизнь обрести. Конечно, можно ее снова упрятать в пещеру, да только этот сон последним для нее окажется — коль уснет, не проснется более!

— Это что же, — ахнула девушка, — значит, я никогда...

— Наоборот, очень скоро, — перебила ее волхва, — коль глаза будешь держать открытыми, а сердце — чистым, чтоб не проглядеть своего счастья. Потому как не сумеете его удержать — будет оно недолгим. А тебе я еще скажу, — Макошь обняла Златогорку за шею и прошептала ей на ухо: — Родишь сына, да смотри — коль родишь воина, не быть тебе в живых!

— Я умру? — воскликнула девушка. — Но почему?

Макошь не успела и рта раскрыть — над нею встал Дажь, сжимая кулаки. Глаза его блестели от гнева.

— Ты, колдунья, брось пророчествовать! — крикнул он в лицо волхве. — Я ее для жизни воскресил, для любви и радости, для счастья ребенка взрастить да на ноги поставить! Она и жизни не видела, а ты ей смерть сулишь! Жаль, что не вернуть твоих слов — иначе я заставил бы тебя горько пожалеть о каждом из них!

Златогорка смотрела на Даждя так, словно впервые увидела, — а Макошь и бровью не повела.

— Что ты взвился, сокол? — насмешливо заговорила она. — Я ей разве смерть от родов предсказала?.. Вовсе нет! И разве ее гибель так уж неизбежна? Знаю, даже я не могу изменить то, что раз сказано, но сам посуди — разве все люди, что женщинами рождены, — воины? Подумай над словами моими, когда придет пора самому сына на руки брать!

Дажь задохнулся от ее слов и замолчал, опустив голову, а пророчица встала и ушла в дом.

* * *

Наутро прощались сухо. Златогорка молчала, опустив голову. Дажь не сводил с нее тоскливого взора, Агрик и Падуб понимающе переглядывались. Макошь не вышла их проводить, и всадники поспешили прочь из леса.

Узкая извилистая тропа вывела их на холмистую луговину. Вдалеке сизой дымкой вставали еще какие-то леса, сбоку за горизонт уходили к морю невысокие старые горы. Равнину пересекала речушка. К ней всадников и вывела дорога ближе к полудню.

Через реку был мост — несколько камней, перегородивших русло. Вода отекала их, а ниже река так мелела, что проглядывало дно — здесь лошадям было самое большее по брюхо.

Вдоль реки шла еще одна дорога, пересекавшая у моста первую. На перепутье стоял камень, испещренный стертыми временем знаками. Остановив коня, Дажь внимательно рассмотрел их и обернулся к своим спутникам.

— Там, — указал он на другую сторону реки, — моя родина, северные горы. От века положено, что самовольно простым людям путь туда заказан. Мы со Златогоркой одного племени, вы двое — нет. Но вы едете со мной, и вас пропустят... Только вот что, Агрик!

Отрок мигом оказался рядом.

— Слушай меня, — медленно заговорил Дажь. — Мы с тобой целый год вместе, много всего Повидали, я тебя учил и с мечом обращаться, и силы свои понапрасну не расходовать. Ты знаешь все, что нужно. А потому должен ты прежде одну мою просьбу исполнить.

— Все, что прикажешь, хозяин!

— Возьми чару, — Дажь полез в тороки, — да спрячь хорошенько. Отвези куда-нибудь, где ее не сыщут. В ней какая-то сила скрыта. Сейчас она спит, а вдруг пробудится? Мы с нею можем и не совладать. Срок настанет — найдут ее люди, с силой сладят, а до тех пор чару сию должно скрыть. Увези ее!

Агрик бережно принял чару и спрятал ее в мешок у седла.

— Свези ее куда пожелаешь, — продолжал Дажь. — А чтобы вера в свои силы тебя не оставляла, на, прими!

Отрок не нашелся что сказать и потянулся ущипнуть себя — Дажь протягивал ему свой двуручный меч!

— Это мне? — наконец выдал он. — Но как же...

— Бери! — Дажь вложил оружие в руки отрока. — Со своим благословением даю его тебе. Для добрых дел, для славных подвигов, чтоб имя твоё в веках прославилось!

Юноша был потрясен. Благоговейно приняв меч, он взглянул на лезвие, любуясь гладким металлом и игрой бликов, потом закрепил у седла и поклонился, прижав руку к сердцу.

— Я не посрамлю твоего дара, Тарх, — воскликнул он дрожащим голосом. — И верну его, как только пожелаешь... А взамен прими мой меч!

Златогорка не выдержала и усмехнулась, но Дажь с серьезным видом взял меч отрока и ответил:

— Добро. Коль решишь свою дорогу с моей связать, приезжай на это же место через год. Ну, а коли к тому времени свою дорогу найдешь — что ж, неволить не стану!

— Я вернусь, — воскликнул Агрик. — Вернусь, Тарх!

Взмахнув на прощание рукой, он развернул коня и поскакал прочь.

Проводив отрока взглядом, Падуб обернулся на Дажь.

— А я? — тихо спросил он, — Мне некуда идти, хозяин!

— А я разве тебя гоню? — отозвался Дажь. — Ты мне нужен!

Пекленец просиял.

Они уже переправились на другой берег реки и направились на север, приближаясь еще к одному лесу, что стеной вставал впереди; Все молчали, Златогорка исподтишка бросала на Дажь недоверчивые взгляды.

— Ловко ты разделался с Агриком, — нарушила она молчание. — Он стал тебе не нужен, и ты отправил его с трудным поручением куда глаза глядят, а чтобы парень поверил в твоё чистосердечие, всучил ему свой меч. Какой же ты воин, если так легко расстаешься с оружием?

— Я сделал для Агрика то, что должен был сделать, — ответил Дажь. — Он молод. За год узнает себя, найдет свое место в мире, и я предчувствую — в его руках мой меч принесет больше пользы. Он принесет победу не только Агрику, но и другим, кто через века возьмет его в руки. Имя же Агрика войдет в легенды — разве это плохо?

Он взглянул на Златогорку, и поляница не нашлась что возразить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

На север они явились одновременно с весной. Словно от их взглядов таяли снега, пробуждалась жизнь в долинах сумрачных гор.

Златогорка радовалась как дитя, забыв даже по привычке обижаться на Дажь за его поступок. Веселый девичий голос и звонкий смех вливались в крепнущий хор птичьих голосов. Она стала мягче, приветливее, с нетерпением ожидала конца пути и встречи с жителями этих мест. Один из них был её суженым, к которому её вез Дажь. Они наконец-то встретятся — и это наполняло душу девушки сладкой тревогой и предчувствием неизведанного.

Дажь не радовало ничего. Он казался по-прежнему спокойным и предупредительным, но в глазах и голосе его не было радости. Больше восьми лет не был он дома, не видел отца,

мать И братьев, но — странное дело — сейчас он и не хотел никого видеть!

Падуб сразу почувствовал перемену в хозяине. Не раз и не два ловил на себе Дажь его тревожный взгляд. И однажды пекленец не выдержал и подсел к витязю.

Дажь сидел, обхватив колени руками, и неотрывно смотрел на костер. Они расположились на высоком берегу над неукротимой горной рекой, что совсем рядом прыгала и грызла берега, стараясь сбросить со спины льдины. Мелкий густой кустарник со всех сторон окружал небольшую поляну. Над его ветвями с набухшими почками возвышались кроны берез. Меж кустов бродили лошади, оставленные без привязи. Златогорки не было видно — наверное, тоже сидит где-то у воды.

— Поведай, хозяин, в чем твоя печаль? — тихо попросил Падуб. — Может, я смогу помочь?

— Разве ты можешь что-нибудь сделать? — медленно выговорил Дажь. — В твоих ли силах?

— Это из-за нее? — догадался пекленец.

Дажь невольно вскинул голову, ища глазами девушку.

— С чего ты взял? — спросил он требовательно.

— По твоим глазам только слепой ничего не узнает, а глухой — по голосу, — рассудил Падуб. — Ты сам не свой становишься, когда говоришь с нею — то ж всем видно!

— Не всем, — возразил Дажь. — Но ты прав, — вздохнул он, — мне страшно делается при мысли, что я выполню свой долг, и она уйдет! Мои меньшие братья подойдут ей больше, нежели я. А не они — так мало ли женихов на свете! Поманит какой-нибудь, а потом убежит, не оглянется...

— Конечно, убежит, — согласился Падуб. — Она ведь не ведает?.. — Он взглянул Дажю в лицо, и тот покачал головой. — Не ведает! — воскликнул пекленец. — Да ты что, хозяин, и не говорил с нею?

— А зачем? Она должна свободно выбирать, а если начнет на меня оглядываться, разве ж это свобода?.. А вдруг более достойного за моей спиной проглядит? Ты вот, например, разве не вздыхаешь по ней?

— Нет, — улыбнулся Падуб. — Молод я еще для таких дел. Ты вот — в самый раз. И любишь ее...

— Да ну тебя, — отмахнулся Дажь и встал.

— И все-таки поговори, — не отставал Падуб. — Все лучше, чем так просто себя изводить. Прямо сейчас и пойди. Зорьку вечернюю вместе проводите, а там видно будет!

Дажь сердито отмахнулся, но сказанное запало в душу, и он тайком от всевидящего Падуба отправился в рощу.

Девушка почти сразу, как разожгли костер, направилась туда и до сих пор не возвращалась. Прислушиваясь к вечерним трелям птиц, Дажь осторожно пробирался зарослями, разводя ветки руками. Весенний прозрачный день подходил к концу, и под кронами уже начало темнеть.

Витязь двигался так осторожно, что птицы скоро перестали его бояться. Они проносились над его головой, распевали на ветках, которые он трогал руками.

Впереди послышался голос, который Дажь узнал бы из тысячи. Златогорка была там, среди берез. Даже не прислушиваясь, Дажь легко различал каждое слово — она нараспев повторяла мольбу-заговор:

— Белая береза, белая подружка, сестре своей послужи, жениха мне укажи!.. Белая березка, верная подружка, дом стоит над горой — суженого мне открой!

Девушка повторяла эти слова, чередуя их с тихой песней о девушке-березке, что стояла на юру, поджидая суженого из дальнего пути, да не дождалась и умерла. Проросла на могиле ее березка, а когда вернулся-таки молодец, заплакала она человеческими слезами.

Стараясь не шуметь, Дажь заспешил на голос и вскоре увидел Златогорку.

Девушка кружила в танце вокруг березки, ветки которой были завиты в узлы. Прервав на миг танец, она с тем же приговором связала вместе еще две и, отступая, земно

поклонилась деревцу. Ее тонкий стан в светлом платье — она эти дни не носила кольчуги, в которой пробудилась, — тоже походил на березку, и в вечернем воздухе сквозь ветки казалось, что это молоденькое деревце кружит перед старшим.

Даждь выступил из кустов.

Златогорка взяла еще две ветки.

— Березка, сестричка, — зашептала она, — совью тебе косичку. Выбери сторону южную, покличь моего суженого! Выбери сторону северную — покличь мне друга верного!..

— Кого зовешь, девица?

Златогорка вскрикнула и обернулась. В нескольких шагах от нее стоял Даждь. Заметив испуг и смущение на лице девушки, он улыбнулся:

— А я тут бродил — слышу, ты кого-то зовешь...

Он замолк, не желая, чтобы девушка догадалась, что он окликнул ее нарочно именно в этот момент, но Златогорка и так все поняла.

— Нет! — воскликнула она. — Ты? Только не это! Нет!

Даждь шагнул было к ней — поддержать, утешить, — но она метнулась прочь и кинулась бежать куда глаза глядят.

Даждь остался один под березами. Деревья тихо качали связанными ветвями.

— Понял теперь? — молвил он, обращаясь неизвестно к кому, — Нет, ищи ей другого суженого — по душе, по сердцу!

* * *

Златогорка бежала не разбирая дороги. Ей все казалось, что Даждь гонится за нею и вот-вот настигнет, схватит за косу. От судьбы, как известно, не убежишь, и когда на пригорке нога ее неожиданно загнулась о корень и девушка растянулась на земле, она уже ждала, что вот подскочит преследователь, подхватит на руки, закроет рот поцелуем и не отпустит до зари. Но никто не тронул ее, и девушка подняла голову.

Она лежала на залитом лучами закатного солнца пригорке, обнимая руками старый пенёк. Он был наполовину покрыт мхом, но от корня к солнцу тянулся крошечный, еще слабый росток — когда-то пенёк был явором.

Златогорка села подле ростка, расчистила вокруг опавшие листья и мхи, чтобы они не заглушили нового деревца. Явор был не стар, когда его настигла беда — крепкий корень сможет напитать побег, и через несколько лет тут поднимется молодое, полное жизни дерево. Явор оживет, словно не умирал.

Девушка долго сидела, глядя на крошечные листики, и чувствовала, что начинает понимать... Она просила — и получила ответ. Но правильно ли она поняла знак?

Поднявшись и отряхнув с колен листву, Златогорка огляделась. Вдалеке мерцал огонек — их костер. Даждь наверняка там. Он вскинет на нее немой взор, но она будет тверда — главное, не показать, что она что-то заподозрила. Пусть не догадывается подольше.

С этими мыслями девушка направилась обратно.

Костер горел, жадно хрустя сушняком. Сбившись в кучу, лошади смотрели на пламя. Но у огня сидел только Падуб, ковыряя прутиком в углях. Лицо его было мрачно. Он медленно повернул голову, когда Златогорка вступила в пятно света.

— А где Даждь? — спросила девушка.

Пекленец фыркнул:

— Ушел.

— Куда?

— Тебя искать. Ты его не видела?

— Нет, — солгала девушка.

Падуб отвернулся, и она сама вдруг испугалась своего ответа.

— Может, он к реке пошел? — с надеждой спросила она.

— Может...

— Я схожу, проверю, — стараясь, чтобы пекленец ни о чем не догадался, вымолвила девушка и торопливо ушла.

Падуб даже не повернул головы в ее сторону.

* * *

Даждь сидел на высоком берегу реки, глядя на воду. Внизу река волокла льдины, терзая их и вымещая на обломках своей зимней тюрьмы всю досаду за то, что так долго была без движения. Даждю сейчас хотелось того же — чтоб летели головы, валились в грязь поверженные враги и меч его багровел от крови. Может, даже кто-то попробует и его крови — кто знает. Конец всегда один!

Услышав легкие шаги, он чуть подвинулся, освобождая место, и как можно спокойнее молвил:

— Я говорил с ней, как ты и советовал.

— Что?

Голос принадлежал не пекленцу. Оглянувшись, Даждь увидел, что на траву рядом опустилась Златогорка. Девушка куталась от вечерней прохлады в полушубок и поджимала под платье ноги.

— Ты? — прошептал он. — Что ты здесь делаешь?

— Я искала тебя, — храбро ответила девушка, — А ты что тут один сидишь?

— Так, — неопределенно ответил Даждь. — Не думал я, что ты появишься!

— Почему? Боялся, не найду?

— Не захочешь, — поправил он. — Я же все видел. Думаешь, я не понимаю, чего ты хочешь? Тебе хочется любви и счастья, и ты права, когда пытаешься приоткрыть завесу тайны. В молодости я тоже, бывало, загадывал о будущем. И не любил, когда мне мешали... А я тебе помешал, и, не скрою, нарочно... Прости!

— Ты долго там стоял? — вдруг спросила Златогорка.

Даждь бросил на нее косой взгляд. Девушка не отрываясь смотрела на дальний берег реки.

— Нет. Но шел на твой голос...

Златогорка вздрогнула. Ей вдруг стало холодно, и она крепко вцепилась в полы полушубка.

Даждь не спеша снял свой и набросил ей на плечи.

— Иди к огню, — предложил он. — Застынешь!

— А ты?

— Я сейчас приду. Следом.

При этом Даждь не смотрел на нее — взгляд его скользил по сопкам на том берегу, где над отрогами иссиня-черных гор полыхал закат. Златогорка придвинулась ближе, глядя на его четкий профиль.

— Там твоя родина? — догадалась она.

Даждь кивнул и указал вдаль:

— Чуть севернее. Завтра мы пересечем эту реку и отправимся на запад до берега моря. Там есть глубокий залив. Он по размеру больше любого озера, мимо которых мы проезжали. От него мы вдоль берега отправимся на север — там должна быть дорога, по которой до моего дома меньше дня пути. Через двенадцать дней мы будем дома и тогда...

— Тебя там кто-нибудь ждет?

— Да, — кивнул Даждь. — Отец, мать, братья и сестра. А еще племянник — сын или дочь моего брата. Когда я уезжал, он еще не родился.

— А твоя жена и дети?

Он медленно покачал головой:

— Их у меня нет.

Лицо его напряглось, словно он вспомнил нечто страшное, что постигло его семью, и

Златогорка невольно потянулась к нему. Ей так захотелось прикоснуться к его крепкому широкому плечу, но она сдержалась.

— Прости, — молвила она. — Но я не знала... Что с ними случилось? Или мне нельзя знать?

— Почему? — усмехнулся Дажь. — Но это не самое лучшее, что можно узнать обо мне. Их вовсе не было!

Дажь обернулся, и Златогорка увидела, что он улыбается спокойно и безмятежно, и только в глазах светится что-то странное. Прежде чем сказать хоть слово, Дажь скользнул пристальным взглядом по ее лицу, словно стараясь запомнить каждую черточку.

— Понимаешь, — заговорил он, не отрывая глаз от ее лица, но избегая смотреть в глаза, — я с молодых лет колесил по свету. Дом покинул в возрасте Падуба — захотелось посмотреть мир!.. Меня заносило и в Пекло, и в Ванхейм, и в Дикие Леса, и дальше на запад, в Кельтику, и к самому западному морю, и далеко на юг, к Рилейским горам, и на восток, откуда, из старого Ирия, когда-то пришли сюда мои предки. Мой отец родился там... Я объездил весь мир, а дома прожил каких-то пять-шесть лет из тридцати... Однажды, правда, — он отвернулся, снова поглядев на реку, — я встретил женщину, которая показалась мне той единственной, которая предназначена мне...

Златогорка придвинулась так близко, что их плечи соприкоснулись. Дажь смотрел вниз, но девушка не сводила с него глаз.

— Восемнадцать лет я находился под властью ее чар, — продолжил он. — С тех пор как впервые увидел ее, с того дня, как она согласилась стать моей женой. Восемнадцать лет я любил женщину, которая предала меня. До сих пор что-то гложет, когда я думаю о ней — возможно, это следы ее чар, которыми она привязала меня к себе. А для чего? Я не избавился от тяги к дальним странствиям — наоборот, я обрадовался, когда восемь лет назад судьба позвала меня в дорогу. Наверное, я неисправим — отец в мои годы уже забыл, что такое дороги, а я не могу остановиться. — Он усмехнулся. — И это при том, что я всегда мечтал иметь дом, жену и детей. Я хотел много детей — сыновей и дочерей...

— И ты никого больше не любил? — вырвалось у девушки.

Теперь пришел черед содрогнуться Даждю.

— Человек должен любить, иначе жизнь теряет смысл, — с неохотой ответил он. — Ты поймешь это однажды, когда я отвезу тебя к себе домой. Мои младшие братья не такие бродяги, как я. Они моложе меня, а Стривер красавец, каких поискать! Он может научить тебя летать...

— Летать?

— Да, по-настоящему, на крыльях. И Смаргл — я до сих пор люблю в нем мальчишку, которым он был когда-то. Каким-то он стал за восемь лет?

— Ты хочешь, чтобы я...

— Нет, что ты! — Дажь повернулся к девушке и сам не заметил, как его рука накрыла ее ладонь. — Ты вольна в своем выборе! Да, я хотел, чтобы сложилось счастье у моих братьев, но еще больше я хочу, чтобы была счастлива ты! Я так хочу, чтобы ты встретила того, кто придется тебе по сердцу, кто полюбит тебя так...

Внезапно он встретился с нею взглядом и замолчал, не в силах отвести глаз.

Златогорка выпрямилась, чуть отстраняясь, но ладонь витязя ожила, сжимая ее пальцы, а его глаза жадно смотрели на нее, как будто это было последнее, что он видит в жизни. Они сидели над рекой, глядя друг на друга, и молчали.

Взгляд Даждя на миг опустился на губы девушки. Вскинув глаза снова, он медленно потянулся к ней.

Златогорка вздрогнула, когда их губы встретились. Горячая рука Даждя легла ей на талию, другая по-прежнему накрывала ее ладонь.

«Правую, — внезапно вспомнила она. — В самую первую их встречу она ударила его с левой руки, и теперь он боится, как бы не попало с другой...»

— Если хочешь, — тут же донесся его шепот из губ в губы, — ударь меня. Но я не

могу...

Он притянул ее к себе, и губы его скользнули вниз по ее шее к ямке над ключицами. При этом он отпустил ее вторую руку, но Златогорка только обхватила его плечи.

Даждь заглянул ей в лицо.

— Я люблю тебя, — сказал он. — С первой нашей встречи. Я не должен говорить тебе этого, но я люблю тебя.

Златогорка ничего не ответила, но не сопротивлялась, когда он увлек ее за собой в траву. Девушка откинулась на его полушубок. Голова Даждя закрыла от нее темнеющее небо.

— Прости меня, — молвил он.

— Маленькое деревце станет большим... — прошептала девушка.

Даждь не понял ее речей, лишь горячо поцеловал ее, и сердце его закричало от радости, а голова закружилась от счастья, когда ее губы затрепетали, отвечая.

Обнявшись, они покатались по траве, не прерывая поцелуя, и Даждь рванул на груди рубашку, радуясь треску ткани. А ту самую, вышитую Мареной к свадьбе, он разорвет позже, когда вернется домой с той, что станет его женой.

Они слились в одно целое, и Даждь не отпускал Златогорки до тех пор, пока сам не выбился из сил. Сомлевшая от его ласк, девушка счастливо плакала у него на плече. Ее растрепавшиеся косы рассыпались по траве, в них застряли травинки, Даждь с наслаждением вдыхал ее запах, поглаживая теплое податливое тело.

— Ты не замерзла? — шепнул он, не отрывая лица от ее волос.

Полунагая молодая женщина крепче обхватила его плечи.

— Нет! — всхлипнула она, ласкаясь. — С тобой мне не страшно ничего!.. Знаешь, — вдруг улыбнулась она, — мне говорили, что я понесу с первой ночи. И это наша первая ночь... Ночь под звездами!

Даждь поднял голову, посмотрел на небо, потом — на лицо Златогорки.

— У нашего сына будут глаза как звезды, — прошептал он.

— У него будут глаза как у тебя, — поправила его Златогорка и поцеловала витязя сама.

* * *

Падуб добросовестно пялил глаза на огонь до тех пор, пока они не заболели. Почти весь сушняк прогорел, на землю опустилась ночь, а этих двоих все не было. Уж не случилось ли с ними чего? В отличие от Сварожича, Падуб не верил, что они спаслись от Кощея. Вдруг во тьме подкрались его соглядатаи, а он не заметил?

Накидав в огонь хворосту и заставив пламя взвиться вровень со своим ростом, пекленец обнажил саблю и крадучись направился в сторону реки.

Чтобы видеть в темноте, ему не нужен был факел — он довольствовался светом звезд, да и то порой ему казалось, что они светят слишком ярко и могут выдать его врагам. Поэтому Падуб пробирался почти ползком, замирая от каждого шороха. Но, на его счастье, еще не все обитатели леса пробудились от зимней спячки, и он мог не отвлекаться, принимая топоток ежа за шаги недругов.

У реки слышались короткие вскрики и сдавленные стоны. Там кто-то был — кто, если не наемники Кощея, напавшие на девушку? Даждь был безоружен и без кольчуги. Одна стрела — и конец, а девушка...

Стараясь не дать себя обнаружить раньше времени, Падуб поспешил на шум. За кустами виднелось что-то светлое. Пекленец подкрался ближе...

Там, на траве, он внезапно увидел два тела, слившиеся в страстном объятии. Женщина вскрикивала и стонала, обнимая мужчину за шею. Падуб сразу узнал их и отпрянул, закрывая лицо рукой, чтобы не осквернять запретного сторонним взглядом. Пятясь и склонив голову на грудь, он отошел туда, где в первый раз разглядел сквозь ветки светлое пятно, и

встал боком к нему, сжимая в руке саблю. Они там беззащитны вдвойне — друг перед другом и перед всем миром. Сейчас они, как никогда, нуждались в защитнике. И Падуб был готов сторожить их покой и счастье до утра.

Он сомкнул глаза только на рассвете, когда первые лучи солнца, явившись с востока, разогнали мрак и ночные страхи. Проснувшись, пекленец проверил, что все спокойно у реки, и вернулся к давно остывшему костру. Он опять затеплил огонь и стал терпеливо ждать, пока его хозяева не вернуться.

Сладкий запах жареного мяса выманил любовников только к полудню. Падуб молча посторонился, освобождая им место у огня. Он ничего не спросил только скользнул взглядом по рваной рубахе Даждя, которую тут же уселась чинить Златогорка, и понимающе кивнул.

* * *

Только на следующий день пекленцу удалось убедить их пуститься в дорогу. Но на сей раз все было по-иному. Даждь и Златогорка ехали не спеша и почти не сводя друг с друга глаз. Сварожич молодел на глазах — к концу пути, когда над скалами поднялись стены его родного замка, ему никто не дал бы больше тридцати лет. Он был счастлив, и у Падуба что-то замирало в груди, когда он видел его тихую улыбку.

В замке их ждали новости. Он почти опустел — кроме отца и матери, витязя встретил только Стривер с молодой женой. Ни Смаргла, который, как оказалось, тоже прошлой осенью привел в дом молодую жену, ни Перуна, ни его жены и их детей, ни даже Живы — никого не было. Стривер сказал только, что Смаргл и его семья после того, как стало ясно, что его жена ждет ребенка, поселился в лесах — там его жене было лучше. А в семье Перуна случилось несчастье. Рассказывать сейчас, что произошло, Стривер отказался — сказал только, что Дива исчезла неизвестно куда. Он послал сокола к Перуну, но когда тот вернется — неизвестно.

Все это не могло не огорчить Даждя, но сейчас... Выслушав брата, он тут же объявил о своем намерении порвать с Мареной. В знак того в присутствии свидетелей на перекрестке дорог разорвали вышитую ею рубашку, и ветер разнес ее клочья по холмам.

И тут снова появился Гамаюн.

Даждь пешком возвращался с перекрестка в за мок. Златогорка прижималась к его плечу, шепча как хорошо им будет втроем — она была уверена, что уже носит младенца. Падуб, неотлучно сопровождавший их повсюду, наоборот, ушел вперед. Стривер и его жена отстали.

Сварожич уже ступил на подвесной мост, когда сверху послышался счастливый крик: — Даждь! Живой! Вернулся!

Витязь поднял голову. В небе кружила большая темная птица со странно знакомым силуэтом. Она постепенно снижалась, но Даждь уже узнал ее.

— Гамаюн! — Он помахал рукой. — Друг!

Сын Сирия завершал что-то неразборчивое и опустился на дорогу. Раскинув крылья, он побежал к Даждю, намереваясь схватить его в объятья.

Обернувшись на крик, Падуб и Стривер с двух сторон ринулись наперерез полуптице, но Даждь поспел первым. Гамаюн обхватил его крыльями и завопил во все горло:

— Я знал! Знал! И ждал тебя! Я тебя так ждал!.. Ты вернулся!

Спасибо тебе за помощь, — сказал Даждь. — Если бы не ты!.. Падуб, — обратился, — это именно он позвал всех на подмогу Агрику. Его мы должны благодарить!

— И Велеса, — добавил Падуб.

— Велеса? — опешил подбежавший Стривер.

Перебивая друг друга, Падуб и Даждь рассказали ему о том, что случилось в подземельях Пекла и какую роль сыграл во всем этом Велес. Выслушав, Стривер заметно помрачнел.

— Мы ничего не знали, — тихо ответил он¹. — О, если бы ты приехал чуть раньше. Ведь Перун поклялся, что сдерет с Велеса шкуру и повесит ее на главной башне.

Обратно возвращались в молчании. Стривер не стал вдаваться в подробности относительно того, что на самом деле случилось в замке, пообещав рассказать потом, когда будет более подходящее место и время, но Дажь заявил, что ему придется долго ждать.

— Я по примеру Смаргла здесь не останусь, — сказал он. — Бели хочешь помочь, сыщи для нас со Златогоркой тихое место, где никто не будет нам докучать. И... ты ничего не слышал о Живе?

— Я! Я слышал, — воскликнул Гамаюн, вприскок нагоняя братьев. — Доверься мне, Дажь. Я все для тебя сыщу!.. Да что там сыщу — уже нашел! Есть такое место!

И, не дожидаясь, пока Стривер найдется что сказать, Гамаюн затараторил, захлебываясь словами.

Еще совсем недавно граница Ирия пролежала гораздо ближе, но за последние двадцать лет она отодвинулась далеко на юг. В результате многие заставы, раньше стоявшие на самом рубеже, оказались в глубине земель и стояли заброшенными. На одной из них поселился с женой Смаргл — там поблизости протекает река. А другую облюбовал Гамаюн.

— Высокий холм, леса, берег моря, — расписывал он, — недалеко проходит прямая дорога сюда... И там тебя кое-кто ждет!

Это последнее оказалось заманчивее всего остального, и Дажь согласился, не дослушав.

* * *

На следующий день три всадника отправились вслед за Гамаюном. Не переставая болтать, сын Сирина летел чуть впереди, порой садясь на дорогу и поджидая людей. Перескакивая с одного на другое, Гамаюн перечислял свои зимние приключения. Его болтовня отвлекала Дажь от грустных мыслей о последних событиях в семье, да и дорога в самом деле оказалась короткой, а потому всадники сами не заметили, как выехали из рощи прямо к высокому гладкому холму, сбегавшему к морскому берегу. С боков его окружал лес, а на вершине стояла старая застава. Дом казался таким уютным, а окружавший его тын таким надежным, что сразу всем понравился.

Оставив спутников внизу, Гамаюн взлетел к тыну и приземлился во дворе. Немного погодя он по-хозяйски гордо вспорхнул на забор, а тесовая воротина отворилась, приглашая въехать.

На дворе стояла невысокая статная женщина с рыжей толстой косой на груди. Взглянув на нее, Дажь ахнул, соскакивая с седла:

— Жива?

Женщина бросилась к нему в объятия, заглядывая в лицо и лаская длинные кудри.

— Ты? — улыбалась она. — Мне Гамаюн сказал, чтоб встречала, а кого — промолчал! Проказник!

Она оглянулась на полуптицу, которая с важным видом смотрела по сторонам.

Златогорка и Падуб спешили, и пекленец повел •ставить лошадей. Жива провела гостей в дом.

Уже там, сидя за столом и пробуя наскоро приготовленное хозяйкой угощение, Дажь заметил в Живе перемены. Она всегда была стройной и даже немного худощавой, но теперь показалась раздобревшей — видимо, и на ней сказались годы.

— Ты одна здесь живешь? — спросил он.

— Гамаюн залетает, вести приносит, а так одна, — ровным голосом ответила хозяйка. — Уж второй месяц идет, как одна. Коль помехой не буду, так живите. Тебя я знаю. — Женщина обернулась к Дажь. — Ты не похож на свою родню.

¹ См. «Легенду о Велесе».

— Что? — спросил Дажь. — Наши чем обидели?
— Тяжелая я. — Жива прижала руки к животу. — Четыре месяца уже. Я ведь все в девках...

Дажь отставил кружку.

— А он кто?

Но Жива только подняла на него умоляющий взор.

— Не гони меня...

Златогорка и Падуб так и вскинулись при этих словах. Но Дажь спокойно взял кружку, допил и поставил ее на стол.

— Это не ты, это мы у тебя приюта просить хотели, — ответил он.

Жива благодарно улыбнулась, пряча глаза, и Дажь мысленно обругал себя за то, что не сдержался — в первый же день подарил Златогорке колечко, найденное им в пещерах Змеихи. Не ей, счастливой подле мужа, носить его, а Живе, бережно носящей под сердцем дитя того, кто спас Даждя в Пекле. Он подошел к сестре и обнял за плечи, успокаивая.

* * *

Златогорке не померещилось — она и в самом деле понесла в первую же ночь и носила дитя, считая до долгожданных родов дни.

По осени пришла пора рожать Живе. Не желая тревожить другую будущую мать, она перед самыми родами вернулась в замок.

В начале зимы, когда снега засыпали все вокруг и берег залива сковало Льдом, Златогорка дохаживала последние дни. В то же время отряды наемников Кощея тайком пробирались к границам Ирия.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Играя с ветром, Гамаюн кувыркался в поднебесье. Тяжелая снеговая туча медленно брела мимо. Ураганный ветер гнал ее прочь, на запад, а огромная пепельно-серая птица отважно сражалась с ветром, то ныряя в него, как в бурный поток, то отдаваясь на милость его порывов. Иногда, сложив крылья, Гамаюн падал к земле, но над самыми верхушками деревьев вновь выравнивал полет и ухитрялся переворачиваться через голову. Он не боялся ветра и гордился этим. Его залихватские крики неслись вдаль и на земле не были слышны.

Трое людей, стоя на высоком тесовом крыльце, смотрели на полуптицу, запрокинув головы. Падуб только что вернулся с охоты — проверял ловушки, — но сложил добычу у ног и забыл о ней. Он уже узнал столь много об этом мире наверху — недоступным, загадочным и манящим оставалось только небо.

Дажь бережно поддерживал Златогорку за плечи. Женщина обнимала мужа, другой рукой накрыв большой высокий живот. Младенец чувствовал настроение матери и толкался, просясь наружу. Родители не сомневались, что будет сын, и выбрали первое, детское, имя — Прострел. Ему уже подходила пора появляться на свет — радостного события ждали со дня на день, но разыгралась буря и завалила снегом дорогу к замку. Ехать с женщиной, ожидавшей родов, по снежному бездорожью было опасно, а потому решили ближе к сроку позвать кого-нибудь из знахарок. Собственно говоря, Дажь собирался выехать сегодня — ждал только Падуба, которого хотел оставить подле жены.

Гамаюн издал еще один воинственный клич и воспарил в небеса, распарывая их словно серо-голубая игла. Он завис в вышине, трепеща крыльями и поднимаясь все выше и выше — его силуэт таял в небе.

— Возвращайся! — закричала первой Златогорка и, охнув, схватила за живот — младенец отзывался на крик мощным ударом.

Дажь подхватил жену, но она уже оправилась и улыбалась ему.

— Давай назад! — закричал и он, призывно махая рукой.

Гамаюн вдруг замер, как неживой, и, сложив крылья, начал падать.

Он летел вниз, как сокол на добычу, но ветер подхватил его, завертел, словно осенний листок, и сразу стало ясно, что на сей раз отважный летун не справится. Златогорка закричала, испуганно оседая на пол. Дажь и Падуб вдвоем бросились к ней — и в этот миг Гамаюн тяжело рухнул на двор, перепугав всех еще больше.

— Видишь, что ты наделал! — в сердцах напустился на Гамаюна Дажь. — А что, если она теперь...

В этот миг Златогорка вдруг согнулась пополам, хватаясь за живот.

— Не могу, — простонала она сквозь зубы. — Ой, мама, все...

От неожиданности Дажь разжал руки, и, если бы не Падуб, подставивший плечо, женщина упала бы на крыльцо. Лицо ее исказилось, она дернулась, пытаясь встать, но только застонала, морщась.

— Видишь, что ты наделал? — повторил Дажь. — Видишь?

Гамаюн подпрыгнул на месте, встряхивая оперение.

— Ты не горюй, хозяин, — зачастил он. — Пусть она переждет, я приведу кого-нибудь!.. Ты знаешь меня — я могу! Я справлюсь! Я быстро!.. Но если бы ты знал, что я видел!

— Потом, потом, — отмахнулся Дажь. — После расскажешь! Лети!

Гамаюн вскочил на занесенный снегом тын и вспорхнул прямо в ветер. Начинающийся ураган подхватил его, закружил, но Гамаюн выровнялся и полетел строго на север, к замку.

А с юга, прикрываясь снежной бурей, как щитом, подходили замеченные с высоты Гамаюном наемники Кощея. Они двигались не спеша, прочесывая горы.

* * *

Ни Дажь, ни Падуб толком не знали, что делать с рожавшей женщиной. Златогорка, побледневшая так, что было страшно на нее взглянуть, лежала на лавке и то стонала сквозь зубы, то хриплым голосом умоляла их не волноваться.

— Все пройдет, пройдет, — повторяла она как заклинание. — Мы с Живой говорили — мне еще целый день!.. Я отлежусь, вот увидите...

Она то дремала, что-то шепча во сне, то просыпалась, в тревоге хватаясь за живот, то просила пить, то вставала и принималась ходить. Дажь не отлучался от нее ни на шаг. Падуб мялся у двери, не зная, уйти или остаться.

— Я слышал... — наконец подал он голос, — рожают в бане...

— Что ты стоишь? — тут же сверкнул на него глазами Дажь. — Беги живо!

У пекленца округлились глаза.

— Как? — прошептал он. — Мы что, сами?

— Самому мне не случалось, — молвил Дажь, — но я видел, как это делают другие... Ты мне поможешь?

Падуб кивнул и убежал готовить баню.

* * *

Снаружи бушевала настоящая метель. В трех шагах ничего нельзя было увидеть. Короткий зимний день подошел к концу, и все погрузилось во мрак.

Сквозь завывание ветра ничего нельзя было разглядеть. Узкую тропку к бане замело, но Дажь на руках понес стонущую жену до спасительного тепла, где бережно, не обращая внимания на ее стоны и мольбы пополам с криками, раздел и уложил на лавку.

Бочком протиснулся в дверь Падуб, осторожно, чтобы не потревожить, положил подле веретено и нож и отступил, ожидая приказаний.

Златогорка страшно закричала, рванулась вверх, и пекленца как ветром сдуло. Захлопнув за собой тяжелую дверь, он привалился к ней спиной, отирая пот со лба и

стараясь найти в себе силы вернуться — его помощь могла понадобиться.

Взгляд упал на распахнутые настежь ворота — как он въехал днем, возвращаясь с охоты, так их никто и не закрыл.

Проваливаясь по колено в свежий, только что налетевший снег, Падуб добрался до створок. Их замело так, что не своротишь. Но он рванул одну на себя с такой злостью, что не удержался и упал в сугроб.

Падение отрезвило его. Снаружи бесновалась буря, о каких выросший в жаре и духоте пекленец не слышал даже в сказках. Где-то в ночи ревели и завывали жуткие твари, а совсем рядом под их стон и хохот рожала женщина.

Падуб встал и не отряхиваясь побрел назад.

Метель бушевала так, словно хотела уничтожить все живое в мире, но одинокий всадник, пробиравшийся лесом, словно бросил ей вызов. Припав к гриве лошади, он отчаянно погонял, не щадя ни себя, ни животное.

Почти на коленях конь вполз по снегу на холм и, пошатываясь, вошел в ворота. Падуб обернулся на скрип снега, и Жива, в сапогах и мужских портах, чуть не упала к нему на руки.

— Где? — только и вымолвила она, но сама уже поняла и устремилась к бане.

Даждь кинулся ей навстречу. Златогорка еле дышала, жадно ловя воздух почерневшими губами, искусанными в кровь. На ходу скидывая полушубок, рукавицы и кожаную подкольчужную куртку, Жива, оставшись в одной рубашке, подошла к роженице.

— Выйди, — кивнула она Падубу, застывшему с белым лицом у двери. — Там постой!

Пекленец исчез, будто его и не было.

— Мне тоже? — Даждь поднял голову.

Останься, — сурово приказала Жива. — Ты муж. И отец.

Взяв Даждя за руку, она молча усадила его подле разметавшейся на ложе Златогорки и вложила в его руку ослабевшие пальцы жены. Почувствовав его тепло и силу, роженица вдруг подняла голову и слабо улыбнулась.

— Ну, вот, а ты боялась, — — улыбнулась Жива ей. — Сейчас рожать будем! Ты только помоги мне немного...

И торопясь, пока Златогорка не начала тужиться, стала развязывать узелки на ее одежде. Жива уже стала матерью — это было видно по вновь появившейся талии и налившимся грудям. Под глазами ее залегли тени — следы боли и бессонных ночей. Она как будто постарела, но от этого не стала менее привлекательной. Даждь уже хотел спросить, кого она родила Велесу, но в этот миг Златогорка вдруг закричала и судорожно вцепилась в его руку.

— Помоги мне, — приказала Жива. — Переверни ее — пусть младенцу будет легче...

Даждь послушно исполнял все, что велела сестра.

— Она не умрет? — вырвалось у него.

— Она родит легче, чем я, — коротко ответила Жива.

Но тут Златогорка снова закричала, забилась в руках Даждя, ударяясь затылком о скамью.

— Нет! Нет! — кричала она. — Не тронь! Даждь! Даждь!

— Я здесь, — отозвался он, но жена ничего не слышала.

— Не воин! Не воин! — кричала она. — Я не хочу умирать! Я хочу жить!..

Жива склонилась над роженицей. Руки ее чуть дрожали от волнения и усталости, но она уже видела головку ребенка — такую же светловолосую, как у отца.

— Ну же, давай, давай, — уговаривала она. — Давай, сестра! Еще немного! Он уже здесь!

Но Златогорка вдруг глубоко вздохнула — и ребенок скользнул обратно.

— Устала я. — Женщина прикрыла глаза. — Дай поспать!

Даждь вскинул на сестру полные боли глаза, но Жива вдруг яростно скрипнула зубами.

— Нет, ты у меня родишь, — прошептала она, к в ее руке блеснул нож. — Давай!

Увидев лезвие у самых глаз, Златогорка завизжала так пронзительно, что на ее крик ворвался Падуб. Тело роженицы изогнулось дугой — и на руки Живе легко и быстро скользнул младенец.

— Ну вот, а говорила — устала, — проворчала Жива, очищая личико ребенка.

Он сучил ручками, выворачивался.

Златогорка о усилием подняла голову.

— Кто? — шевельнулись искусанные в кровь губы.

— Радуйся! — Жива приподняла младенца, шлепнула его, и малыш зашелся громким криком. — Сын!

— Дай. — Златогорка протянула дрожащие руки, и Жива положила новорожденного ей на грудь. Он был еще соединен с вей пуповиной, и, оставив мать заниматься младенцем, Жива торопливо и привычно сначала перетянула ниткой, а затем отрезала пуповину ножом.

Даждь, все еще держащий голову жены на коленях, только кривил губы в улыбке, не спуская глаз с ребенка. Щеки Даждя были влажны от слез, и он бережно нянчил, как младенца, свою левую руку. От локтя до запястья она была располосована ногтями Златогорки.

Увидев его рану, Жива ненадолго оставила мать с младенцем и под села к брату.

— Получил в сражение за свою семью, — пошутил он сквозь слезы.

Златогорка встрепелась, услышав страшное слово.

— Он не будет воином! Я так хочу!

— Он будет чародеем! — улыбнулся Даждь, пока Жива останавливала ему кровь и обматывала раны чистой тряпицей. — Я свожу его в пещеры Святогора — будет наследник делам твоего брата. А потом ты родишь мне дочь... И мы обручим ее с... — Он вопросительно посмотрел на Живу.

— Сын, — кивнула она, не поднимая головы.

Убедившись, что все в порядке, Падуб присел на корточки у двери, вытирая рукавом доб. Он здорово замерз, стоя у двери, но войти в дом не мог, хотя теперь можно было и передохнуть.

Златогорка что-то сонно ворковала сыну, качая его на груди. Она ни на что не обращала внимания и позволяла Живе хлопотать подле себя, наводя порядок. Чтобы не сидел без дела, Жива привлекла к работе Падуба, и он шастал туда-сюда, оставляя мокрые следы.

В такой мороз и вьюгу нечего было и думать переносить мать и дитя и дом, а потому поневоле первую ночь асе провели в бане.

Укрытая полушубком Живы, Златогорка отважно боролась со сном, не спуская глаз с младенца, и, чтобы не заснуть, повторяла его имя, меняя на разные лады и уже выговаривая сыну за то, что вырастет и будет баловником, за которым глаз да глаз нужен,

Даждь и Жива сидели около нее, Падуб опять пристроился у двери, как сторожевой пес. Он только что выходил во двор — завел коня Живы в конюшню. Выскочив сгоряча в одной рубахе, он теперь клацал зубами — холод был единственным, что ему не нравилось в верхнем мире.

Свечка озаряла рубленые стены. Брат и сестра сидели, держась за руки, и смотрели на младенца. Впервые в жизни поевший, он мирно спал.

— Принимала у меня сына мать, — тихо рассказывала Жива, — а пуповину ему я сама перерезала. Я долго мучилась — почти день и полночи. Зато знаешь, какой крупный — больше твоего!..

Златогорка ревниво вскинулась, мигом забыв про сон, и Жива поспешила ее утешить:

— С моим хлопот больше. Твой — радость одна!..

— Тебя Гамаюн позвал? — перевел разговор на другое Даждь.

— Да. Опять он. — Жива улыбнулась. — Он полетел за мной следом, да отстал. Должно, вернулся назад — в такую метель...

— Он настырный, — возразил Дажь. — Падуб, слышишь? Поутру съездим, поищем его!

Пекленец с готовностью кивнул, но не успел опять устроиться на полу, как насторожился, прикладывая ухо к двери.

— Там кто-то есть, — сказал он. — Может, и Гамаюн..

— Добрался-таки! — крутанул головой Дажь. — Замерз небось! Пешком по снегу с его лапами...

Он пошел к двери.

Златогорка привстала, загораживая малыша.

— Только не впускай его! — предупредила она. — Застудишь сына!

Дажь прислушался. Сквозь вой ветра доносились странные хнычущие звуки — так мог тихо плакать кто-то сильно уставший и замерзший.

— Я провожу его в дом, — пообещал он.

Вскочивший Падуб набросил ему на плечи полушубок.

Улыбнувшись жене, Дажь откинул щеколду.

Дверь распахнулась от сильного рывка снаружи. Бросившийся на подмогу хозяину Падуб был отброшен в сторону, и чьи-то темные тени вместе с ветром ворвались внутрь.

Погас огарок свечи. Пронзительно закричал проснувшийся ребенок. Златогорка вскочила, кидаясь к младенцу, но твердые руки, от прикосновения которых у нее все зашлось внутри, безжалостно отпихнули ее. Малыш захлебнулся плачем в чужих руках.

Порыв ветра оттолкнул и Даждя, он устоял на ногах, но не мог ничего увидеть в темноте. Слышал только крики и чьи-то быстрые шаги.

Златогорка повалилась на лавку, потом вдруг опять схватилась за живот и закричала в голос. Догадавшаяся обо всем Жива бросилась к ней и закрыла собой от нависающих над ними теней.

— Дверь! — отчаянно закричала она. — Закрой дверь!

Падуб и Дажь ринулись наперерез теням, но опоздали — непрошенные гости выскочили, унося с собой новорожденного ребенка.

Мужчины выскочили следом — всадники уже выезжали за ворота.

— Кощей, — уверенно сказал Дажь. — Нашел!

— Это я виноват! — покаянно воскликнул Падуб. — Зачем оставил ворота открытыми!

— Не время сейчас, — осадил его Дажь. — Готовь коня. Вдогон поеду!

— Я с тобой!

— Нет. — Дажь даже оттолкнул пекленца, чуть не свалив его в сугроб. — Твоя забота — моя жена и сестра. Шкуру спущу, коль что с ними случится!

Падуб убежал.

В бане билась в истерике на полу Златогорка, Жива еле удерживала ее за плечи, уговаривая потерпеть. Она подняла на брата сухие невидящие глаза.

— Проследи, — бросил ей Дажь. — Вдогон поеду!

— Как? Куда? — привстала Жива. — Она же...

— Верни его! — закричала Златогорка, рванувшись к мужу. — Верни!

— Береги себя. — Дажь сжал кулаки. — Верну — или умру.

Не оборачиваясь, Дажь выскочил во двор, и через несколько мгновений верный Хорс уже мчал его по следам похитителей.

Проводив хозяина взглядом, Падуб обернулся на низкий полузвериный крик и зовущий его голос Живы. Он слышал истории, когда потерявшие ребенка матери сходили с ума, и с содроганием ждал, что ему придется умирять потерявшую рассудок женщину. Но когда он вошел, Жива, удерживающая стонущую Златогорку, махнула на него рукой:

— Дверь закрой! Воды натаскай — и ко мне. Помогать будешь.

— Что? — не понял Падуб.

— Принимать второго.

Дажь погонял коня, идя по следу похитителей. Их крупные кони оставляли четкий

след, взрывая заметенные бурей сугробы. Конечно, это не настоящие лошади — настоящих нежить боится и обходит за версту, но издаലെка этих тварей можно было принять за коней.

Долгая зимняя ночь успела подойти к концу, занимался невзрачный полусонный рассвет. Серый день вползал в теснины заснеженных гор, и Дажь отлично видел нескольких всадников в полуверсте впереди. Они пробирались по бездорожью, в то время как Дажью было легче идти по их следам. Он уже начал настигать их и готовился к битве.

Второпях Дажь не захватил оружия, но сейчас даже не думал об этом. Где-то там сейчас горюет его жена, только что родившая и уже потерявшая своего первенца. Только девять месяцев, день в день, длилось их счастье. Столько лет он шел к этому, столько боролся за свое право жить, как все, что сейчас не побоялся бы выйти один против тысячи!

Похитители — судя по всему, наемники Кощея, — меж тем уводили его за собой все дальше и дальше. Пролетев небольшую прогалину, они выскочили на склон горы. По ее террасе в соседнюю долину вилась старая заброшенная дорога. Она была хорошо наезжена, а крутизна склона и его открытость ветрам не позволили буре наместить много снега. Здесь всадники прибавили ходу, отрываясь от преследователя, хотя вряд ли догадывались о погоне.

К счастью, Дажь отлично знал местность — когда-то он еще мальчишкой скакал по этим горам, пробуя молодые силы. Эта гора соединялась седловиной с другой, точно такой же, но поросшей густым лесом. В самой седловине уже сейчас было полно снега, но и в нем можно было найти брод. Выходила седловина к берегу залива, почти наверняка покрытому льдом. Оттуда открывалась небольшая луговина, по которой беглецам есть куда уходить, но до того они будут вынуждены двигаться строго по дуге — сначала по дороге на склоне горы, а потом вниз до берега залива и дальше почти версту вдоль его обрыва. Бели повезет, там их можно будет перехватить. С десятком воинов Дажь мог справиться и безоружным.

Он повернул Хорса. Жеребец съехал вниз по склону и по грудь провалился в рыхлый снег. Вставая почти на хвост, выбиваясь из сил, он короткими скачками пошел по седловине, пересекая ее поперек. Хорс животным инстинктом отыскивал путь и вынес хозяина на другую сторону, в чащу леса.

Отсюда ни Дажью похитителей, ни им — Сварожича видно не было, но Дажь их чувствовал. Вот сейчас они уже миновали дорогу и, чуть придержав на склоне коней, спускаются напрямик к обрывистому берегу залива. У них нет другой дороги, и они наверняка не догадываются, что где-то есть другая.

Дажь чувствовал своего ребенка и даже с закрытыми глазами мог определить, где тот находится. Малыш и в самом деле сможет стать чародеем — если будет спасен.

Дажь погнал Хорса через чащу. Именно это и спасло ему жизнь. Он увидел засаду раньше, чем сторожа увидели его.

Почти сотня всадников и столько же пеших замерли в ожидании в лесу как раз над тем местом, по которому должна была промчаться погоня с висющим на хвосте преследователем. Они уже заметили своих всадников и ждали появления Даждя. По виду все воины были наемниками Пекла.

Придумать, как спасти сына и не попасться самому, Дажь не успел. Кто-то случайно оглянулся, очевидно услышав скок еще одной лошади, и его заметили. По рядам воинов прокатился приказ, и всадники стали разворачиваться навстречу.

Осаживая Хорса, Дажь наугад потянулся к молодому дереву, оказавшемуся подле. То ли оно уже было подточено морозом, то ли отчаяние придало Дажью сил — но одного рывка оказалось достаточно, чтобы ствол обломился у самого корня и оказался у витязя в руках. Перехватив его за вершину, Дажь сам ринулся навстречу идущим на него воинам.

Внутри что-то вскрикнуло: ребенка не вернешь, уезжай сам, увези жену в замок, который может выдержать многодневную осаду, положишься на братьев. Хорс — чародей, он один сметет врага, а ты же только попробовал вкус счастья, ты хочешь жить, ты молод, в конце концов, и еще сможешь стать отцом!

Но первый отряд уже налетел, и все смешалось в горячке боя.

Первых нападавших Дажь просто смахнул с седел. Хорс помог крутнулся, увеличивая

размах. Пять или шесть всадников скатились в снег и были затоптаны конями второго ряда. Оставшись без седоков, кони заматались, мешая всем.

Схватив дерево поудобнее, как палицу, Дажь крушил всадников, не давая им приблизиться. Меченосцев и пращников он сбивал наземь, копыеносцев оглушал. Смутно, краем сознания, он слышал, как хрустят сломанные кости и гулко трескаются черепа, бил и по всадникам, и по лошадям с одинаковой яростью и старался не считать врагов, кто уже пал и сколько еще уцелело.

Снег был усеян трупами. Дажь вертелся на пляшущем Хорее так, что к нему не решались подойти. Вокруг витязя образовался круг.

Несколько раз, слившись в одно целое, конь и всадник кидались вперед. Наименее проворные падали под ударами дубины, конец которой уже потемнел от крови и немного измочалился. Вражеских коней Хорс хватал зубами, позволяя Даждю добить еще одного врага.

В воздух взлетали стрелы и бессильно впивались в дерево — Дажь перехватывал их в полете. У стрелков не было возможности пристреляться, так как их цель постоянно двигалась. Однако, несмотря на то что наемники теряли и теряли всадников и лошадей — пешими выступали в основном оборотни, — кольцо постепенно сжималось. Ощетинившись и чуть не рыча, Хорс все чаще отступал, и Дажь вскоре понял — надо спасаться.

Но вот впереди, за спинами окруживших его воинов, за рядами пешцев-оборотней мелькнуло несколько всадников. Совсем малая горстка, но оттуда вдруг раздался отчаянный крик ребенка.

Голос своего сына Дажь узнал бы из тысячи других. Казалось, что ребенок отчаянно звал отца на помощь, молил о спасении. Забыв обо всем — и о том, что это наверняка ловушка, — Дажь очертя голову ринулся вперед.

Засвистела, вращаясь над головой, дубина, замелькали перекошенные лица, встающие на дыбы кони без всадников, захрустели ломающиеся копыта и кости, крики ярости и боли слились в гулкий шум, над которым реял, как парус над бурным морем, крик младенца. И Дажь, как слепой, рвался на этот крик.

Он сам не заметил в угаре боя, как двинулись вперед пешие оборотни и как увяз в них Хорс, отчаянным ржанием подавая знак хозяину. Дажь не увидел, как пошли в ход мечи. Не услышал, как хрустнула в его руках надрубленная дубина. Он не понял, когда и как остался без оружия, но твердо знал, что даже голыми руками еще продолжал сражаться и еще убивал, прежде чем сразу десять человек повисли на нем, своей тяжестью смиряя его силу и уволакивая за собой.

Он сопротивлялся еще очень долго, пока его, уже связанного, не вытолкнули под самые копыта коня его врага и победителя.

Дажь чуть не упал на колени, но устоял и выпрямился. Несколько сабель и ножей упирались ему в грудь и спину, и двое дюжих наемников висели на локтях.

Прямо перед ним на приплясывающем коне сидел Кощей.

Непривычный к северным морозам, он кутался в меха так, что почти не видно было его раскрасневшегося лица. Длинные белые волосы казались заснеженными. Он неприязненно посмотрел в лицо пленнику тусклыми светлыми глазами. Кощей не любил и боялся холодов, он откровенно мерз, а Дажь и без сорванного в пылу боя полушубка не ощущал мороза.

— Наконец-то мы встретились лицом к лицу, — произнес Кощей. — Рад тебя видеть, Дажь Сварожич с севера!

— Что я сделал тебе? За что ты преследуешь меня и мою семью?

— Ты мне ничего не сделал — сам. — Кощей старался говорить уверенно, но губы прыгали от холода, и он злился на себя за это. — Но есть кое-кто другой. И его я не упущу!

Кощей сошел с седла и подошел к обрыву. Дажь подтолкнули ближе, но он уже все понял, и ужас поднялся в нем удушливой волной, когда один из полукровок-наемников протянул Кощей шевелящийся сверток. Очутившись в чужих руках, выбившийся из сил младенец заорал снова. Держа ребенка на вытянутых руках, Кощей повернулся к морю.

— Говорила Макошь, страдала, — заговорил он, бросая косые взгляды на похолодевшего Даждя, — мол, остановит меня Сварожич, Тарха сын. Вот — сын, вот — отец, оба в моих руках. Где теперь ее предсказание? Что хочу, то с ними и сделаю...

Не помня себя Даждь рванулся к Кощею.

— Нет! — взмолился он, порываясь встать на колени. — Нет! Делай со мною что хочешь — я в твоей власти. Любую смерть, любую муку приму, только не тронь младенца!

Кощей некоторое время смотрел на бьющегося в руках стражи пленника.

— Дети вырастают, — сказал он и разжал руки.

— Нет!!! — услышал Даждь свой дикий вопль.

Крошечное тельце исчезло за камнями, и крик оборвался, поглощенный всплеском воды. Но эхо еще некоторое время отражалось от скал.

Даждь без сил повис на державших его руках. Он еще видел и слышал, еще дышал, но жизнь уже ушла из него, и ему хотелось только одного — чтобы и его поскорее постигла та же участь.

Кощей подошел, взял пленника за подбородок, заглянул в опустевшие глаза.

— Это еще не конец, — заявил он. — Вот погоди — я и жену твою поймаю, да рядом вас поставлю. Что тогда скажешь?

Даждь молчал, глядя мимо Кощея. Он не слышал его слов и не понимал, что с ним происходит. Когда его поволокли прочь, он пошел, покорно передвигая ноги.

Поглядев вслед пленнику, Кощей отдал приказ наступать. По следам можно было легко найти дом Даждя. Если б он так хорошо знал эти проклятые северные горы, напал бы на Даждя сразу, и оба родителя уже были бы у него в руках, не пришлось бы гонять соглядатаев, хотя они отлично справились со своей задачей. Но главное — они у цели.

Размышления Кощея были прерваны появлением пары оборотней — самца и самки. В них самих не было ничего необычного, но появились они из-под того самого обрыва, на котором стоял Кощей. Самец поддерживал самку с почти человеческой заботой, а та плотнее заворачивала во что-то младенца!

Ошибиться Кощей не мог — второго ребенка здесь не могло быть на многие версты.

— Как посмели? — зашипел он, наступая. — Утопить немедленно!

Самка загородила младенца рукой и оскалилась, а самец выступил вперед и торопливо залопотал:

— Велела госпожа! Она приказывала! Ей нужна его кровь, чтоб самой понести от господина!.. Она приказывала принести! Это для нее!..

Родить Кощею ребенка — это и в самом деле была мечта бесплодной Марены. Что ж, он не будет ей мешать, если у чародейки и в самом деле получится!

Кивком головы Кощей подозвал десятника и приказал ему немедленно доставить в Пекло обоих оборотней и ребенка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

До позднего вечера пришлось успокаивать Златогорку, что билась в истерике, потеряв ребенка. Будь подле муж, она скоро бы забылась в его сильных уверенных руках, заслушалась его речей о будущем, о детях, которые еще родятся у них. Они бы нашли утешение друг в друге, но Даждя рядом не было, а молодая мать, его сестра, и молодой парень, не знавший еще ни женской ласки, ни радости отцовства, — плохие утешители. Падуб и Жива сами измучились, успокаивая роженицу, уговаривая ее потерпеть, подумать о чем-нибудь другом.

Вторые роды начались перед закатом. К тому времени вода в бане остыла, и когда измотавшая сама себя Златогорка вдруг опять застонала, хватаясь за живот, Падубу пришлось побегать, согревая воду и растапливая печь.

Уставшая Златогорка еле дышала и только кричала охрипшим от боли голосом, причиняя муки и себе и младенцу. Она не была готова подарить мужу второго ребенка и

совсем не тужилась.

— Ну, давай же, давай, сестричка, — уговаривала Жива, ласково поглаживая ее дрожащие колени. — Он живой, он на волю просится!..

— Не могу, — прошептала Златогорка, прикрывая глаза. Слезы лились у нее из-под век. — Не могу!..

Падуб, преодолевший страх, сидел у нее в головах, глядя влажные волосы своей хозяйки. На ее чрево он смотреть все-таки боялся и косил глазами на огонек свечи, чувствуя, как другую его руку до синевы стискивают пальцы Златогорки.

Она вдруг застонала низко, с рыком, упираясь головой в живот пекленцу и словно стараясь уползти от чего-то. Чрево ее содрогнулось. Страшное лицо с оскаленными зубами напугало Падуба, он отшатнулся, но в это время Жива наклонилась над роженицей и почти силой вытащила младенца.

Златогорка застонала последний раз, еле слышно, и закрыла глаза. Голова ее беспомощно склонилась набок, и она обмякла.

Второпях не зная, за что схватиться, Падуб наклонился над нею, слушая сердце. Но женщина была жива и дышала мерно и неглубоко. Тогда он поднял глаза на Живу.

Та возилась с младенцем, очищая его личико и головку.

— Вот они, золотые волосики! — воскликнула она, приветствуя новорожденного шлепком. — А я уж думала, что мне померещилось!

— Что? — шепнул Падуб.

Мы хотели первыми родиться, — продолжала Жива, воркуя над ребенком, — да братик нам не дал — вперед протиснулся. А мы на это разобиделись и вообще решили не рождаться, так, что ли? Ишь ты, какой хитрый! — Жива улыбнулась. — А ну, давай, крикни, покажи, каков ты на самом деле!

Она шлепнула ребенка посильнее, и он залился на всю баню басистым плачем.

Его крик пробудил обеспамятевшую Златогорку. Она с усилием подняла голову и, разлепив веки, хрипло выдохнула: Живой?..

— Еще какой живой! — весело отозвалась Жива.

— Дочь?..

— Радуйся, мать, — торжественно сказала Жива, передавая ребенка ей на руки, — второго сына родила!

Она потянулась за ниткой и ножом перерезать пуповину, но Златогорка вместо того, чтобы приласкать новорожденного, поникла головой.

— Вот теперь воин, — печально. прошептала она. — Умру я!

— Глупости! — Жива улыбалась, как девочка. — Слышала, мать, какой у него голос? Нет, он будет певцом — гусяром и сказителем! Отец его так сладко поет — заслушаться можно! А сын его перепоеет... Расти скорее, голосистый петушок! — добавила она, обращаясь к младенцу. — Вот родит тебе мать сестрицу, вырастет она, оженят ее с моим сыночком — кто на их свадьбе петь станет?.. Кроме тебя — некому!

Слушая веселую болтовню Живы, Златогорка понемногу воспрянула духом и с нежностью прижала младенца к груди.

— Первого сына мы потеряли, — молвила она, — а вот другой нам в утешенье. Дажь вернется — обрадую его...

Жива и Падуб переглянулись при этих словах. Брови женщины страдальчески дрогнули, да и сам Падуб с каждой минутой все сильнее и острее чувствовал надвигающуюся беду.

Златогорка сама поднялась и осторожно ходила по бане, помогая Живе. А потом дошла до дома, где, несмотря на уговоры, затопила печь и, уложив сына, занялась хозяйством. Жива кинулась было ей помогать, но Златогорка остановила ее.

Миновала еще одна ночь. Перед утром Златогорка покормила в первый раз сына, собрала на стол. Она была оживлена и бодра — будто не она недавно умирала в бане, и даже рассердилась, когда Жива поднялась, чтобы уезжать.

— Да пойми, — уговаривала она Живу, — устала ты, измаялась со мной. Только с дороги — и сразу ко мне. Две ночи не спала!.. Передохни хоть до завтра! И мне Дажда ждать полегче будет!

— Нет, прости, хозяйшка, — Жива поднялась, надевая подкольчужную куртку и полушубок, — но и я мать тоже. Я своего сына два дня не видела. Его там без догляда не оставят, а все равно болит все внутри. — Она сжала руками грудь. — Да и кормить мне пора!.. Конь мой отдохнул, а я сама дома отосплюсь!

Она направилась к двери.

— Ну, так пусть Падуб проводит тебя! — остановила ее Златогорка.

— Я сюда в метель добралась, — улыбнулась Жива, — сейчас по хорошей погоде мне еще легче будет. А тебе без него тут совсем тоскливо станет!

Поклонившись напоследок хозяйке и духам-хранителям в красном углу, Жива вышла. На дворе Падуб подвел ей коня и проводил до ворот.

Отдохнувший конь снес всадницу с холма и тяжелым скоком пошел к роще. Падуб посмотрел вслед гостье и вернулся в дом.

Златогорка всю хозяйничала, готовя обед. Двигалась она на удивление легко и проворно, все время что-то напевая про себя. Сбегав по ее приказу за водой к проруби, Падуб присел в уголке, занявшись стрелами для ловушек-самопалов. Время от времени он оглядывался на хозяйку — в ее состоянии так хлопотать? И не присядет — найдет сотню дел и неполадок.

Златогорка нарочно суежилась, порой бессмысленно что-то переставляя и перекладывая, чтобы не было так тягостно ждать Дажда. Ведь полдня, как уехал! И только один раз, присев у колыбели, она вздохнула, поглядев на спящего сына:

— У него глазки как у отца...

Падуб отвлекся от своего дела.

— Хозяйка?!

Женщина резко поднялась и приникла к окошечку.

— Не чуешь? — шепнула она.

Пекленец выпрямился.

— Случилось что-то, — уверенно сказал он.

— Беда. — Златогорка схватилась за грудь. — Беда с ним и... она совсем близко!

Женщина опять взглянула в окно, но из него можно было увидеть только часть двора и леса, что вплотную подходил к заставе с этой стороны. Много раньше, когда тут проходила граница Ирия, лес вблизи вырубали, дабы невозможно было взять заставу приступом, но за двадцать лет мелколесье опять подступило к тыну.

Встревоженная женщина бросилась к другому окошку, а Падуб так и вовсе выскочил на крыльцо, так что причину тревоги они увидели одновременно.

Из низины мимо рощи, в которой уже давно скрылась Жива, к холму, охватывая его с двух сторон, шел отряд. Впереди выступали пешцы, за ними — несколько десятков всадников. Конец же колонны терялся за деревьями. А в проеме ворот понуро стоял Хорс, жеребец Дажда. Ноги его были изрезаны настом в кровь, круп потемнел от чужой крови, седло было пусто. Жеребец терся мордой о створку ворот и словно плакал от бессилия.

Крадучись, чтобы раньше времени не заметили, Падуб скользнул обратно и плотно прикрыл за собой дверь. Златогорка, из занесенного снегом оконца видевшая меньше, не сводила с него тревожно блестящих глаз.

Пекленец нарочито медленно повернулся к ней, и женщина схватила его за плечи.

— Ты видел? — в лицо спросила она. — Что?

— Враг у двери, хозяйка, — ответил Падуб и рассказал все, что разглядел. Несмотря на расстояние, он сразу узнал наемников Кошца.

Златогорка молча опустила на лавку, руками стараясь утихомирить биение сердца. Падуб стоял над нею, сжимая кулаки.

— Уходить тебе надо, хозяйка, — сказал он. — В подполе лаз с прошлых времен

остался — ведет аж до самого берега. Я там еще с лета две лодки оставил, где обрыв и кусты. Далеко отъехать можно: лед-то покамест тонок. А там все по протоке вверх — и до замка доберешься. К вечеру будешь...

— А ты? — снизу вверх взглянула женщина.

— Что — я? — Падуб оглянулся на свой угол. — Стрел у меня много. Отвлеку их. Только ты уходи!

— Глянь — они близко? — вдруг тихо спросила Златогорка.

Падуб приник к щели.

— Еще немного — и к холму подойдут, — сказал он.

Златогорка подошла к колыбели, что всю осень любовно, с приговорами мастерил Дажь, погладила пальцами резной край, точеные головки коней и уток, влекущих по небу солнце днем и ночью, наклонилась над сыном.

— У него глазки как у отца, — повторила снова.

— Поспешай, хозяйка! — взмолился Падуб. — Собирай сына!

Златогорка вынула младенца из колыбели, стала пеленать. Падуб тем временем собирал кое-что в дорогу. До замка можно было добраться всего за полдня — на закате женщина с ребенком будут в безопасности, а потому он не запасал много еды: каравай хлеба, вяленое мясо, репа. Подумав, добавил кресало и трут.

Златогорка тем временем собрала сына и подозвала Падуба.

— Возьми его, — приказала она. — И уходи!

Пекленец шарахнулся, отмахиваясь.

— Что ты, хозяйка! — воскликнул он. — Не время шутки шутить!

— А я и не шучу. Бери моего сына и уходи.

— А ты что?

— Что я? — Златогорка посмотрела на личико младенца, а потом прикрыла его краем одеяльца и отвернулась. — Дажь что сказал? «Верну первенца или сам умру!..» Погиб он. Не чуешь разве?

Падуб посмотрел на сверток.

— Мне сердце иное говорит, — солгал он, но Златогорка сама обо всем догадалась.

— Он погиб. А раз так, то и мне на свете жить незачем, — молвила она.

— А сын?

— Жива его лучше моего воспитает — она добрая и сильная!

— Не женское это дело, — взмолился напоследок Падуб, поняв, что иным женщину не проймешь. — Нам, воинам, на роду написано сражаться, а вам, женщинам...

— Нет! — Златогорка схватила пекленца за плечи и встряхнула. — Нет! Пойдешь ты! Я тоже воевала! Я остаюсь сына защищать!.. Я не дойду, — тише добавила она, — я чувствую...

— Но ведь он не воин, — уже смиряясь, попробовал возразить Падуб.

— Я нужнее здесь, — тихо ответила женщина и отошла к развешанным по стенам доспехам и оружию — отправившись выручать сына, Дажь даже не посмотрел в эту сторону. Сняв со стены куртку и кольчугу, она начала облачаться.

— Торопись, — бросила поляница через плечо.

На негнущихся ногах пекленец подошел к ребенку и взял его на руки. Распахнув полушубок, он спрятал младенца на груди и подобрал вещи.

— Саблю свою возьми, — молвила Златогорка. — Теперь ты его отец и отвечаешь за него. Я их задержу, а ты спеш.

— Я подожду тебя, — упрямо прошептал Падуб.

Но поляница его уже не слушала. Сдвинув брови и сжав губы так, словно никогда уже больше не собиралась издать ни звука, она подтолкнула пекленца к лазу в полу. Распахнув крышку, женщина подождала, пока он спустится, а потом закрыла крышку, села на пол и заплакала.

* * *

Лаз был старым — последний раз по нему пробирались за несколько лет до того, как застава была брошена. Падуб летом разведал было этот лаз, но не успел ни расчистить его, ни разгрести завалы. Ход тянулся много дальше обрыва — чуть ли не до роши. Пробираясь на ощупь, пекленец не переставал ругать себя за мягкотелость, что привела его к позорному для воина и мужчины бегству, в то время как женщина взяла в руки оружие. Но хозяйка приказала — и он должен был исполнить приказ.

Выход был засыпан снегом — Падуб наткнулся на ледяную корку. Пробив ее головой, пекленец оказался на склоне примерно посередине между берегом и верхом. Под его тяжестью снег заскользил вниз, и беглец еле успел перевернуться на спину, оберегая младенца.

Съехав вместе с оползнем вниз, Падуб торопливо сунул руку за пазуху, проверяя, но ребенок слабо шевелился и дышал. Пекленец лучше закутал его, ножом осторожно распорол под курткой рубаху, чтобы согреть его своим телом, и прислушался.

Сердце его зашло в испуге, а потом застучало так громко, что, наверное, могло привлечь внимание врагов — наверху раздавался шум злой сечи. Храпели кони, кричали люди, стучали мечи и копья. Бой кипел такой, словно вышла защищать свое дитя не одна женщина, а столкнулись два полка. Падуб различил голос хозяйки и понял, что она поступила правильно — он бы не выстоял в одиночку против сотен наемников.

Залив, на берегу которого стояла застава, имел ответвление — влево от Падуба уходил рукав. Неопытному человеку могло показаться, что это всего лишь бухта, но на самом деле это была протока, уходящая далеко и связывающая этот залив с другим.

Сгоряча Падуб так рванул лодку из льда, что освободил ее с первого раза. Бросив на дно спрятанное под нею весло и мешок с припасом, он поволок ее дальше — туда, где лед был тоньше. В протоке, в стороне от чужих глаз, он может переждать опасность — по тонкому льду до него не сразу доберутся, а стрела с берега не долетит.

Он уже отошел шагов на триста от берега, когда до него донесся последний крик Златогорки.

* * *

Даждя, все еще связанного, посадили на лошадь и куда-то повезли. Но он не дрогнул. Везут — и пусть везут, на смерть. или на пытку: ему было все равно. Остановившимся взором он смотрел на гриву лошади и не видел ничего. К нему неоднократно обращался довольный собой Кощей — но Сварожич ничего не слышал. Это озадачивало победителя — Даждь вел себя странно, словно плен для него ничего не значил. Это удерживало Кощея от желания расправиться со своим врагом немедленно — какой смысл убивать того, кто и так наполовину мертв?

Наемники окружили одинокую заставу, к которой их привел вырвавшийся на свободу Хорс. Лучники в седлах вскинули луки, пещцы перебежками двинулись к открытым воротам. Кощей обернулся на пленника — Даждь словно не понимал, что он у дверей своего дома.

— Скоро здесь будет твоя жена, — пообещал Кощей, но даже это не вывело пленника из оцепенения.

И в этот момент она появилась.

Хорс, оставленный без пригляда, сам зашел во двор. Его никто не удерживал, но через несколько минут он выскочил обратно.

Наемники в первый миг шарахнулись в стороны — на них налетел всадник с обнаженным мечом.

Златогорка накинута на пеших воинов, сминая их конем и рубя мечом. На щеках ее еще не высохли следы слез, но в глазах горела отчаянная решимость отомстить за смерть

мужа и сына и погибнуть. Дажь был для нее единственным в мире человеком, которого она любила.

Увидев перед собой женщину — ее косы бились по спине, — опешившие поначалу наемники все же обнажили мечи и бросились навстречу.

Поляница налетела как ураган. Строй распался, и Златогорка принялась рубить всех подряд — людей и лошадей. Перед ее глазами замелькали лица, морды, щиты, мечи и доспехи, но она не видела ничего — только убивала и убивала. С нею совладать не мог никто — поляница пробивалась сквозь ряды врагов, как коса сквозь траву.

Кощей с безопасного расстояния наблюдал за побоищем.

— Это твоя жена? — обратился он к Даждю. — Понимаю, почему ты бросил Марену!

Дажь ничего не слышал.

Поляница отчаянно прорывалась вперед. Все больше и больше тел оставалось на снегу. Сама же она была невредима — стрелы отскакивали от добротной кольчуги Даждя, прокаленной в соке десяти чародейных трав. Мелких ран она не замечала. Воинам Кощей не приходилось сталкиваться с таким противником, и они понемногу отступали.

Группа всадников под вымпелом была уже близко. Именно они отдали приказ убить Даждя. Златогорка вскинула глаза и почувствовала, что меч падает из ее ослабевших рук. Молодого худощавого, с болезненным лицом всадника она не могла знать, но подле него, туго прикрученный к седлу, повесив голову, сидел ее супруг. Дажь был жив! В плену, но жив!

— Дажь! — закричала женщина, с новыми силами врубаясь в ряды наемников. — Я здесь! Дажь!

Подавшийся вперед Кощей взмахом руки двинул свою гвардию — тридцать отборных воинов. Словно сомкнулись клыки огромного зверя — так стремительно они встали стеной между Златогоркой и Кощейем, опустив копья. Рвавшаяся к мужу женщина не видела грозившей ей опасности.

Знакомый голос достиг слуха Даждя, и он поднял голову. Сначала он не поверил своим глазам, узнав жену, и сразу понял нависшую над ней угрозу.

— Уезжай! — закричал он что есть силы. — Уезжай! Спасайся!

Златогорка услышала его зычный голос и кинулась навстречу.

— Дажь! — воскликнула она, вгоняя шпоры в бока Хорса. — Держись! Я иду!

— Назад! Назад!

Но она уже не слышала ничего. Очертя голову, что-то крича, она бесстрашно врубилась в ряды копьеносцев.

Подавшись вперед, Дажь с замершим сердцем не сводил с жены глаз. Копьеносцы, пораженные ее натиском, сначала раздались в стороны, но потом разом накнулись на нее. Сразу два или три копья вонзились в бока поляницы, но она еще успела опустить занесенный для удара меч. Затем ее тело высоко взметнулось, вылетая из седла, и упало под копыта коней...

Услышав ее предсмертный крик, Дажь отвернулся и зажмурился. Он не поднял головы, когда мимо него за косу по снегу проволокли окровавленное тело, и вздрогнул, лишь услышав плеск воды.

* * *

За поворотом протоки, надежно скрытой от любопытных глаз, Падуб вдруг остановился, схватившись за грудь. Младенец под полушубком дернулся, словно почувствовал что-то, Пекленец торопливо за- сунул руку за пазуху, и в тот же миг предчувствие беды коснулось его. Еще не осознав до конца меру свалившегося на него несчастья, Падуб опустился на колени, бережно обнимая ребенка.

— Сын, — прошептал он. — Теперь ты мой сын!

* * *

Узкая каменистая коса соединяла почти круглый остров с материком. В середине его к небесам поднимался конус горы, издавна служившей местом поклонения всех окрестных народов — на вершине ее обитал не то бог, не то чародей. Вершина ее уходила за облака, а склоны густо поросли лесом, который здесь, на севере, никогда не менял своего зеленого цвета. Никто, кроме отважных людей или отчаявшихся одиночек, не осмеливался подняться на Гору — вниз еще никто не возвращался.

Обитатели склонов Горы, аримаспы, исправно несли сторожевую службу у Много веков миновало с той поры, как остатки их некогда многочисленного племени поселились здесь, изгнанные с родных мест людьми. Одноглазые воители ушли из родных степей, оставив о себе лишь легенды.

Мощное течение неспешно огибало Гору — миновать систров и его скалистые берега мог только очень прочный корабль с опытным кормщиком. И горе было тем, кого выбрасывало на камни в виду одинокого замка, что высился на восточном склоне Горы — единственное поселение, кроме того загадочного обиталища на вершине, которого никто не видел.

Несколько воинов наблюдали за морем. Из-за течения вода не успела покрыться даже тонким слоем льда. Острое зрение жителей степей различило вдалеке крошечное темное пятнышко, которое по воле волн двигалось прямо к острову. Вскоре стало ясно, что это лодка.

Двое молодых воинов выскочили из-за камней и поспешили к замку. Когда они вернулись, сопровождаемые хозяином, лодка уже причаливала к берегу. В ней находился человек, который упрямо продолжал грести, пока нос лодки не ткнулся в камни. Не дожидаясь приказа подошедшего быстрым шагом хозяина, дозорные аримаспы попрыгали в ледяную воду, вытаскивая лодку на берег.

* * *

Падуб забыл уже, сколько дней находился в пути. Осталось в памяти только падение на лед, который затрещал, ломаясь, и пекленец еле успел перевалиться через борт лодки. Дальше идти пешком было невозможно, и он попробовал грести, но ветер отнес его от берега и мотал по морю несколько дней — лодка попала в тот самый ураган, который прошел недавно над заставой. Только на третий или четвертый день невесть откуда взявшееся течение поволокло его за собой. Отдавшись на милость воды, пекленец не поверил своим глазам, когда волны вынесли его прямо к берегу. Но вот чьи-то руки подхватили лодку и потащили на сушу, а потом потянулись и к нему. Взглянув на круглые лица, закрытые меховыми шапками так, что у каждого незнакомца был виден только один узкий глаз, пекленец было отпрянул, но прозвучал чей-то тихий повелительный голос, и люди отошли.

— Отпустите его! — сказал голос.

Падуб вскинул глаза, порываясь встать. На камнях стоял высокий худощавый человек с чистым строгим лицом. Несмотря на зиму, он был в легких белых одеждах, что развевались на ветру, как и его короткие золотые волосы. Мудростью и холодом веяло от неподвластного времени лица и синих пронзительных глаз. Человек чуть заметно кивнул ему, Падуб встал и на подгибающихся ногах выбрался из лодки. Земля под ним качнулась, и он еле устоял на ногах.

Холодный взгляд скользнул по бледному обветренному лицу пекленца, его запавшим глазам и всей фигуре. Задержался он на полушубке гостя, в который тот что-то кутал.

— Что там у тебя? — молвил незнакомец.

Сопротивляться жгучему взгляду не было сил, и Падуб бережно отвернул край одежды. Младенец спал.

— Сын, — прошептал он замерзшими губами.

— Твой?

— Его отцом... — Тайна, которую он не хотел выдавать никому, даже себе, перестала быть тайной под вселяющим трепет взглядом, — его отцом был мой хозяин — Дажь Сварожич...

Отяжелевший взгляд синих глаз впился в самое сердце Падуба, и пекленец почувствовал, что силы оставляют его. Незнакомец словно пронзал его насквозь.

— Что с ним? — прозвучал вопрос-приказ.

— Его нет, — услышал Падуб свой голос. — Они погибли оба, а я... Мне сказали — «спаси»... Я и пошел...

Он покачнулся, крепче прижимая ребенка к себе.

Льдинки в синих глазах вдруг растаяли.

— Я брат твоего хозяина, — сказал незнакомец. — Зови меня Хорсом. Моей жене скоро становиться матерью — она возьмет сына Даждя.

Хорс протянул руки, и Падуб, не в силах сопротивляться, вложил в его ладони сверток. На согретом теплом его тела одеяльце остались следы крови.

— Что с ним? — быстро спросил Хорс, увидев кровь.

Падуб не сводил с младенца зачарованного взгляда.

— С ним ничего, — прошептал он еле слышно, — это я. — Он развернул ладонью вверх левую руку и показал окровавленное запястье. — Я сам себе... Ему же нужно было что-то есть...

Взгляд Хорса затуманился уважением и тревогой.

— Кровью вскормлен, — тихо молвил он, взглянув на младенца. — Воином будет...

Услышав эти слова, Падуб понял, что пророчество для Златогорки исполнилось. Словно огромный камень боли и страха сорвался с его плеч. Мир вокруг закружился с бешеной скоростью, провалился в темноту, и пекленец без чувств упал к ногам Хорса.

— Перевяжите ему руку и отнесите в замок, — приказал Хорс аримаспам. — Он должен жить.

Одноглазые воины подняли тело Падуба и понесли вслед за хозяином. Только двое остались на берегу — вытащили на камни лодку и перевернули вверх днищем — вдруг пригодится.

КРАТКИЙ МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

АГРИК — легендарный богатырь, владевший мечом-кладенцом, упоминавшийся в известной «Повести о Петре и Февронии». Автор допустил, что свой меч Агрик мог получить от кого-то из богов.

АРИМАСПЫ — мифический народ, известный только по легендам скифов. Жили в горах и стерегли там золото. Считалось, что у них только один глаз.

ВЕНЕТЫ — одно из названий праславянских племен, они же венды, ванты и ваны.

ВЯЧЕК — полумифический прародитель одного из славянских племен, от чьего имени произошло и название племени: вячек — вячко — вятка — вятичи.

ВИЙ — повелитель подземного мира, родился от Черного Змея. Повелитель ночных кошмаров — в этом родственен «Вию» Гоголя. Отец Святогора, Златогорки и Кося.

ГРААЛЬ — в славянских мифах не только и не столько чара, наделенная волшебными свойствами, сколько камень, из которого была высечена. Этот камень больше известен под именем Алатырь (отец всех камней). Считается, что остров с таким названием действительно существовал в Черном море в IV—Щ тыс. до н. э. В мифах Грааль связан с Дажьбогом как его творение.

ГОРЫНЬ Н одна из змей, враждебных героям. Как следует из имени, обитала в сердце гор, в пещерах.

ДУНАЙ — богатырь, больше известный по былинам. Существует легенда о происхождении одноименной реки из его крови.

ЕХИДНА — изначально змееногая богиня у скифов. У древних греков возлюбленная Геракла, родившая от него трех сыновей — родоначальников трех основных скифских племен — Арпоксая, Липоксая и Колаксая. В ее пещерах хранились несметные сокровища.

ЗЛАТОГОРКА — богатырка, дочь Вия и Бури-Яги, сестра Святогора и жена Дажьбога, мать Коляды. По легендам, умирала дважды — первый раз на время и воскресла, чтобы родить Коляду, а потом — уже навсегда. В некоторых легендах принимает имя Майи.

ЗМЕИХА — противница богатырей в сказках. Как правило, мать Змея и его многочисленных сестер, мстящая богатырям за убийство своих детей.

ИНДРИК — мифический зверь, воплощение светлых стихий. Считался прародителем зверей. Обитал в горах на границе мира, где сторожил источник с живой водой. Постоянный противник Змея.

КОЩЕЙ — сын Вия, брат Святогора и Златогорки. Имя тюркское и означает «слуга», «раб». Повелитель темного мира, считался покровителем всех злых колдунов, а также зимнего сна природы. Супруг колдуньи Марены и в этом отношении противник и темное «я» Дажьбога. Во всех легендах эти два героя неразрывно связаны, как вечные противники. Отсюда 197-й миф о бессмертии Кощея.

МАКОШЬ — изначально богиня судьбы и урожая. Здесь — пророчица и волхва. Ее дочери в данном случае — злая и добрая судьба.

ОДОРЕХ — вождь геттов, упоминавшийся в «Велесовой книге».

ЯБЛОНЯ — змея. Эпизод об отравлении героя с помощью яблок больше известен по сказкам.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

РОМАНОВА ГАЛИНА ЛЬВОВНА родилась в 1970 году в городе Рязани. После окончания с отличием Рязанского сельскохозяйственного института (в данный момент — Академия), работает педагогом городской станции юннатов. Натура разносторонняя, творчески одаренная, с детства увлекалась живописью. К школьным годам относятся и первые литературные опыты. Вначале Галина писала стихи, проза пришла позже — вместе с увлечением фантастикой.

На пути литературного становления пробовала себя в разных жанрах, но в результате многочисленных опытов автор окончательно выбрала для себя любимое направление — фэнтези.

Диалогия о Властимире («Властимир» и «Странствия Властимира»), опубликованная в издательстве АРМАДА, вызвала огромный интерес у читателей.

Роман «Обретение Перуна» открыл новый цикл Г. Романовой «Сварожичи» на любимую автором тему, славянской мифологии.